

Годъ 5-й.

1916.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ V.

Изданіе Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12).

1917.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JUN 28 1994

10. 17. 1917
10. 17. 1917

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Май 1917 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

BR 1065
K4
v. 5-6
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Выпускъ I.

	Страницы.
Орбели, I. Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями	1—13
Архимандритъ Гарегинъ. Образчики армянскихъ церковныхъ вышивокъ.	14—21
Чубиновъ, Г. Декоративное убранство Анійскихъ карасовъ.	22—39
Танайшвили, Е. Суджунская церковь и ея древности	40—50
Разныя извѣстія и замѣтки	51
Н. Марръ: Одна мелочь къ арабской транскрипціи именъ въ спискахъ никеевъ (51).	
Критика	52—72
Н. Адоицъ. Діонисій Фракійскій и армянскіе толкователи (52—72). — Н. Марръ и С. Жебеловъ.	
Рисунки на таблицахъ	I—XXXVII

Выпускъ II.

Меликсетъ-Бекъ, Л. Грузинскій изводъ сказанія о постѣ «араджа-воръ»	73—111
Бенешевичъ, В. Н. Грузинскій великій номоканонъ по спискамъ Тифлискаго Церковнаго Музея (окончаніе).	112—127
Орбели, I. Багаванскій храмъ и его надписи.	128—143
Марковъ, А. и Ернштедтъ, П. Еще о ковшѣ съ греческой надписью 1586	144—146
Орбели, I. Армянскія надписи на камнѣ	147—154
Разныя извѣстія и замѣтки	155—166
I. И. Еще о мингрелизмахъ въ грузинскихъ надписяхъ изъ Мингрелии (155). I. И. Монеты Грузіи (155).	
Рисунки на таблицахъ	XXXVIII—XLV

Выпускъ III.

	Страницы.
Джанашія, Н. Абхазскій культъ и бытъ	157—208
Гордѣевъ, Дмитрій. Описаніе пяти эмалевыхъ медальоновъ съ грузинскими надписями	209—216
Чубиновъ, Г. Церковь близъ селенія Болнис-Капанакчи	217—220
Разныя извѣстія и замѣтки	221—222
Н. М.: О вкладѣ Христіанскаго Востока въ древне-русское искусство (221—222). Н. М.: О Пицундѣ и постройкѣ Юстиніана въ Абхазіи (222).	
Рисунки на таблицахъ	XLVI—XLVIII

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientalium.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TLZ	Theologische Literaturzeitung.
NE	Νέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	БВ	Богословскій Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	ВВр	Византийскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПр	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Коммиссіи.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Изв Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСооб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	ԱԲ	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգագրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲՎ	Բազմալեզու.
RSto	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսորեստ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAKH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		

Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями.

Докладъ, читанный 25 апрѣля 1913 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общ.

I.

Въ мартѣ 1913 года Н. Н. Пальмовъ прислалъ изъ Кіева въ редакцію «Христіанскаго Востока» фотографіи серебрянаго ковша, принадлежащаго неизвѣстному частному лицу, съ просьбой прочесть имѣющіяся на ковшѣ армянскія надписи. Получивъ согласіе владѣльца на изданіе надписи и фотографій ковша, Н. Я. Марръ передать снимки для разбора мнѣ.

Ковшъ, изображенный на этихъ фотографіяхъ (табл. I, II), обычной для русскихъ¹⁾ ковшей формы: круглая, точнѣе — нѣсколько овальная, чаша съ плоской ручкой, сначала поднимающейся вверхъ въ видѣ продолженія стѣнки, а затѣмъ горизонтально загнутой; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, края ковша поднимаются вверхъ въ видѣ остраго мыска.

Вся чаша, кромѣ верхняго борта, украшена рельефными ложками, направляющимися отъ окружности ко дну не по прямой линіи, а съ сильнымъ изгибомъ. Внизу ложки утоньшаются и сглаживаются, вверху сильно углубляются; дно снаружи гладкое. Промежутки между краями ложекъ вверху, имѣющіе приблизительно форму треугольниковъ, заполнены рельефными (въ толщину листа) изогнутыми растительными побѣгами. По верхнему краю ковша снаружи идетъ лента бортика, на которомъ читается армянская надпись. Обращенная наружу сторона ручки прерываетъ надпись довольно красивымъ сложнымъ листомъ, имѣющимъ въ серединѣ и по сторонамъ растительные побѣги; небольшой простой листикъ украшаетъ противоположную сторону ковша. По верхнему краю стѣнокъ ковша на ребрѣ — плетеный жгутъ изъ трехъ двойныхъ лентъ. На верхней горизонтальной поверхности ручки также читается армянская надпись. Нѣсколько армянскихъ буквъ вырѣзано на нижней поверхности того же загиба.

1) Ср. также два ковша, серебряный и золотой, изъ кургановъ близъ ст. Бѣлорѣченской (Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, 266, 267; ОИАК, 1895, стр. 31, 33).

Надпись, идущая по борту и находящаяся на верхней части ручки, по формѣ буквъ и по манерѣ и технику рѣзьбы должны быть связаны между собою. Буквы рельефны (въ толщину листа) и расположены на углубленномъ фонѣ съ сѣтчатой нарѣзкой. Округлыя части буквъ, напр., ѵ, ц, ѵ, ѵ, угловаты, что нисколько ихъ не безобразитъ и не дѣлаетъ тяжелыми, а даже украшаетъ. Отходящіе хвосты буквъ, напр., ц, ѵ, ѵ, ч., имѣютъ видъ растительнаго побѣга¹⁾. Въ этихъ двухъ надписяхъ довольно много лигатуръ, но всѣ онѣ обычной группировки; два слова сокращены подъ титломъ.

Надпись на ободкѣ ковшѣ идетъ въ одну строку, начинаясь у листика, на сторонѣ, противоположной ручкѣ; въ концѣ первой строки печатаемаго ниже текста надписи приходится листъ, украшающій ручку ковшѣ.

ԻՍԱՅԷԳԱԹԳԻՆՈՎԻԼԻՆԱԶԼԱՋՈՎԼՅԻՆԻՎԱՅԵԼՈՒՄՆ
ՀԱՐՈՀԱՆԷՍԻՆԵՒՅԻՈՒՐՈՐԳՈՅՆԻԱՆԲԵՂԱԲԱԵՆԵՔԻՆ

Надпись составлена въ стихотворномъ размѣрѣ, очень распространенномъ въ позднихъ армянскихъ надписяхъ, и разбивается на четыре стиха; три слова въ третьемъ стихѣ не укладываются въ размѣръ и не римаются; точки, которыми выдѣлены эти три слова, вѣроятно, имѣютъ значеніе скобокъ.

ԻՍԱՅ Է ԳԱԹԹ ԳԻՆՈՎ ԻԼԻՆ
ԱՐԶԵՆԱԼ ԱՋՈՎԼ ՅԻՍՈՒՄԵ:
Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ ՀԱՐ ՈՀԱՆԷՍԻՆ. ԵՒ ՅԻՈՒՐ ՈՐԳՈՅՆ.
ԽԻՆԵՔ ԵՂԱԲԱԲ ԱՄԵՆԵՔԻՆ:

Это—чаша, полная вина, благословенная десницей Иисуса. Во здравіе²⁾ отца Иоанна и его сына вытемъ, братья, есть.

1) Къ надписи на ковшѣ весьма близка по очертаніямъ буквъ вырѣзанная на деревянной доскѣ надпись 1532 г. въ сѣв. притворѣ церкви св. Сергія въ Θεοδοσίи. Растительная форма хвостиковъ буквъ встрѣчается и въ значительно болѣе древнихъ памятникахъ напр., въ двухъ анійскихъ рельефныхъ надписяхъ XIII в. съ алтарныхъ возвышеній, обнаруженныхъ раскопками 1892 и 1909 г. Фотографія одного камня изъ послѣдней надписи издана еп. Гарегиномъ (Овсепяномъ) въ его Атласѣ (Քարտէզ հայ հնագրութեան, Баг. 1913, табл. 47); первая изъ упомянутыхъ надписей видна на фотографіи внутренности стараго Анійскаго музея (см. Н. Я. Марръ, ТР, X, табл. XVII); кусочекъ такой же надписи изданъ Н. Я. Марромъ въ ЗВО, VIII, стр. 77. Образцами расцѣпшихъ буквъ могутъ служить буквы надписи XIV в. князя князей Буртела въ Амагу (Քարտէզ Կ. Է., табл. 47).

2) Выраженіе Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ, буквально означающее *на пользованіе, въ пользованіе*, въ надписяхъ обыкновенно указываетъ на принадлежность предмета какому либо лицу; такимъ образомъ, четвертый стихъ нашей надписи долженъ былъ бы только опредѣлять личность владѣльца ковшѣ, но послѣдующая фраза располагаетъ къ пониманію словъ Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ именно въ указанномъ въ переводѣ надписи смыслѣ, болѣе соответствующемъ общему характеру надписи.

На верхней части ручки чаши помѣщена дата: $\overline{\text{ԿՐ}}$.

Въ раскрытомъ видѣ дата читается: ԿՐԷ, 27.2: *Лѣта 998.*

На нижней поверхности ручки ковша имѣется еще одна надпись строчными врѣзанными прямыми буквами; впрочемъ, послѣдняя буква близка къ инициальному начертанію. Надпись читается:

$\overline{\text{ԿՐ}}$
 $\overline{\text{ԿՐԷ}}$

Представляется нѣсколько возможныхъ чтеній этихъ двухъ словъ. Первое слово, $\overline{\text{ԿՐ}}$, можно читать Կարոն *паронъ*, *господинъ* или Պետրոս *Петръ*. Второе, $\overline{\text{ԿՐԷ}}$, можно читать или Վարդան *Варданъ* или Վարդապետ , послѣднее едва-ли въ значеніи: *варданетъ*, *doctor*, а скорѣе *мастеръ*, въ каковомъ значеніи это слово имѣемъ не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ весьма позднихъ¹⁾; то же слово имѣемъ въ современномъ Վարդապետ *мастеръ*²⁾. Такимъ образомъ, эти два слова могутъ читаться или Կարոն Վարդան *паронъ (господинъ) Варданъ*, или Պետրոս Վարդանես *Петръ Варданянъ*, или Պետրոս Վարդապետ *варданетъ Петръ, мастеръ Петръ*. Конечно, послѣднее чтеніе, наименѣе вѣроятное по формѣ, наиболѣе соблазнительно по своей опредѣленности; противъ признанія въ этихъ словахъ имени мастера могли бы говорить небрежность и несовершенство вырѣза буквъ, да и вообще весь характеръ этой надписи, хотя она и вырѣзана на приготовленномъ мѣстѣ, вродѣ щитка, на фонѣ усыпанной углубленными точками ручки.

Внутри ковша украшенъ прикрѣпленной ко дну плоской бляшкой (табл. III), окруженной жгутикомъ и вырѣзными фестонами, съ грубоватымъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры въ облаченіи, въ орарьѣ и въ тیارѣ, съ нимбомъ; правая рука благословляетъ, лѣвая держитъ книгу и посохъ. По сторонамъ фигуры помѣщается рельефная инициальная надпись:

$\overline{\text{ՄԲ}}$	ԼՈ
ԳՐԻ	ԻՍԱ
ԳՈ	ԻՈ
Ը	ԸԻ

1) Напр., въ записи битлисца махтеи Шахиурада о его пребываніи въ Версали въ 1683 г. Издана въ журналѣ *Արարատ* (еженедѣльникъ, издававшійся въ Тифлисѣ), окт. 1850 г., стр. 99.

2) Վարդապետ изъ Վարդապետ , быть можетъ черезъ Վարդապետ , каковую форму встрѣчаемъ въ надписи Сахмадина о построеніи дворца въ Мренѣ въ 1276 г.; см. Н. Марръ, Нов. матер. по арм. эпигр. (ЗВО, VII), стр. 83; I. Орбели, Надписи Мрена (ПАЭ, II), надп. 1.

турномъ языкѣ; иное чтеніе слова *hmr*, мнѣ кажется, невозможно: произношеніе его: *mr* не могло бы быть оправдано никакой діалектической формой этого мѣстоименія.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нарѣчія, на которомъ составлена наша надпись мы располагаемъ только тремя надежными формами: *hmr isa*, *hmr in* и *hmr har*. При малой изученности армянскихъ говоровъ и даже нарѣчій, быть можетъ, рискованно указывать опредѣленно одинъ діалектъ, которому могутъ принадлежать указанныя слова, но, мнѣ кажется, данныя языка надписи подтверждаютъ то, что подсказываетъ форма ковша: единственное нарѣчіе, въ которомъ возможны и сосуществуютъ всѣ три налицыя въ надписи діалектическія формы — нарѣчіе польскихъ и крымскихъ (и нахичеванскихъ) армянъ¹⁾.

Составляющее особенность первыхъ двухъ формъ, *isa* и *in*, появленіе (или сохраненіе) гласнаго *i* (имѣющаго въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ особое объясненіе) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, даже тамъ, гдѣ это не вызывается стеченіемъ согласныхъ и не можетъ быть объяснено исторіей слова, наблюдается въ армянскомъ вообще довольно рѣдко; въ крымскомъ и польскомъ говорахъ оно весьма распространено. Эти же самыя слова у крымскихъ армянъ звучатъ *hmr isa этотъ*, *hmr in* *полный*, *hmr in* *полный до краевъ*²⁾. Въ матеріалахъ по польско-армянскому *Hanusz'a*³⁾ этихъ именно словъ не встрѣчаемъ⁴⁾, но зато имѣемъ совершенно аналогичныя *ihon тамъ*, *ihos тутъ*, *ikañu приходитъ*, *iñu полякъ*, *ihov Львовъ*⁵⁾. Слово *hmr in* встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ говорахъ, напр. въ битлисскомъ⁶⁾, но указательныя мѣстоименія въ этихъ говорахъ, въ случаяхъ приращенія гласной, звучатъ не съ

1) Намѣчающіеся языковые факты съ достаточной убѣдительностью говорятъ за признаніе если не тождества, то ближайшаго сродства говоровъ крымскихъ и польскихъ армянъ.

2) Форма *ihin* (разумѣется, — турецкое образованіе отъ армянской основы) подтверждаетъ распространенность формы *in* и не случайность начальнаго *i*: если бы тутъ имѣлась форма *in*, то усиленное турецкое образованіе отъ нея звучало бы *ihin*.

3) Dr. Jan Hanusz, O języku Ormian polskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XI, Краковъ, 1886). Въ цитатахъ изъ статьи *Hanusz'a* сохранена его транскрипція.

4) У *Hanusz'a* указаны лишь глаголы *ihel* (з. в.).

5) *Hanusz*, а. в.

6) См., напр., въ упоминавшейся выше записи Шахмурада, стр. 99, *hmr in*. Аналогичная форма для начала XV вѣка засвидѣтельствована и въ указанномъ мнѣ Н. Я. Марромъ стихотвореніи Нагаша выраженіемъ *hmr in* (см. К. Костяницъ, *hmr in* — *hmr in*, Вагарш., 1898, стр. 36; издатель совершенно напрасно даетъ чтеніе *hmr in*).

h въ началѣ, а съ r или b: *ruw* əsa, *ruw* əta, *buw* eta; мѣстоименія *huw* iza, *huw* ina имѣемъ въ киликійскомъ нарѣчій¹⁾.

Наиболѣе характерное изъ трехъ интересующихъ насъ словъ — *šur* har *отецъ*. Переходъ дифтонга *aj* въ *a* (или соотвѣтствіе *a* дифтонгу *aj*) наблюдается съ полной выдержанностью лишь въ группѣ польскаго и крымскаго говоровъ. Въ польско-армянскомъ имѣемъ такія формы, какъ *adz* коза, *cap* звукъ, *gadź* искра, *gadźag* молнія, *kał* волкъ, *łan* широкій, *phad* дерево, *mağ* мать, *mağabetkà* монахиня, *astvadzamàr* Богоматерь и *har* отецъ²⁾. Съ такой же яркостью это явленіе наблюдается въ говорѣ крымскихъ армянъ. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ и въ карабахскомъ нарѣчій, въ которомъ, однако, невозможна форма *hru* in.

Хотя замѣна дифтонга *aj* если не звукомъ *a*, то *ā* и наблюдается въ нѣкоторыхъ другихъ (южныхъ) нарѣчійхъ, слово *šur* har тяготѣетъ, несомнѣнно, именно къ указанной крымско-польской диалектической группѣ: сохраненный въ началѣ слова звукъ *š* h не позволяетъ отнести слово къ составу южныхъ нарѣчій, гдѣ вмѣсто этого *š* h имѣемъ всегда *h* q³⁾; къ тому же во всѣхъ этихъ нарѣчійхъ такія слова, какъ *šur* hajr, *šur* mağr, *qur* gał звучатъ не съ *a*, а съ *e*: *hbr* qer, *hbr* mer, *hbr* kel; въ киликійскомъ, прекрасно сохранившемъ дифтонгъ *aj* форма *har* невозможна.

Если правильно утвержденіе, что надпись на ковпѣ составлена на польско-крымскомъ нарѣчій, въ пользу признанія за нашимъ ковпомъ польско-армянскаго, а не крымскаго, происхожденія можно привести нѣкоторыя историческія данныя, позволяющія намѣтить болѣе точно мѣсто изготовленія ковша.

Въ 1912 г. во Львовѣ вышло въ высшей степени интересное и цѣнное для насъ изслѣдованіе В. Лозинскаго, представляющее очеркъ развитія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Польшѣ и спеціально во Львовѣ въ XIV—XVIII вв.⁴⁾ Изслѣдованіе основано какъ на вещественныхъ памят-

1) См. Karst, Hist. Gramm. d. Kilikisch-Armen., стр. 241.

2) Hanusz, s. vv. Форма *mağagàn* материнскій не нарушаетъ выдержанности указанного перехода, т. к. это слово въ данномъ случаѣ явно литературнаго происхожденія.

3) Эта данная, конечно, сама по себѣ, безъ послѣдующей посылки, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, нашу надпись нельзя разсматривать какъ точную фонетическую запись, и наличие *š* h можно объяснить и вѣрностью грамматически-правильному литературному написанію.

4) Такъ напр., въ моксскомъ *hā* ān, *hā* āt *мать*.

5) Władysław Łoziński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII, Львовъ, 1911-12). Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность Я. И. Смирнову за указаніе мнѣ трудовъ Лозинскаго, упоминаемой ниже статьи въ журналѣ Tygodnik Ilustrowany и вообще литературы по этому вопросу.

никахъ, такъ и на документахъ, хранившихся въ Львовскомъ городскомъ и въ частныхъ архивахъ и собраніяхъ; обстоятельныя и точныя ссылки на источники придаютъ труду Лозиньскаго большой интересъ. Въ этомъ трудѣ мы находимъ въ перечнѣ львовскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ много армянскихъ именъ; число этихъ именъ должно быть нѣсколько увеличено, такъ какъ Лозинскій, по незнакомству его съ армянскимъ языкомъ, могъ не признать въ нѣкоторыхъ мастерахъ армянъ. Въ сообщаемыхъ имъ значкахъ львовскихъ гражданъ¹⁾, въ томъ числѣ, повидимому, и мастеровъ, можетъ быть указано и среди неизвѣстныхъ по владѣльцамъ²⁾ Лозинскому значковъ нѣсколько армянскихъ лигатуръ, да и среди упоминаемыхъ въ книгѣ, не признанныхъ армянскими именъ, можно было бы указать таковыя³⁾.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, располагая богатымъ матеріаломъ касательно мастеровъ поляковъ и вообще католиковъ, мы, какъ это подчеркиваетъ и Лозинскій, не имѣемъ свѣдѣній о значительной части мастеровъ-инородцевъ («націоналистовъ»), и «схизматиковъ», какъ русины и армяне, и нехристіанъ, евреевъ. Объясняется это препятствіями, долгое время, для армянъ вплоть до середины XVII вѣка, непреодолимыми, ко вступленію ихъ въ цехъ⁴⁾. Еще въ 1600 году это положеніе армянъ и русиновъ было закрѣплено цеховымъ статутомъ, дающимъ и любопытное обоснованіе этихъ ограниченій⁵⁾. До 1654 г. ни одинъ армянинъ не былъ принятъ въ этотъ цехъ; въ этомъ году особый королевскій указъ открылъ армянамъ доступъ въ цехъ, но въ ограниченномъ числѣ, не свыше четы-

1) Złotnictwo, стр. 164—165; W. Łoziński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, Львовъ, 1892, стр. 386—387.

2) Впрочемъ, см. Patrycyat, стр. 390.

3) Трудность опознанія армянской національности въ средѣ польскихъ ювелировъ, какъ и вообще колоніальныхъ армянъ, объясняется тѣмъ, что ихъ имена не только подвергались частичнымъ вѣшнимъ измѣненіямъ (напр., принимали польскія окончанія, какъ Мойзесовичъ, Дадуровичъ, Сахановичъ), но и переводились на мѣстный языкъ (напр., Серебрековичъ, Богдановичъ); еще труднѣе признать армянъ въ лицахъ, просто перемѣнившихъ фамилію (какъ Стечко).

4) Wiedzieć nadto należy, że źródła wspomniane nie obejmują w tym samym stopniu złotników niekatolickiego lub niechrześcijańskiego wyznania, Rusinów, Ormian i Żydów.... Ormian, bo także jako akatolicy do cechu należeć nie mogli, a spory ich w najznaczniejszej części rozstrzygały się przed ich własnym urzędem... (Złotnictwo, стр. 18).

5) Въ статутѣ говорится: «Iż wszystek rząd przy łasce i błogosławieństwie Bożem najspokojniejszy bywa, k'temu złotnicze rzemiosło potrzebuje ludzi dobrego sumienia, które w katolickiej wierze najlepiej zachowane być może, nie mają złotnicy lwowscy między sobą cierpieć ani przyjmować żadnego mistrza heretyka ani schizmatyka, tylko katoliki, oprócz jeśliby się który z schizmatyków, jako Rusin i Ormian, do unji kościoła rzymskiego powszechnego przywrócił». (Złotnictwo, стр. 36).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латыновича¹⁾. Только въ 1685 г. Янъ Собѣскій, «wielki przymusieli Otmiana», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 іюня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравнины, de facto взяли верхъ»³⁾).

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), слѣдовательно во время, съ котораго удастся прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ подымающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное вліяніе въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) *Złotnictwo*, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ пехмистромъ другой армянинъ, Норсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (*Złotnictwo*, стр. 139—141) приводитъ крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, męstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi tejże nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzptej oczywistą potrzebę....». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латинцамъ (особлиwie *ritus romani*).

3) *Złotnictwo*, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) *Złotniswo*, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ больше всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, колчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾).

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Պետրոս Վարդապետ*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подъ 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечотовичемъ, упоминаемымъ подъ 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого — не отрицаю — рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣе тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ переплавки почти современный нашему ковну прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлпн-скаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковшѣ Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) *Złotnictwo*, стр. 61,

3) *Złotnictwo*, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *չեչոտ* значитъ по армянски *рыбой*, фамилія Чечотенцъ, которая у польскихъ армянъ должна была звучать Чечотовичъ, — встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотвича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе приемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szczęotka* *чечотка*, *комплика*.

4) Лозинскій останавливается (*Złotnictwo*, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія большей части произведеній польскихъ, въ частности — львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и нехудрое изображеніе его и штриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Julg'a: *dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi* (=hadag). Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog'ŭ warszawskiej wystawy starożytności* (№ 549), а фотোগрафія его — въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie* par Charles Beyer).

◌ ԴԱՒԻԹԻՆՈՐԴՈՒՆ ◌ ԱՆՏՐԵԱՍԻՆ

◌ ԵՒԾՆՆՈՂԱՑ ◌ ԹՎ. ◌ ԶԿԶ ◌ ՅԻԸ

ԵՒԾԱՏԱԿ, ԴԱՒԻԹԻՆ ՈՐԴՈՒՆ ԱՆՏՐԵԱՍԻՆ ԵՒ ԾՆՆՈՂԱՑ: ԹՎ. ԻՆ. ԶԿԶ: *Память Давида, сына Андрея, и родителей. Лѣта 966.*

Исчерпывающее собраніе всѣхъ подобныхъ памятниковъ или хотя бы литературныхъ свѣдѣній о нихъ крайне желательно¹⁾.

Вопросъ этотъ для армянистовъ весьма важенъ. Ковшъ Іоанна снова выдвигаетъ вопросъ о необходимости возможно полнаго и всесторонняго изслѣдованія польскихъ, а въ связи съ ними и крымскихъ, армянъ. Армянская колонія въ Польшѣ, когда-то очень обширная, съ теченіемъ времени быстро исчезаетъ, нивелируясь съ культурно сильными сосѣдями; тщательнo охраняя свою національность (избѣгая смѣшанныхъ браковъ) и религію (они долго и успѣшно выдерживали ожесточенную борьбу съ латинствомъ), польскіе армяне оказались не въ силахъ въ должной мѣрѣ сохранить родной языкъ. Уже въ 1889 г., когда Написз работалъ въ Кутахъ, въ Галиціи, среди 1400 душъ армянъ было около только 500, знающихъ родной языкъ. Необходимо спѣшить съ изученіемъ исчезающаго нарѣчія. Изученіе польско-армянскаго нарѣчія выводитъ насъ далеко за предѣлы узко-лингвистическихъ интересовъ. Уже теперь знакомство съ нимъ и съ нарѣчіемъ крымскихъ армянъ даетъ основаніе для сомнѣній въ правильности установившагося представленія о польскихъ и крымскихъ армянахъ, какъ выселенцахъ изъ Аніи. Этотъ вопросъ первостепенной важности для исторіи Арменіи послѣ потери самостоятельности въ коренной Арменіи; онъ долженъ быть разрѣшенъ конечно не на основаніи легендъ и легендарныхъ записей, а путемъ анализа археологическихъ памятниковъ Крыма и Галиціи, въ частности—тѣхъ восточныхъ вліяній, о которыхъ говорятъ Лозинскій, и

1) При этомъ не должны быть обойдены вниманіемъ даже и такія грубоватыя и позднія произведенія, какъ двѣ литыя бронзовыя иконы въ арм.-кат. костелѣ св. Николая (пока см. X. Н. Кучукъ-Іоаннесовъ, Старинныя армянскія надписи, ДВ, II, стр. 40—41). Особо долженъ быть поставленъ вопросъ о вещахъ, хотя и найденныхъ въ армянскихъ колоніяхъ, но не имѣющихъ съ ними внутренней связи, какъ, напр., превосходный образецъ армянскаго серебряныхъ дѣлъ мастерства—ковшикъ изъ морской раковины, входящій въ составъ Бердянскаго клада (ОИАК, 1894, стр. 42—43; АИАК, табл. 52; Восточное серебро, табл. LXXVII); надѣюсь скоро напечатать мою специальную замѣтку объ этомъ интересномъ предметѣ.

Нечего и говорить, что нужно спѣшить съ собираніемъ соотвѣстныхъ произведеній коренной Арменіи, въ томъ числѣ и такихъ вещей, которыя, не будучи произведеніями ювелирнаго искусства, тѣмъ не менѣе имѣютъ съ ними тѣсную связь, какъ любопытныя оловяныя призматическія «бутылки» съ литыми изображеніями святыхъ воиновъ.

прежде всего, — изученіемъ соотвѣтственныхъ армянскихъ нарѣчій, наиболѣе надежнаго критерія въ этомъ вопросѣ.

Я уже не говорю о томъ, что разрѣшеніе этого вопроса о происхожденіи армянскихъ колоній въ Польшѣ и Крыму было бы очень важно для обсужденія пока еще гадательныхъ теорій о нѣкоторыхъ восточныхъ, въ частности армянскихъ, вліяніяхъ на русское искусство¹⁾.

II.

Въ самой тѣсной связи съ ковшомъ священника Іоанна слѣдуетъ разсматривать другой интересный ковшъ XVI в., знакомствомъ съ которымъ я обязанъ Я. И. Смирнову. Ковшъ этотъ, принадлежащій къ собранію Великаго Князя Алексѣя Александровича, хранится въ настоящее время въ Галлерей драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа²⁾.

1) Для установленія даты появленія армянъ въ Галиціи и на югѣ Россіи необходимо прежде всего съ возможной полнотой использовать тѣ скудныя данныя объ армянахъ, которыя находимъ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, какъ, напр., свѣдѣніе о врачѣ-армянинѣ, жившемъ вмѣстѣ съ другими армянами въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, лечившемъ самого князя и пытавшемся оказать врачебную помощь блаженному Агапиту (Патерикъ Кіевского Печерскаго монастыря, стр. 93—95).

Въ вопросѣ о времени перваго появленія и поселенія армянъ въ Крыму и Бессарабіи исключительное значеніе могли бы имѣть даты двухъ надписей, изданныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ (ДВ, т. II, вып. III, стр. 63 и 67), если бы объ эти даты не представлялись крайне сомнительными. Въ Аккерманской надписи дата (по К.-І.) выражена такъ: Թ. ԿԶ а въ Θεοδωσική: ԹԳԿԿԿԿ ԶԶԶ. Въ обоихъ случаяхъ первая буква «даты» могла бы быть отнесена къ слову ԹԳԿ, ԹԳԿԿԿ. Дату Θεοδωσική надписи слѣдуетъ, вѣроятно, читать не ԹԳԿԿԿԿ ԶԶԶ, а ԹԳԿԿԿԿ ԶԶ: буквы, Թ и Գ, легко смѣшать особенно въ позднихъ надписяхъ съ составными буквами (это прекрасно видно, напр., на упомянутой выше литой иконѣ 1653 г.). Получаемая такимъ образомъ дата Θεοδωσική надписи 1557 г. (вм. 1047 г.) вполне подходитъ и къ языку этой надписи, совершенно невѣроятному въ XI в. Къ сожалѣнію, во время кратковременнаго пребыванія въ Θεοδωσιν лѣтомъ 1915 г. я не провѣрилъ чтенія этой надписи. Дату Аккерманской надписи ԹԿ ԿԶ труднѣе оправдать (если не предположить, что тутъ имѣемъ дату не по великой армянской эрѣ 551 г., а по какой либо другой), такъ какъ, не видя оригинала, не удастся подобрать букву, которую при списываніи надписи могли бы принять за Գ: близко подходящія по начертанію буквы Ծ и Զ слишкомъ близки и по цифровому значенію (50 и 100), а Ծ (500), Զ (700) и Զ (900) существенно отличаются отъ Գ; возможно, что въ надписи, или ея копіи, хотя «дата не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія», опущено Թ (1000). — Предлагаемое, быть можетъ слишкомъ смѣлое, исправленіе чтенія датъ было бы недопустимо, если бы въ томъ же трудѣ г. Кучукъ-Іоаннесова не встрѣчались такія неточности, какъ, напр., въ передачѣ упомянутой выше надписи 1532 г. въ ц. св. Сергія въ Θεοδωσιν, гдѣ въ 13 словахъ имѣемъ 5 погрѣшностей (указ. соч., стр. 68); впрочемъ, къ этой надписи я надѣюсь вернуться въ связи съ вопросомъ объ армянскихъ рѣзныхъ дверяхъ, находящихся въ Крыму.

2) Приношу глубокую благодарность бар. А. Е. Фелькерзаму за предоставленіе мнѣ для изданія фотографіи этого ковша.

Ковшъ этотъ (табл. IV) представляетъ собою двойникъ ковша священника Иоанна и вполне сходенъ съ нимъ какъ въ формѣ и размѣрахъ, такъ и въ отдѣлкѣ; отличается онъ лишь большей шириной верхней части ручки, ломанной линіей надъ каймой надписи, формой листьевъ на ручкѣ, а также обратнымъ направленіемъ изгиба ложекъ. Отличіе бляшки на днѣ ковша, какъ придатка, существеннаго значенія не имѣетъ. Однако же необходимо отмѣтить, что работа этого ковша болѣе грубая, чѣмъ ковша священника Иоанна; это особенно замѣтно на каймѣ съ надписью.

На ковшѣ имѣются двѣ греческія надписи, размѣщенныя точно такъ же, какъ на ковшѣ священника Иоанна, т. е. по краю ковша и на верхней сторонѣ его ручки.

Чтеніе надписи по краю ковша приходится начинать, какъ и на ковшѣ Иоанна, со стороны, противоположной ручкѣ. Листикъ въ началѣ второй строки печатаемаго ниже текста соотвѣтствуетъ листу на ручкѣ ковша. Послѣднія двѣ буквы не рельефны, а врѣзаны.

ΚΟΥΠΑΜΕΩΡΕΟΤΑΤΙΜΕΤΟΓΛΙΚΩΝΤΟΥΓΟΣΒΑΛΕΣΚΟΠΩΝΠΡΟ
 ΣΤΙΝΦΔΕΞΙΑΚΕΓΙΡΝΣΕΤΟΓΙΡΩΣΓΔΣΕΘΡΩΝΥ&XΩΝΤΕΣΒΑΖΩ
 ΝΤΑΣΗΝΣΤΟΧΕΡΙΩΣΠΙΝΩΝΤΟΓΔΡΕ ΔΡ

Надпись эта съ исправленными орфографическими ошибками и съ разбивкой на стихи представляется мнѣ такъ:

κοῦπα με ὡραιότατη με τὸ γλυκὸν τὸ οἶνος
 βάλε σκαπὸν πρὸς τὴν δεξιὰν καὶ γύρισε τὸ γῦρος
 νά σε θεωροῦν οἱ ἄρχοντες βάζοντας εἰς τὸ χέρι
 ὡς πίνουσιν το νά σε ποιοῦν.

О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ, брось взоръ направо и обойди кругъ, чтобы тебя созерцали князья (т. е. гости), беря тебя въ руку, когда пьютъ его (т. е. вино), чтобы тебя испить.

На верхней сторонѣ ручки ковша (табл. III), помѣщена дата.

Η
 Ω
 ΗΑΡΧ
 ΕΤΑΠΘ
 ΑΦΠ
 Σ

Послѣднія четыре буквы, выражающія дату, во всякомъ случаѣ совершенно ясны: αφπς, т. е. 1586 г. (по Р. X).

Къ донышку ковша внутри (табл. III) плотно прикрѣплена круглая бляшка, которая тутъ имѣетъ менѣе неестественный видъ, чѣмъ на ковшѣ съ армянской надписью, не приклепана, а припаяна, и окружена подвижнымъ кольцомъ изъ серебрянаго жгута. На бляшкѣ на темносинемъ фонѣ весьма грубой эмали представлень св. Георгій на конѣ, пронзающій копьемъ дракона, а влѣво отъ св. Георгія башенка и въ ней двѣ полныхъ фигуры въ коронахъ. По сторонамъ головы святого помѣщена пояснительная греческая надпись

Θ Γ ΓΙΩΓΙΟΣ св. *Георгій*.

Къ сожалѣнію, я далеко не въ силахъ использовать діалектологическій матеріалъ, представляемый греческой надписью и нуждающійся въ специалистѣ по новогреческимъ нарѣчіямъ; но мнѣ кажется, что многочисленныя орфографическія и грамматическія погрѣшности могли бы дать основаніе для предположенія, что греческій языкъ не былъ роднымъ для мастера, изготовившаго ковшъ.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о происхожденіи ковша съ греческой надписью представляется нелишнимъ значенія полное совпаденіе какъ во внѣшности этихъ ковшей и въ размѣщеніи надписей, такъ и въ technikѣ, да и въ датѣ: разница 37 лѣтъ, ковшъ Іоанна—1549 г., другой—1586 г.

І. Орбели.

Образчики армянскихъ церковныхъ вышивокъ.

Армянскія вышивки, какъ матеріалъ для исторіи искусства, еще не обращали на себя вниманія. Только по наслышкѣ мнѣ было извѣстно, что у насъ въ ризницѣ Эчміадзинскаго монастыря имѣются цѣнные остатки вышивокъ, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ XIII вѣку, но большинство — позднѣйшія, съ XVII-го по XIX вв. Хочу надѣяться, что когда-нибудь все это мнѣ удастся использовать въ цѣляхъ изученія армянскаго искусства. Пока представляю только нѣсколько образчиковъ, которые мнѣ удалось лишь на короткое время извлечь, наскоро сфотографировать и вкратцѣ описать.

I.

Хоругвь св. Григорія Просвѣтителя. Древнѣйшій изъ этихъ образчиковъ — хоругвь, извѣстная подъ именемъ хоругви Просвѣтителя (0,83 × 0,59 м.). Шелковая рама, равно какъ и три висяція ленты — заплатки, пришитыя въ позднѣйшее время. На одной сторонѣ изображена группа: въ центрѣ — св. Григорій Просвѣтитель, по его правую сторону — царь Тиридатъ, а по лѣвую — св. дѣва Рипсимэ (табл. V). Надъ головой каждой фигуры вышито имя:

ՅՐԴԱՆ Թ ԳՐԻԳՈՐԻՍ: Թ ՀՈՒԲՈՒՄԷ

Տրդատ — Тиридатъ *սուրբ Գրիգոր լուս աստուծոյ* — св. Григорій Просвѣтитель и *սուրբ Հռիփսիմէ* — св. Рипсимэ.

Св. Григорій изображенъ въ облаченіи: на немъ длинный до самыхъ ногъ полосатый стихарь, поверхъ котораго одѣта желтая шелковая епитрахиль (*փորճարի օրհայոյ*), а на плечѣ омофоръ (*եփփորոն օմօֆորոյ*) съ выпуклыми вышитыми крестами. На правомъ бедрѣ — патріаршая палица (*կնքեռն էփրօնատիւն*). Риза по византійскому образцу короткая, бѣлаго цвѣта и покрыта

черными вышитыми крестами. Риза, усѣянная крестами, какъ можно заключить изъ современныхъ патріаршихъ портретовъ въ миниатюрномъ искусствѣ, была присвоена лишь армянскимъ католикосамъ. То же можно сказать и о палицѣ, которою и поднесъ облачаются одни католикосы, и право пошенія которой лишь въ исключительныхъ случаяхъ получаютъ отъ католикоса выдающіеся патріархи и архіепископы. Митра на св. Григоріи по латинскому образцу невысокая, подобно митрамъ армянскихъ миниатюръ XIII столѣтія. Нимбъ св. Григорія, равно какъ и нимбы боковыхъ фигуръ вышиты золотомъ и имѣютъ круглую форму. Просвѣтитель десницей благословляетъ, а шуйцей держитъ евангеліе.

На Тиридатѣ красный доходящій до ногъ кафтанъ безъ накидки. На рукавахъ царскіе знаки. Воротникъ и полы орнаментированы. Поясъ вышитъ серебромъ и украшенъ шелковыми точками, изображающими драгоценные камни. Отъ воротника по груди и ниже, вплоть до ногъ, полосой идетъ украшеніе, подобно епитрахили. На ногахъ обувь съ короткими голенищами, а на головѣ—украшенная драгоценными камнями корона, подобная тѣмъ, которыя обычно носили въ XIII в. Руки его молитвенно обращены къ Просвѣтителю.

Св. Рипсимэ изображена въ зеленоватомъ кафтанѣ, по формѣ и украшеніямъ схожемъ съ кафтаномъ Тиридата. Поясъ, украшенный драгоценными камнями, чернаго цвѣта, равно какъ и орарь, орнаментированный отъ шеи до ногъ. Сверху одѣта порфира въ видѣ фелони. На рукавахъ княжескіе или царскіе знаки. Корона украшена драгоценными камнями и по формѣ схожа съ короной Тиридата на фрескѣ анійской церкви св. Григорія Просвѣтителя. Волосы съ обѣихъ сторонъ локонами ниспадаютъ на плечи. Въ правой рукѣ святой—крестъ, крылья котораго заканчиваются крестообразно, а лѣвую она держитъ молитвенно. Глаза и брови очерчены и отгѣнены чернымъ шелкомъ. Обувь краснаго цвѣта съ черными носками.

На другой сторонѣ хоругви (табл. VI) изображенъ Іисусъ Христосъ на престолѣ съ четырьмя апокалиптическими животными¹⁾. Расположеніе звѣрей соответствуетъ Апок. IV, 7. Облаченіе Христа обычное; поза, нимбъ, коврикъ подъ ногами—все это изображено согласно византійскимъ образцамъ. Кафтанъ краснаго цвѣта, накидка—синяго. Десницей Онъ благословляетъ, а шуйцей держитъ украшенное драгоценными камнями евангеліе. Обувь краснаго цвѣта; лѣвая нога попорчена. Вся картина помѣщена подъ аркой, которая опирается на двѣ колонны. Арка изображаетъ небо, на ко-

1) [Надъ изображеніемъ льва читается надпись *WLSB: Матвей*]. Ред.

торомъ видны солнце, луна и звѣзды. По сторонамъ головы Иисуса надпись
 ԹՄ Իսուսъ Христосъ.

Надпись, состоящая изъ пяти строкъ, къ сожалѣнію, мѣстами выпала. Вообще эта сторона по сравненію съ другой сохранилась хуже. Можно разоб-
 зреть слѣдующее¹⁾:

ՎԱՌՍՎԱՅԵԼԷ ԷՋՄԻԱՆՆԵ՝
 ԵՄԱՌՈՒՄՆՈՅՔԱՄԱԼԹՈՒՆԻՆԵ՝
 ԹՎ՝
 ՅԻՇԱՅՍԿԷՍԻՄԷՈՒՆԷԶԱՅԵ
 ՆՆՈՂԱՑՆԵՋԱՒԱԿԱՑՆԵ՝
 ՄԱՅԹ՝

ԳՐՈՁԵՌԱՄԲ

ԻՋԻԹՈՒՆԻՆԵՄՈՐՆԳՈՂԱՐՄԵԼԻՔԵՖՍՐԶՈՂՔՍՈՐԱՅԻՄԲԶԵՌՆԵՋՄԵՋ
 ՅԻՇԵՍՋԻՔԻՅԱՐԵՆԻՆԵ՝

Վառս վայելէ Էջմիածնին. յիշատակ է Սիմէոնի բաճանային եւ ամուսնոյ Բամալ խաթունին, ծնողացն եւ զաւակացն: ԹՎ. . . Գրիգորի զորոն ձեռամբ . . . ի խաթունին եւ մօրն Գոհար Սեւեբին:

*Բարձողք սորայ ի սուրբ ձեռին
 զվեզ յիշեսջիք ի յատենին:*

«Сія хоругвь принадлежитъ Эчміадзину. Память о священникѣ Симеонѣ и супругѣ (его) Камал-хатунѣ, ихъ родителяхъ и дѣтихъ. Лѣта рукою Григорія . . . хатуны и матери ея Гонар-мелики. Воздымающіе это святою рукою, помяните насъ на Судѣ».

Такимъ образомъ недостаегъ даты и имени вышившей. Дату, къ счастью, возможно возстановить. По распоряженію католикаса Симеона въ 1768 году была составлена опись древностей и святынь Эчміадзинскаго монастыря. Въ этой описи относительно нашей хоругви мы читаемъ слѣдующее: «Хоругвь, вышитая ниткой съ позументами (*կապիտոն*) на красномъ

1) [Транскрипція надписей эпиграфическимъ шрифтомъ внесена Редакціей. Редакціей же внесены пѣкоторые измѣненія въ чтеніе и переводъ надписи: въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читаетъ *Էջմիածնի, բնակ*, въ строкѣ 2 *և զաւակացն*, въ строкѣ 3 *Թ. Վ.*, въ строкѣ 5 *Գրիգ. Քեզ.*]

украшенномъ цвѣтами атласъ. На одной сторонѣ изображеніе Господа на престолѣ съ четырьмя звѣроподобными фигурами, а на другой—изображенія св. Просвѣтителя, Тиридата и св. дѣвы Рипсимэ. Дарована на память св. Престолу нѣкимъ священникомъ Симеономъ и супругой его Камал-хатунъ въ 897 году нашей эры). Такимъ образомъ у насъ имѣется точная дата происхожденія нашей хоругви, 1448 г.

Но и помимо этой цѣннаго указанія, мы бы могли сказать, что наша хоругвь существовала въ 1462 г. Аракель Даврижскій внесъ въ свою исторію запись одной Четъи-Миней (Айсмавуркъ), написанной въ Ангортъ, гдѣ описана дѣятельность Захаріи Ахтамарскаго (1461—1464). Изъ этой записи видно, что во время путешествія этого католика предъ нимъ носили «хачаламъ» т. е. хоругвь, «которая была прикрѣплена на концѣ шеста, и золотой крестъ поставленъ на его верхушкѣ» — *որ քարձրիս շեռի կար ի ծայրի ձողոյ և խաչ քրի կառուցեալ ի գլուխ նորա*. На хоругви «были представлены: на одной сторонѣ изображеніе Господа, а на другой—просвѣтителя нашего св. Григорія и царя Тиридата и прекрасной дѣвы святой Рипсимэ; и поражала она зрителей золотой вышивкой разнообразными цвѣтами и разноцвѣтно украшеннымъ ораремъ». Годъ записи ԶԺԽ=911=1462. Эта хоругвь хранилась въ Эчміадзинѣ при католикосѣ Филиппѣ, и Даврижскій видѣлъ ее въ 1662 году¹). Тожество нашей хоругви съ описанной въ записи хоругвью очевидно.

II.

Орелъ католика Филиппа. Въ ризницѣ Эчміадзина хранится коверъ съ изображеніемъ орла (табл. VII) или «парящаго орла» — *օղապարիկ արծուի* — какъ сказано въ надписи на немъ — одно изъ прекрасныхъ произведеній рукодѣльнаго искусства XVII столѣтія. Орелъ съ распростертыми крыльями вышитъ на свѣтло-голубомъ атласѣ. Орелъ вышитъ золотомъ, нимбъ—серебромъ; голова, шея, начала и концы крыльевъ, грудь, хвостъ и ноги отгѣнены блестящимъ и матовымъ золотомъ и изображены рельефно. Орелъ изображенъ на фонѣ неба; по угламъ — солнце и луна, въ серединѣ звѣзды. По обѣ стороны хвоста возвышаются два купола, которые заканчиваются восьмиконечными крестами. Картина заключена въ раму изъ зеленого атласа, а угловые четырехугольники изъ краснаго. Мотивы орнаментовъ растительные: цвѣты (ромашки), бутоны, листья, побѣги. Весь коверъ

1) Аракель Даврижскій. 3-е изд. 1896. Вагаршапатъ, ст. 423, 431.
Христіанскій Востокъ.

обшить синей и свѣтлоокрасной бахромой. Величина орла $1 \times 1,05$ см., а ширина рамы — 16 см.

Подъ куполами, увѣнчанными крестами, читаемъ слѣдующую надпись ¹⁾:

ԻՎԱՅ	ՓԻԼԻՊ
ԵԼՈՒՄՆՀԱ	ՊՈՍԻՏՆՎԵ
ՅՈՑԴԻԾԻԱՐՓԻԱ	ՀԻԵԻԲԱՐԶՐԱ
ՓԱՅԼՀՈՎԱԴԵՏԻ	ՓԱՌՀԱՅՐԱԴԵՏԻ:
ՕԴԱՊԱՐԻԿԱՅԱՅԱՐԾ	ՈՒՆԿՐՑԻՅԱՅԱԿԵՐ
ՊԱՍԻՍԱՅՇԴԿՍՄԿՐԲԻՊԼԹՑԻՐՑՈՒՆԵԾՆԾՂԱՑԻՐՀԱՄԱՅՆԻԱՅ	
[ԼԵԻԱԶԱՆՑՆԵՐՆԱԲԻՒԴՈՒ	
ՈՆՄԲԷՋՄԻԱԾՆԻԲՆԻԿԱԹՈՌԱՐՄԵԱՆՍՍԵՈՒԹՎՆԹՃԱՄԻՈԶԱԲԵԼԻԵԼԵ	
[ՈԶԹԵՐԻՉՆԶԻՆՈՍ	
ԿԱՆՍՍԻԲՆԵՑԻՅԵՆԵԱԼՍՀԱՄԱԿՔ ՀՆՅԻԲԶՈՒՄԶԱՆԻՔԱՇԽԱՅԻ.	
[ՄԻՆԶԶԻԶՐԱԲԳՈՐԾՈՅԱԾԻ	

Ի վայելումն հայոց զիտի
 արքիապայլ հովապետի
 Փիլիպսոսի տեառն վեհի
 և բարձրափառ հայրապետի
 օգապարիկս այս արծուի
 նկարեցի յայս կերպասի:
 Սա յիշատակս Մկրտչի
 Ղալաթեցի տիրացուին
 և ծնողաց իւր համայնի
 այլ և աղանցն բնաւի
 ի դուռն սուրբ Էջմիածնի
 բնիկ աթոռ արամեանս սեռի:
 Թվին ԸՃ ամի
 ոչ աւելի և ոչ թերի:
 Չնչին Ոսկանս Սիւնեցի
 յետնեալս համակ բահանայի
 բազում ջանիւք աշխատեցի.
 Մինչ զի զրաւ գործոյս ամի:

1) [Въ строкѣ 8 о. Гарегинъ читаетъ ԶԻՒՔ. Разбивка на стихи внесена Редакціей].

«Въ пользованіе армянскаго блюстителя лучезарнаго архипастыря Филиппа, владыки великаго и высокославнаго патріарха, сего парящаго орла я изобразилъ на этомъ атласѣ. Это память причетника Мыкыртыча изъ Галатіи и *отца* родителей его, а также всего рода его у вратъ святого Эчміадзіна, исконнаго престола рода Арамидовъ. Лѣта 1100, не болѣе и не менѣе. Я, ничтожный Восканъ изъ Сюника, самый послѣдній изъ всѣхъ священниковъ, усердно работалъ, пока не исполнилъ работу до конца».

III.

Покровъ престола, подаренный католикосу Аствацатуру. Въ ризницѣ св. Эчміадзіна среди парчевыхъ и шелковыхъ, украшенныхъ крестами и ювелирными издѣліями, покрововъ, на которыхъ бывають вышиты различныя сцены евангельскаго или ветхозавѣтнаго содержанія, хранится покровъ (табл. VIII), поднесенный армянами Смирны католикосу Аствацатуру въ 1723 году.

Фонъ покрыва (2,025 × 1,05 м.) — желтый атласъ, вышитый разноцвѣтными шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Изображены слѣдующія сцены: Благовѣщеніе, Крещеніе и Поклоненіе волхвовъ. Сцены отдѣлены другъ отъ друга колоннами, капителями которыхъ служатъ бюсты ангеловъ, соединяющихъ крылья ввидѣ арокъ. По бокамъ ангелы вышиты въ профиль, а по серединѣ en face.

Благотѣщеніе. Ангелъ, съ цвѣткомъ въ лѣвой рукѣ, поднимая правую, стоитъ передъ Пречистой Дѣвой. Его крылья златотканны, ликъ вышитъ серебромъ, волосы на головѣ и брови — черными и золотыми нитками. Туловище вышито красными и золотыми нитками. Руки, повыше локтя и до плечъ, вышиты золотомъ, а пониже локтя до кисти рукъ — темнымъ серебромъ; руки и пальцы — чернымъ шелкомъ; животъ и бедра — золотомъ янгого оттѣнка, чѣмъ доходящее до ногъ платье. Передняя часть платья вышита серебромъ, ноги — шелкомъ.

Св. Дѣва стоитъ передъ аналоемъ, на которомъ лежитъ раскрытая книга; она положила лѣвую руку на аналой, а правую прижала къ груди. Ликъ Дѣвы вышитъ серебромъ, глаза, брови и носъ — черными нитками, губы — красными, волосы — красными и золотыми, а покрывало на головѣ — золотомъ. Вокругъ головы выпуклый круглый нимбъ шитый золотомъ. Верхняя одежда вышита красными нитками и серебромъ и застегнута на груди фибулой. Нижнее, доходящее до ногъ, платье шито золотомъ, немногочислен-

пья складки отгѣнены черными нитками. Руки и ноги очерчены серебромъ, а пальцы и ногти черными нитками. Рукава заканчиваются нарукавниками.

Въ правомъ углу изображены облака, вышитыя свѣтло-голубыми и золотыми нитками; изъ облаковъ нисходитъ на Марію Отецъ, съ младенческимъ лицомъ, и Св. Духъ, въ образѣ голубя. Вокругъ головы Отца треугольный съ лучами нимбъ. По обѣ стороны облаковъ по одному шестикрылому серафиму. Разноцвѣтныя вышитыя шелкомъ ленты, висящія надъ Маріей, по моему мнѣнію, — занавѣсъ, указывающій, что эта сцена происходитъ внутри какого либо помѣщенія.

Средняя сцена—*Крещеніе*. Іоаннъ лѣвой рукой держитъ знамя на длинномъ шестѣ, на которомъ изображенъ Агнецъ Божій. Правой рукой онъ льетъ воду изъ сосуда на голову Христа. На немъ красная златотканная накидка. Нижнее платье выведено грубѣе, съ цѣлью показать, что оно сдѣлано изъ шкуры. Туловище вышито золотомъ и поясъ синеватымъ шелкомъ. Одной ногой Іоаннъ стоитъ на скалѣ, которая вышита синими шелковыми нитками, чуть-чуть смѣшанными съ золотомъ. У ногъ Иисуса и Іоанна изображенъ драконъ, съ большой головой. Иисусъ стоитъ на колѣняхъ, лицо въ профиль, вокругъ головы большой нимбъ, испускающій лучи. Надъ головой Иисуса, довольно высоко, въ испускающемъ сіяніе ореолѣ Св. Духъ, въ образѣ голубя, а повыше, въ вѣнцѣ изъ облаковъ—Отецъ съ земнымъ шаромъ и скипетромъ, заканчивающимся крестообразно, въ рукахъ. По бокамъ по одному шестикрылому серафиму. За Христомъ, на скалѣ, стоитъ, опустившись на одно колѣно, опоясанный ангелъ, сложившій крестомъ руки на груди; вокругъ головы нимбъ. Поодаль въ стволѣ плодоваго дерева виденъ топоръ, согласно проповѣди Іоанна.

Третья сцена — *Поклоненіе волхвовъ*. Дѣва Марія сидитъ на креслѣ съ Младенцемъ на колѣняхъ; вокругъ Его головы нимбъ. На ней златотканное верхнее и свѣтло-красное нижнее платья, изъ которыхъ нижнее видно лишь спереди и на рукавахъ. Волосы вышиты свѣтло-сѣрымъ шелкомъ, нимба пѣтъ, надъ головой корона. Лучи звѣзды сверху направлены къ Иисусу. Въ серединѣ звѣзды, въ лучезарномъ вѣнцѣ, Марія, держащая Иисуса въ Своихъ объятіяхъ, — явленіе, необычное въ подобнаго рода картинахъ. За Маріей стоитъ Іосифъ въ длинномъ платьѣ; въ его лѣвой рукѣ палка съ крючковатымъ концомъ, а правая протянута къ Дѣвѣ и Младенцу. Сѣдой магъ стоитъ на колѣняхъ, положивъ скипетръ и корону на землю, и приносить свой даръ въ сосудѣ вродѣ кадила, только безъ цѣней; второй магъ съ черной бородой и третій со смуглымъ лицомъ, помоложе, держатъ въ золотыхъ сосудахъ свои дары. На плечахъ перваго и

второго маговъ — горностаи, а третій въ нагрудникѣ, хитонѣ, доходящемъ до колѣнъ, и въ такой же длины накидкѣ. На ногахъ обувь. У всѣхъ по знамени разнаго цвѣта: у перваго — красноватаго цвѣта, у второго — сѣраго, у третьяго — темно-краснаго. Всѣ знамена вышиты шелкомъ и золотомъ. Внизу, предъ Маріей, пастухъ играетъ на свирѣли; тутъ же — овца, изображающая стадо; три холмика изображаютъ горную страну — Іудею.

Низъ картинъ представляетъ миниатюрный ландшафтъ — деревья, цвѣты.

Вышитая надпись состоитъ изъ двухъ строкъ; она даетъ намъ свѣдѣнія о происхожденіи и времени изготовленія покрывала¹⁾.

ՀԱՌՅՄԵՒ ՀԱՅԱ ՊԵՏԻ ԿԱՆՈՒՄ ԴՆԵՐՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ
 [ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ
 ՅԵՐԵՄԻԱՆԻ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ
 [ՍՄԵՐԱՆԻՔԻ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ
 [ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ]

Հանց մեծի հայրապետի
 Լիճաւոր Կաթողիկոսի
 ձեռամբ մերո առաջնորդի
 տէր Սանուէլ վարդապետի
 իմ որեւեանի
 իմ թիւ շարագրի
 Յիշատակ է անջնջելի
 զոգնոցս սուրբ պատարագի
 անձաւջ ի մեծ գահի
 սթոռոցս սուրբ Լուսաւորչի
 արդեամբք բոլոր ժողովրդի
 և ի Զմիւռն մեծ քաղաքի

«Въ 23 юбилей п 22 году счисленія черезъ нашего епархіальнаго начальника владыку варданета Манвэла великому армянскому патріарху и католикосу Аствацатуру данъ въ неизгладимую память сей покровъ св. литургіи — [католикосу, возсѣдающему] на великомъ тронѣ сошествія Бога, престолѣ св. Просвѣтителя, иждивеніемъ всей паствы и въ великомъ городѣ Смирнѣ».

Архимандритъ Гарегинъ.

1) [Въ чтеніе этой надписи Редакціей внесены нѣкоторыя измѣненія. Въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читаетъ Կիճ շարագրի, Կաթողիկոսի, Զմիւռն (sic, оставлено безъ перевода). Разбивка на стихи внесена Редакціей].

Декоративное убранство анійских карасовъ.

(Опытъ классификаціи).

Многочѣтнія раскопки городища Ани дали богатый матеріалъ по вопросу о декоративномъ искусствѣ на предметахъ домашняго обихода и хозяйства. Одинъ отдѣлъ его составляютъ такъ называемые карасы¹⁾. Это неполивные сосуды изъ красной глины для вина, масла и пр. Аналогичнаго типа сосуды встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена, начиная отъ Трои, Кносса, Этрурии, сассанидской Персіи и кончая современностью; говорить о какого-либо рода исторической зависимости однихъ отъ другихъ представляется уже въ виду этого неправильнымъ. Анійскіе карасы дѣлятся на двѣ рѣзко различныя группы — полированныхъ и частью при этомъ покрашенныхъ, и простыхъ неполированныхъ. Къ тому же различны у нихъ какъ форма, такъ и украшенія. Особенно крупныя — почти въ ростъ человѣка — экземпляры удлиненной формы неполированы и украшены очень просто (табл. IX рис. 1 и 2): весь корпусъ раздѣленъ на горизонтальныя пояса, около $\frac{1}{4}$ аршина шириной, посредствомъ накладныхъ полосокъ глины. По отдѣльнымъ поясамъ зигзагомъ идутъ такія же полосы, причемъ на каждомъ заворотѣ мастеръ придавливалъ полоску разъ или два пальцемъ²⁾. Эти карасы, украшеніе которыхъ не возвысилось до художественности (въ согласіи съ самымъ назначеніемъ: ихъ закапывали въ погребяхъ), а пребывало въ намѣченномъ видѣ неизмѣнно, мы оставляемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи въ сторонѣ³⁾. Нашъ интересъ привлекаютъ полированные карасы меньшихъ размѣровъ (около $\frac{1}{2}$ метра высоты и ширины; табл. IX рис. 3, табл. X рис. 1 и 2). Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей находится нынѣ четыре почти полныхъ экземпляра и четыре витрины съ обломками узоровъ отъ подобныхъ же карасовъ. Впервые останавливаясь на этого рода предметахъ, настоящій очеркъ дѣлаетъ также попытку классифицировать образцы караснаго убранства.

1) Этимологию этого слова см. Н. Я. Марръ, Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ командировки І. А. Орбелі въ Турецкую Арменію (ЗВО, XXIV).

2) Фрагменты подобныхъ сосудовъ съ такимъ-же украшеніемъ я видѣлъ подъ священнои липой Гконскаго монастыря въ Грузіи. Орнаментация эта слишкомъ естественно напрашивается изъ самой техники производства этихъ сосудовъ, чтобы по старой привычкѣ считать ее за пережитокъ будто-бы украшавшихъ раньше сосуды веревочныхъ обвязокъ.

3) Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей есть фрагменты пяти едва различившихся одинъ отъ другого образцовъ.

Конечно, для построения эволюціоннаго движенія мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ, датирующихъ предметы глинянаго производства, и можемъ руководиться только общимъ комплексомъ наблюдаемыхъ стилистическихъ различій; но ниже мы постараемся связать ихъ въ законмѣрный рядъ, въ согласіи съ которымъ находятся приводимыя наблюденія. Для иллюстраціи очерка использованы сдѣланные разновременно отдѣльные фотографическіе снимки и рисунки художника С. Н. Полторацкаго, представляющіе (хотя и не въ желательномъ разнообразіи) всѣ главные типы, а также специально исполненный Н. М. Токарскимъ рисунокъ ролика для отгискивания орнаментальныхъ поясовъ¹⁾.

Что касается формы полированныхъ карасовъ, то, судя по наличному матеріалу, она оставалась въ существѣ безъ измѣненія²⁾. Подвержены вариациіи были только ручки и отверстія (зѣвы) сосудовъ, такъ какъ они были использованы какъ части декоративнаго убранства карасовъ. Измѣненіе формъ тѣхъ и другихъ шло, повидимому, параллельно. Первоначально отверстіе караса было маленькое, вершка 3 въ діаметрѣ, и обводилось низкимъ бортикомъ (въ $\frac{1}{2}$ вершка высотой, примѣрно). Той же высоты были узкія ручки (числомъ до 4) съ дырочкой для одного пальца (табл. IX рис. 3 и табл. X рис. 1). Постепенно горлышко дѣлается шире, стѣнки его выше, а ручки становятся широкими, плоскими и настолько длинными, что ихъ можно брать всей рукой. (табл. X рис. 2). На одномъ карасѣ ручки идутъ, прилѣпляясь нижнимъ концомъ къ плечикамъ сосуда, еще отъ бордюра горла³⁾, на другомъ онѣ спустились

1) Клише рисунковъ табл. XII рис. 1, 2, табл. XVII рис. 3, табл. XX рис. 1 предоставлены для напечатанія Императорской Археологической Коммиссіей; впервые воспроизведены въ Отчетѣ ИАК. 1892 г. и въ ИАК. 1906 г.; карасный поясъ воспроизведенный въ ИАК. 1906 г. не перепечатанъ здѣсь въ виду схематичности рисунка; изображеніе караса изъ Отч. 1892 г., повторенное также въ каталогѣ Анійскаго Музея Древностей І. А. Орбеліи, вып. I, стр. 25, замѣнено воспроизведеніемъ фотографическаго снимка. Въ каталогѣ на стр. 63 дано уменьшенное воспроизведеніе нашего табл. XI рис. 1. Рисунки табл. XVI рис. 1 и табл. XX рис. 2 были раньше отпечатаны въ Реестрѣ предметовъ древности изъ VI-ой (1907 г.) археологической кампаніи въ Ани Н. Я. Марра. Рисунки табл. XVI рис. 1, табл. XVII рис. 1, 2, табл. XX рис. 2 и 3, табл. XXII рис. 7 воспроизведены съ рисунковъ перомъ художника С. Н. Полторацкаго. Табл. XIII воспроизводитъ рисунокъ Н. М. Токарскаго. Рисунки I на табл. XVIII и 3 на табл. XXII сдѣланы съ фотографій, изготовленныхъ благодаря любезности Я. И. Смирнову съ предметовъ Эрмитажныхъ коллекцій. Пользуюсь случаемъ выразить Я. И. Смирнову, неоднократно дававшему указанія, свою искреннюю признательность.

2) Есть еще два-три фрагмента маленькихъ карасовъ вершковъ 6 высоты и ширины; орнаментированный поясъ шест. ниже наибольшей окружности; украшенъ онъ былъ мелкими розетками. Значительная часть одного экземпляра собрана вмѣстѣ.

3) Этотъ экземпляръ вообще нѣсколько своеобразенъ: орнаментированнаго пояса на немъ нѣтъ, а отъ борта зѣва идутъ внизъ до середины примѣрно глиняныя накладныя полосы, по всей длинѣ патыканныя пальцемъ. Украшенія такого вида и расположенія встрѣчаются въ Ани на разнаго рода горшкахъ.

ниже и верхній конецъ прилѣпляется также къ покатости горлышка. На ручки на ихъ верхней части насаживаютъ поднимающіеся завитки или остроконечно вытянутыя шишки и т. д. Въ Анійскомъ Музеѣ имѣется до восьми разнообразностей такихъ большихъ ручекъ. Закраины горла первоначально ничѣмъ не украшались, на позднѣйшихъ же экземплярахъ ихъ не полировали, а покрывали какимъ-либо орнаментомъ; этотъ орнаментъ въ общемъ одного характера, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣняли инкрустацію фаянсовыми или простыми поливными глиняными кусочками, но въ частностяхъ онъ обнаруживаетъ до 50-ти разнообразностей¹⁾. Большой частью этотъ орнаментъ — волнистая линия, въ изгибахъ которой помѣщены розетки, запытыя и т. п. Кромѣ того, въ связи съ этими же высокими бортами появляются и особые, вертикально идущія отъ нихъ орнаментальныя узкія полосы. Эти полосы дѣлятся накрестъ наклонными линиями; каждый треугольникъ покрытъ рѣдкой сѣткой; въ углахъ насажены пуговицы: такая ихъ раздѣлка есть, вѣроятно всею, подражаніе узорамъ полотенецъ²⁾. Это уширеніе и повышеніе стѣнокъ горла для Ани не есть явленіе, наблюдаемое исключительно на карасахъ: оно характерно для самыхъ различныхъ глиняныхъ сосудовъ поздней эпохи, даже для простыхъ неполированныхъ горшковъ съ двумя ручками, или широко раскрытыхъ мисочекъ, получающихъ вмѣсто закругленія края особый, отвѣсно поднимающійся подъ угломъ прямой бортъ.

Кромѣ этихъ структурно-необходимыхъ частей, использованныхъ въ декоративномъ отношеніи, карасамъ придаются и другія части, удовлетворяющія специально художественной потребности. Таковыми являются орнаментированные пояса, идущіе по наибольшей окружности, и отдѣльные фигурные рельефы въ верхней части карасовъ.

Наиболѣе древніе карасы имѣли на брюшкахъ крупныя рельефныя изображенія животныхъ — барсовъ, тигровъ и т. п. Они накладывались вылѣпленными на поверхность караса и поэтому позднѣе части ихъ легко отскакивали (табл. IX рис. 3 и табл. XI рис. 1)³⁾. Въ верхней половинѣ почти цѣльнаго музейнаго экземпляра, надъ поясомъ, къ одной изъ трехъ ручекъ (для одного пальца), сдѣланной подъ отогнутымъ въ сторону ободкомъ горла, какъ бы поднимаются другъ другу навстрѣчу двѣ пантеры или

1) Изъ нихъ 5 или 6 съ инкрустаціей.

2) Къ этимъ полосамъ мы еще вернемся ниже, въ связи съ другимъ возможнымъ объясненіемъ ихъ происхожденія.

3) На почти цѣльномъ собранномъ экземплярѣ музея не хватаетъ многихъ частей рельефовъ; только видны слѣды, какъ онѣ были расположены. См. табл. IX рис. 3.

два барса, съ длинными хвостами, нѣсколько поднятыми кверху, и съ длинными подогнутыми передними лапами¹⁾. По туловищу вкраплены бѣлыя вставки. Такое расположеніе фигуръ, какъ бы тянущихся къ содержимому сосуда, встрѣчается изрѣдка въ восточномъ искусствѣ²⁾. Но обыкновенно оно не сочетается съ такимъ реальнымъ нагляднымъ мотивомъ, а представляетъ просто симметрически расположенныя фигуры и часто (особенно въ болѣе раннее время) заключенныя въ круги³⁾. Какъ мнѣ указалъ І. А. Орбели, аналогичныя изображенія встрѣчаются и на извѣстныхъ мѣдныхъ котлахъ изъ Дагестана, обычно датируемыхъ XIII-мъ вѣкомъ⁴⁾. Аналогично расположены рельефы и другихъ трехъ фрагментовъ съ изображеніями тигра, барса и т. п.⁵⁾. Всѣ они идутъ вверхъ⁶⁾, напиться. На послѣднемъ рельефѣ сдѣланы чешуйки и хвостъ завиткомъ. А средній — большіхъ размѣровъ (до 20 см. длины) — характеризуется, какъ тигръ, полосками по шкурѣ (табл. XI рис. 1).

Къ этому приему помѣщать вверху орнаментально-украшенныхъ сосудовъ изображенія животныхъ крупнымъ рельефомъ мы находимъ параллели на металлическихъ кувшинахъ и подсвѣчникахъ мусульманскаго искусства конца XII-го, начала XIII-го вв., гдѣ мы видимъ спокойно сидящихъ львовъ или даже только переднія части льва — голову и переднія ноги⁷⁾,

1) Здѣсь въ деформированномъ видѣ реальное наблюденіе какъ бы крадущейся кошачьей поступи.

2) Аналогичное изображеніе имѣется, напр., на принадлежащемъ сванамъ Местійскаго общества серебряномъ сосудѣ (XII—XIII в.); здѣсь скульптурная фигура леопарда сидитъ на изгибѣ ручки кувшина (см. табл. XLI въ МАК, т. X (1904), перепечат. въ «Вост. Серебрѣ» подъ № 130).

3) См. большое число такихъ изображеній на тканяхъ съ X по XIII в.; ткани XII—XIII вв. почти всегда не имѣютъ обрамленія кругомъ, какъ видно на таблицахъ изданнаго Lessing'омъ Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museums, Berlin (1900 sqq.).

4) Я не вхожу въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ котловъ, такъ какъ І. А. Орбели специально занимается вопросомъ о связи ихъ съ карасами. Изданъ одинъ въ Музеумъ Saucasicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой; нѣсколько котловъ сохраняются въ Музеѣ бар. Штиглица.

5) 04. № 5а; 09. А. № 22; 10. У. IV. № 134. — Едва различимые остатки рельефа на фрагментѣ 1913 года изъ холма № 27 — какъ совершенно не поддающіеся пока опредѣленію — оставляю безъ разсмотрѣнія.

6) Это наклонное ихъ положеніе опредѣляется линіями внутренней стороны, оставленными при лѣпкѣ сосуда на станкѣ.

7) Ср. особенно Sarre, *Erzeugnisse islamischer Kunst* (Lpzg, 1905), I, табл. V (№ 17) и рис. въ текстѣ №№ 15 и 16 (сѣверно-персидскіе кувшины XII—XIII вв.); Migeon, *Exposition des arts musulmans* (Paris, 1903), pl. 9 и 10; Sarre und Martin, *Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910*, Bd. II, табл. 141—143 (кувшины XII в., прямо отнесенныя въ Армению) и 144—154 (другія металлическія издѣлія съ инкрустацией и аналогичными изображеніями). Характерны табл. 122—139 главнымъ образомъ древнѣйшія издѣлія, относимыя издателями къ 5—6 вв., по которымъ видно постепенное развитіе ука-

а равно и на поверхности неполивныхъ керамическихъ предметовъ со средняго теченія Тигра и изъ сѣверной Месопотаміи (тоже конца XII, начала XIII вв.), гдѣ посредствомъ такой же техники, какъ и въ нашихъ крупныхъ рельефахъ, выполнены крупныя фигурныя изображенія людей и переднихъ частей животныхъ¹⁾. Карасныя изображенія отличны отъ нихъ въ частности, но самый приѣмъ тотъ же и наблюдается въ ту же эпоху; очевидно, одинъ спросъ былъ на всемъ Востокѣ.

Къ той же группѣ отношу и крупныя развѣсистыя деревья на фрагментахъ трехъ карасовъ, вдавленные въ поверхность корпуса²⁾.

Другіе два фрагмента крупныхъ рельефныхъ животныхъ исполнены на слегка лишь полированныхъ сосудахъ и составляютъ, вѣроятно, простой дешевый товаръ: фигуры скорѣе всего походятъ на козъ или на что-либо подобное³⁾. Онѣ стоятъ горизонтально, а не наклонно вверхъ. Также горизонтально расположены и два рельефа одного сюжета: какія-то существа въ родѣ горныхъ козловъ съ почти птичьими носами, подходятъ къ покрытому ягодами (стилизованному) дереву⁴⁾ (табл. XI рис. 2).

Въ этомъ переходѣ къ горизонтальному положенію, мнѣ думается, заключается существенный моментъ смѣны стили. Рельефъ потерялъ свое значеніе, онъ деградированъ на ту же степень, что и орнаментальный поясъ. И эта деградация всего украшения сказалась и на сюжетахъ: рѣд-

занныхъ мусульманскихъ издѣлій изъ металла; ср. также Amida, стр. 352—354. (Ср. кромѣ того и отдѣльные снимки предметовъ выставки). Кувшины въ Музеѣ Штиглица, см. ст. А. Половцова, «Старые Годы» 1913, октябрь, таблица противъ стр. 14. Сосуды эти предположительно изготовлены не въ Мосулѣ (Месопотамія), а на армянскомъ и сѣверо-персидскомъ плоскогорьѣ (Sarre, ib., p. 9).

1) Въ отношеніи послѣднихъ ср. также одинъ фрагментъ широкой ручки изъ раск. 1892 года въ Армавирѣ, извѣстный по репродукціи въ Отчетѣ ИАК, за 1892, стр. 84, рис. 48 (находится въ Эрмитажѣ). На немъ видны, какъ бы вытянутыя впередъ по землѣ ноги сидящаго тигра (табл. XII рис. 9).—Месопотамскіе фрагменты изслѣдованы Sarre, Islamische Tongefässe aus Mesopotamien (Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen, 1905, p. 69 sqq.); см. eune Sarre, Erz. isl. Kunst, II (1909), табл. XXI (№№ 1 и 4); Sarre und Herzfeld, Archäologische Reise im Euphrat- u. Tigrisgebiete (Berlin 1911), Bd. III, табл. CXIV и CXV; Migeon, Exp. des arts mus., pl. 31; Sarre und Martin, Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910, Bd. II, табл. 90; и фот. за № 1079.

2) Одинъ не помѣченъ, изъ раскопокъ какого онъ года; другой — 1913 г. около церкви Спасителя; третій — 1908 года.

3) 10. У. IV. № 20 и № 93.

4) 11. С. № 7 + № 9 и 12. А. № 380. Ср. также кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гёга, Эрив. губ. (табл. XII рис. 8, перепечатано изъ Отчета ИАК, 1892 г., рис. 49 на стр. 85). Аналогичный къ рельефамъ животныхъ переходъ-деградацию отъ выше названныхъ раскидистыхъ вѣтвей деревьевъ представляютъ два изображенія деревьевъ (Об. № 153 и 10. У. III. № 52) грубой работы, только намѣчающія листья, какъ и натыканныя на нихъ и на стволахъ пуговки-плоды. (Ср. еще силуэты на 12. А. и 07. № 155 въ той же витринѣ).

кіе, царственные тигры и барсы замѣнились почти сказочными козлами, сернами въ простой жанровой обстановкѣ. Эта деградация идетъ дальше, и мы встрѣчаемъ изображенія собачекъ или волковъ, какъ на экземплярѣ изъ Шпракавана¹⁾. При этомъ само изображеніе при маломъ размѣрѣ — всего 5½ см. длины — перекочевало на вѣшную поверхность горла, уже очень высокаго. Въ этомъ, дѣйствительно, мнѣ думается, нужно видѣть примѣръ перехода къ послѣдней эпохѣ караснаго искусства, когда крупные рельефы совершенно пропадаютъ, и мы находимъ выработавшимся уже иной стиль и самыхъ украшеній. Тутъ появляются, какъ упомянуто, высокіе разукрашенные края горла и нерѣдко идущія отъ нихъ внизъ — какъ бы пестрыя — полосы. Отдѣльные рельефныя фигуры отсутствуютъ совершенно, и главнымъ украшеніемъ становятся орнаментированные пояса, къ разсмотрѣнію которыхъ перейдемъ теперь.

Какъ упоминалось уже, кромѣ отдѣльно налѣпленныхъ рельефныхъ фигуръ, карасы имѣютъ еще пояса орнаментовъ, механически оттиснутыхъ по сырой глинѣ цилиндрическими валиками, приспособленными, очевидно, къ станку. Одинъ экземпляръ такого каменнаго валика былъ найденъ въ раскопкахъ 1910 года (см. табл. XIII, въ наст. вел.)²⁾. Техника эта имѣетъ своего предшественника въ прикладываніи на сырую глину отдѣльныхъ штемпелей съ изображеніями. Многіе образцы такихъ неполивныхъ глиняныхъ сосудовъ съ отдѣльными штампованными изображеніями фигурнаго и геометрическаго рисунка (отъ 2—6 см. въ діаметрѣ), найденные въ Месопотаміи, относятся къ ранней порѣ исламскаго искусства (до X—XI в.)³⁾. Дальнѣйшее развитіе этого приѣма мы усматриваемъ въ украшенияхъ, производимыхъ оттискомъ сплошныхъ формъ. Таковы украшенія на найденныхъ тамъ же кувшинахъ для воды (146 см. по наибольшей окружности) и др., покрытыхъ частью только въ верху брюшка рядами орнаментальныхъ полосъ, составленныхъ изъ геометрическаго орнамента и непрерывнаго ряда бѣгущихъ въ одномъ направленіи (среди растительныхъ витковъ) тигровъ и т. п. Они, очевидно, оттиснуты

1) 14. Ш. № 24 въ Анійскомъ Музеѣ Древностей.

2) Ср. Орбели, Развалины Ани (1911), стр. 52: 10. У. II. № 10; еще раньше найдена другая форма въ Вышгородѣ (08. № 6)

3) Sarre und Herzfeld, Arch. Reise (1911), Bd. I, pp. 62—63 и прим. 3, 184, 186—187, 212, 224—227, 238 и рис. 115—117, 121, 122. Эта «штемпельная» техника примѣнялась между прочимъ и на этрусскихъ вазахъ и въ модномъ теперь «хеттскомъ» искусствѣ, ср. Chantre, Recherches archéologiques dans l'Asie Occidentale. Mission en Cappadoce en 1893—94 (Paris, 1898), pp. 29 (fig. 20, 21), 80 (pl. IV, 14-15) и наконецъ, p. 157—163; также Perrot et Chipiez, Hist. de l'Art, IV, гдѣ говорится какъ разъ о печатяхъ. Нѣсколько такихъ печатей привезъ изъ Вана и И. А. Орбели въ 1912 году. Тоже и на этрусскихъ и римскихъ вазахъ примѣнялись штампы.

со специальныхъ формъ¹⁾. Переводъ орнаментальныхъ поясовъ на анійскіе карасы достигнуть дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ той же техники тисненія, именно двойнымъ вращеніемъ — караса и цилиндрическаго ролика - формы²⁾. Но этотъ приемъ повлекъ за собой очень важное ограниченіе. Пуская въ движеніе форму для оттискиванія изображеній, мастеръ примѣнялъ только простѣйшій видъ движенія, т. е. производилъ касаніе рѣзной поверхностью ролика выступающей (въ томъ же перпендикулярномъ отношеніи къ вращающейся оси станка) карасной части. Благодаря этому техническому усовершенствованію, получилась возможность имѣть только одинъ узкій поясъ по наибольшей окружности самого сосуда, оставляя всю остальную поверхность гладкой и неорнаментированной, причемъ плоскость пояса должна была оставаться строго вертикальной.

По рисунку пояса анійскихъ карасовъ представляютъ также, какъ и месопотамскіе сосуды, или фигурныя изображенія (птицъ, животныхъ, людей) или чисто-орнаментальныя фигуры (плетенія, розетки и т. д.). Мы рассмотримъ обѣ группы отдѣльно. По стилю они распадаются на нѣсколько группъ. Первая образуетъ съ крупными рельефами одну, древнѣйшую, затѣмъ есть нѣкоторая переходная стадія, гдѣ все существенное древняго стиля утеряно, но сохранились кое-какіе отголоски его. Наконецъ, мы имѣемъ богатую коллекцію образцовъ карасныхъ поясовъ новаго стиля.

Стиль фигурныхъ поясовъ древнихъ карасовъ (табл. XIV рис. 1 и 2 и табл. XV рис. 1—4) и крупныхъ рельефовъ на нихъ значительно разнится отъ позднѣйшихъ. Рельефъ примѣненъ округленный, съ нарочитымъ подчеркиваніемъ контуровъ, тщательный; всѣ фигуры рѣзко, опредѣленно выдѣляются на фонѣ. Округленные въ натурѣ части такими и переданы, между тѣмъ какъ по линіямъ складокъ и т. п. одна часть отдѣлена

1) Sarre und Herzfeld, ib. Bd. III, табл. CXV; Bd. I, p. 224 sqq. (рис. 114); Sarre und Martin, Ausstellung, Bd. II, табл. 98, 104 (106); фот. за № 1193: изъ Султанабада, XIII вѣка. Многочисленные находки неполныхъ глиняныхъ сосудовъ такой же техники изъ Самарканды находятся въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ. Среди нихъ также каменная форма (состоящая изъ трехъ частей) для полученія рельефо-орнаментированныхъ малыхъ сосудовъ (металлическихъ?). Три фрагмента такихъ же сосудовъ, найденные въ раскопкахъ, находятся въ Анійскомъ Музеѣ Древностей, какъ и нѣкоторыя другія находки явно-завознаго происхожденія (что видно по глини и формамъ).

2) Цилиндры были извѣстны на Востокѣ съ древнѣйшаго времени (хотя-бы въ томъ же хеттскомъ искусствѣ), но о примѣненіи ихъ въ гончарномъ производствѣ нигдѣ не находимъ ни указаній, ни слѣдовъ. Только на нѣкоторыхъ этрусскихъ вазахъ орнаменты наносились, повидимому, прокатываніемъ цилиндровъ (на что указываютъ сдвиги и иныя неправильности). Также на одномъ поздняго времени фрагментѣ изъ Трои (H. Schmidt, Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer, Berlin, 1902, № 2552 и рис., ср. стр. XVI—XVII).

отъ другой сильно, утрированно вдавленной линіей контура. Мнѣ думается, что это остатки приѣмовъ иной техники, — инкрустированія по металлу, гдѣ такое усиленное углубленіе примѣнялось ради лучшаго укрѣпленія накладныхъ частицъ¹⁾. Здѣсь же этотъ приѣмъ сохранился, какъ переживаніе. Самъ поясъ раздѣленъ на три части — средняя, широкая полоса съ фигурными изображеніями, окаймлена узкими бортиками витой линіи²⁾. Фигурныя изображенія экзотическаго характера — человѣческія фигуры съ аффектированной жестикуляціей, геральдическіе львы, птицы передъ курильницей или деревомъ жизни и т. п. — тянутся, непрерывной полосой, быть можетъ, отчасти на фонѣ растительныхъ завитковъ.

Нахожденіе здѣсь, на предметахъ опредѣленно анійскаго производства такихъ изображеній, какъ по сюжетамъ, такъ и по стилю исполненія хорошо извѣстныхъ изъ искусства мусульманскаго Востока, нисколько не можетъ насъ удивить, такъ какъ проникновеніе исламской культуры сильно сказалось во всѣхъ областяхъ матеріальной культуры Ани именно въ эпоху господства Шеддадидовъ, и послѣдующія³⁾. Мы находимъ здѣсь парныя, симметрически расположенныя изображенія птицъ, тигровъ и т. п., которыя пребываютъ въ различныхъ видахъ въ мусульманскомъ искусствѣ съ X по XII, а какъ переживаніе и по XVII вв. Такой какъ бы медальонный способъ расположенія изображеній особенно характеренъ, кромѣ тканей, для чеканной посуды и для рѣзбы по дереву⁴⁾. И до нашего времени мы встрѣчаемъ въ этихъ

1) Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что такъ наз. мусульскія бронзы конца XII вѣка происходятъ, повидимому, (хотя-бы частью) съ армянскаго плоскогорья и сѣверной Персіи (Sarre, Ein orientalisches Metallbecken des XIII. Jhdts, in: Jahrb. Pr. KS., 1904, pp. 57—58 u. N., p. 59 Note 2 u. 3). Въ качествѣ примѣровъ см. табл. 17 (XIII—XIV в.), 15 и 21 (XIV в.), далѣе 22 и 23 (XV в.) въ изданіи предметовъ Exposition des arts musulmans, Paris, 1903, или изъ собранія Sarre, Erz. isl. Kunst, I: Metall; Prisse d'Avennes, L'Art arabe d'après les monuments du Kaire, Paris, 1877, pl. 169, 173; Sarre und Martin, Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910; F. R. Martin, Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockholm, 1902 Tafelband; Museum Caucasicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой, Тифлисъ, 1902 (дагестанскіе сосуды) и др.

2) Аналогичная разбивка на месопотамскихъ неполивныхъ кувшинахъ (Sarre und Herzfeld, Bd. III, табл. CXV); также на серебряной чашкѣ, вѣроятно, европейской работы, подъ № 295 въ «Вост. Серебрѣ». Отголосокъ такого дѣленія полосъ находимъ и на тиразѣ одежды дѣвочки изъ могилы усыпальницы Тиграна Юненица въ Ани (см. Орбели, Каталогъ, I, стр. 35—за номеромъ 08. № 53).

3) Л. А. Орбели, Развалины Ани, стр. 19—20.

4) Exposition des arts musulmans (Paris 1903), pl. 13 (средній медальонъ котла Абу-Бекра, султана Египта и Дамаска 1238—40 гг.); pl. 79 (перс. коверъ XVI в.), pl. 89 (шелковая ткань); Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München (1910): металлическія издѣлія (цѣпированныя выпле), далѣе шелковыя ткани (Bd. III, преимущественно XI—XII вв.) и ковры (въ XVI—XVII вв. въ Bd. I); Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst, I,

отрасляхъ художественной промышленности вкрапленными такіе кружки посреди изображеній совсѣмъ иного характера, именно — по удачному выраженію Sarre — «импрессионистическаго». Дѣйствительно, мусульманское искусство съ XIII-го (или конца XII-го) вѣка широкой волной заполнено импрессионистическими изображеніями животныхъ, и, напр., въ керамикѣ они даже царятъ безраздѣльно. Въ то время, какъ для болѣе ранней керамики Месопотаміи (изъ Ракки) характерны застывшія вѣтви и (правда, рѣдкія) животныя, такъ же, какъ и для безусловно болѣе раннихъ, чѣмъ XIII-й вѣкъ, персидскихъ тарелокъ и кубковъ (изъ Рея или Рагъ) симметрическія изображенія сидящихъ фигуръ и нѣкоторыя черты, предвѣщающія начинающійся «импрессионизмъ», — вся керамическая продуктивность исламскаго искусства съ XIII-го вѣка приковываетъ вниманіе живостью, «импрессионизмомъ» изображеній въ богатой, красочной скалѣ¹⁾. Этого мы не находимъ на рассматриваемыхъ поясахъ карасовъ: они воспроизводятъ болѣе древній, застывшій типъ. На заднемъ фонѣ изображеній видны обычные на нихъ растительные побѣги; частью, однако, это проходящіе, повидимому, сплошь завитки. хорошо извѣстные изъ исламской поливной керамики и металлическихъ сосудовъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ, гдѣ именно на фонѣ растительныхъ завитковъ изображены бѣгушія животныя²⁾. В. А. н. найдены

№ 20 (сосудъ первой половины XIII в. изъ сѣверной Месопотаміи); Prisse d'Avennes, *L'art arabe d'après les monuments du Kaire* (Paris 1877), texte, p. 65 (гербъ султана El-Melek-el-Daher Beybars'a второй половины XIII в.); t. II, pl. 83 и 84 (рѣзные деревянные двери XIII в.); t. III, pl. 157 (слоновой кости шкатулка съ серебряными скрѣпами, на всѣхъ выдающихся мѣстахъ которыхъ посажены парно птицы передъ «деревомъ жизни»); pl. 169, 173 (металлич. вещи); pl. 147, 148, 151 (ткани XII—XIV вв.); Leasing, *Die Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museum* (Berlin 1900 sqq.) — ткани восточныя съ X по XIII вв., изъ нихъ ткани XII—XIII вв. болѣею частью не заключены въ круги; есть узкія длинныя полосы, тканыя съ повторяющимися симметрическими фигурами; ср. Diehl, *Manuel d'art byzantin* (Paris 1910), p. 604; M. v. Berchem et Strzygowski, *Amida*, pl. III, № 2 (909—910 гг.); Sarre und Herzfeld, Bd. III, табл. CV (рельефъ въ Мосулѣ); и на армянской церкви Ахтамарт, на Ванскомъ озерѣ, X-го вѣка, см. Bachmann, *Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan* (1913), табл. 33 (лѣвый снимокъ); 35 (оба); 38 (верхній); и снимки I. A. Орбели; персидскіе ковры XVI в. въ Музеѣ барона Штиглица, см. А. Половцовъ въ журналѣ «Старые Годы», октябрь 1913 года.

1) Ср. особенно Henri Rivière, *La céramique dans l'art musulman* (Paris 1913), но и другія публикаціи, какъ-то обѣихъ выставокъ мусульманскаго искусства, Н. Wallis и др.

2) Ваза Базилевскаго въ Эрмитажѣ, часто воспроизводимая, между прочимъ и у Sarre, въ *Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen*, 1904, p. 64; кромѣ того, тамъ же и другія p. 62, fig. 11 (перс. изразцы XIII—XIV вв.), перепечатано Sarre, *Denkm. pers. Baukunst* (1911), Textband, p. 69, fig. 83; кромѣ того p. 70, fig. 85; Sarre, *Erzeugnisse islam. Kunst*, II, p. 12, fig. 13; Henri Rivière, *La céramique dans l'art musulman* (Paris 1913); далѣе публикаціи персидской керамики Henry Wallis'a и т. д. Местійскій серебряный кувшинъ: МАК, т. X, табл. XLI, или «Вост. Серебро», № 130; Prisse d'Avennes, о. с., III, pl. 164 и особенно

такія произведенія мелкаго мусульманскаго искусства (помимо поливной керамики), гдѣ представлены хорошо моделированныя изображенія животныхъ, бѣгущихъ или величаво сидящихъ среди легкихъ завитковъ растений: это — гипсовое лѣпное убранство одной изъ залъ дворца въ Вышгородѣ, составляющее параллель къ поясамъ карасовъ. Мусульманское происхождение его засвидѣтельствовано присутствіемъ буквъ арабскаго алфавита на одномъ фрагментѣ. Съ карасами оно имѣетъ общія формальныя черты, отчасти и сюжеты¹⁾.

Въ формальномъ отношеніи пояса карасовъ разсмотрѣннаго типа исполнены — какъ сказано — округлымъ, хорошо моделированнымъ рельефомъ, вполне передающимъ линіи, очертанія тѣла. Это — приемъ всего мусульманскаго искусства, но ни въ какомъ случаѣ не искусства армянскаго. Здѣсь, въ Ани, это взятый цѣликомъ въ готовомъ видѣ продуктъ чужого художественнаго творчества, какъ и фигурная рѣзба на церквахъ св. Григорія, постройкахъ Тиграна и Оненца, Бахтагека и т. д. Но онъ не могъ пустить корпей на чуждой ему почвѣ да еще при рѣзко выраженномъ отличіи, а наоборотъ неминуемо долженъ былъ подвергнуться ассимиляціи и переработкѣ въ духѣ мѣстнаго искусства. Мѣстный художественный укладъ сильно измѣнилъ эти чуждыя произведенія, и далъ намъ въ болѣе позднюю эпоху пояса карасовъ совсѣмъ иного типа какъ по сюжетамъ, такъ и по техникѣ, именно совершенно плоскаго, ковроваго рисунка, притомъ очень грубаго, дикаго вида. И дѣйствительно, насколько чужды были эти первые образцы, видно и по малому числу ихъ: образцовъ древняго стиля имѣется всего 7 на сто почти экземпляровъ новаго стиля и переходнаго къ нему времени²⁾.

pl. 177, воспроизводящая миниатюру изъ рукописи Нагігу 1236 года, и мн. др. Также и гипсовые лѣпныя украшенія въ Ани (о которыхъ сейчасъ, ниже) и Діарбекирѣ, и глиняные сосуды изъ сѣверной Месопотаміи.

1) Орбели, Каталогъ Анійскаго Музея Древностей, I вып., стр. 24; рис. см. Реестръ предметовъ древности изъ раскопокъ 1907 г., стр. 3 и 13 и Каталогъ, стр. 23. Равно и лѣпныя украшенія изъ Діарбекира («Amida», p. 354—357 = Sarre, Erz. isl. Kunst, II, табл. IV—V).

2) 14. № 28 (3 фрагмента); 07. п. № 26; 12. А. 55; 10. У. II. № 7; 09. п. № 54. — Къ этому коренному различію мы еще вернемся. Здѣсь-же нужно отмѣтить, что и среди произведеній исламскаго искусства извѣстны рельефы плоской, такъ сказать, «армянской» рѣзбы изъ Коніи XIII-го вѣка, т. е. расцвѣта сельджукскаго искусства. Но эти нѣсколько рельефовъ стоятъ настолько особнякомъ и посреди другихъ конійскихъ, что ихъ нужно считать произведеніями инородныхъ мастеровъ, что поддерживается относительно сельджукскаго искусства нѣсколькими исторически извѣстными аналогіями, да и, напр., изображеніемъ фигуры одного рельефа, сидящей на стулѣ, а не на полу, скрестивъ ноги, какъ естественно было бы для мусульманъ. Изданы эти рельефы у Sarre, Erz. isl. Kunst, II

Убранство древнѣйшихъ карасовъ состоитъ, какъ мы указывали, изъ крупныхъ рельефовъ и охарактеризованныхъ только что поясовъ. А между тѣмъ нельзя не отмѣтить, что первые всетаки далеко не столь выпукло, округло глѣплены, какъ, напр., фигуры гипсового убранства залы дворца. Это — въ сравненіи съ указанными исламскими памятниками; сравнивая же ихъ съ типично-армянскими рельефами, мы увидимъ значительный уклонъ въ сторону моделированія фигуръ. Здѣсь, очевидно, какъ на болѣе крупныхъ памятникахъ, армянскія нормы оказали извѣстное вліяніе уже съ самаго начала.

Между карасами новаго времени и древними, на первый взглядъ, — непреходимая пропасть. И стиль и сюжеты изображеній совершенно различны; никакой преемственности установить нельзя, кромѣ нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ и для стиля чертъ. Мнѣ представляется, что на тѣхъ же сосудахъ и тѣми же техническими приѣмами стали теперь воспроизводить совсѣмъ другія изображенія. Но есть карасы съ пояснымъ убранствомъ, которое я считаю переходнымъ къ новому стилю; оно состоитъ изъ рельефныхъ поясовъ съ изображеніями сравнительно крупно представленныхъ животныхъ, главнымъ образомъ оленей¹⁾, а также лошадей²⁾, быковъ³⁾, собакъ⁴⁾, наконецъ, одинъ разъ, повидимому, медвѣдя и одинъ разъ волка⁵⁾. Мы замѣчаемъ здѣсь большое разнообразіе сюжетовъ; еще не создалось шаблона: сцены живыя, подвижныя, экспрессивныя (табл. XVI рис. 1—6, табл. XVII и XVIII). Быть можетъ, это частью даже охотничьи или боевыя сцены (ср. табл. XII рис. 2 и табл. XVIII рис. 2)⁶⁾. Мы здѣсь на-

(1909). Много позднѣе, въ XVI—XVII вв. эту же плоскость въ рельефахъ и фигурахъ мы найдемъ въ персидскомъ искусствѣ; но въ это время не слѣдуетъ ли ставить ее въ связь съ китайскимъ вліяніемъ при Сефевидлахъ (см. Sarre, *Denkm. pers. Baukunst*, Tafelband, табл. 64; Sarre, *Erz. isl. Kunst*, I, рис. 47 (стр. 55), № 160; Migeon, *Exposition des arts musulmans*, pl. 70).

1) 06. № 225, а, b; 10. У. IV. 70; 15. А. Около церкви рода Абугамренцъ въ 1915 г. откопаны фрагменты караса съ изображеніемъ трехъ бѣгущихъ животныхъ (двухъ оленей и волка?), отписнутымъ вверхъ ногами, какъ видно изъ расположенія ручекъ.

2) 15 п.; 04, № 5с; 12. А. 5).

3) 09. М. № 48.

4) 15 п. № 15.

5) 15. А.

6) Образцы собраны въ I-ой витринѣ. Въ параллель къ нимъ естественно становятся изображенія животныхъ на фрагментахъ трехъ поливныхъ чашекъ: 15. А; 11. С. № 1; 08. № 29. Интересная находка была сдѣлана въ XII кампанію (1913 года) при раскопкахъ около церкви Спасителя. Здѣсь были найдены фрагменты, повидимому, воспроизведенія церкви въ красной полированной глинѣ (ковчежецъ?), имѣющаго еще нѣсколько аналогій въ Музеѣ. Экземпляръ раск. 1913 г. украшенъ такимъ же караснымъ орнаментомъ, какъ и перечисленные, изображающимъ чуть ли не воинское выступленіе, погоню (см. табл. XVIII рис. 2).

блюдаемъ то же теченіе, что и въ одновременномъ исламскомъ искусствѣ, именно, упоминавшуюся уже любовь къ импрессионистическому изображенію животныхъ въ движеніи и т. д. Очевидно, это общая волна, охватившая искусство всего Востока да, собственно говоря, и Запада, Европы. Но встрѣчаются также приемы, ставшіе затѣмъ шаблономъ. Хотя фигуры еще очень высоко выдаются на фонѣ, но онѣ совершенно плоски, отдѣленность нѣкоторыхъ частей туловища мѣстами еще налицо, но уже нѣтъ легкости и изящества линій, движенія, а рисунокъ простъ и грубоватъ¹⁾. Животныя и вообще отдѣльныя сценки (изрѣдка появляется и человѣкъ) располагаются уже большею частію по три разныя группы, заключенныя иногда между деревцами (вродѣ елокъ). Это и принимаетъ обязательный характеръ, становится нормой, шаблономъ. Но это измѣненіе, какъ мы уже нѣсколько разъ отмѣчали, есть явственно одно изъ проявленій какого-то общаго большого процесса переработки въ духѣ собственныхъ требованій. У анійскихъ жителей были требованія цѣлостной культуры, единства ея, начиная отъ церквей, дворцовъ, зданій, и до мелочей повседневнаго обихода включительно. Это наблюдается на протяженіи всего доступнаго изученію періода. Перенесеніе готовыхъ формъ исламскаго искусства не могло произвести въ Ани перерожденія психологическаго уклада и нормъ художественныхъ воспріятій. Наоборотъ, эти послѣднія претворили на свой ладъ иноземные образцы—въ нашемъ случаѣ замѣнили украшеніе карасовъ соотвѣтственно своимъ вкусамъ. Прежде всего это сказалось на формальномъ, стилистическомъ преобразеніи ихъ согласно своимъ нормамъ. Новое убранство карасовъ приняло исключительно поясной, чисто-орнаментальный характеръ, удовлетворяя инымъ требованіямъ, нежели древніе карасы. Въ то время, какъ древніе карасы своими рельефами находятся въ полной гармоніи съ аристократическимъ представительствомъ иноземной культуры, а стилемъ орнаментальныхъ поясовъ, имѣющихся на нихъ, отвѣчаютъ также и роскоши,—новые карасы самой измѣненной формой ихъ и орнаментальными поясами отвѣчаютъ мѣстному массовому спросу, но съ пониженнымъ уровнемъ художественныхъ требованій.

Карасные пояса зрѣлаго новаго стиля показываютъ, что работа претворенія иноземныхъ художественныхъ продуктовъ произведена и въ отношеніи сюжетовъ. Импрессионизмъ и разнообразіе сценъ переходной эпохи

1) Ср. подобныя изображенія въ «Вост. Серебрѣ», № 142 (того же времени мусульманской чеканки), персидскій кафель (Sagge, *Erz. isl. Kunst*, II, рис. 11 стр. 11) и сравниваемые съ послѣдними сельджукскіе рельефы по камню (*ib.*, рис. 10 и 17). Кромѣ того, Sagge, *Denkm. pers. Baukunst. Textband*, pp. 69 (рис. 83), 70 (рис. 85).

преодолены строгой, суровой стилизаціей, вѣриѣ, схематизаціей изображеній и ихъ компановки. Въ новомъ стилѣ движеніа нѣтъ, а царитъ схема. Сюжеты обнимають людей, животныхъ и птицъ (пѣтуховъ? — того же размѣра, что и животныя), а изображенія — въ лучшихъ своихъ образцахъ — представляются стилизованными, заостренными, разбитыми теперь уже на правильные квадратики, съ повторяющимися черезъ три сюжетами¹⁾. И въ размѣрѣ пояса новаго стиля уменьшены и подведены подъ одну мѣрку²⁾.

Различаются двѣ группы изображеній различныхъ сюжетовъ. Одна, менѣе совершенная, представлена въ числѣ около 20 вариантовъ (табл. XIX и XX, ср. также табл. XVII и XVIII, гдѣ изображены пояса, непосредственно предвѣщающіе новую эпоху). Изображены три человѣчка en face, средній изъ нихъ маленький: на нѣкоторыхъ вариантахъ онъ доведенъ въ стилизации до ромба съ точкой въ центрѣ. Позы человѣчковъ должны быть экспрессивны. Въ другихъ квадратикахъ изображены отдѣльныя животныя — олени, собаки, быки, «пѣтухи» и т. п. Раздѣляющія отдѣльныя сценки перегородки мѣняются здѣсь: зигзагъ — лѣстница — елка — витая колонка. При этомъ есть формы, составляющія если не переходъ изъ одной въ другую, то во всякомъ случаѣ ассимиляцію одной другою, такъ что трудно сказать о нихъ — елка это или колонка.

Кромѣ того, два фрагмента составляютъ или связующіе примѣры между образцами переходной и новой эпохъ, или одинаково могутъ относиться и въ ту и въ другую. Такъ, на одномъ между человѣчками и «пѣтухомъ» изображено сидѣнье(?): его скорѣе можно отнести къ переходной эпохѣ³⁾. На другомъ, фрагментъ большой ручки, вмѣсто трехъ человѣчковъ имѣетъ только одного съ (молитвенно?) воздѣтыми вверхъ руками и купольной церковью крестоваго плана (табл. XX рис. 3). Не возможно ли предположить здѣсь специально-церковный заказъ? Этотъ поясокъ также раздѣленъ витыми колонками на квадратныя поля.

Вторая серія — законченныя произведенія новаго стиля — даетъ только 3—4 варианта (табл. XXI). Въ квадратикахъ изображены птицы съ птенцами и животныя, кормящія дѣтенышей; человѣчковъ вообще нѣтъ. Изображенія настолько деградированы, что опредѣлять, кто на нихъ представленъ, вовсе не соответствуетъ замыслу мастера: налицо такіа превращенія,

1) Число три имѣетъ тутъ практическое основаніе: ширина каждой фигурки равна примѣрно діаметру цилиндра, т. е. этимъ тройнымъ числомъ рѣзныхъ фигуръ на окружности цилиндра очень облегчался расчетъ величины каждой изъ нихъ.

2) Всѣ эти образцы выставлены во II-ой витринѣ.

3) ОО. М. № 23 и 15. п.

которыя говорятъ о полномъ отсутствіи мысли о живыхъ прообразахъ. Наоборотъ, все говоритъ о чисто-техническомъ процессѣ стилизаціи; вмѣсто одного только упрощенія рисунка и приведенія его къ основнымъ структурнымъ линіямъ, мы имѣемъ здѣсь старательное заполненіе всякаго пустого мѣста какими бы то ни было простѣйшими линіями, фигурами. Здѣсь изображены какъ бы олени, но съ вытянутымъ вверхъ пирамидой крупомъ, какъ бы серны съ совершенно прямыми рогами и закрученнымъ спиралью хвостомъ (?), наконецъ, какъ бы пѣтухи съ эксельбантами отъ конца вверхъ стоящаго трапеціей хвоста къ шеѣ¹⁾. Фигурки отдѣлены другъ отъ друга перегородками съ зигзагомъ и точками по срединѣ, уже принявшими значительные размѣры.

Стиль этихъ послѣднихъ изображеній совершенно отличенъ отъ первыхъ—крупныхъ рельефовъ и сопутствующихъ имъ поясныхъ сюжетовъ. Они плоски и орнаментально стилизованы и—въ формальномъ отношеніи—скорѣе всего напрашиваются на сравненіе съ фигурными изображениями на поливныхъ сосудахъ и т. д.²⁾ Здѣсь мы сталкиваемся съ типичнымъ для всей армянской рѣзьбы явленіемъ. Орнаментація исполняется въ рѣзко выраженной плоской рѣзьбѣ: всѣ естественныя выпуклости, вся закругленность фигуръ отброшены и изображеніе достигается вырѣзываніемъ рисунка преимущественно прямыми чертами въ плоскости, а не моделированіемъ массы³⁾. Этотъ приѣмъ характеренъ для всей анійской рѣзьбы, какъ фигурной, такъ въ значительной мѣрѣ и геометрической. И даже болѣе того: онъ характеренъ и для армянской рѣзьбы вообще⁴⁾. И это настолько составляетъ сущность художественнаго воспріятія формъ, что даже скульптуры надгробныхъ памятниковъ воспринимаются, какъ соединенія подъ угломъ отдѣльныхъ плоскостей, а не какъ округлыя, пластическія фигуры⁵⁾.

Кромѣ фигурныхъ поясовъ, имѣются еще пояса съ исключительно геометрической орнаментовкой (табл. XXII и XXIII). Среди нихъ можно выдѣлить нѣкоторые фрагменты, которые по тщательности отдѣлки и большей

1) Аналогія деформаций «Вост. Сер.», рис. 37.

2) Об. № 180; Об. С. 19; Об. № 73; Об. № 66; 10. У. IV. 40.

3) Ср. рис. въ Отчетахъ ИАК, 1892, стр. 78, 79 или въ № 1—3 изданій «Анійской Серии»; XV, т. I, II; TP, кн. XIII.

4) Ср., напр., безконечное количество рельефовъ на Ахтамарской церкви (на Ванскомъ озерѣ) X-го вѣка и на др. изданныхъ Bachmann'омъ, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan (Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft, 1913); то же: Егіазаровъ и Мартиросьянцъ, Памятники древне-армянской архитектуры (СПБ, 1905), и др. Наличие этой особенности въ рѣзьбѣ армянскихъ рельефовъ подтвердилъ мѣ и І. А. Орбели, какъ повсюду наблюдаемую имъ (быть можетъ, за однимъ двумя исключеніями).

5) Bachmann, op. cit., табл. 9.

выпуклости формъ, а частью и по внѣшнимъ обстоятельствамъ нахождения ихъ, могутъ быть отнесены къ болѣе раннему періоду. Образцы геометрическаго убранства поясовъ собраны въ Музеѣ въ отдѣльной витринѣ, причемъ при расположеніи ихъ принята во вниманіе и эта замѣчающаяся хронологическая или, по крайней мѣрѣ, типологическая послѣдовательность.

Въ отношеніи рисунка рѣзко разнятся два типа. Одинъ покрываетъ украшаемую часть сплошной, непрерывной полосой; другой же усѣиваетъ ее черезъ извѣстныя промежутки кружками тѣхъ или иныхъ рисунковъ ¹⁾. 15 образцовъ перваго типа представляютъ вариантъ очень распространеннаго архитектурнаго орнамента волнисто переплетающихся линій съ точками посрединѣ ²⁾. Одинъ образецъ мнѣ представляется древнимъ (табл. XXII рис. 1) ³⁾; близко подходитъ къ нему одинъ фрагментъ, извлеченный изъ бута купола церкви св. Григорія, рода Абугамренцъ ⁴⁾, между тѣмъ какъ образцы съ идущими отъ горла къ поясу полосами, какъ бы полотенцами, переносятъ насъ въ позднюю эпоху (табл. XXII рис. 2 и табл. X рис. 2). Кромѣ того, имѣется еще три отличныхъ отъ разсмотрѣннаго только что архитектурнаго образца непрерывной геометрической орнаментовки (табл. XXII рис. 4) ⁵⁾ и стилизація надписи (табл. XXII, рис. 3).

Второго типа коллекція украшеній кружками съ розетками, съ соломовыми печатями и тому подобными изображеніями достигаетъ 30-ти различныхъ примѣровъ (табл. XXII рис. 5—6 и табл. XXII). За одни изъ древнѣйшихъ я бы считалъ два выходящіе нѣсколько изъ этой разновидности примѣра, именно ручку караса, изображающую въ большомъ кругѣ солнце, стилизованное въ видѣ лица, пониже розетку и вихреобразную фигуру (табл. XXII рис. 6) ⁶⁾, а также образцы чередующихся(?) кружковъ и квадратиковъ съ крестикомъ и треугольничками въ немъ. Что же

1) Частію, быть можетъ, они воспроизведены штемпелями отъ руки, а частію роликами, хотя равенство промежутковъ между ними еще не рѣшаетъ вопроса; ср. форму изъ находокъ 1908 года (Дневникъ раскопокъ отъ 10 іюня: 08. № 6) съ рисункомъ розетокъ.

2) Ср., напр., на церкви изъ раск. 1911 года, на церкви Абугамренцъ и др.

3) 09. А. № 12.

4) 15, А, 18: третій фрагментъ въ верхнемъ ряду.

5) Ср. фрагментъ изъ Самарканда въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ за № 999—16 (въ шкапу № 4).

6) 05. п. № 2. Отдаленно напоминаетъ ее украшеніе на сѣверной сторонѣ барабана церкви Тиграна въ Оппенпа. Аналогичная вихреобразная фигура встрѣчается среди месопотамскихъ исполненныхъ глиняныхъ фрагментовъ ранне-исламскаго періода штемпельнаго производства (Sagge und Herzfeld, op. c., I, стр. 226 и рис. 117).

касается всѣхъ остальныхъ, то въ общемъ они производятъ впечатлѣніе принадлежности одной эпохѣ — послѣдней. Показательными для нея являются уже извѣстныя намъ большая ручка особой формы и упоминавшіяся не разъ полотенца, изображающія прозрачную ткань, перехваченную тесьмами и пуговками¹⁾, а, быть можетъ, совершенно преобразованное изображение деревьевъ, встрѣчаемыхъ въ переходную эпоху на карасахъ: тутъ тоже есть пуговики, тамъ явно изображающія плоды²⁾. Нѣкоторые иного вида образцы такихъ полотенецъ, какъ я бы хотѣлъ ихъ считать, наводящіе на мысль и о возможности перехода изъ тѣхъ деревьевъ, находятся въ коллекціи горла отъ карасовъ³⁾.

Среди образцовъ Музея есть фрагменты карасныхъ поясовъ съ частями ручекъ, гдѣ наблюдается соединеніе фигурнаго пояса съ розетками, поставленными у основанія ручки: вѣроятно, это находится въ связи съ оставшимся пустымъ при оттискиваніи цилиндра мѣстомъ (табл. XXII, рис. 42)⁴⁾.

Итакъ, разсмотрѣнные нами полированные карасы, какъ по формѣ, такъ особенно по декоративному убранству составляютъ изолированную группу⁵⁾. Какъ не можемъ мы пока указать тѣхъ глиняныхъ сосудовъ, отъ которыхъ произошли наши карасы, такъ и декоративное убранство ихъ не находятъ себѣ пока прямо указуемаго источника, прообраза. Но тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что карасы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ одновременнымъ народнымъ художественнымъ творчествомъ въ отношеніи психологическихъ основъ и особенностей. Полированные сосуды изъ красной глины — миски, кружки, кувшины, горшки, украшенные и неукрашенные — находятся въ Ани въ послѣднюю эпоху развитія городской жизни въ громадномъ количествѣ, приближающемся къ количеству поливной посуды. Карасы въ этомъ отношеніи составляютъ одно изъ выраженій даннаго теченія. Что касается рельефныхъ, тисненыхъ украшеній, то они психологически входятъ въ одну группу съ упоминавшимися неполивными месопотамскими и среднеазиатскими, а также поливными персидскими издѣліями, на которыхъ украшенія рельефны; я считаю возмож-

1) Обл.—10. У. IV. изъ собр. № 133.

2) Ср. выше, стр. 26 и табл. XI рис. 7.

3) Въ особомъ глухомъ ящикѣ Музея.

4) Нелишне будетъ также упомянуть о существованіи фрагментовъ карасовъ съ тиснеными надписями по верхней поверхности краевъ горла; они описаны I. А. Орбели въ Каталогѣ, I выпускъ, стр. 64 (въ строкѣ 9-ой слѣдуетъ только замѣнить «по полю» словами «по борту горла»). Буквы имѣютъ хорошее лапидарное начертаніе.

5) Распространены карасы довольно широко: фрагменты ихъ имѣются, кромѣ Ани, изъ Ширакавана, Армавира, Гарни.

нымъ говорить здѣсь не о заимствованіи, а лишь о закономѣрномъ проявленіи однѣхъ и тѣхъ же формъ, какъ результатѣ одинаково достигнутыхъ ступеней развитія. Такъ же надо смотрѣть на повсемѣстное проявление громадной живости, подвижности, прочувствованности изображаемаго, которое такъ рѣзко и выгодно отгѣняетъ искусство съ начала XIII-го вѣка, какъ въ передней Азіи, такъ и въ Европѣ, отъ сухого, безжизненного, схематическаго подчасъ, искусства предыдущаго времени. Въ этой смѣнѣ характера художественныхъ воспріятій мы находимъ важное подспорье и для опредѣленія, хотя бы очень приблизительнаго, времени нашихъ карасовъ. Древнѣйшіе, какъ упоминалось, исполнены еще цѣликомъ въ духѣ геральдически-неподвижныхъ, завѣщанныхъ отъ предковъ изображеній, въ то время какъ новые — полны движенія, жизни. Лишь постепенно мастера овладѣли предметомъ и выдѣлили опредѣленные композиціи, претворивъ ихъ вполне согласно своимъ требованіямъ.

Если такимъ образомъ карасы вошли и вполне слились съ армянскимъ искусствомъ послѣ XIII-го вѣка въ Ани, то все-таки возможно, что придется признать чужеземное ихъ происхожденіе. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе важными являются два пункта. Въ то время какъ анійскіе сосуды самыхъ разнообразныхъ величинъ имѣютъ форму вытянутую, къ низу коническую, — у нашихъ полированныхъ карасовъ она пузатая, почти округлая. Далѣе, обычно сплошное заполненіе свободной поверхности предмета орнаментами, очень часто совершенно не приведенное къ высшему единству, не повторено на карасахъ, гдѣ ограниченность украшенія, технически, правда, вполне поясняемая, остается психологически непонятной. Въ обоихъ пунктахъ мы получаемъ вполне удовлетворительныя разъясненія, обратившись къ дагестанскимъ мѣднымъ котламъ, о которыхъ упоминалось вначалѣ. И. А. Орбели подвергъ специальному разсмотрѣнію взаимоотношеніе карасовъ и дагестанскихъ котловъ; благодаря любезности И. А. Орбели, изслѣдованіе котораго надѣмся скоро станетъ общимъ достояніемъ, мы имѣли возможность ознакомиться съ матеріаломъ въ полномъ объемѣ. По моему впечатлѣнію, анійскіе карасы — сколокъ дагестанскихъ котловъ, правда, сколокъ, какъ нельзя лучше пришедшійся ко двору, вполне отвѣчавшій мѣстнымъ запросамъ. Карасы сдѣланы по образцу такихъ мѣдныхъ котловъ, которые вполне легко и естественно предполагать привезенными въ Ани. Последнее обстоятельство объяснить, что скопировали и пузатую форму, и всѣ характерныя детали. Узкія горла съ невысокими и какъ бы развертывающимися бортами объясняются изъ мѣдныхъ котловъ, гдѣ нѣтъ бортовъ, но зато горизонтально отходятъ ровныя поля, которыя точнѣе нельзя было

воспроизвести изъ глины, чѣмъ то видимъ на раннихъ карасахъ. Маленькія для одного пальца ручки, мало цѣлесообразныя въ глиняныхъ тяжелыхъ карасахъ, вполне уместны на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ въ нихъ продѣвали большія ручки. Не даромъ на позднѣйшихъ карасахъ, выдѣлывая которые, мастеръ обладалъ уже полнымъ навыкомъ производства вмѣсто стоявшаго въ первый разъ передъ его глазами, чуждаго по технике и матеріалу, образца для копирования, онъ сдѣлалъ большія ручки, имѣющія практическое значеніе. Орнаментированные пояса, пущенные по наибольшей окружности, становятся понятными, когда находимъ ихъ на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ они могли играть реальное, практическое значеніе сокрытія швовъ клепки. Видя такой прообразъ, мы понимаемъ, что при немъ не могла зародиться мысль (оставить практическое назначеніе пояса въ сторонѣ) покрыть весь корпусъ громаднаго металлическаго предмета орнаментами: это была бы несоразмѣрно трудная и слишкомъ дорого стоящая задача. Оба соображенія, однако, при глиняномъ производствѣ не могутъ имѣть мѣста. Удержались же на карасахъ пояса и не замѣнились сплошнымъ украшеніемъ, благодаря приложенному къ производству ихъ съ самаго же начала техническому усовершенствованію, создавшему традицію. Наконецъ, отсюда же пояснится и особенность убранства древнихъ карасовъ; во-первыхъ, присутствіе на поясахъ изображеній специально-исламскаго искусства: очевидно, что увидали мастера на мѣдномъ дагестанскомъ котлѣ, то—или однородное по характеру, но вообще и ранѣе извѣстное имъ—воспроизвели они и на роликахъ для оттискиванія карасныхъ поясовъ. Во-вторыхъ, воспроизведены крупные рельефы по верхней половинѣ карасовъ, которые имѣютъ себѣ аналогію въ котлахъ, а исчезновеніе ихъ позднѣе есть результатъ эволюціи на анійской почвѣ. Всѣ эти соображенія говорятъ за то, что въ карасахъ мы имѣемъ дѣло съ заимствованнымъ явленіемъ, но насколько оно было подготовлено предыдущимъ развитіемъ, показываетъ ходъ эволюціи его въ Ани, идущей почти вразрѣзъ съ заимствованиемъ¹⁾.

Г. Чубиновъ.

1) Я. И. Смирновъ указалъ мнѣ, что Морганъ, приводя рисунокъ одного обломка анійскихъ карасовъ, считаетъ его іероглифическимъ письмомъ, при этомъ же высказываетъ соображеніе о происхожденіи его изъ хетскаго письма и объ употребленіи въ позднюю эпоху когда въ ходу была клинопись (J. de Morgan, *Les premières civilisations. Études sur la pré-histoire et l'histoire*. Paris 1909, pp. 232 и 169 п. 1). Морганъ пользуется отчетомъ Э. Рёслера, копавшаго по порученію Имп. Археологической Комиссіи лѣтомъ 1900 года, между прочимъ и въ Ани; отчетъ же помѣщенъ въ *Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen*, 1902, pp. 236—237. При раскопкахъ на западной сторонѣ Вышгорода Рёслеръ нашелъ «кусочекъ большого глинянаго сосуда краснаго цвѣта съ орнаментомъ изъ древне-персидскихъ клинъевъ» (это по мнѣнію С. F. Lehmann'a въ Берлинѣ), и другой фрагментъ, на которомъ находятся «между двумя горизонтальными валиками подобныя іероглифамъ изображенія».

Суджунская церковь и ея древности.

Мѣстечко Суджуна находится въ 4 верстахъ отъ станціи Абаша Закавказской желѣзной дороги. Оно служило прежде зимнею резиденцію ѿкондидскихъ епископовъ и являлось очень бойкимъ торговымъ пунктомъ Мингреліи. Съ открытіемъ станціи въ Абашѣ торговля Суджуны пала, хотя ярмарки бывають здѣсь нѣсколько разъ въ году. Церковь въ Суджунѣ довольно большая и очень красивая, имѣетъ видъ удлиненнаго четырехугольника съ фронтонами и куполомъ. Она облицована снаружи чисто отесанными бѣлыми камнями (табл. XXIV). Внутри она дѣлится круглыми столбами на три нефа съ тремя алтарями. Алтарные выступы снаружи образуютъ полукругъ. Широкія двери съ юга, запада и сѣвера украшены кругомъ красивою рѣзбою (табл. XXV рис. 4 и 5). Надъ южною дверью небольшой рѣзной крестъ съ голубями сверху, а по сторонамъ креста рельефомъ представлены святой Димитрій и святой Георгій съ надписями именъ: *Ἰῆς* *Θῶς*, *Ἰῆς* *Πῶς*. Святые изображены верхомъ на коняхъ, поражающими драконовъ копытами (табл. XXV).

Барабанъ изъ 12 граней со столькими же окнами, украшенными снаружи арочками. Главное украшеніе внѣшнихъ стѣнъ церкви и фасадовъ составляютъ аркады, ниши и нишки. Въ главномъ алтарѣ три окна, въ боковыхъ по одному; затѣмъ по два окна имѣются съ запада, юга и сѣвера. Надъ западною дверью вверху видна плита въ рамѣ для надписи, но самой надписи нѣтъ (табл. XXV). Восточный фасадъ украшенъ нишами, арками и двойными арочками надъ окнами. Кромѣ того, подъ фронтономъ имѣется поясъ изъ 11 выпуклыхъ, а ниже — поясъ изъ полукруглыхъ нишекъ (табл. XXVI). Крыша желѣзная. Съ юго-восточной стороны, недалеко отъ церкви, надъ рѣчкою возвышается красивая колокольня. Возведенная изъ такихъ же бѣлыхъ камней, какъ церковь. Нижняя часть

колокольной о четырехъ высокихъ столбахъ, верхняя о восьми круглыхъ колоннахъ съ базами и капителями.

Поодаль отъ церкви, съ западной стороны небольшая деревянная церковь съ алтарнымъ выступомъ съ востока.

Обширный ровный дворъ церкви украшаютъ гигантскіе чинары и липовыя деревья. Церковь построена въ половинѣ XIX вѣка Антоніемъ Чкондидели и является послѣднимъ интереснымъ памятникомъ автономной Мингрелии. Она посвящена святому Георгію и богата образами этого святого.

Образъ и другія вещи Суджунской церкви.

1. Большой храмовый образъ святого Георгія, серебро-позолоченный, чеканный, грузинской работы въ 67×46 сант. Святой представленъ стоящимъ въ одеждѣ римскаго воина, съ копьемъ въ правой рукѣ; лѣвою онъ держитъ у ногъ щитъ, украшенный плетеніемъ (табл. XXVII). Нимбъ святого снабженъ сложными разводами грузинскаго пошиба и украшенъ крупнымъ камнемъ (лаломъ). Надпись имени крупными заглавными церковными буквами: **გე ოგ**, и таковыми же греческими буквами, идущими вертикально по обѣ стороны: **Ο ΑΓΙΟΣ ΓΕОРΓΙΣ**. Самый образъ не позднѣе XIV вѣка. Кайма образа болѣе поздняго времени и грубой работы украшена травянымъ орнаментомъ и поясными изображеніями святыхъ въ медальонахъ: налѣво евангелисты Іоаннъ, Маркъ и Матѳей (**გე ოგ, გე ოგ, გე ოგ**), направо три ангела, сверху архангелъ Михаилъ, внизу въ серединѣ успеніе Богоматери, по краямъ изображенія Богоматери съ Младенцемъ. Всѣ эти рисунки грубой работы XVII—XVIII вѣка.

2. Образъ святого Георгія серебряный, чеканный, въ 48×34 сант., грузинской работы (табл. XXVIII). Святой представленъ стоя; въ правой рукѣ онъ держитъ копье, лѣвою поддерживаетъ у ногъ щитъ, украшенный въ серединѣ листовымъ орнаментомъ, а по краямъ крупная надпись заглавными церковными буквами:

ქრისტე უკუ ოგ გე ოგ

«ქრისტე უკუ ოგ გე ოგ ფაღისძე (?)».

«Христе, помилуй Іоанна Цайшели (цайшскаго епископа) Полагисдзе».

Трудно сказать, нужно ли читать группу **ფაღისძე** какъ **ფაღისძე** «Полагисдзе» или иначе, такъ какъ такую фамилію мы первый разъ

встрѣчаемъ; но группы **IOY** и **GY** должны означать **იოანე ცაიშელი** — «Іоаннъ Цайшели».

Изъ другихъ источниковъ Іоаннъ Цайшели не извѣстенъ. Надпись, по-видимому, не позднѣе XIII—XIV вѣка.

По краямъ образа 12 камней, въ нимбѣ пять. Надпись имени святого крупными заглавными хуцурн: **წმ ჳ**. Фонъ образа гладкій, но кайма съ трехъ сторонъ покрыта выющимися растеніями. Она поздней работы, XVII вѣка, о чемъ повѣствуетъ надпись мхедрули въ шесть строкъ, помѣщенная внизу на гладкой каймѣ:

ქ ეჭა: მოწამეთა: შორის: მკნეო: შეიდ წიღა: უძლეველო: ღვაწლის: მძლეო: 1
დიდო: მკედარო: დიდისა: მეფისაო:
წმიდაო: გიორგი: კრმლოსანო: ბოროტმან: ვინმე: კაცმან: კელუო: ხატისა: 2
შენისა: გატესა: ხოლო: ჩუენ: ძალითა: შენითა: უკადრისადა: შ
ემკადრებელი შენი: გამოგზანეთ: და: ვითარცა: ავსა: კაცსა: ფერობდა: ისრე: 3
უუავით: აწე: ჩუენ: შენ: მიერ: განძლიერებულმან: დადიანმან: ჰა
ტრონმან: ლევან: განგახლეთ: ახლად: ოქროსა: წყლისა: დაფერვითა: გარე- 4
შემო: ოთხის: ფენგისა: მოჭედითა: და: თუალ: მარგალიტითა: და:
დატსვენ
ეთ: სუჟუნის კელესიასა: მის: კურთხეულისა: ჭილაძის: ასულისა: და თანა 5
მეტყედრისა: ჩუენისა: დედოფლისა: ჰატრონისა: ნესტანდარეჯან-
ისა: სუ
ლისა: სახსრად: და: საოხად: ჩუენდა: სადღეგრძელოდა: და ძეთა: ჩუენთა: 6
აღსაზრდელად: განახლდა: ქქსა: სამას: ოცდა: ათოთხმეტსა:

Переводъ:

«О ты, храбрый между мучениками, семь разъ непобѣдимый, украшенный подвигами, великій воинъ Великаго Царя, святой Георгій мчеленосецъ! Нѣкій злой человѣкъ приступилъ было къ ограбленію твоей иконы, но мы силою твоею обнаружили дерзнувшаго противъ тебя и, какъ подобало со злымъ человѣкомъ, такъ съ нимъ поступили. Нынѣ мы, возвеличенный тобою Дадіави патронъ Леванъ, снова возобновили тебя позолотою, украшеніемъ четырехъ бордюровъ и драгоценными камнями и поставили въ Суджунской церкви во спасеніе и утѣшеніе блаженной памяти урожденной Чиладзе, супруги нашей Нестанъ-Дареджаны, въ долгоденствіе наше и въ воспитаніе сыновей нашихъ. Обновленъ въ корониконъ 334».

Корониконъ этотъ соотвѣтствуетъ 1646 году.

3. Образъ св. Георгія грузинской работы, серебряный, чеканный, въ

26 × 22-сант. (табл. XXIX). Святой представленъ верхомъ на конѣ поражающимъ дракона копьемъ. Кайма украшена травами и выющимися растеніями. Сверху надпись въ 4 строки заглавными хуцури:

საჟოანს მღ Դ Ի ՄԴԻԻ	1
ԺԴ. ԾԷ ԴԸՕՖԷԺԻԴԻ	2
ՎԲԵԼ ԴՆԵ. ԺԷ ԶՕԻԷՅ[ԴԾԻԷԴ]	3
ԷԷԲԻ ՄԻ ԷԷ.	4

Безъ сокращеній:

«სუჟუნის წმიდა გიორგი, შეწირე და გაუმარჯვე ბატონს გიორგის ბრ-
მელმან მოგაჴედინე] ხუტი შენი, ამინ».

Переводъ:

«Святой Георгій Суджунскій, прими (сіе) и дай побѣду господину Георгію, который распорядился отчеканить образъ твой. Аминь».

Георгій этой надписи долженъ быть или Георгій Липартіани, сынъ, Каціи, который жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, или Георгій Дадіани, сынъ Отіи, который извѣстенъ во второй половинѣ XVIII вѣка¹⁾. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія не древнѣе XVII—XVIII вѣка.

4. Образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, въ 28,5 × 24 сант. грузинской работы, внизу немного поврежденъ (табл. XXX). Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ копье, лѣвую положилъ на мечъ, рукоятка котораго оканчивается птичьей головою; къ лѣвой же рукѣ выше локтя привѣшенъ щитъ. Поле образа украшено выющимися растеніями. Надпись имени крупными заглавными хуцури: **მ ღ**. Серебряныя цѣпи, привѣшенныя къ образу, показываютъ, что его носилъ на груди священникъ. Сверху надпись буквами мхедрули оборвана, она заключаетъ въ себѣ начало обращенія къ святому Георгію:

ქ ზი ყოველთა ქრისტიანეთა შემწეო და შესავდრებელო შეიღ წილ უძლეველო 1
ღვწელ შემოსილო . . . 2

Остальная часть второй строки срѣзана; видны остатки верхнихъ частей буквъ и по краямъ начальныя буквы третьей строки.

На оборотѣ образа и на толщѣ большая надпись (табл. XXXI):

1) Brosset, Hist. de la Géorgie, t. II, livr. 1, p. 648.

ქ. ჯოა ეოვეკოთ ქრისტიანეთა ზღუდეო მცველო და შესაყადრებულო მხნეო 1
 მხედარო ქრისტესო შვიდ წილ უძლეველო ღვაწლით შემოსილო დიღო მოწამ 2
 ეო მთავარო წმადო გიორგი სუენისხო ჩვენ ქრისტეს მიერ კურთხ 3
 ეულმან მამა ჭეონდიდელმან ჩხეიძემ ჰატრონმან ევდემოს ვიცულისხმ 4
 ეთ და მოგინდომეთ სსოებით მოსავმან და მადიდებელმან ტაძრისა შესისამა 5
 ნ ვიცუდეთ და ვიცულისმოადგინეთ გპარეთ და შემოცწიეთ სტარე ესე 6
 შესაწირა
 ვი ესე. ასე რომე კოღორი ვამეუ დადინისკან და ელენე აქლოფლისკან ჰარეუ 7
 ღაღ შემოწირული ეოფილიეო და სსეოინდლოთ სხასოთ ეოფილიეო და 8
 ემთა ვითა
 ვითარებისათა ელიავა გოგის მისთვის დაეჭირა აწე ჩვენ გამოცვირთმეოთ ხელ 9
 ახლა შენთვის შემოცვიწირავს და ჩვენდა სხასოთ დაგვიტირავს კოღორს 10
 სამი კვამლი
 კაცი სოგიორე შელას მისი სახლის კაცები თვალიკაც ქობულთა და ხოხანაი 11
 გა[ც]
 ულია მათის სახლის კაცითა მამული და ღლაკითა სხუა აქური ჰარტახები 12
 მამული
 და ღლაკები ჩვენთვის დაგვიტირავს აწე რამანტ ძემან კაცისმან მუიემან ანუ 13
 აქლოფა
 მან გინა უბელის წულმან დიდმან ანუ მცირემან ანუ რამანტ ძემან კაცისმან ანუ 14
 ჩვენმა შემდგომმა ჭეონდიდელმან უეუენისმდე ეს ჩვენსან ცარიკიუელი 15
 მამული და ეს წიგნი თქვენ მოგიშდოს და ან ის ელეხები გასცეს ან 16
 იმ ელეხების ცაცქმაში გაკრიოს და იშუამავდოს და ცაცქმა მოინდომოს 17
 მასმცა რასხავს თავად დამაჯებელა ღთი და მარტვილისა ღთის 18
 მშობელი და ეს წმინდა გიორგი სუენისა და ეოველნი წმინდანი ღთისანა 'ესე 19
 ცისანი და ქვეყანისანი უხორცოთა ძაღნი მათმან დადესან მადლმან ნუ იხსნას 20
 ნუცა 1) იხსენების სული მისი ნუცა წირვითა და ღოცვითა ნუცა 21
 [იერე]სელიმს წასვლითა ნურას სელთოს საქმითა წეეულ და შეჩვენესულ 22
 აეოს სული და
 [კ]ორცი მისი ამინ. 23

На толщъ образа еще особо написаво:

ქ. ჩხეიძე. ევდემოს. ჭეონდიდელისკან კოღორს. სამი კვამლი კაცი გოგი 1
 ელიავასთვი ცამკურთმია და წმინდის გიორგის სუენისათვის შეეწირა 2
 და ჩვენ ღიჰარტახის შვილმან ჭეონდიდელმა ჰატრონმა გასარიელ: კუალად 3
 განგახლეთ 3) . . . 3) ჩვენცა დაგვიტვიცებია და გუბიითკან 4

1) Отсюда начиная, надпись помѣщена на толщѣ образа.

2) Отсюда начиная, надпись продолжена на другой сторонѣ образа сверху.

3) Здѣсь два слова уже не разбираются.

ჩხაიძე მახარობელი ცამოვიყვანეთ და შევლას შევეცადეთ იტაც ჩვენ შევსწირეთ	5
ჩვენდა სადღესობელათ და სეფლის ¹⁾ ჩვენისა სარკისათ რათა ჩვენც ნაწილი	6
ცვაქუნდეს დღ	7
ესა განკით	8
ხვისსა ამინ.	9

Переводъ:

«О ты, ограда, стражъ и предметъ молснiя всѣхъ христiанъ, храбрый воинъ Христа, семь разъ непобѣдимый, украшенный подвигами, великому-ченикъ, глава святыхъ Георгiй Суджунскiй! Мы, Христомъ благословенные, отецъ Чкондидели Чхеидзе, патронъ Евдемось, упованiемъ почитающiе и возвеличивающiе твою церковь, уразумѣли, постарались, задумали и поусердствовали, осмѣлились и пожертвовали малый сей даръ: Кодоръ былъ пожертвованъ сперва Вамекомъ Дадiани и царицею Еленою и былъ положенъ въ пользу Чкондида, но по обстоятельствамъ времени Глиава Гоги завладѣлъ имъ для себя. Нынѣ мы взяли его у него и снова пожертвовали тебѣ и въ нашу пользу оставили въ Кодорѣ три дыма людей: Сагиаре Шелию, его однофамильцевъ, Гваликаца Кобулию и Хахоная Гагулию съ ихъ домочадцами, имѣнiемъ и землями. Остальныя здѣшнiя запущенныя²⁾ имѣнiя и земли мы оставили для себя. Съ этого времени кто изъ сыновъ человеческихъ, царь или царица, или царевичъ, великiй или малый, или кто изъ людей, или слѣдующiй за нами Чкондидели измѣнить вамъ до скончанiя вѣковъ это нами опредѣленное имѣнiе и сію грамоту, или тѣхъ крестьянъ отчудить, или приметъ участiе и будетъ посредникомъ и постарается отчудить, его да проклянутъ самъ Богъ Создатель и Мартвильская Божья Матерь и сей святой Георгiй Суджунскiй и всѣ божьи святые, небесные и земные, безтѣлесныя силы. Да не спасетъ его благодать величiя ихъ. Да не спасется душа его ни литургiею, ни молитвою, ни паломничествомъ въ Иерусалимъ, ни инымъ божескимъ дѣломъ. Да будутъ прокляты и связаны проклятiемъ душа и тѣло его. Аминь».

На толщѣ образа:

«Чкондидели Евдемось Чхеидзе въ Кодорѣ взялъ раньше у Гоги Глиава три дыма крестьянъ и пожертвовалъ святому Георгiю Суджунскому, и мы, сынъ Липартiана, Чкондидели Гавриилъ, возобновили [сіе пожертвованiе] и утвердили, и вывезли изъ Гурiа Махаробели Чхайдзе и присоеди-

1) Эти два слова повторены въ оригиналѣ.

[2] «выморочныя» (მკრპა partaq-i). О значенiи этого термина см. Н. Марръ, Грузинскiя приписки греческаго Евангелiя изъ Кориди, ИАН, 1911, стр. 221. *Ред.*]

нили къ Шеліи, и его мы пожертвовали въ долгоденствіе наше и во спасеніе души нашей, дабы и мы имѣли участіе въ день суда. Аминь».

Вамекъ III Дадіани и жена его Елена, упомянутые въ приведенной надписи, жили во второй половинѣ XVII вѣка. Чкондидели Евдемонъ (или Евдемонъ) Чхеидзе жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Ему наследовалъ Гавріилъ, сынъ Георгія Липартіана, который жилъ въ началѣ XVIII вѣка¹⁾.

Кодоръ — деревня на берегу Ріона недалеко отъ Суджуны. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія есть произведеніе конца XVII или начала XVIII вѣка.

5. Образъ св. Георгія, серебро-позолоченный складной, такой же работы, какъ предыдущій, въ $13,2 \times 11,5$ сант. Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ копье, лѣвою придерживаетъ очень длинный мечъ съ птичьей головою у рукоятки. Мастеръ, видимо, копировалъ предыдущую икону, но у него работа вышла грубѣе оригинала. Сверху надпись имени заглавнымъ хуцური: **გე Ⴀ** (табл. XXXII рис. 1). На обратной сторонѣ образа видны монны св. Георгія, между прочимъ палець. Въ серединѣ частица животворящаго древа: **ძეო ჳტი**. На лѣво мощи св. Георгія: **წის გის ნაწილი**. Направо плоть св. Георгія: **წის გის კორცო**. Кругомъ надпись мхедрули (табл. XXXII рис. 2):

მხედრთ მთავარო შვიდ წილ უძლეველო მარჯეო	1
გიორგი შუკამევე ხატი ესე ჳტიოსნის სხი	2
სა შენისა მოსავმან სხელისა შენისმან	3
დადიანის კაცის ძემან მამა ჳეონ	4
დიდელ მითროპოლიტმან	5
ბესარიონ და შუკამევე	6
ჳტიოსნითა ძელითა	7
და წთა ნაწილ	8
ეპითა და დავასვენ	9
ე სუჯუნისა ეკლესიასა	10
სახსრად და საოხად სულთა	11
ჩვენთა ქქს აქეთ	12
ჩღუკი.	13

Переводъ:

«Глава воиновъ, семь разъ непобѣдимый мученикъ Георгій! Украсилъ образъ сей пречистаго лика твоего я, уповающий на твое имя, сынъ Дадіани

1) Hist. de la Géorgie II, 1, p. 647, 648.

Кація, отецъ митрополить ѿкондидскій Виссаріонъ и украсилъ честнымъ древомъ и святыми мощами и поставилъ въ Суджунской церкви во избавленіе и утѣшеніе души нашей (въ лѣто) отъ Р. Х. 1797».

ѿкондидели Виссаріонъ этой надписи былъ сынъ Дадіани Кація II, жилъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, умеръ въ 1828 г. и погребенъ въ Мартвильскомъ монастырѣ¹⁾.

6. Большой образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, грузинской работы (табл. XXXIII). Святой представленъ верхомъ на конѣ, поражающимъ дракона копьемъ. Изъ угла виденъ перстъ Божій, нимбъ украшенъ разводами. Кайма украшена травянымъ орнаментомъ, посреди котораго попадаются изображенія ангеловъ. Сверху посреди каймы крупный камень. Надпись имени заглавными хуцури: **გეორგი**. Внизу на серебряной пластинкѣ надпись мхедрули, правая половина которой вмѣстѣ съ каймой съ правой стороны не уцѣлѣла. Дополнивъ по смыслу недостающія слова и буквы, я читаю надпись такъ:

ქ: ღო და დადიანის ძე ბატონი ჯეონდიდელი მ[იტროპო]	1
ლიტი გრიგოლის ბძნებით შევამკვე ხ[ატი ესე მე]	2
ხელტარის თვედრემა ვინც წაიკი[თხოთ შენდობა ბძნეთ]	3

Переводъ:

«Божьей помощью и по приказанію сына Дадіани господина ѿкондидскаго м[итропол]ита Григорія украсилъ сей [образъ я], Хоштарія Теодоръ. Кто про[чтете], скажите прости».

Григорій ѿкондидели жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Я видѣлъ его актъ, данный Мартвильскому монастырю въ 1760 году. Фамилія Хоштарія извѣстна и распространена въ Абашѣ. Къ образу прѣвѣшена серебряная цѣпь для ношенія на груди по цаствѣ или передъ войскомъ.

7. Образъ св. Георгія, живописный, 29 × 23,5 сант. Святой представленъ верхомъ на бѣлой лошади поражающимъ дракона (табл. XXXIV). Сверху ангелъ вѣнчаетъ его короною. Впереди стоитъ царевна, за ней виденъ дворецъ. Кайма серебряная, чеканная, украшена выющимися растеніями. Надпись имени святого заглавными хуцури: **გეორგი**. Работа, видимо, XVIII вѣка.

8. Дарохранительница небольшая, золотая, шпаловидіе креста, усыпана драгоценными камнями (табл. XXXV рис. 2).

1) Hist. de la Géorgie, II, 1, p. 648.

9. Крестъ небольшой, золотой, очень красивый, ажурной работы, украшенный жемчужинами (табл. XXXV рис. 1).

10. Крестъ серебряный, русской работы съ надписью мхедрули:

ჩვენს წელსა შედგენილ ქვედო ესე სსსლს ჩემსა და მეცხსა წმინდის მღვ- 1
მის გიორგის სუჯ.
უნის ეკლესიას მუ ცოდვოდმა სავა ჯიჲსოვამ სუჯლის ჩემის სსლსად. 2

Переводъ:

«1828-го года пожертвовалъ это упованію и утѣшителю моему Суджунскому храму святого великомученика Георгія я, грѣшный Сава Афановъ, въ утѣху души моей».

11. Голова Іисуса Христа, вылепленная изъ гипса, 24 × 19 сантим., новой красивой работы.

12. Потиръ серебряный съ надписью мхедрули XIX в.:

ქ: წლ მოავარ მღწამელ სუჯანისლ გიორგი ჯიჲვ ცხორებთა 1
შს მისივე სუჯნის და მეუღლე მისი სსკამდის ასელო დარეჯან.

Переводъ:

«Святой великомученикъ Суджунскій Георгій, сохрани въ обѣихъ жизняхъ Сехнію Микадзе и супругу ихъ, урожденную Накашидзе Дареджану».

13. Дискосъ серебряный съ такою же надписью, какъ предыдущая.

14. Большая труба изъ мѣди для созыва народа.

15. Два большихъ копыя о двухъ зубцахъ изъ желѣза, извѣстныя у грузинъ подъ названіемъ копыя св. Георгія (წმინდა გიორგის ობრეცბა) и имѣющіяся обыкновенно въ храмахъ, посвященныхъ этому святому. Чаше всего такія копыя встрѣчаются въ Сваніи и Мингреліи.

16. Покровъ изъ парчи, вышитый шелкомъ съ изображеніями Спаса на престолѣ и херувимовъ по краямъ. Изображенія украшены бисеромъ изъ мелкихъ жемчужинъ (табл. XXXVI). Надпись имени по сторонамъ Христа греческая: ΙΣ ΧΣ. Кругомъ на каймѣ трудно разбираемая надпись вязью заглавнаго хуцури, которую я читаю такъ:

†. ԾՆՓՇԺԻՆ ԸՆԴԻ ՅԻԴԻՆԴԻԴՆԻՆ ԶԻՆԶԻՆ. ԷՆԵՆԻԴԻՆ ԶԻՆԻԴԻՆ ԸՈՒԻԵԼՈ ՔԻ ԻԴԻՐԻՆ

†. ԴԼԻՆ ՅԵ ՅԻԻԾ ԲԻԼՈ ՕԴԻԻԼՈ. ԾՆ ՎԴԻՆ ԶԲԶԴԻՆ ՕՆԴ- 1
ՅԴԵԼՈ: ՕԶԲԻԴԴԻՆԻՆԻՆԻՆ: ԸԴԻՆԸԼՈ. ԶԴԴԾԺԼՈ.

[illegible]

Безъ сокращеній:

«ქ. ღაბაშაძის (ჯანი შვენიერების) მამის. ხოლო საჭმადით მასთან ღაბაშაძის
მოკვლე ძეგლს!»

ქ. ეჩა, შენ, შუად წილ უძღუეველო და ყოველთა მოწამეთა უზეშთაქსო, უმწვერვალესო, ახოვანო მხედარო, დიდო მოწამეო გაბარე, წმადლო სუფთასო! შე, ფრთად ცოდვილმან, მოსვამან პატარასა ტაძრის შენისმან, ავადვან ქაღმან რადამ, ვანებე, ვაცუფსმოცნებო, გადარეო ქსანი ესე შესაწირავი, ესე დაფარავი და პერქეველი, შემცობილი თვალთა და მარცხელატთა, ჩვენად ცოდვთა შესწადობლად და შეკუდლას ჩემსა მატარების ჩავას[ნას] გაბარესდა ამ სოიველს წარსამართლებად. სადღეგრძელოდ, და ცოდვლისა სულისა ჩვენსათვის სცხობენკლად, ძიოთ და ასუფთო ჩვენთა აღსაწირკლად. და მათუღვანეთ მამას და მოძღუარს¹⁾ ჩვენსა გეონადიელ მატრონოელიტს, ძმას ჩვენს ღოღონიურიძეს²⁾ ევექმანს, რათა შენცან მოვიდეთ დიდი წყალობა და შენდობა ცოდვთა. ხოლო მიმოჩვენსო და ამომდენსო სიწმადისსო, ღუთსათვის შენდობისა ყოყუდეო ჩვენ ცოდვლისათვის. ქრისტეს აქით ჩვესო.

1) Это слово плохо разбирается и наше чтеніе гадательное.

2) Присутствіе титла въ этомъ словѣ заставляетъ читать его *ἡμεῖς* вмѣсто *ἐγώ*.

Переводъ исторической надписи:

«О ты, семь разъ непобѣдимый, превосходящій и превышающій всѣхъ мучениковъ, доблестный воинъ, великомученикъ Георгій, Суджунскій святой! Я, наигрѣшная почитательница святой церкви твоей, Родамъ, урожденная Пагава, пожелала, восхотѣла и осмѣлилась (поднести) ничтожный сей даръ, этотъ покровъ и воздухи, украшенные драгоценными камнями и жемчужинами, въ прощеніе грѣховъ нашихъ и въ преуспѣяніе въ сей жизни и въ долгоденствіе супруга моего патрона Георгія Чиковани и во спасеніе грѣшной души нашей, въ воспитаніе сыновей и дочерей нашихъ, и мы поднесли (это) отцу и духовнику нашему, Чкондидскому митрополиту, брату нашему, Евдемону Гоѣберидзе (или Гоберидзе), дабы мы получили отъ васъ большую милость и прощеніе грѣховъ. А вы, соприкасающіеся съ этимъ и выниматели святыхъ даровъ, скажите ради Бога прости въ пользу насъ грѣшныхъ, (въ лѣто) отъ Р. Х. 1727».

Лица, упомянутыя въ сей надписи, изъ другихъ источниковъ намъ неизвѣстны.

17. Воздухи (табл. XXXVII) такой же работы, какъ покровъ, тоже произведеніе Родама Чиковани, о чемъ упоминается и въ предыдущей надписи.

18. Изъ рукописей въ церкви имѣется только метафраза строчнымъ церковнымъ письмомъ, переписанный въ 1822 году ключаремъ (канделаки) Чкондидскаго монастыря священникомъ Игнатіемъ по приказанію Чкондидскаго митрополита Виссаріона, сына Каціи Дадіани.

Е. Такайшвили.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Одна мелочь къ арабской транскрипціи именъ въ спискахъ никеянъ.* При разъясненіи арабскихъ чтеній именъ въ спискѣ епископовъ перваго вселенскаго собора въ 318 именъ (Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія, т. XIII, стр. 1—112) свящ. Д. Лебедевъ, признавъ въ السیریانوسі географическое названіе «Херсонесь», возстановливаетъ الخیرسونوس (ц. с., стр. 27, прим. 6). Но едва ли есть надобность свѣстѣній *س* замѣнять, придерживаясь греческаго его эквивалента *χ*, сложнымъ заднеязычнымъ *خ*; достаточно, поставивъ три точки надъ *س*, признать его шипящимъ *ش*, ибо не въ одной арабской христіанской письменности греческій звукъ *χ* передавали шипящимъ *ш*¹⁾: то же самое наблюдаемъ и у грузинъ въ литературѣ, у чановъ (лазовъ) въ живой рѣчи и др., см. Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ (арабская версія), стр. 164, 203. Это обстоятельство слѣдовало бы учесть и при возстановленіи первоначальныхъ чтеній другихъ именъ съ той же транскрипціонной особенностью, какъ то:

1) الساری [الشاری], которое свящ. Д. Л—въ считаетъ (стр. 30, прим. 2) искаженіемъ Χερυρεε.

2) اشیلن [اسیلن], про которое свящ. Д. Л—въ пишетъ (стр. 36, прим. 3): «читать нужно اخیلس или اخیلون».

Н. М.

1) Потому-то въ составѣ начертанія الافتیشіс можно бы усмотрѣть въ пользу отождествленія Hilgenfeld'a — «Eutyhias» поддержку соответствія араб. *ش* греческому *χ* (ср. свящ. Д. Лебедевъ, ц. с., стр. 35, прим. 3).

Критика.

Діонисій Өракіѣскій и армянскіе толкователи. Издавъ и изсѣдовалъ Н. Адонцъ (Bibliotheca Armeno-georgica. IV), Петроградъ 1915, лл. [8] + СХСІІІ + [8] + 307.

I.

Въ предлагаемомъ трудѣ имѣемъ первый случай разработки у насъ ориенталистомъ историко-литературнаго вопроса, — вопроса, самымъ матеріаломъ своимъ, продуктомъ совмѣстной работы греческой и армянской образованности, рассчитаннаго на сугубый интересъ въ филологическомъ мірѣ. Въ Западной Европѣ предшественники у автора въ этой области, именно въ области философско-грамматическихъ произведеній, есть (Baumgarten, Conybeare и др.), давшіе кое-какія изслѣдованія по греко-армянскимъ текстамъ, греческимъ подлинникамъ и армянскимъ переводамъ.

Однако, ни въ одномъ изъ этихъ трудовъ мы не можемъ признать предшественника ни по отношенію къ содержанію, ни по приѣмамъ работы.

Діонисій Өракіѣскій — своего рода отецъ схоластической грамматики у армянъ: собственно, его грамматическое произведение взятое само по себѣ одно могло бы составить предметъ докторской диссертациі армениста. Этотъ памятникъ, первый въ числѣ изданныхъ Н. Г. Адонцомъ текстовъ (стр. 1—66), правда, не представляетъ новизны ни въ греческомъ оригиналѣ, ни въ древнемъ переводѣ армянъ. Армянскій текстъ былъ изданъ впервые 90 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ въ предшествіи греческаго и съ французскимъ переводомъ. То былъ трудъ также армениста, профессора Cirbied'a или Джырпетяна (1824 г.). Не говорю о Могх'ѣ, сравнительно недавнемъ работникѣ. И тѣмъ не менѣе въ обработкѣ Н. Г. Адонца знакомое произведение представляется столь же новымъ, какъ другіе впервые появляющіеся на свѣтъ памятники, поскольку дѣло касается подсуднаго мнѣ армянскаго текста. Результатъ этотъ зависитъ отъ правильной постановки вопроса объ армянскихъ версіяхъ или самостоятельныхъ армянскихъ произведеніяхъ по ученію объ языкѣ. Правильность эта истекаетъ отъ объема изучаемыхъ матеріаловъ и отъ самаго способа ихъ изученія. Настоящимъ трудомъ охвачена совокупность всѣхъ памятниковъ древне-армянской грамматической литературы.

Сама работа, произведенная Н. Г. Адонцомъ, — историко-филологическая, построенная дѣлкомъ на сравнительномъ изученіи чтеній по многимъ спискамъ, рукописямъ различныхъ отечественныхъ и западноевропейскихъ собраний.

Кое-что изъ предложенныхъ въ работѣ текстовъ издавалось и раньше съ разночтеніями, но какъ въ изданіяхъ, такъ въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ тексты представлялись стереотипами, на которыхъ предполагалось достаточнымъ освѣжить или возстановить тотъ или иной штрихъ, пострадавшій отъ времени. Даже тогда, когда зарождалось подозрѣніе, принадлежить ли памятникъ тому лицу, съ именемъ котораго его связывала національная традиція, никому не приходило въ голову подвергать сомнѣнію цѣльность самого текста, вылившаяся, казалось, изъ стилистическаго массива одной эпохи.

Особенность постановки вопроса въ трудѣ Н. Г. Адонца состоитъ въ слѣдующемъ: проработанный имъ армянскій текстъ, даже зафиксированный печатнымъ станкомъ, не перестаетъ въ глазахъ спеціалиста, знакомящагося съ изданіемъ, продолжать жить перенесенными имъ, на протяженіи многихъ вѣковъ, превратностями судьбы. Онѣ, эти превратности, отражаютъ не капризы или теоретическія представленія случайныхъ переписчиковъ, иногда ихъ промахи, но органическія закономѣрныя измѣненія текстовъ въ тактъ съ общими условіями развитія древне-армянской литературы, прежде всего въ тактъ съ систематическимъ перерожденіемъ древне-литературнаго языка одной эпохи въ языкъ другой эпохи.

Раскрытая во всемъ объемѣ и наглядная въ фактическихъ подробностяхъ, эта жизнь обслѣдованныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ захватываетъ спеціалиста и толкаетъ его на дальнѣйшія изысканія. Спеціалистъ невольно продолжаетъ работу надъ предложеннымъ въ изданіи Н. Г. Адонца проработаннымъ текстомъ, находитъ въ немъ новую пищу, чтобы еще болѣе рѣшительно и болѣе рѣзко, чѣмъ это сдѣлано, намѣтить очертанія различныхъ языковъ древней Арменіи, чтобы чисто лингвистически, не говоря о стилистическихъ особенностяхъ, прикрѣпить тотъ или иной памятникъ къ опредѣленной литературной средѣ, къ опредѣленному времени. Словомъ, трудъ Н. Г. Адонца не только даетъ нѣчто положительное, но содержитъ въ высокой степени плодотворное возбуждающее начало.

Что касается результатовъ кропотливаго труда уже искушеннаго въ критикѣ текстовъ армениста, мало сказать, что они знаменуютъ собой сдвигъ съ мертвой точки, на которой твердо держатся или желаютъ держаться до сего дня тонкіе знатоки древне-армянской литературы. Съ появленіемъ изслѣдованія Н. Г. Адонца, въ научной литературѣ уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы дошедшіе до насъ грамматическіе памятники, относимые къ древнѣйшей порѣ, датировались одной эпохой, тѣмъ болѣе V-мъ вѣкомъ, но предполагавшемуся ихъ общему стилю, или приурочивались къ тому или иному столѣтію по именамъ, съ которыми эти произведенія связывались. Дѣйствительно тонкій анализъ Н. Г. Адонца подорвалъ основу для такого традиціоннаго распредѣленія памятниковъ во времени, притомъ болѣе, чѣмъ самъ Н. Г. Адонцъ, повидимому, то склоненъ допустить. Кромѣ того, благодаря настоящей работѣ, удалось войти настолько глубоко въ изученіе стиля, что Н. Г. Адонцъ въ силахъ не безъ основанія утверждать противное показной сторонѣ текста: не все, изложенное по всѣмъ видимымъ признакамъ древнимъ языкомъ, является на самомъ дѣлѣ соотвѣтственно или хотя бы сравнительно болѣе древнимъ. Н. Г. Адонцомъ устанавливается или, правильнѣе будетъ сказать, намѣчается существованіе архаизирующей школы въ совсѣмъ поздній, именно въ кликиійскій періодъ ар-

мянской литературы, съ XII-го вѣка и позднѣе. Въ трудѣ даны въ большомъ обиліи стилистическіе матеріалы для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ, переводныхъ или оригинальныхъ изъ болѣе древнихъ эпохъ.

До сихъ поръ, говоря о значеніи новаго труда, мы находились въ кругу интересовъ самихъ изданныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ. Н. Г. Адонцъ этимъ интересамъ какъ будто придаетъ главное значеніе. Въ положеніяхъ, сопровождающихъ трудъ, какъ диссертацию, десять изъ двѣнадцати, начиная съ 3-го, ограничены были этими спеціальными интересами. Но съ работою связаны иные еще интересы. Во-первыхъ, Н. Г. Адонцъ устанавливаетъ связь армянскихъ грамматическихъ произведеній съ греческими, что я обхожу полнымъ молчаніемъ: глубокоцѣлимый С. А. Жебелевъ авторитетно поучаетъ насъ ниже по этому вопросу. Во-вторыхъ, Н. Г. Адонцъ выясняетъ филаціи и взаимоотношенія самихъ армянскихъ текстовъ грамматическаго содержанія. Но и до сихъ поръ, повторяю, мы остаемся въ кругу интересовъ самихъ памятниковъ, на двухъ ступеняхъ этихъ интересовъ. Однако съ упоминаніемъ о данномъ въ трудѣ въ большемъ обиліи стилистическомъ матеріалѣ для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ мы поднимаемся уже на третью ступень, высшую, на которой раскрывается дѣйствительная цѣнность грамматическихъ памятниковъ для исторіи армянской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общее значеніе научнаго труда Н. Г. Адонца. Дѣло въ хронологіи древнѣйшихъ вообще литературныхъ памятниковъ, прежде всего — историческаго содержанія.

Безъ болѣе или менѣе точнаго опредѣленія времени армянскихъ историковъ нельзя пользоваться ихъ произведеніями, основными источниками по національной исторіи Арменіи, для какой бы то ни было прочной исторической конструкции. Опредѣленіе ихъ времени въ значительной степени зависитъ отъ опредѣленія времени греко-филскаго литературнаго теченія и греко-филской школы. Это — то греко-филское теченіе, въ объясненіи котораго Н. Г. Адонцъ ограничился во 2-мъ положеніи указаніемъ на связь съ фактомъ политической исторіи, на «переходъ» къ Византіи «большей части земель бывшей персидской Арменіи». Греко-филская школа сѣнила старую, которую Н. Г. Адонцъ въ томъ же положеніи называетъ библейской случайно или отгораживаясь отъ насъ, избѣгая болѣе употребительныя въ современной нашей, т. е. петроградской, арменистической школѣ названія: «сиро-филская», «миссіонерская». Греко-филская школа, такъ близко стоящая къ предмету изслѣдованія Н. Г. Адонца, какъ справедливо утверждается въ 1-мъ изъ его положеній, «по сіе время остается камнемъ преткновенія для армянской филологіи».

Что подъ этой формулой подразумѣвается реально, едва ли узнать кто изъ не-спеціалистовъ; но въ виду таинственности или осторожности, проявленной въ ея редакціи, несомнѣнно ясна она и мнѣ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что время греко-филскаго теченія до послѣдняго десятилѣтія или до послѣднихъ двухъ десятилѣтій опредѣлялось совершенно произвольно, безъ всякаго подобія научнаго обоснованія, по одному традиціонно воспринятому въ основѣ легендарному историческому построенію. Съ нимъ, съ этимъ опредѣленіемъ, разумѣется, конечно, и въ этомъ отношеніи греко-филское теченіе камнемъ преткновенія можетъ оставаться лишь для тѣхъ, кто имѣетъ склонность непремѣнно обо что-либо спотыкаться. Но, дѣйствительно, до сихъ поръ неизвѣстно съ точностью время греко-филскаго теченія и объемъ имъ произведенныхъ новшествъ, принимаемыхъ за продукты архаической жизни христіанской Арменіи.

Мы сейчас переживаемъ въ арменистической средѣ, а равно и грузино-вѣдной, вообще въ области армяно-грузинской филологіи большія колебанія въ опредѣленіи хронологическихъ межъ древнѣйшихъ эпохъ культурно-исторической жизни обоихъ древне-христіанскихъ народовъ Востока. Такое колебаніе проявляется въ частности и въ отношеніи времени греко-фильскаго литературнаго теченія въ Арменіи.

Для опредѣленія этого времени первостепенное значеніе имѣютъ грамматическія сочиненія, ибо наличіе стилистическихъ нормъ, созданныхъ ихъ авторами или переводчиками, само собою даетъ основаніе для отнесенія того или иного литературнаго памятника въ эпоху послѣ разцвѣта соответственной грамматической школы.

Для этого вопроса весьма существенное, часто рѣшающее значеніе представляютъ сами по себѣ количественно незначительныя страницы указателей, данныхъ Н. Г. Адонцомъ, именно *Index graeco-armeniacus* въ концѣ Діонисія Тракійскаго (стр. 67—76) и *Index nominum et verborum* въ концѣ всего труда (стр. 289—302), и восполняющія этотъ матеріалъ части предисловія, собственно изслѣдованія, какъ, напр., подробный анализъ предложныхъ образований на страницахъ CLXXXIV—CLXXXV.

Само распредѣленіе этихъ краснорѣчивыхъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ рожденія и указаніе ихъ отношенія къ языку св. Писанія является методологически безукоризненнымъ приѣмомъ: въ немъ будетъ изслѣдователь искать прочную опору для обобщеній; въ немъ, очевидно, нашелъ Н. Г. Адонцъ такую опору для тѣхъ выводовъ обще-арменистическаго значенія, къ которымъ самъ онъ, по всѣмъ видимостямъ, пришелъ, но которыми однако не вполне подѣлился съ интересующимися читателями въ настоящемъ трудѣ.

Между тѣмъ помимо задачи, преслѣдуемой авторомъ въ обнародованной книгѣ, работа интересна именно со стороны обще-арменистическаго значенія.

Въ этой въ высокой степени важной сторонѣ изученнаго Н. Г. Адонцомъ памятника кроется главный, если не весь интересъ трактовки его арменистомъ, притомъ арменистомъ безъ отношенія къ тому, въ какой онъ собственно научной области специалистъ, лингвистической или историко-литературной, или историкъ онъ общественно-политической жизни древней Арменіи или историкъ древне-армянской культуры и хотя бы археологъ. Потому-то нисколько не представляется мнѣ загадкой или сколько-нибудь непоследовательнымъ, что сразу послѣ большой работы объ Арменіи въ эпоху Юстиніана Н. Г. Адонцъ выбралъ предметомъ своего большого изслѣдованія тему настоящей работы. Можно спорить, могла ли работа надъ исторической темой служить хорошей школой, цѣлесообразной подготовкой для работы надъ чисто историко-филологической темой, но выборъ темы чрезвычайно удаченъ по ея важности. Я позволю себѣ освѣтить важность съ моей точки зрѣнія этого арменистическаго интереса къ памятнику самоцитованіемъ изъ работы, вынѣ доступной уже въ печати¹⁾. Значеніе того культурнаго теченія — грекофильскаго, къ которому принадлежатъ грамматическіе трактаты, двоякое: въ одну эпоху оживляющее, въ другую — мертвящее.

1) Кавказскій культурный міръ и Арменія (отд. отт. изъ ЖМНПр, 1915, июнь, отд. отт., стр. 36).

Въ первую эпоху «въ средѣ армянскаго духовенства происходитъ борьба литературныхъ школъ, сиропильской и грекофильской. Грекофильская школа подготовляетъ почву для національнаго направленія съ уклономъ отъ болѣе родного иранскаго культурнаго міра въ сторону греческаго просвѣщенія.

«Съ исходомъ борьбы связаны освобожденіе отъ односторонняго церковнаго вліянія сирійской школы, непосредственное воспріятіе греческой образованности вплоть до философской и грамматической школъ, усовершенствованія алфавита, исправленія переводовъ св. Писанія, ростъ самостоятельныхъ національныхъ интересовъ, въ связи съ которыми въ литературѣ растетъ интересъ къ краевымъ историческимъ темамъ... За чисто миссіонерскимъ религіознымъ учительствомъ подъ вліяніемъ греческой образованности развилось грекофильское просвѣтительное теченіе. Послѣднее, обоснованное на глубокомъ самостоятельномъ усвоеніи греческой философіи, главнымъ образомъ Аристотеля, мирно подготовляло выѣстъ съ возрожденіемъ свѣтскаго просвѣщенія выясненіе самобытныхъ началъ армянской народнои жизни, національное направленіе, когда разразилась первая по паденіи древняго армянскаго царства опустошительная гроза иъ феодальной Арменіи». Глѣчь о разгромѣ ея арабскимъ нашествіемъ.

Наступаетъ другая интереснѣйшая эпоха культурно-исторической жизни Арменіи, когда не первый разъ «происходитъ пересмотръ всей исторической литературы съ точки зрѣнія церковно-національныхъ интересовъ, возникаютъ новые и вновь редактированные труды по всѣмъ областямъ (армянской) церковной жизни. Новая (армянская) среда съ особымъ народнымъ языкомъ вынуждала къ приспособленію литературныхъ памятниковъ къ живому народному языку; однако, обиліе элементовъ изъ живой рѣчи въ произведеніяхъ создаетъ ихъ неуспѣхъ въ литературныхъ кругахъ. Писатели, исключительно духовныя лица, вѣрные традиціямъ мертваго языка, естественно мѣшаютъ сдѣлать письменность доступной массѣ населенія, сдѣлать ее истинно народной. Съ перваго же момента возрожденія армянскіе феодалы содѣйствуютъ возникновенію трудовъ по національной исторіи своими запросами, заданіями описать дѣянія ихъ родовъ. Багратиды, князья, особенно носились съ мыслью собрать народныя сказанія иранскаго происхожденія: имъ рисовалась перспектива возстановленія царства въ Арменіи на началахъ иранской культуры, родной для армянскихъ феодаловъ, въ противовѣсъ мусульманской цивилизаціи; но армянскіе писатели, взрощенные на греческихъ образцахъ, гнушались всего иранскаго не менѣе, чѣмъ мусульманскаго. Въ увлеченіи церковно-національной идеею, связь» армянъ съ окружающимъ реальнымъ міромъ «устраняется изъ историческихъ сочиненій, [и не только обще-христіанское, но и] обще-кавказское значеніе культурныхъ пріобрѣтеній Арменіи затемняется».

Оба момента армянской культурной работы, моментъ молодого, полнаго гуманистическаго энтузіазма національнаго подъема, движенія впередъ и въ ширь, и моментъ церковно-національнаго подъема въ смыслѣ самосохраненія въ завѣщанныхъ формахъ, сосредоточенія на своемъ прошломъ, архаизированіи формъ для выраженія своихъ живыхъ идеаловъ, сознательнымъ систематическимъ раболобіемъ передъ чуждыми родной рѣчи нормами греческаго письменнаго языка, многимъ, если не почти всѣмъ обязаны тому литературному направленію, къ которому принадлежатъ и изученные Н. Г. Адонцомъ грамматическіе тексты.

Этого разграниченія двухъ эпохъ въ грекофильскомъ теченіи я не вижу или почти не вижу въ работѣ Н. Г. Адонца, но этого вопроса я не буду касаться, ибо это значило бы вступить въ бой, отъ котораго Н. Г. Адонцъ уклонился, давъ намъ только предисловіе, подготовку, и сохранивъ изслѣдованіе,

Первое мое замѣчаніе и главное замѣчаніе касается почвы, на которой Н. Г. Адонцъ подготавливаетъ рѣшеніе такого кардинальнаго вопроса, какіе грекофильское литературное теченіе въ Арменіи. Не только этотъ общій вопросъ, но и правильное освѣщеніе однихъ только грамматическихъ произведеній, на мой взглядъ, не можетъ быть достигнуто исключительно данными армянскихъ источниковъ и ихъ сопоставленіемъ лишь съ греческими памятниками. При такомъ веденіи дѣла есть опасность отождествить хронологическіе этапы развитія христіанскаго просвѣщенія Арменіи и Греціи, опасность утратить чувство реальной хронологической перспективы, тѣмъ болѣе, что нормы армянскаго христіанскаго просвѣщенія вообще связаны съ факторами, не всегда тождественными съ тѣми, которыми управлялась церковная жизнь грековъ, и въ самихъ грамматическихъ памятникахъ на греческомъ языкѣ основоположатели армянской богословской мысли и вообще армянскіе писатели, исключительно съ церковнымъ образованіемъ, искали не вдохновенія и содержанія, а средствъ для удовлетворенія своихъ самобытно возникавшихъ на мѣстѣ идейныхъ потребностей. Изъ числа мѣстныхъ, совершенно независимыхъ отъ греческой образованности условій, понуждавшихъ заниматься грамматикой или теоріею объ языкѣ, является перемѣщеніе центра армянской культурной дѣятельности и литературныхъ работъ изъ среды съ однимъ языкомъ въ среду съ другимъ языкомъ, т. е. жизненный разрывъ съ тѣмъ языкомъ, на какомъ раньше писали какъ на родномъ и какой впослѣдствіи усваивался искусственно, чего безъ той или иной теоріи нельзя было и достигать. Выходитъ, что грамматическія сочиненія армянъ были, правда, схоластическія, но интересъ къ нимъ порождался не теоретическими соображеніями, а реальной потребностью, и безъ выясненія времени возникновенія и усиленія этой потребности одни сопоставленія армянскихъ грамматическихъ текстовъ другъ съ другомъ или съ греческими подлинниками дѣлу не помогутъ; между тѣмъ Н. Г. Адонцъ ни слова не говоритъ объ этомъ главномъ нервѣ развитія грамматической литературы армянъ, хотя трудъ цѣликомъ посвященъ армянскимъ грамматикамъ во всей ихъ совокупности.

Помимо чисто мѣстныхъ условій, выясненіе которыхъ зависить исключительно отъ армянскихъ матеріаловъ, слѣдовало бы считаться съ иноземными фактами, помимо греческихъ.

Древняя культурная Арменія есть часть христіанскаго Востока, литературныя теченія у армянъ находятся въ неразрывной связи съ вопросами, волновавшими всѣ народы христіанскаго Востока и въ той или иной мѣрѣ порождавшими соотвѣтственныя литературныя теченія у другихъ представителей того же міра, у кого раньше, у кого позже, если не одновременно. Слѣовательно, разработку такого принципиальнаго вопроса, какъ время зарожденія и развитія грамматической литературы у армянъ, неизбежно приходится строить на совокупности результатовъ изученія тѣхъ же или родственныхъ памятниковъ не только армянъ, но и иныхъ представителей христіанскаго Востока, прежде всего у непосредственныхъ сосѣдей съ юга — сирійцевъ и съ сѣвера — грузинъ.

Между тѣмъ даже тогда, когда былъ случай высказаться по этому поводу, Н. Г. Адонцъ не только избѣгъ этого, но не постарался свою же мысль подкрѣпить хоть ссылкой на какую ни есть слабую литературу предмета. Такъ, на стр. СХVI предисловія Н. Г. Адонцъ дѣлаетъ предположеніе, что Аракелъ располагалъ независимыми свѣдѣніями объ армянскихъ грамматикахъ, въ частности о Давидѣ, «о томъ, что переводъ Діонисія сдѣланъ Давидомъ».

Здѣсь мы у Н. Г. А-ца читаемъ:

«Что это не простая догадка съ его стороны, а опирается на какой-нибудь источникъ, видно еще и изъ того, что тотъ же Аракелъ въ своемъ толкованіи къ Определеніямъ Давида сообщаетъ, что Давидъ не пользовался успѣхомъ среди армянъ, которые «отвергли его самого и его творенія и задѣвъ оскорбили его, и онъ удалился въ Грузію и тамъ умеръ».

Это сообщеніе сопровождается слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Это въ высшей степени интересное обстоятельство изъ жизни Давида неизвѣстно изъ иныхъ источниковъ и указываетъ, безспорно, на хорошій документъ, находившійся въ распоряженіи Аракела».

По моему это хорошее показаніе въ части о долголѣтнемъ пребываніи Давида въ Грузіи можно бы поддержать тѣмъ, что въ текстѣ у Давида употреблено грузинское слово *მეტი ზაგი* — *мышь* въ формѣ *მეტი ზაკა-ნი*. И эта мелочь тѣмъ болѣе существенна, что слово приводится въ примѣрѣ для иллюстраціи. Слѣдовательно, не только самъ Давидъ зналъ это грузинское слово, но онъ предполагалъ его знаніе въ своихъ слушателяхъ — армянахъ или въ читателяхъ — армянахъ, и указаніе на такой фактъ тѣмъ болѣе слѣдовало бы сдѣлать именно здѣсь, что объ этомъ напечатано съ довольно подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ лѣтъ пять раньше въ работѣ моей «Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка» (стр. 42—43, примѣч.).

Я не буду останавливаться на возможности установленія времени философа Давида, если признать не легендарнымъ, а дѣйствительнымъ пребываніе его въ Грузіи. Это завело бы насъ далеко.

Но не могу не открыть другого смущенія своего касательно опять таки того же мѣста. Н. Г. Адонцъ привелъ сообщеніе въ русскомъ переводѣ: армяне «отвергли его самого (Давида), и его творенія и задѣвъ оскорбили его».

Н. Г. Адонцъ ссылается на текстъ въ Исторіи литературы мыхитариста Зарбаналяна (стр. 322), а тамъ сказано: *Հարկու զիւ Ժիրարեղիս*; это буквально значитъ «избивъ его или ударивъ, изранили его», а въ мягкой передачѣ — «нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ», при передачѣ же Н. Г. А-ца «задѣвъ оскорбили» не только нельзя допустить мысли объ избіеніи, но трудно догадываться, что рѣчь идетъ о томъ, что философъ Давида, можетъ быть, не сильно, но все-таки били. Допустимъ, переводъ правильный, я спорить не буду; все-таки слѣдовало бы считаться съ тѣмъ, что на русскомъ языкѣ существуетъ другой переводъ, напечатанный въ цитованной уже работѣ, а нѣтъ даже простой ссылки на нее.

Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, былъ ли Давидъ въ Грузіи или нѣтъ, а въ болѣе существенномъ. У грузинъ, во-первыхъ, было также сильно развито то грекофильское направленіе на грузинской почвѣ, какое наблюдаемъ у армянъ. У нихъ тѣ же приемы матеріальнаго перевода съ греческаго, что у армянъ; съ XIII-го вѣка нѣкоторые изъ греческихъ памятниковъ, заведомо извѣстно, переводились съ грузинскаго на армянскій языкъ; съ другой стороны, позднѣе

всѣ философско-грамматическіе трактаты не только переводились съ армянскаго на грузинскій, но и комментировались въ грузинской средѣ, иногда при сотрудничествѣ самихъ армянъ. Если бы дѣло касалось исключительно древнѣйшихъ армянскихъ текстовъ въ соответственныхъ спискахъ, быть можетъ, съ грузинскими матеріалами не было бы надобности считаться, но, во-первыхъ, нѣтъ ни одной использованной Н. Г. Адонцомъ или извѣстной ему рукописи, если не ошибаюсь, древнѣе 1293-го года; остальные изъ 16-ти датированныхъ ¹⁾ рукописей двѣ XIV-го вѣка, пять — XV-го вѣка, семь XVII-го столѣтія, съ 1605-го по 1671-го года, и одна 1725-го года. Такимъ образомъ, древнѣйшія изъ рукописей — той эпохи (XIII—XIV-й вѣкъ), когда, несомнѣнно, въ Арменіи работало халкедонитское армянство, тяготѣвшее къ халкедонитамъ и ихъ литературѣ, въ частности къ грузинской. Такъ, армяне перевели въ XIV-мъ вѣкѣ съ грузинскаго Іоанна Климакса и извѣстный богословско-философскій трудъ *Ἐκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως* Іоанна Дамаскина. Въ составѣ армянскихъ рукописей, содержащихъ грамматическіе и философскіе трактаты, не разъ встрѣчаемъ творения этого столпа восточнаго (и затѣмъ греческаго) православія; между прочимъ и въ использованной Н. Г. Адонцомъ венеціанской рукописи г. г. 442 (на стр. XXVII) трактатамъ армянскихъ писателей Давида философа и Моисея предшествуетъ трактатъ І. Дамаскина ²⁾ о субстанціи и акциденціи.

При такихъ обстоятельствахъ важна каждая мелочь, дающая соотвѣтственное или, наоборотъ, противоположное освѣщеніе. И Н. Г. Адонцъ на нихъ обращаетъ вниманіе, напр., на стр. CLXXII онъ отмѣчаетъ у Діонисія армянскіе примѣры къ этническому виду имени, когда вм. *Θράξξ, Γαλάτης* греческаго подлинника приводятся этническія названія *թղթղահան, տուհ, Վրացի*, т. е. *юдердзехъ, тухъ (tuh), грузинъ*.

Терминъ *Վրացի*, и по формѣ видно, — поздняя вставка, но все-таки любопытно, что поздній глоссаторъ въ армянскихъ примѣрахъ усматриваетъ названія грузинскихъ племенъ. Н. Г. Адонцъ самъ находитъ, что *Վրացի* *грузинъ*, по-видимому, есть глосса, т. е. это слово опредѣляетъ *տուհ tuh*, за которымъ оно непосредственно слѣдуетъ. Касательно *tuh* онъ бросаетъ замѣчаніе, что это названіе «встрѣчается у Хоренскаго», и только. Не-арменистъ ничего не извѣстуетъ изъ этого указанія. Онъ не вспомнить народнаго стиха, занесеннаго Хоренскимъ въ Исторію (III, 65, ԳԶ, стр. 199, из сл.):

Հասանած դիպեալ
Վարդգէս ճանաչե
Ի տուհաց քառանկէ Ի Դ. Դ.

Арменистъ не всякій пойметъ, почему подъ *tuh*’омъ глоссаторъ хотѣлъ понять «грузина».

На самомъ дѣлѣ глоссаторъ правъ: *tuh* есть діалектическая, именно сванская форма этническаго названія *Յւնի՛ա*, т. е. *тупина*. Эта именно сванская форма *Յւնի* — съ сванскимъ мн. числѣмъ на -аг, т. е. *Յւնի-аг* — сохранилась въ грузинскомъ названіи древней крѣпости *Յւնի-հան* *Յւնի-аг-ի-ս* противъ Тбетскаго монастыря именно въ мѣстности, расположенной рядомъ съ той областью Кларджіею, съ которой Н. Г. Адонцъ вполне основательно отождествляетъ

1) Недатированныя также не архаичны, развѣ *Նուցի*.

2) Въ этотъ разъ въ переводѣ съ греческаго (*Θράξξ, Γαλάτης* (8աղաքի Գրի Լու (Թիան Լու պատահան).

Κοταρζήνη у Птолемея. Т. е. выходить, что не въ глоссъ только, но въ основной армянской версін Діонисія Оракійскаго армянскій переводчикъ проявляетъ такую же склонность пользоваться грузинскими терминами, какъ Давидъ.

Н. Г. Адонцъ обратилъ вниманіе (стр. CLXX, CLXXI) на имя Տրիթան Трѣпан у Діонисія и Анонимнаго толкователя: ему и его эквиваленту-разночтенію посвящается почти цѣлая страница.

Между тѣмъ имя Трѣпан въ древней армянской средѣ не обычное и не распространенное. Писатель же, приводившій этотъ примѣръ, очевидно, рассчитывалъ на хорошее знакомство своихъ читателей съ этимъ именемъ, иначе нечего было замѣнять греческое имя Θείων никому или мало извѣстнымъ именемъ. И, дѣйствительно, это имя было хорошо извѣстно въ халкедонитской армянской средѣ, гдѣ только и существовало, по всѣмъ видимостямъ, житіе св. Тиричана, армянскаго святого VII-го вѣка. Оно сохранилось у халкедонитовъ-грузинъ въ древнемъ персводѣ съ армянскаго, возникшемъ при видѣреніи армянской халкедонитской волны въ грузинскую церковную среду.

Въ связи съ толкованіемъ термина Տրիթան թիթիք (стр. CLI, CLII) автора интересуетъ слово Տրիթ, встрѣчающееся въ Библии два раза (Лев. 23, 40 и Іовъ 40, 17). Слово Н. Г. Адонцъ отождествляетъ съ греч. ἄνθος, оно также встрѣчается въ книгѣ Левитъ, что же касается Іова, то авторъ замѣчаетъ (стр. CLII, прим. 1), что его нѣтъ въ принятомъ текстѣ, а лишь «въ нѣкоторыхъ спискахъ, какъ сод. Alex.» Стоитъ заглянуть въ грузинскій словарь Орбелиани, чтобы увидѣть, что грузинская версія, какъ и армянская, даетъ чтеніе Տրիթ и въ стихѣ Іова (ճԵԵԵԵԵ).

Но интересно и появленіе сирянта Տ въ началѣ армянскаго слова Տրիթ при греческомъ ἄνθος? Едва ли можно еще найти примѣръ, чтобы при непосредственномъ заимствованіи изъ греческаго армяне греческое окончаніе -ος замѣняли окончаніемъ -и въ нарицательныхъ именахъ.

Для древнѣйшаго же времени еще болѣе существенное значеніе имѣютъ сирійскіе матеріалы. Дѣло не въ томъ, что древне-сирійскихъ грамматическихъ текстовъ не много. Дѣло въ томъ, что цѣлый рядъ армянскихъ грамматическихъ терминовъ представляетъ переводъ сирійскихъ выраженій или ихъ транскрипцію.

Даже греческіе термины, древнѣе воплещіе въ армянскій литературный языкъ, носятъ сирійскій обликъ. Это отмѣчаетъ и нашъ авторъ въ отношеніи Տրիթան (стр. CLX), передачи греческаго συλλαβή, при этомъ однако сказано, какъ будто безразлично: «въ другихъ памятникахъ встрѣчается» и т. п., на самомъ дѣлѣ (случайно или въ зависимости отъ особаго историко-литературнаго построенія?) замалчивается вопросъ о степени древности такихъ сиріазмовъ.

Въ другомъ же мѣстѣ (стр. CLVIII, CLIX и CLX), гдѣ различные термины используются для выраженія понятія *слово*, ничего не сказано о древнѣйшемъ изъ нихъ, даже о существованіи его не упомянуто, именно, Տրիթան и Տրի. Первый терминъ — Տրիթան, или Տրիթանյիթ — налицо изъ древнѣйшихъ у Мандакуни и Лазаря Парпскаго, второй Տրի въ армянскомъ текстѣ І. Златоуста, толков. Ісаіи и у Григорія Аршарунійскаго, а эти термины безспорно сирійскіе: տ *слово*, տ *онъ снабдилъ мяснымъ*¹⁾.

Не отмѣчено и то, что въ самомъ настоящемъ изданіи, именно въ текстѣ армянскаго толкователя Давида по одному списку M³ въ значеніи *слово* упо-

1) Любопытно выяснитъ отношеніе къ этому слову г. ԽԵԵ hang-1 *мотивъ* (въ пѣніи).

треблень въ. Հանք տարմինն նորագ, что представляет интерес и для семасической стороны въ связи съ перс. نواز, نواختن.

Древніе армяне чувствовали и не скрывали, даже грекофилы, что у нихъ есть въ распоряженіи свой подборъ грамматическихъ терминовъ, какъ, напр., когда Давидъ въ значеніи винительнаго падежа греческому զանազանքն противопоставляетъ привычное армянское названіе հարկանքն (стр. 108,5).

Благодаря сосредоточенію вниманія лишь на греческихъ матеріалахъ, греческихъ факторахъ и греческихъ источникахъ, получается если и не преувеличеніе ихъ значенія, то, несомнѣнно, преуменьшеніе значенія матеріаловъ до-грекофильскаго культурнаго теченія въ Арменіи. Даже совсѣмъ незаслуженно обида наносится природному живому языку дѣйствительно древней Арменіи, когда, напр., утверждается, что «армянская лексика отличается отъ греческой прежде всего отсутствіемъ словосложенія при посредствѣ предлоговъ» (стр. CLXXIV), и дальнѣе получается впечатлѣніе, будто армянскій языкъ до грекофиловъ, до греческихъ образцовъ, и не зналъ, что значить слово, составное съ предлогомъ. Н. Г. Адонцъ, конечно, не можетъ думать, что արի-կաղ արկոտայ, արի-կաղ արկոտայ արкотум (ark-her-n-um) читаю, արի-կաղ արкотум а-раканет оскверняю, արի-կաղ արкотум արкотум война, արкотум արкотум արкотум արкотум и десятки другихъ возникли подъ греческимъ вліяніемъ. Фактъ тотъ, что безъ справки въ сирійской грамматической терминологіи и выясненія армянскихъ грамматическихъ названій сирійскаго происхожденія до-грекофильской эпохи мы будемъ лишены одного изъ объективныхъ мѣрилъ при установленіи хронологіи тѣхъ или иныхъ стилистическихъ особенностей. Скажу болѣе: самыя различія армянскихъ грамматическихъ текстовъ могутъ подвергнуться переоцѣнкѣ, что для критическаго изданія представляетъ первостепенную важность.

Спѣшу оговориться: я не ставлю вовсе такихъ требованій въ этомъ направлении, для которыхъ нужна совсѣмъ особая работа, отнюдь не рассчитанная на силы одного армениста. Болѣе того — если не возникновеніе самой мысли о такой дополнительной двухсторонней работѣ, то во всякомъ случаѣ осуществленіе ея становится возможнымъ лишь послѣ того исчерпывающаго изслѣдованія армянскихъ памятниковъ, которое Н. Г. Адонцъ даетъ въ настоящемъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, даже при чисто арменистической постановкѣ вопроса можно бы было, не нарушая программы работы, использовать при ея выполненіи кое-что изъ матеріаловъ сирійскихъ или грузинскихъ или, по крайней мѣрѣ, указать на эту сторону дѣла.

Затѣмъ Н. Г. Адонцъ, мнѣ кажется, увлекся отрѣшенностью изучавшихся имъ авторовъ отъ живого армянскаго міра: для нихъ высоко поднятое знамя греческой образованности заслоняло все, даже интересы того живого народа, для просвѣщенія котораго такъ много ими положено было труда. Высоко поднято Н. Г. Адонцомъ знамя западно-европейской науки, съ усвоеніемъ до мелочей ея приемовъ, имѣющихъ свое обоснованіе и оправданіе, въ числѣ прочаго съ латинскимъ языкомъ въ примѣчаніяхъ и вообще въ критическомъ аппаратѣ. Едва ли это цѣлесообразно, если имѣть въ виду интересы арменовѣдѣнія, какъ живого дѣла. Классики безъ знанія армянскаго языка не могутъ вполне использовать понятныхъ имъ латинскихъ примѣчаній, а интересующіеся армянскимъ текстомъ памятника не могутъ прочитать примѣчаній. Автору, очевидно, хотѣлось сдѣлать примѣчанія доступными для всѣхъ европейскихъ арменистовъ, но для этого достаточно было текстъ критическаго аппарата из-

ложить на древнелитературномъ армянскомъ, доступномъ всѣмъ, въ томъ числѣ и тѣмъ европейскимъ ученымъ, которые будутъ читать армянскій текстъ изданныхъ памятниковъ. Что же касается интересовъ армянскаго образованнаго общества, читающаго древне-литературныя памятники и интересующагося ими, авторъ къ нимъ оказался менѣе внимателенъ, чѣмъ то можно было проявить: въ этомъ отношеніи онъ не захотѣлъ послѣдовать приему, освященному практикой факультета Восточныхъ языковъ въ изданіи армянскихъ и грузинскихъ текстовъ.

Вопреки всякимъ ожиданіямъ, авторъ-арменистъ и въ другихъ случаяхъ больше вниманія и предупредительности оказываетъ филологамъ-классикамъ, чѣмъ филологамъ-арменистамъ. Такъ, напр., въ Index graeco-armeniacus (стр. 67—76) съ формальной стороны дано все, т. е. указаны и страницы и строки, а въ указателяхъ армянскихъ словъ (стр. 289—305) — специально для арменистовъ — строки уже не указываются, указаны только страницы.

Обзоръ рукописныхъ памятниковъ (стр. I—XLI) имѣетъ задачей не описаніе рукописей для описанія рукописей, а служебную цѣль, ввести читателя въ матеріалы такъ, какъ ихъ понимаетъ Н. Г. Адонцъ, освѣтить традиціи переписчиковъ; между тѣмъ читатель, не-специалистъ и не арменистъ, не вводится, а отводится: оставляются безъ перевода не только армянскія заглавія различныхъ трактатовъ, но и сопровождающія ихъ историко-литературныя свѣдѣнія.

Такое же замѣчаніе вызываетъ отсутствіе перевода выдѣленныхъ записей и приписокъ, особенно главныхъ записей каждой изъ рукописей, напр., на стр. VI, подъ № 12, написано — «главная запись въ концѣ и гласитъ» и потому голый армянскій текстъ, не указаны даже фактическія данныя записи.

Съ другой стороны, въ самый описательный текстъ внесены и приписки, не имѣющія никакого отношенія къ той именно задачѣ, которую авторъ поставилъ себѣ въ этой части, озаглавивъ ее — «Обзоръ рукописныхъ памятниковъ».

Однако, разъ они вносились въ трудъ, да еще въ основную его часть въ самый текстъ, они обязательно должны были получить освѣщеніе, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ, хотя бы и случайно, коснулась рука знатока языка, и, напр., въ послѣднемъ двустишіи (стр. VI-й):

դիմաց բլբուլ չկա ծաղկուն
շաւիկն ԿԿԵԷ Ի զԵրայ վարդան

отмѣтить рѣдкое слово շաւիկ matläh или madläh, повидимому, своеобразную транскрипцію т. شادليق matläh, شادليق madlik.

Въ данныхъ авторомъ чрезвычайно важныхъ сравнительныхъ спискахъ лексическаго матеріала имѣетъ не только справочный матеріалъ, но въ извѣстномъ отношеніи tableau raisonné, таблицу, исторически освѣщенную съ точки зрѣнія употребительности словъ у того или иного автора, въ томъ или иномъ памятникѣ. Какъ справочная часть, эти списки сохраняютъ свое значеніе, а какъ направляющіе на извѣстныя историко-литературныя размышленія, они имѣютъ относительное, иногда даже весьма относительное значеніе.

Прежде всего въ книгѣ нѣтъ списка аналогичныхъ наблюденій ни по морфологическимъ, ни по синтаксическимъ фактамъ, а значеніе этихъ категорій для характеристики языка безспорно важнѣе, чѣмъ значеніе отдѣльныхъ словъ.

Въ числѣ словъ, приводимыхъ подъ заглавіемъ verba a libris sacris aliena

помѣчены *հւ*, *հւր* и др. (стр. 30); но, вѣдь, это не самостоятельныя слова, а частицы, важныя для словообразованія.

И въ отношеніи словъ далеко не вполне исчерпанъ матеріалъ, и не вижу, чтобы обращено было вниманіе на чисто семасическую сторону дѣла, напр., въ спискѣ лексическихъ особенностей Моисея (стр. 297) я не нахожу ни *հիւսէն* *hiwsen*, ни *հիւսնաւոր* *hiwsnawor*. Эти слова, первое въ значеніи *плотника*, *столяра*, *древодѣла*, а второе—*плотничьяго*, *столярнаго дѣла*,—обычныя, но Моисей первое изъ нихъ употребляетъ въ значеніи не только *плотника* и *столяра*, но и *архитектора* или *зодчаго* вообще вм. общепринятаго *տարտարաբետ* *tartarabet*. У Моисея такъ и сказано про *հիւսէն* *hiwsen*: (стр. 159, 11—12) *որ աստիւր շէնէ քո շէնէ* *кто строитъ храмъ (или дворецъ)*.

Эту семасическую особенность тѣмъ болѣе слѣдовало бы отмѣтить, что такое употребленіе термина, собственно означающаго «столяръ», «плотникъ», вообще «древодѣлъ», можно объяснить не произволомъ Моисея, а извѣстной диалектической средой. То же самое происходитъ съ грузинскимъ терминомъ *ჭიგ-ო* *qur-o*, собственно означающимъ «плотника», «столяра», но затѣмъ получившаго значеніе *архитектора* вообще, при этомъ на грузинскомъ много слова какъ сложное *ჭიგ-მოდგუარა* (*qur-o-modguari*), съ занимающимъ насъ терминомъ въ составѣ, и не существуетъ для выраженія «архитекторъ»¹⁾.

Затѣмъ, въ отношеніи лексическаго матеріала мѣриломъ для классификаціи взяты сужденія *ad personam*, а не *ad materiam*; напр., отъ перваго списка «*Dionysii verba a libris sacris aliena*» (стр. 289—253) получается впечатлѣніе, что этихъ словъ въ св. Писаніи нѣтъ не только случайно фактически, но и по природѣ самихъ словъ. Только при такомъ толкованіи констатируемыхъ фактовъ списки получаютъ громадное историко-литературное значеніе, иначе это простой справочный указатель, въ лучшемъ случаѣ не доработанный сырой матеріалъ.

Между тѣмъ армянскій текстъ св. Писанія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ собою совершенно неопредѣленное лицо: безъ критическаго отношенія къ его тексту показанія наличной версіи св. Писанія, такъ называемой армянской вульгаты (Λ'), могутъ быть приравнены къ свидѣтельскимъ показаніямъ неслѣдующаго лица. Надо при этомъ еще различать тексты св. Писанія ветхозавѣтные и новозавѣтные: по языку между ними въ доступномъ намъ армянскомъ подлинникѣ громадная разница.

Въ числѣ лексическихъ новшествъ Давида не указано вульгарное слово *արտ* 120,1, между тѣмъ этого слова въ Библии нѣтъ. Правда, встрѣчается отыменный глаголъ *արտել* *артъ*, но не въ Ветхомъ, а Новомъ Завѣтѣ (Дѣян. 26,14). Это большая разница.

Въ писаніи Давида въ качествѣ слова, чуждаго св. Писанію (стр. 294), приводится *հրհր* разъ съ 82-й страницы; на самомъ дѣлѣ этотъ чистѣйшій вульгаризмъ встрѣчается чаще, такъ, напр., 117,22, 121,6.

Списокъ, все тотъ же первый, очень много теряетъ отъ того, что въ него внесены термины, заведомо чуждые самому содержанію св. Писанія, такъ, прежде всего грамматическіе термины, напр., *ստորագրութիւն*, *ստորագրութիւն*, *տարբեր* и т. п.

Изъ словъ, дѣйствительно поучительныхъ, надо остановиться на *արեւ* *арска* потому, что ему независимо отъ списка приеивается особая роль.

1) О лингвистической связи г. *qur-o* (с**hur-o*) и *h. hiws-en* [|| *hus-en*] рѣчь будетъ особо.

Въ текстѣ (стр. 13,¹³) армянская версія даетъ чтеніе «ласка», тогда какъ въ греч. оригиналѣ «орелъ» (ὄρελος). И Н. Г. Адонцъ съ вѣроятностью утверждаетъ (стр. CLXV), что именно чтеніе «ласка» было въ греческихъ схоліяхъ, и, слѣдовательно, чтеніе «*րի*», надо думать, древнее, довольно древнее.

Вотъ подлинныя слова Н. Г. Адонца:

«Что касается *յչլղ*, его нѣтъ въ наличныхъ греческихъ схоліяхъ, но что имѣлся [оно имѣлось?] въ нихъ и въ частности въ той схолии, которой пользовался Давидъ, весьма вѣроятно; *յչլղ mustela* упоминается у латинскихъ грамматиковъ (Uhlig, Dionysii Thracis ars, стр. 25 прим.)».

Не видно основанія для утвержденія, что въ греческихъ схоліяхъ имѣлся терминъ *յչլղ*. Быть можетъ, больше основанія утверждать, что 1) греческіе схоліасты не упоминали о *յչլղ лиска*, 2) что въ латинскихъ грамматикахъ это ихъ отсебятина и 3) въ армянскіе списки сочиненія Давида слово попало лишь въ Киликіи изъ какого-либо латинскаго источника.

Что касается фактическаго положенія дѣла, оно не совсѣмъ обстоитъ такъ, какъ можно представить его себѣ по данному въ книгѣ указателю, напр., къ матеріаламъ, чуждымъ наличному состоянію св. Писанія, отнесено слово «*րի*» *a-qis* въ значеніи *ласки* (стр. 13).

На самомъ дѣлѣ «*րի*» не только не отсутствуетъ въ наличномъ текстѣ св. Писанія¹⁾, но оно на лицо въ составѣ сложнаго слова «*հիւրի*» въ кн. Левитъ, 11,30: — «*հիւրի եւ զհոնանիւնսն եւ զոգորաց եւ զնղղ եւ իւրսրդ*».

Этихъ недосмотрѣвъ авторъ обязанъ довѣрью, оказанному имъ іерусалимскому Конкордансу, гдѣ «*րի*», дѣйствительно, не указано. Съ другой стороны Венеціанскимъ Больш. словаремъ (*Հայկազեան բառարան*) «*րի*» тщательно зарегистрировано по св. Писанію.

Правда, въ самомъ св. Писаніи слово «*րի*» *a-qis*—безспорно позднѣйшее; оно связано съ исправленіемъ армянской версіи Библіи по греческому тексту: данные стихи Левита 11,29 и 30, къ сожалѣнію, не только въ армянскомъ, но въ грузинскомъ, чтеніи (здѣсь, въ обѣихъ извѣстныхъ редакціяхъ—О М), представляютъ точный сколокъ съ греческаго текста LXX. И потому появилось и въ арм. и груз. версіяхъ животное, котораго евр. оригиналъ, къ которому восходилъ черезъ первичную сирійскую версію дѣйствительно древній армянскій переводъ, не зналъ; тамъ замѣчательный въ естественно-историческомъ отношеніи пассажъ начинался словомъ, означающимъ собственно *кромъ*.

Но это для насъ не столь интересно. Важнѣе то, что слово «*րի*» *a-qis* какъ литературное, не имѣетъ и этой давности, т. е. не относится ко времени первыхъ исправленій армянскаго св. Писанія по греческому подлиннику въ VI-мъ—VII-мъ вѣкахъ: оно въ древне-армянскую литературу проникло значительно позднѣе, позднѣе, чѣмъ не только VII-й, но и VIII—IX вѣкъ: оно едва ли до-киликійское слово въ литературѣ.

Само по себѣ «*րի*» армянское названіе животнаго *ласки* весьма древнее. Его сир. эквивалентъ, означающій не только *ласку*, но и *кошку*, встрѣчается въ *Откровеніи Меводіа*²⁾; естественно, оно налицо и въ сирійскихъ басняхъ, и въ армянскихъ, но въ армянскихъ позднихъ, которыя редактировались среди южныхъ

1) Лев. 11,29: «*հիւրի եւ զնղղ եւ զոգորաց յոնանի*».

2) А если взять *հաւ*, то и въ Библии.

армяны въ общеніи съ населеніемъ Сиріи, какъ все это выяснено мною въ книгѣ, посвященной армянскимъ баснямъ¹⁾).

Но тѣмъ не менѣе *ազիս* а-қис не есть древне-литературное у армянъ слово, т. е. присущее той древней литературѣ, которая зародилась на языкѣ, какъ я называю, хайскомъ. Оно южно-армянское, но вульгарное слово; раньше, чѣмъ *ազիս*, сѣверные армяне въ древній переводъ св. Писанія успѣли внести свое родное слово *զրճին* *vrđin*, и армяне употребляли *զրճին* *vrđin* > *vrđin* вообще въ литературѣ, и этотъ дѣйствительно древнелитературный армянскій терминъ сохранили грузинскіе древнелитературные памятники въ двухъ разновидностяхъ: одна звучитъ *ზრճბი* *vrđin*-і и встрѣчается въ Физіологѣ (XXIV, 2 et pass.), другая звучитъ *ჟრճბი* *quřđin*-і²⁾ и встрѣчается именно въ томъ стихѣ Левита³⁾, въ который впоследствии армяне внесли народное армянское, притомъ южно-армянское слово *ազիս* а-қис.

Все, что касается слова *ազի* a-qis, его нахождения въ армянской Библии, по недоразумѣнію отрицаемаго, и его древне-литературнаго армянскаго эквивалента, сохраненнаго грузинскими древне-литературными памятниками, все это напечатано въ трудѣ моемъ, посвященномъ армянскимъ и грузинскимъ текстамъ Физіолога, стр. 104.

Вопросъ не въ томъ, что авторъ не вспомнилъ моихъ соображеній или, тѣмъ болѣе, не поддержалъ ихъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ пошелъ дальше, или развиль мое положеніе, или противопоставилъ ему по доказательствамъ равноцѣнное. Приходится мнѣ идти далѣе опять въ одиночествѣ.

Слова для *ласки*, освященного дѣйствительно древнимъ литературнымъ употребленіемъ времени первыхъ переводовъ св. Писанія, не только у насъ нѣтъ въ распоряженіи, его не было въ распоряженіи и у тѣхъ древнихъ армянъ, которые нуждались въ немъ въ VII или болѣе раннемъ вѣкѣ при переводѣ сочиненій столпа армянскаго православія — Тимофея Ласки или Тимофея Элура. Они этого самого Ласку называли сирийскимъ словомъ ܠܫܟܐ (*ласа*), и этого сирийскаго названія, утвердившагося въ армянской литературѣ въ качествѣ прозвища Тимофея, не могли устранить или не могли замѣнить какимъ-либо равнозначущимъ, столь же литературно обоснованнымъ армянскимъ словомъ даже тѣ, отъ которыхъ сохранился дошедшій до насъ древній переводъ творенія Тимофея Элура Куза, переведенный уже не съ сирийскаго, а съ греческаго, хотя эти армяне-переводчики, переводившіе съ греческаго, несомнѣнно, прошедшіе грекофильскую школу, гнушались всего сирийскаго, какъ всѣ армяне-грекофилы, и охотно замѣнили бы сирийскій терминъ, если не греческимъ, то по крайней мѣрѣ литературнымъ армянскимъ.

Всѣ эти замѣчанія по ряду подробностей не затрагиваютъ тѣхъ сторонъ, выяснить которыя поставилъ себѣ задачей Н. Г. Адонцъ и блестяще выяснилъ. И какъ сами по себѣ тѣ подробности ни заслуживаютъ вниманія, я позволилъ себѣ увлечься ими, чтобы въ связи съ неотвязчиво преслѣдующей лично меня

1) Сборники притчъ Вардана, ч. I, стр. 217.

2) При $\beta \gamma \text{глости } \chi(113) < \gamma$ получаются разновидности $\beta \gamma \text{гл. } \text{qr}\beta\text{vin-1}$, $\beta \gamma \text{гл. } \text{qr}\beta\text{vin-a}$, $\beta \gamma \text{гл. } \text{qr}\beta\text{vin-1}$, $\beta \gamma \text{гл. } \text{qr}\beta\text{vin-a}$.

3) 0: ქვეტლი და თავჯ და ხუთი წელი ანს ქელას წა და თავჯქუტლი და მხუენ ლიამი და მხუელი და მხუენ და მხუენელი (Az. Muz., სტრ. 187a, სთბ. 2—3), M: ქვეტლი თავჯი და ხუთი წელი ანს ქელას წა და მხუენლი და მხუელი და მხუენ და მხუენელი.

мыслью о хрупкой организованности работъ по армяно-грузинской филологіи предупредить, что не только на войнѣ, но и въ мирномъ гражданскомъ, въ частности ученомъ быту, одиночество есть въ лучшемъ случаѣ тяжелое невыносимое бремя, а въ худшемъ — весьма невыгодная позиція.

Въ работѣ же самой отразились всѣ полеты и сомнѣнія арменистической мысли за послѣднія два, три десятилѣтія, хотя и въ субъективномъ отраженіи, всѣ успѣхи, окрыляющіе фантазію, и неудачи, призывающія къ осторожности. Въ книгѣ, однако, проявляется больше сдержанности, чѣмъ увлеченія. Съ другимъ основнымъ трудомъ автора, магистерской его диссертациею, озаглавленной «Арменія въ эпоху Юстиніана», настоящее произведеніе Н. Г. Адонца представляетъ въ этомъ отношеніи яркую антитезу. Для научной работы это громадное и безспорное преимущество.

Объ работы, казалось бы, ничего общаго не имѣющія въ научномъ отношеніи между собою, построены на одномъ и томъ же фундаментѣ, на арменистической оцѣнкѣ фактовъ, имѣющихъ на самомъ Востокѣ международное значеніе, на специальномъ знаніи армянскихъ матеріаловъ и ихъ толкованіи. Но въ вопросѣ о грамматическихъ памятникахъ въ армянской литературѣ авторъ изслѣдовалъ не преданія о фактахъ, а сами факты, наличныя чтенія текстовъ, какъ они нѣкогда были въ дѣйствительности, хотя бы и не въ предполагающую или даже не въ предполагаемую самимъ авторомъ эпоху. Результаты получились реальные, снова напоминающіе о необходимости перестройки всего армянскаго традиціоннаго историко-литературнаго зданія. Это фактически ясно изъ продолженной Н. Г. Адонцомъ и предложенной въ настоящей книгѣ работы; объ этомъ результатѣ можно узнать и по обмолвкамъ, хотя по излишней осторожности авторъ не напелъ необходимымъ открыть полностью свое отношеніе къ общей традиціонной схемѣ. Весьма вѣроятно, что въ научную работу, имѣющую получить безспорно весьма длительное значеніе настольной книги для специалистовъ, Н. Г. Адонцъ избѣгалъ внесенія положеній, которыя трудно было бы отстоять безъ спора и особенно безъ извѣстной субъективной формулировки.

Въ то же время въ намѣченныхъ Н. Г. Адонцомъ рамкахъ работа ведена съ такой строгостью приемовъ и чуткостью къ современнымъ запросамъ по исторіи армянской литературы, благодаря мелкой, весьма сложной, можно сказать, мозаической техникѣ въ классификаціи многочисленныхъ вариантовъ матеріалъ распределенъ настолько цѣлесообразно и уже подготовленъ для напрашивающихся выводовъ, въ сужденіяхъ о стилѣ и въ самомъ подборѣ разночтеній для основного критическаго текста проявлено столь глубокое знаніе армянской литературной рѣчи на протяженіи съ V—VI вѣковъ до XIV-го и ближе, въ различныя эпохи, и въ итогѣ, какъ авторъ ни сдерживалъ себя, имъ дается такъ много совершенно новаго объ авторахъ армянскихъ грамматическихъ произведеній, что изслѣдованіе, въ которомъ Н. Г. Адонцу посчастливилось проявить всѣ эти качества, т. е. «Діонисій Θρακійскій и его армянскіе комментаторы», безспорно должно стать настольной книгой для каждаго работника по армянской филологіи.

Н. Маррѣ.

II.

Въ заключительныхъ строкахъ предисловія къ своему труду Н. Г. Адонцъ говоритъ: «Чтобы провѣрить достигнутые нами результаты и опредѣлить степень достовѣрности или приѣмлемости возстановленныхъ текстовъ, мы полагаемъ необходимымъ сличить ихъ со сродными схоліями греческой литературы. Не намъ судить, насколько добытые при этомъ результаты оправдываютъ предпринятое нами, казалось бы, неблагоприятное дѣло, въ смыслѣ какъ методологической постановки, такъ и фактическаго исполненія».

Дѣло, предпринятое авторомъ, можетъ показаться «неблагодарнымъ» только недостаточно вдумчивому изслѣдователю. Тотъ же изслѣдователь, который стремится если и не къ достиженію истины, то хотя бы къ приближенію къ ней, не захочетъ думать о томъ, благодарное или неблагоприятное дѣло онъ предпринимаетъ. Если я и не могу согласиться съ авторомъ, что предпринятое имъ дѣло было дѣломъ неблагоприятнымъ, хотя бы отчасти, то я всецѣло готовъ признать, что исполненная имъ работа по сличенію армянскихъ толкованій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго съ греческими схоліями къ нимъ была работою чрезвычайно тяжелою и далеко невеселою, требовавшею отъ автора большого напряженія, усидчиваго вниманія и хорошихъ познаній въ области, болѣе или менѣе отдаленной отъ его ближайшей спеціальности. Филологъ-арменистъ долженъ былъ, по ходу подлежащей ему задачи, стать на время филологомъ-классикомъ.

Н. Г. Адонцъ съ честью справился съ этой своей задачей, и IV-я глава его книги (стр. CXVIII—CLXXXI), посвященная «разбору возстановленныхъ текстовъ», свидѣтельствуетъ о его солидной и вполне надежной подготовленности къ тому, чтобы умѣло оперировать надъ греческими текстами и извлекать изъ нихъ то, что нужно автору для его ближайшей цѣли. Цѣль же эта состоитъ въ томъ, чтобы обставить научное изданіе изслѣдуемыхъ авторомъ армянскихъ текстовъ «не только обычнымъ критическимъ аппаратомъ, а еще данными, гарантирующими ихъ историческую достовѣрность» (стр. CXX).

Изъ возстановленныхъ Н. Г. Адонцемъ текстовъ наиболѣе интереснымъ, по его заявленію, является «Толкованіе» Давида: комментаріи остальныхъ авторовъ обнаруживаютъ знакомство съ трудомъ Давида въ большей или меньшей степени, и выводы о Давидѣ предрѣшаютъ и ихъ судьбу. Тотъ основной выводъ, къ которому пришелъ авторъ, и который кратко можетъ быть формулированъ такъ: «Толкованіе» Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго и обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаторами «Грамматики», долженъ быть признанъ твердо обоснованнымъ и незыблемо установленнымъ. Для этого автору пришлось внимательно проштудировать III-й томъ изданія «Grammatici graeci», посвященный схоліямъ къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго, вышедшій въ свѣтъ въ 1901 г. въ обработкѣ Hilgard'a. Одно уже чтеніе этого монументальнаго (около 600 страницъ) тома, насыщеннаго такой скучной матеріей, какъ схоліи составляетъ своего рода ученый подвигъ, на который найдется немного охотниковъ и среди филологовъ-классиковъ. Вдумчивое же отношеніе къ матеріалу, сообщаемому схоліями, заставляетъ всякаго научнаго работника преклониться предъ тѣмъ изслѣдователемъ, который съ такимъ самоотверженнымъ терпѣніемъ

и настойчивымъ вниманіемъ пошелъ на предстоящій ему подвигъ и удачно преодолѣлъ его.

Какъ указываетъ Н. Г. Адонцъ (стр. СХХІ сл.), въ составъ схолій къ Діонисію вошли три ихъ коллекціи — ватиканская, венеціанская и лондонская; каждая изъ нихъ представляетъ компіляцію изъ трудовъ различныхъ грамматиковъ, въ цѣломъ видѣ не сохранившихся. Авторами использованныхъ трудовъ называются Меламподъ-Диомедъ, Георгій Хиробоскъ (=Иліодоръ), Стефанъ (можетъ быть, извѣстный философъ и математикъ при Иракліи), Порфирій и др. Къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, ни время, ни взаимоотношеніе этихъ авторовъ неизвѣстны, а то, что извѣстно и что можетъ быть болѣе или менѣе прочно обосновано, изложено, продолжаетъ Н. Г. Адонцъ, «въ обстоятельной, предпосланной изданію, статьѣ Гильгарда, куда и отсылаемъ интересующихся вопросомъ» (стр. СХХІІ).

«Интересующіеся вопросомъ» врядъ ли поблагодарятъ Н. Г. Адонца за это «отсылаемъ». Въ статьѣ Гильгарда и специалисту-классику разобраться не такъ-то легко, а для специалиста-армениста, котораго книга Н. Г. Адонца прежде всего, конечно, имѣетъ въ виду, это будетъ уже совсѣмъ тяжелый и, пожалуй, непроеводительный трудъ. Н. Г. Адонцъ поступилъ бы болѣе человѣколюбиво со своимъ читателемъ, если бы онъ на двухъ-трехъ страницахъ далъ резюмэ обстоятельной статьи Гильгарда или, хотя бы, указать на то, что основные выводы Гильгарда удобно сопоставлены въ статьѣ L. Sohn'a, помещенной въ «Real-Encyclopädie» Паули-Виссова (т. V, столб. 982 сл.).

Въ краткихъ словахъ дѣло сводится къ слѣдующему. Весь составъ схолій распадается на три группы. Первую группу составляютъ древніе комментаріи отдѣльныхъ авторовъ; сюда принадлежатъ: 1) схоліи Мелампода-Диомеда къ §§ 1—11, 19—20 «Грамматики», 2) схоліи Иліодора=Георгія Хиробоска къ §§ 12—20 «Грамматики». Вторая группа даетъ собраніе схолій изъ комментаріевъ различныхъ авторовъ, имена которыхъ приводятся или въ текстѣ или на поляхъ рукописи: 1) ватиканскія схоліи даютъ соединеніе комментаріевъ Мелампода-Диомеда и грамматика Стефана; здѣсь же использованы объясненія Порфирія и Георгія (не Хиробоска), а также предпосланы еще три различныхъ предисловія, трактующія о *ὅρος*, *τέχνη* и *προσῳδή*; 2) въ венеціанскихъ схоліяхъ экцерпированы не только комментаріи Мелампода, Діонисія и Стефана, но также и полный комментарий Иліодора=Георгія Хиробоска; 3) въ лондонскихъ схоліяхъ не наизываются экцерпты изъ отдѣльныхъ комментаріевъ, но дается попытка объединить различные экцерпты въ одинъ непрерывный комментарий. Все, что собрано во второй группѣ схолій, т. е. въ схоліяхъ ватиканскихъ, венеціанскихъ и лондонскихъ, естественно, во многихъ случаяхъ совпадаетъ, но, съ другой стороны, эти три коллекціи схолій взаимно дополняютъ другъ друга. Наконецъ, третью группу схолій представляетъ византійскій комментарий, составленный, повидимому, въ VIII—IX вв. и по учености значительно уступающій схоліямъ болѣе древнимъ, восходящимъ, вѣроятно, въ первой группѣ не ранѣе, какъ къ VI в., а во второй — не ранѣе, какъ къ VII—VIII вв. Слѣдовательно, весь тотъ колоссальный матеріалъ, который собранъ въ изданіи Гильгарда, охватываетъ работу ученыхъ комментаторовъ на протяженіи, по меньшей мѣрѣ, трехъ вѣковъ. И невольно въ умѣ изслѣдователя долженъ возникнуть вопросъ, равноцѣнны ли показанія всѣхъ трехъ группъ схолій, не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ нихъ болѣе раннее отъ болѣе поздняго, установить ту или

нную зависимость болѣе поздняго отъ болѣе ранняго. Конечно, эта критическая историко-литературная работа представляет не малую сложность и трудность и должна быть выполнена филологомъ-классикомъ, а не филологомъ-арменистомъ. Но и послѣдній, думается, не долженъ закрывать глазъ на эту строго-филологическую сторону дѣла, если онъ хочетъ, при сличеніи армянскихъ толкованій съ греческими, быть *γρηματικός*, а не только *τεχνικός*. Не желая вовсе обязывать филолога-армениста продѣлать ту работу, которую надлежало бы исполнить филологу-классику, я все же полагаю, что на обязанности перваго было вкратцѣ уяснить читателю, какъ обстоитъ дѣло съ составомъ всѣхъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго. Правда, филологъ-арменистъ можетъ возразить филологу-классику, что для него важно было только установить зависимость толкованій Давида отъ комментаріевъ греческихъ ученыхъ. Такое возраженіе будетъ справедливо, однако, лишь съ формальной стороны, но не по существу: вѣдь, для существа дѣла, казалось бы, не безразлично вовсе, совпадаютъ ли тѣ или иные толкованія Давида съ комментаріями, находящимися либо въ первой, либо во второй, либо въ третьей изъ указанныхъ мною группъ греческихъ схолій, либо во всѣхъ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, либо въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не берусь рѣшать, насколько такое различеніе могло бы представить интересъ и важность для армянской филологіи. Ограничусь только немногими указаніями, свидѣтельствующими о томъ, насколько разнообразны данныя, разбѣянные въ схоліяхъ, какъ они нанизываются одно на другое.

По толкованію греческихъ комментаторовъ, имѣются такіе виды *τεχνῶν* (р. 110 сл. Hilgard): 1) *ἀποτελεσματικός, πρακτικός, ὀργανικός, θεωρητικός* (Ватиканскія схоліи, съ ссылкой на Лукія Таррейскаго), 2) *βήναυτοι, ἐγκύκλιοι* (Ватиканскія схоліи), 3) *θεωρητικός, πρακτικός, ἀποτελεσματικός, περιποιητικός* (Ватиканскія схоліи), 4) *λογικός, πρακτικός* (Венеціанскія схоліи), 5) *λογικός, πρακτικός, ποιητικός, ἀποτελούμενος* (Венеціанскія схоліи). Изъ книги Н. Г. Адонца я не могъ установить, какую схему изъ указанныхъ пяти принимаетъ въ своемъ толкованіи Давидъ при различеніи видовъ *τεχνῶν*. Авторъ пишетъ (стр. СХХIV): «Давидъ различаетъ въ искусствахъ полезное и вредное, доброе и злое»; къ вреднымъ относятся разные виды колдовства — это согласно и съ греческими толкователями, къ добрымъ же онъ относитъ «духовныя книги и пѣснопѣнья»; у греческихъ толкователей, какъ примѣры полезныхъ искусствъ, называются, конечно, не духовныя книги и пѣснопѣнья, а земледѣліе, кузнечное и плотничье ремесла. Любопытно было бы знать, имѣются ли указанія на нихъ и въ толкованіи Давида, или же онъ просто замѣняетъ примѣры, даваемые греческими схолиастами, своими. И вообще, мнѣ кажется, въ интересахъ армянской филологіи было бы отмѣтить, что *новаго, своего*, внесъ Давидъ въ свое толкованіе по сравненію съ тѣмъ (или тѣми) греческимъ оригиналомъ схолій, какимъ онъ пользовался. Если Н. Г. Адонцъ прекрасно доказалъ то положеніе, что толкованіе Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ Діонисію, что оно обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаріями, то онъ недостаточно рельефно подчеркнул, въ чемъ же толкованіе Давида отличается отъ греческихъ комментаріевъ, что *новаго* (или ничего?) оно по сравненію съ ними содержитъ. Полагаю, что сгруппировать эти черты было важно въ интересахъ армянской грамматической литературы, тѣмъ болѣе, что Давидъ, вѣдь, состоитъ представителемъ грекофильской школы, а эта школа является нынѣ, по словамъ автора (Предисловіе), «камнемъ преткновенія» въ арменовѣдѣніи.

Другой примѣръ. Что разумѣютъ греческія схоліи подъ λογικαὶ τέχναι? Sch. Vat. 112,17: астрономію, геометрію, музыку, философію, медицину, грамматику, риторику; sch. Vat. 162,10: астрономію, геометрію; sch. Marc. 297,37: грамматику, риторику, медицину. По Давиду λογικαὶ τέχναι распадаются «на философію, медицину, грамматику и риторику» (стр. СХХV). Слѣдовательно, здѣсь толкованіе Давида совпадаетъ, главнымъ образомъ, съ показаніями Венеціанскихъ схолій, но и изъ Ватиканскихъ схолій онъ беретъ философію.

«Изъ практическихъ искусствъ полезными являются у Давида плотничество и кузнечество (τεχτονική, χαλκευτική, 110,20), а зловердными — смертоносныя лѣкарства (ср. φαρμακοπῶλαι и μυρεφοί)». Μυρεφοί да и φαρμακοπῶλαι врядъ-ли представители зловердныхъ искусствъ (κακοτεχνία); греческія схоліи, какъ указываетъ и Н. Г. Адонцъ (стр. СХХIV), приводятъ ихъ въ примѣръ ψευδοτεχνία, лжеискусства. Эти «лжеискусства» пропали у Давида безслѣдно, или же они слились съ κακοτεχνία?

Стр. СХХIV: «Давидъ расходится съ греческими схоліями въ томъ, что признаетъ еще вѣчто среднее между означенными (полезными и вредными?) видами искусствъ, причѣмъ примѣромъ средняго изъ числа разумныхъ искусствъ приводитъ орхестіку (ср. ὀρχηστική, 122,34), а таковымъ изъ практическихъ — вооруженность лукомъ и копьемъ (ср. στρατηγική, 110,31)». Въ Ватиканскихъ схоліяхъ орхестіка и киваристіка относятся къ числу практическихъ искусствъ, которыя противопоставляются теоретическимъ или разумнымъ; но въ тѣхъ же Ватиканскихъ схоліяхъ στρατηγική относится къ области практическихъ искусствъ, ἦτις μηχαναὶς τεχνίᾱ ὀρῦντο τοὺς ἐναντίους κατὰγωνίζεται. Ясное дѣло, Ватиканскія схоліи состоятъ изъ нѣсколькихъ наслоеній, по крайней мѣрѣ, двухъ, что и отмѣчено Гильгардомъ на стр. 115 его изданія, гдѣ онъ ставитъ черту между двумя отдѣлами схолій.

Вообще изъ дѣлаемыхъ Н. Г. Адонцемъ сопоставленій толкованія Давида съ греческими схоліями не легко усмотрѣть, держался ли онъ какого-либо принципа при своей работѣ, и, если держался, то какого? Была ли работа Давида болѣе или менѣе механической, или систематической? Что изъ греческихъ схолій Давидъ принималъ, что отвергалъ, что переименовывалъ, что добавлялъ отъ себя? На стр. СХХV—СХХVI своей книги Н. Г. Адонцъ говоритъ 1) о пространныхъ пролегоменахъ къ схоліямъ, 2) о другихъ пространныхъ пролегоменахъ, 3) о пролегоменахъ краткой редакціи. На стр. СХХVII онъ указываетъ на «родство Давида съ краткими пролегоменами». Но встрѣчающееся у Давида ὁ διδασκαλικός и ἡ διαίρεσις (см. стр. СХХVI) взято какъ разъ изъ пространныхъ пролегоменовъ. Приходится скорѣе всего предполагать, что въ данномъ случаѣ Давидъ контаминировалъ пространныя и краткія пролегомена. Вѣроятнымъ представляется, что и вся его работа надъ греческимъ матеріаломъ, заключающимся въ схоліяхъ, носила такой же характеръ, но въ какой степени, сказать трудно: для этого нужно было бы произвести специальное разслѣдованіе. Требовать этого отъ Н. Г. Адонца было бы несправедливо и, до извѣстной степени, даже жестоко, но поставить вопросъ, самъ собою напрашивающійся, о неизбѣжности такой работы ему, на мой взглядъ, слѣдовало бы уже по одному тому, что тогда все его изслѣдованіе изъ формально-филологическаго превратилось бы въ реально-филологическое.

Любопытное явленіе встрѣчается въ отдѣлѣ толкованій Давида о слогахъ. Здѣсь Давидъ даетъ объясненіе трехъ гомеровскихъ стиховъ, цитируемыхъ

Діонисіємъ, приче́мъ стихи эти «неу́бно освѣщаются Давидомъ» (стр. CLX). Интересно то, что въ греческихъ схо́ліяхъ не встрѣчается толкованія гомеровскихъ стиховъ; только въ комментаріи Византійца дается нѣкоторое разъясненіе» (тамъ же). Н. Г. Адонцъ (стр. CXLI) полагаетъ, что въ тѣхъ ошибкахъ, какія встрѣчаются въ данномъ случаѣ въ толкованіи Давида, послѣдній обязанъ своему греческому источнику. Невольно хочется спросить: какому, коль скоро въ болѣе раннихъ схо́ліяхъ къ грамматикѣ Діонисія толкованіе гомеровскихъ стиховъ вообще отсутствуетъ, а появляется лишь въ византійскомъ комментаріи, т. е. не ранѣе VIII—IX в. Не было ли здѣсь обратнаго, т. е. вліянія армянскаго толкователя на византійскаго?

Задача доброжелательной критики заключается, однако, не въ томъ, чтобы указывать автору, чего въ его книгѣ нѣтъ, а въ томъ, чтобы отмѣчать, что въ ней есть и что здѣсь нуждается въ исправленіи. Мое общее сужденіе объ исполненной Н. Г. Адонцемъ работѣ высказано ранѣе достаточно опредѣленно. Что касается «фактического исполненія» произведенной авторомъ работы, то она, повторяю, выполнена превосходно; и лишь въ интересахъ разсматриваемой части труда Н. Г. Адонца я позволяю себѣ отмѣтить нѣсколько мелкихъ неточностей. На стр. CXXIII и CLXXXVIII неправильно указано, что *κχτάληψις* можетъ восходить къ *κχταλαμβάνω* и *κχταλείπω*: только къ первому, такъ какъ отъ *κχταλείπω* было бы *κχτάλειψις*. Стр. CXVIII: «такъ какъ по Платону *воздухъ* не признается тѣломъ»; не воздухъ, а *звукъ*: *ὁ δὲ Πλάτων τὴν φωνὴν οὐ δοῦναι σῶμα*. Стр. CXXXIV: «чтеніе есть *возстановленіе* прежнихъ познаній души», точнѣе *узнаваніе* — *ἀναγνώρισις*. Тамъ же *νέοι* понимается «въ смыслѣ незрѣлыхъ представителей философіи»; врядъ ли правильно: *νέοι* въ схо́ліяхъ употребляется въ обычномъ значеніи, и въ данномъ мѣстѣ означаетъ, вѣроятно, молодыхъ послѣдователей, своего рода неопитовъ. На стр. CXXXVI и CLXXXIII греческія цитаты даны въ слишкомъ сокращенномъ, а потому и мало понятномъ видѣ. На стр. CXLI сл. богъ *Діонисъ* нужно поставить вездѣ вмѣсто *Діонисій*. Стр. CXLI рѣчь идетъ о происхожденіи греческой трагедіи, приче́мъ авторъ замѣчаетъ: «какъ извѣстно, въ происхожденіи трагедіи, дѣйствительно, играетъ роль козелъ, котораго, какъ опустошителя садовъ, приносили въ жертву покровителю винограднака Діонису, и въ это время распѣвались пѣснопѣнія, называвшіяся трагедіями, пѣснями при закланіи козла. Упомянутое о Діонисѣ, какъ о творцѣ виноградной лозы, можетъ быть истолковано въ смыслѣ болѣе вѣрнаго пониманія происхожденія трагедіи у Давида, чѣмъ у греческихъ грамматиковъ». Нѣтъ, Давидъ тутъ не превзошелъ греческихъ грамматиковъ, ибо трагедія получила свое названіе отъ того, что *τὰ πολλὰ οἱ χοροὶ ἐκ Σατύρων συνίσταντο, οὗς ἐκάλουν τράγους* (Большой Этимологикъ).

Тамъ же: по поводу комедіи у Мелампода говорится, что ее нужно *читать* *βιωτικῶς, τοὔτέστιν ὡς ἐν τῷ βίῳ*. Стр. CXLVI: «§ 4. О точкѣ»; лучше «о пунктуациі». Стр. CXLIX: «§ 5. О рапсодіи»; лучше «о декламациі». Стр. CXXVIII: Н. Г. Адонцъ, повидимому, удивляется, почему Діонисій былъ прозванъ *Θρακίῳν*, хотя онъ былъ изъ Византіи; но, вѣдь, городъ Византіи причислялся къ *Θρακίῳν*. Стр. I: проще было бы, вмѣсто указанія на годы правленія Птолемея Филометора указать на приблизительное время жизни Діонисія *Θρακίῳν* — 170—90. На стр. II слѣдуетъ исправить двѣ досадныя опечатки: «Ремію Палемону» вм. Полемену и «при императорѣ Антонинѣ Піи» вм. Антонинѣ Реѣ; на стр. CXLV₁₁ надо послѣ *τίνος* поставить знакъ вопроса, а на стр. CXLVII₄ *τύπος* исправить на *τόπος*.

Обыкновенно Н. Г. Адонцъ переводитъ армянскія цитаты по-русски, но на стр. СХХІІІ, СХХХVІІ, СХІІІ, СХLV, СІV онъ оставляетъ ихъ безъ перевода, что затрудняетъ пониманіе соответствующихъ мѣстъ книги для лица, не знающаго по-армянски.

Отмѣчу, наконецъ, что неоднократно встрѣчающійся терминъ «техникъ» соотв. *τεχνικός*, означаетъ грамматика спеціалиста, подобно тому какъ и грамматика называется *τεχνική* (подр. *τέχνη*). Во II в. до Р. Хр. грамматика обособилась ужъ въ отдѣльную отрасль филологіи подъ названіемъ *γραμματική* (*τέχνη*).

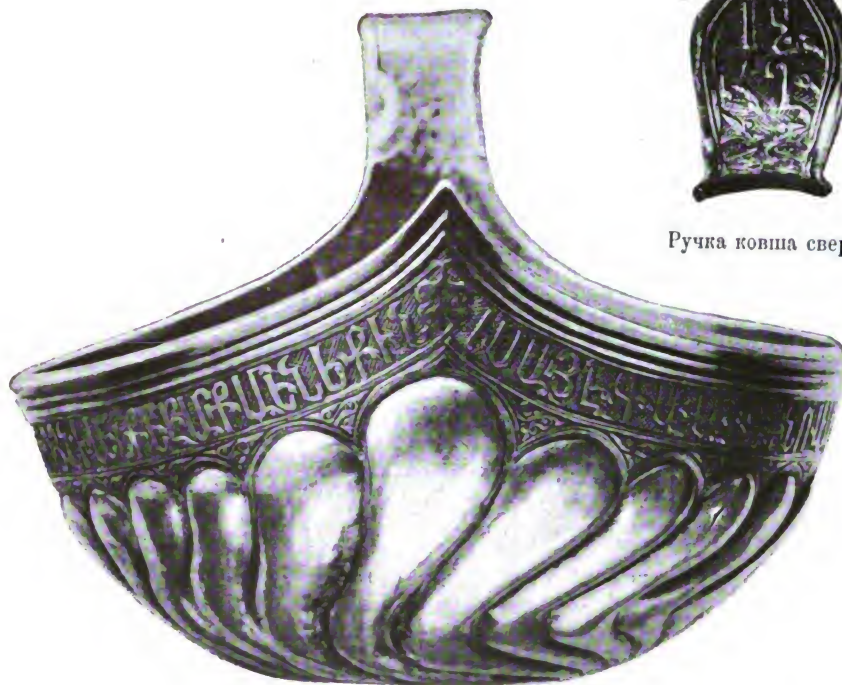
Вотъ и всѣ мелочи, которыя стоитъ отмѣтить въ изслѣдованіи Н. Г. Адонца, посвященномъ сличенію армянскихъ толкованій на Грамматику Діонисія съ толкованіями греческими. Остается привѣтствовать это прекрасное изслѣдованіе какъ крѣпкое звено, соединяющее двѣ, на первый взглядъ отдаленныя, а на самомъ дѣлѣ близкія филологическія дисциплины.

С. Жебелевъ.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

70 1940
ANSONIA

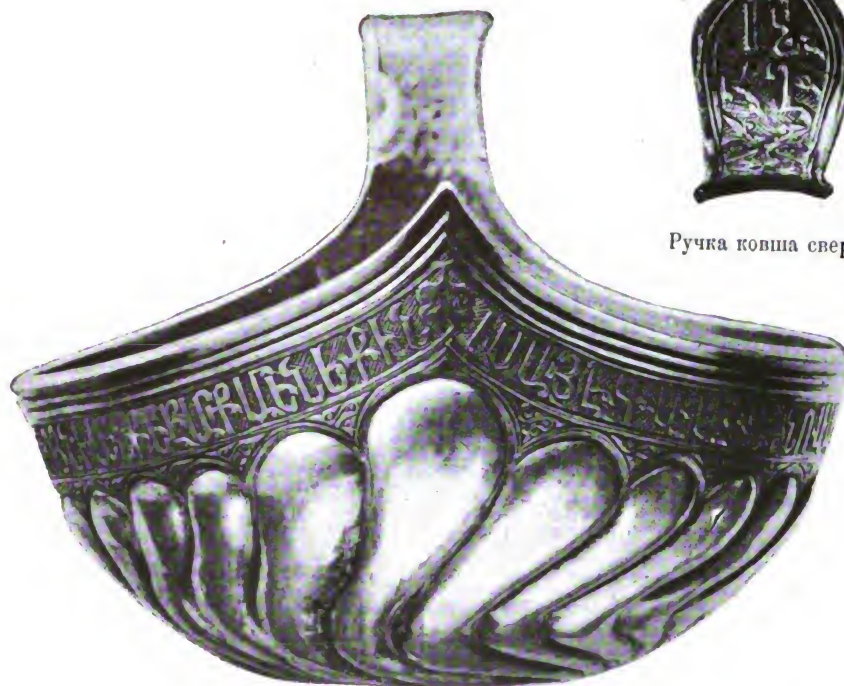

Ручка ковша сверху.

Ручка ковша снизу.

70 1940
ANNEX 1A0

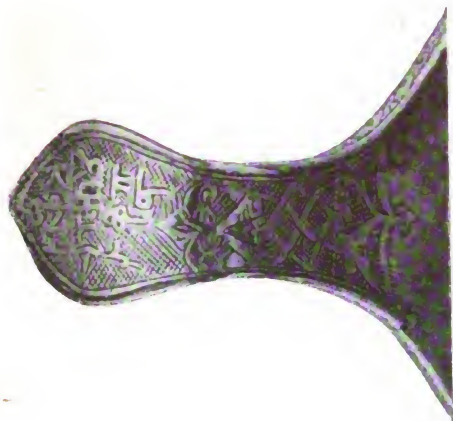

Ручка ковша сверху.

Ручка ковша снизу.

90 VINU
ABRORAIO

2. Ручка ковша съ греческой надписью.

3. Дно ковша съ греческой надписью 1586 г.

1. Дно ковша съ армянской надписью 1549 г.

TO VIRU
ABSORBIAO

Ковшъ съ греческой надписью 1586 г.

70 1991
1991-1992

«Хоругвь Провѣдителя» 1448 г.

TO VNU
ADMINISTRATIVE

«Хоругвь Провѣдителя» 1448 г.

TO VNU
AMPHILAO

Орлець католикоса Филиппа 1651 г.

UNIV. OF
CALIFORNIA

70 1980
ANNUAL

Напрестольный покровъ 1723 г.

To VNU
Hanoi

Рис. 1.
 $\frac{3}{4}$ человеческого роста.

Рис. 2.

Неполированные карасы.

Рис. 3. Полированный карась.

TO ALL
MEMBERS

Рис. 1. Полированный карась.

Рис. 2. Полированный карась.

TO VNU
ABSORB

Рис. 1. Рельефъ барса на карасѣ древнѣйшаго типа.

Рис. 2. Рельефъ караса переходной эпохи.

TO VNU
ADMINISTRATION

Рис. 1. Кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гега, Эриванской губ.

Рис. 2. Фрагментъ караса изъ г. Армавира, Эриванской губ.

To vnu
AIRBORNE

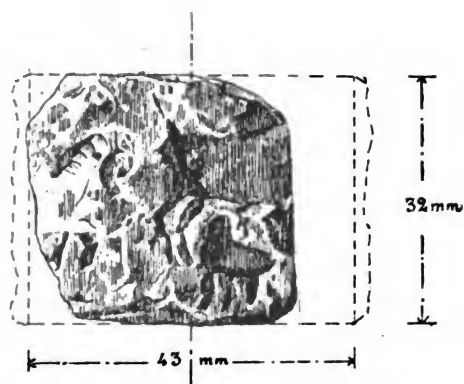

Рис. 1.

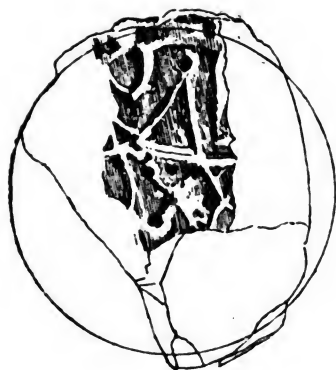

Рис. 2.

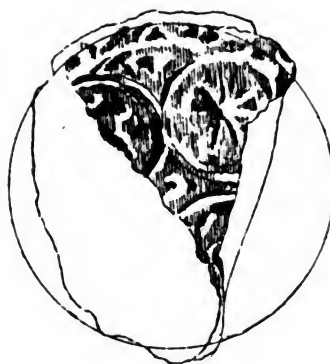

Рис. 3.

Рис. 4.

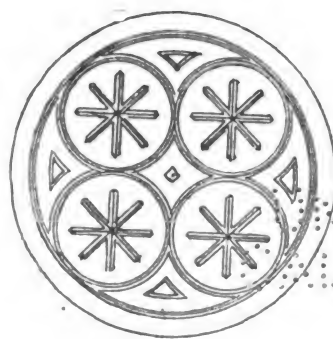

Рис. 5.

Форма для нанесенія орнаментальныхъ поясовъ (въ натур. величину).

70 1000
AIRPORT

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ древней эпохи.

TO MMU
APPROVED

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Образцы орнаментированных поясовъ древней эпохи.

70 1780
ANNUAL

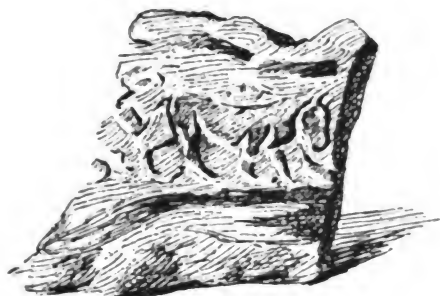

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Образцы орнаментированных поясов переходной эпохи.

70 VMU
ANBCHUAO

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментованных поясовъ переходной эпохи.

REV. OF
CALIFORNIA

11-11-11 11:11:11 11-11-11 11:11:11

70 1111
1111111111

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ новаго времени.

UNITED STATES
DEPARTMENT OF AGRICULTURE

Рис. 1.

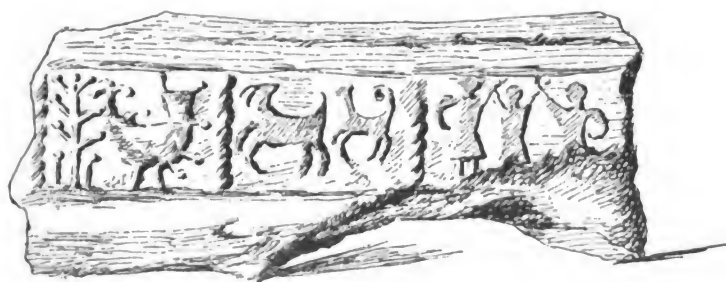

Рис. 2.

Рис. 3.

Образцы орнаментированных поясовъ новаго времени.

11. The following information is for your information:

TO: MR. J. B. JONES
FROM: MR. J. B. JONES

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированных поясовъ новаго времени.

70 MBU
ABSTRACT

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

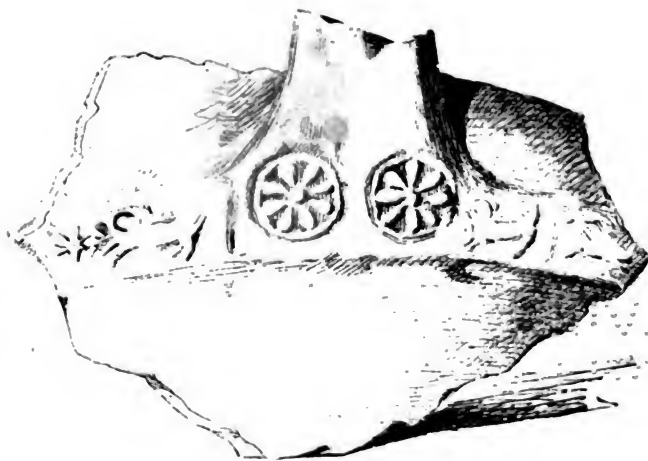

Рис. 7.

Карасные пояса геометрическаго орнамента.

40 VMU
SINCE 1980

Рис. 1.

Рис. 2.

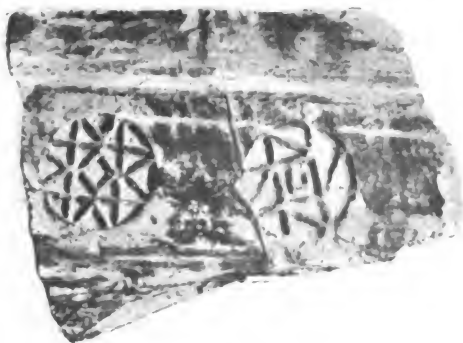

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Карасные пояса геометрическаго орнамента.

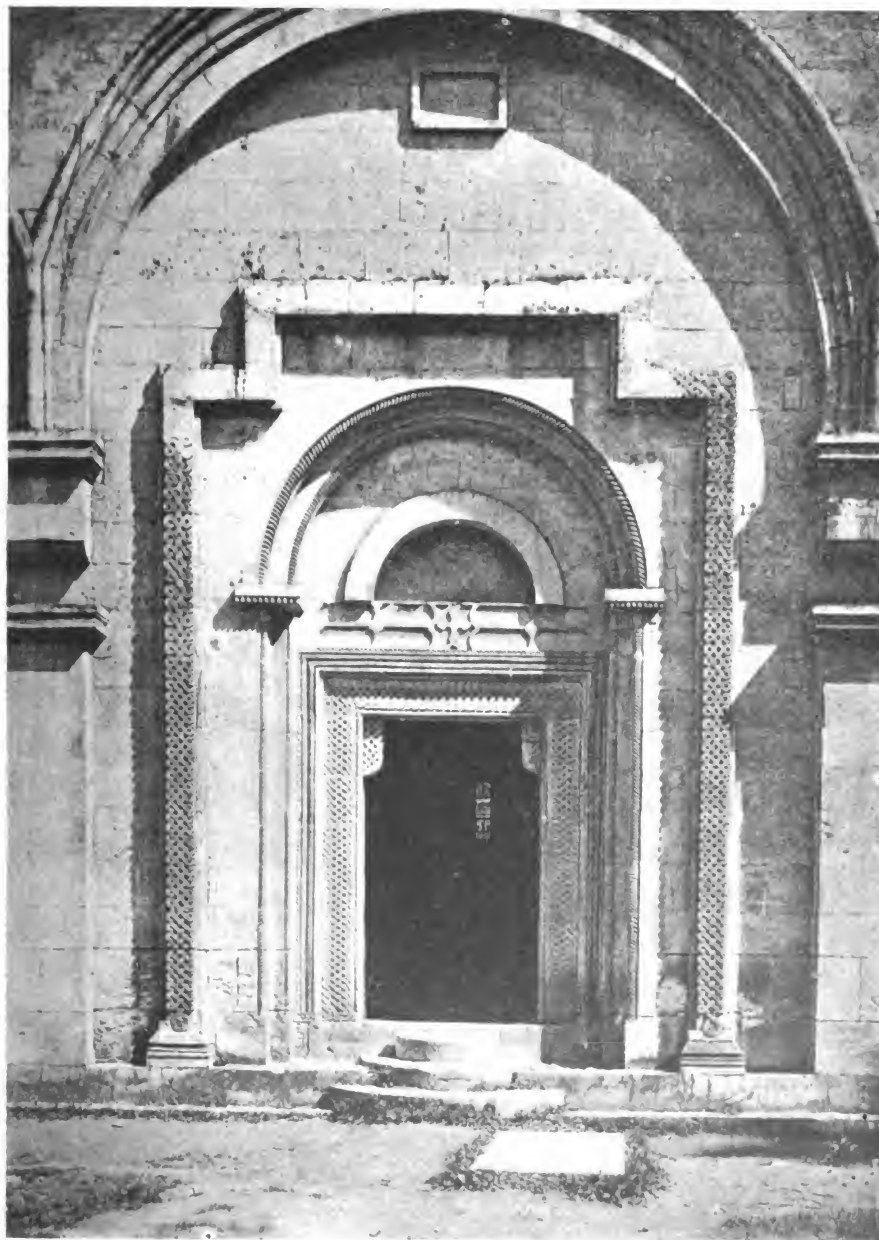
UNIV. OF
ALABAMA

70 1910
1910 1910

Южная дверь.

70 YMD
ABXCHLAD

Западная дверь.

70 11111
1111111111

Общій видъ (видъ съ сѣв.-востока).

UNIV. OF
CALIFORNIA

UNIV OF
CALIFORNIA

Образъ св. Георгія серебро-позолоченный, работа XVII—XVIII вѣка.

NO. 1000
1000000000

Образъ св. Георгія серебряный, работа 1646 г.

70. VIBU
AIBGOTLAC

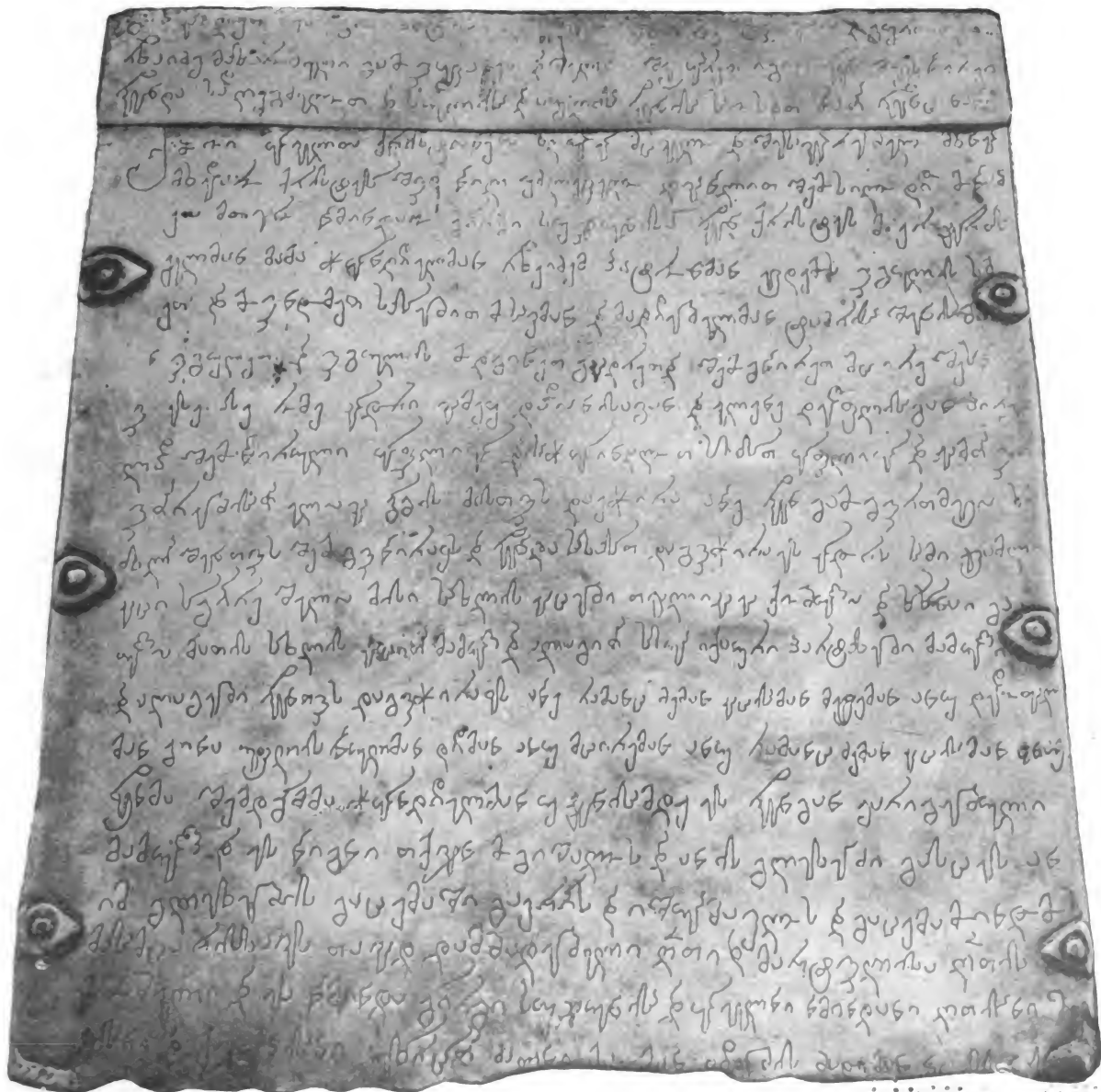
Образъ св. Георгія серебряный, работа XVII—XVIII вѣка.

70 VINI
AUXOCHIAO

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

70. VNU
AMSTERDAM

Надпись военнымъ письмомъ на образѣ св. Георгія (стр. 44,4а—45,6 и 44,1-20).

70 VINU
ADDITIONAL

1. Образъ св. Георгія серебро-позолоченный съ мощами, работа XVIII вѣка.

2. Обратная сторона того же образа (стр. 40).

70 1941
1940-1941

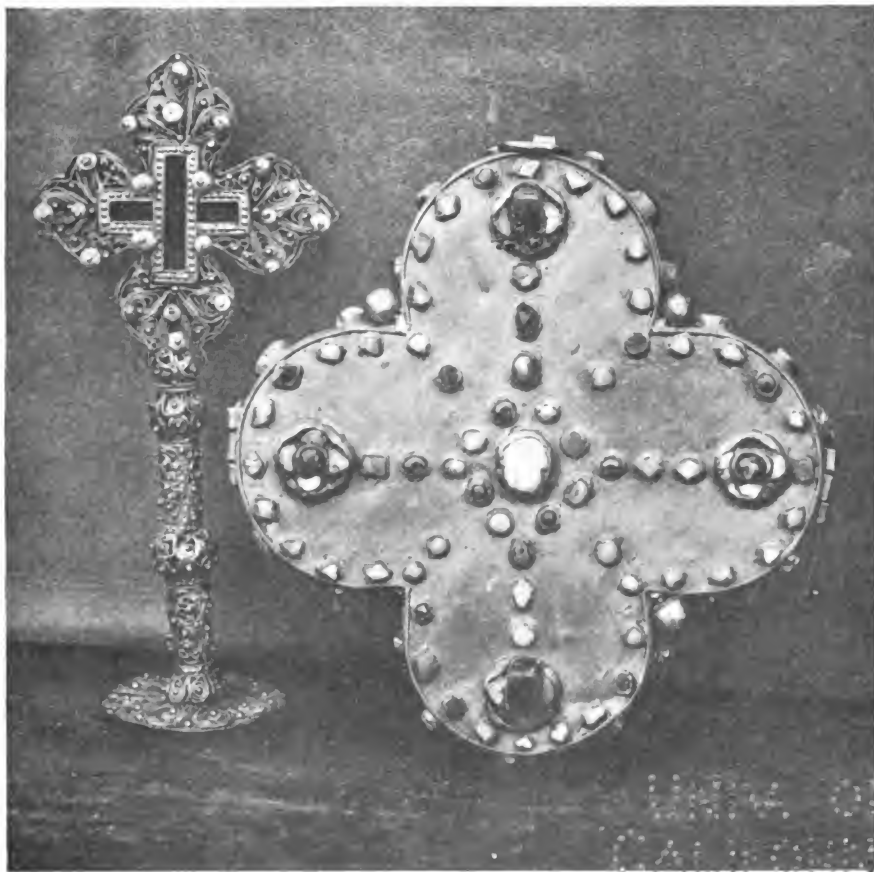
Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

no. 1181
1181A3

Образъ св. Георгія, работа XVIII вѣка.

NO. 1001
CHICAGO, ILL.

1. Крестъ ажурной работы.

2. Дарохранительница.

70 1000
1000000000

Искровъ исл. парчи, работа кнѣгини Годѣмъ Чиковани.

70 11111
1111111111

Воздухи изъ парчи, работа княгини Родамъ Чиковани.

70 1111
LIBRARY OF

Грузинскій изводъ сказанія о постѣ „араджаворъ“¹⁾.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Живое общеніе между церквами двухъ сосѣднихъ братскихъ народовъ — грузинъ и армянъ — продолжалось долго еще послѣ того, какъ послѣдовалъ оффиціальнѣйшій разрывъ сношеній между высшей іерархіей обѣихъ церквей, имѣвшій мѣсто въ началѣ VII-го столѣтія христіанской эры. Но съ тѣхъ поръ, какъ, съ конца X-го столѣтія, центръ грузинской церковно-книжной дѣятельности перекинулся на Аѳонъ и черезъ это въ церковной жизни Грузіи возобладало вліяніе греческой, въ частности Константинопольской, церкви, охлажденіе взаимныхъ церковныхъ отношеній между Грузіей и Арменіей какъ будто пошло усиленнымъ темпомъ и завершилось извѣстнымъ постановленіемъ помѣстнаго грузинскаго Руис-Урбнисскаго собора 1103 г. (п. 12), въ силу котораго армяне, будучи отнесены къ разряду «хачецаровъ» (ხაჩეცარები), т. е. признающихъ тезисъ Валяльщика о «распятомъ Богѣ», были низведены до положенія еретиковъ²⁾. Съ этого времени грузинская церковь, войдя въ тѣсную связь съ греческою церковью, несомнѣнно, должна была навсегда отвернуться отъ церкви армянской (арменійской), которая не только не принимала положеній Халкедонскаго собора, но даже по нѣкоторымъ вопросамъ церковной практики безусловно проявляла опредѣленныя сепаратистическія наклонности, хотя, впрочемъ, въ исторіи разрыва родственныхъ церквей значительную роль играли условія политическаго характера, а не догматико-обрядовой стороны.

Послѣ нѣкоторыхъ, не увѣнчавшихся успѣхомъ, попытокъ воссоединенія родственныхъ церквей и, въ результатѣ этого, безповоротнаго вступле-

1) Настоящая работа была доложена въ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 апрѣля 1916 г.

2) О. Жорданія, *ქრისტიანობა*, II, стр. 65.

Христіанскій Востокъ.

нія армянской церкви на путь своего индивидуальнаго развитія, греческая церковь, несомнѣнно, не могла остаться внѣ определенной предвзятой тенденціи, чтобы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ не профанировать армянъ и не обливать ихъ грязью, какъ «отступниковъ» отъ католической церкви, т. е. вселенскаго согласія. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, въ области греческой церковной письменности и беретъ начало такъ называемая «обличительная» литература, направленная противъ армянъ. Появляются спеціальныя произведенія, изобличающія армянъ въ принадлежности къ той или иной ереси, какъ въ видѣ трактатовъ, направленныхъ исключительно противъ армянъ, такъ равно въ видѣ трактатовъ, направленныхъ противъ армянъ, однако въ ряду другихъ «послѣдователей» еретическихъ ученій.

Изъ числа произведеній подобной категоріи самую широкую популярность приобрѣло сказаніе о такъ называемомъ постѣ «араджаворъ». Послѣдній, по справедливости говоря, вообще являлся самымъ больнымъ мѣстомъ для послѣдователей армянскаго «вѣроученія», и за него именно и ухватывались всѣ тѣ, прежде всего, конечно, греки, коимъ было на-руку подвергать осужденію столь ненавистныхъ имъ армянъ. Въ пользу самаго поста у армянъ имѣется довольно богатая апологетическая литература (напр., соч. Ванакана Вардапета и др.), которая, къ сожалѣнію, пока еще не изучена; да и она, по словамъ Н. Я. Марра, любопытна лишь «для установленія господствующей точки зрѣнія въ національный, наиболѣе новый періодъ армянской церковной жизни»¹⁾. По свидѣтельству же Зеноба Глака, постъ этотъ установленъ самимъ Григоріемъ Просвѣтителемъ въ ознаменованіе своего освобожденія изъ рва послѣ 15-тилѣтняго заключенія. «Царь Тыр-даты, — говоритъ историкъ, — приказалъ бросить св. Григорія въ ровъ, гдѣ онъ оставался 15 лѣтъ. Впродолженіе этого времени царь, одержимый злыми духами, жилъ въ стадѣ кабановъ. Но по повелѣнію Божию Григорій былъ изъятъ изъ рва царскими вельможами, которыхъ, по выходѣ изъ заключенія, онъ собралъ вокругъ себя и, предложивъ пятидневное совершенное воздержаніе отъ пищи, наставлялъ ихъ въ то же время въ вѣрѣ. Первый постъ установленъ во дни св. Григорія; онъ былъ одобренъ Сильвестромъ въ Римѣ, его держалъ царь Константинъ и весь Египетъ. Мы называемъ этотъ постъ «араджаворъ»²⁾.

«Араджаворъ»скій постъ, помимо армянской церкви, былъ также извѣ-

1) Н. Марръ, Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ... и въ Іерусалимѣ, въ поѣздку 1902 г. (изъ Сообщ. Имп. Прав. Пал. О-ва, т. XIV, ч. 2), стр. 18.

2) V. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, I, 343—344.

стенъ у грузинъ, которые называли его «аладжор-и». Такъ, упоминаніе этого поста, разумѣется, безъ слова порицанія, прежде всего встрѣчаемъ въ грузинской версіи Номоканона Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго (582—595); въ ней указывается¹⁾:

მსგეფსი იგი აღაჯორთაჲ (разнотч. არაჯვორთაჲ, არაჯვორთა) და აღებთაჲ კსნილნი არიან მონაზონთათჳს²⁾ წუგლად და კრისკაცთათჳს კორცი.

«Въ недѣлю «аладжор»овъ (разнотч. «араджвир»овъ, «араджвор»овъ) и заговѣнія [на великій постъ] разрѣшается ѣсть: монахамъ — молочные продукты, а мірянамъ — мясо»³⁾.

По словамъ Н. Я. Марра, упоминаніе объ этомъ постѣ было обнаружено также И. А. Джаваховымъ въ одной грузинской минеѣ изъ коллекціи рукописей Синайскаго монастыря⁴⁾.

Приведенныя свидѣтельства, несомнѣнно, относятся къ той именно эпохѣ, когда добрососѣдскія отношенія между церквами Грузіи⁵⁾ и Арменіи не были еще омрачены никакими спорами догматическаго или обрядоваго характера, и когда институтъ «аладжор-и» былъ еще живучъ въ сферѣ вліянія грузинской церковности. Но вотъ наступаетъ періодъ напряженной переписки, вызванной разрывомъ родственныхъ церквей, и вопросъ объ этомъ постѣ выступаетъ въ качествѣ одной изъ причинъ спора между представителями той и другой стороны⁶⁾. Каковъ былъ финалъ армяно-грузинскаго спора, и какіе плоды внесъ этотъ самый споръ въ послѣдующую исторію взаимоотношеній обѣихъ народностей, — достаточно уже извѣстно. Въ частности, намъ извѣстенъ тотъ фактъ, какъ церковь Грузіи, вступивъ въ русло развитія греческой церкви, перестала отнынѣ въ своей практикѣ придерживаться всѣхъ тѣхъ формъ и обрядностей, которыя свидѣтельствовали объ ея бывшей

1) Н. А. Заозерскій и А. С. Хахановъ, Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ грузинской, греческой и славянской, Москва 1902, стр. 64.—Кстати, термину «недѣля аладжоровъ» въ греческой и славянской версіяхъ памятника соответствуетъ терминъ «недѣля мясная».

2) У А. С. Хаханова *მონაზონთაჲს* (sic).

3) Ср. неточный переводъ А. С. Хаханова *ibidem*.

4) Н. Марръ, Предв. отчетъ..., 13.

5) Подъ «церковью Грузіи» въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ восточно-грузинскую церковь, берущую свое начало изъ Палестины такъ сказать *via yugiasa et armeniasa* (ср. прот. К. Кекелидзе, Къ вопросу объ іерусалимскомъ происхожденіи грузинской церкви, II-гр 1914, стр. 1—2).

6) См. *ჩრდილ-აღმოსავლეთის*, Тфл 1901, стр. 124, ср. И. Джаваховъ, Исторія церковнаго разрыва между Грузіей и Арменіей въ началѣ VII вѣка, ИАН, 1908, стр. 535.

связи съ церковью армянскою, въ томъ числѣ, конечно, и общаго армяно-грузинскаго поста «араджавор» — «аладжор-и»¹⁾).

Уже въ грузинской версіи правилъ VI-го вселенскаго собора мы замѣчаемъ присутствіе пространныхъ постановленій «обличительнаго» характера, направленныхъ противъ армянъ и порядка соблюденія ими постовъ, въ частности поста «араджавор» — «аладжор-и». Въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ параграфъ 3 = 16, который, между прочимъ, гласитъ:

არცა სხვის მის შეიდეულის ჟერ
არს მარხვა, რომელსა არაჟვორ
ეწოდების, რომელსა იმარხვენ იაკო-
ბისნი²⁾.

«Свыше [установленныхъ семи] седмицъ [великаго поста] не слѣдуетъ соблюдать постъ, который называется «араджвор» [и] который хранятъ яковиты».

Тамъ-же:

შეიდეულს მას ეველიერისსა და-
დაცათუ კორცის ჭამა აკრების, რა-
მეთუ განმზადება არს მარხვათა შეს-
ლვისა და რეცა წინა მსრბოლი, ხოლო
მარხვათა თანა შერაცხვა არა ჟერ
არს, არცა არაჟვორთა მარხვა წეს
არს³⁾.

«Въ масляную седмицу яденіе мяса хотя и воспрещается, — ибо [седмица эта] является подготовительною ко вступленію въ [великій] постъ, т. е. предваряющею, — однако, считать ее постомъ [все-таки] не слѣдуетъ; равнымъ образомъ, не слѣдуетъ держать постъ «араджор»-овъ».

«Обличенія» занимающаго насъ поста заключаются также въ произведеніяхъ сравнительно поздняго времени. Такъ, въ извѣстномъ трактатѣ подъ заглавіемъ სიტუვისტება ბერის ეფთვიმე გრძელის სოსთების მიერ სომეხთა მოძღვრის «Пренія между старцемъ Евѳиміемъ Долгимъ и Сосѳеномъ, учителемъ⁴⁾ армянъ», представитель грузинской церкви, въ лицѣ монаха Евѳимія (Іерусалимскаго, писателя X-го вѣка), упрекая армянъ въ отступленіи

1) «Араджавор», гесп. «аладжор»скій постъ, собственно говоря, — постъ не однихъ только армянъ и грузинъ, но и яковитовъ (ср. А. Павловъ, Замѣчанія о грузинскомъ номоканонѣ, стр. 53).

2) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, «Древности Восточныя», т. II, в. 3, стр. 91, ср. стр. 145; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, «Mélanges Asiatiques», t. VII (1872), p. 128.

3) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 92; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., p. 128.

4) Груз. მოძღვრის — эквивалентъ арм. վարդապետ — учитель.

отъ правой вѣры, а равно въ заблужденіи по вопросу о соблюденіи постовъ, между прочимъ, категорически обвиняетъ ихъ за соблюденіе ими поста «аладжор»овъ (ფრიად აბრალა... აღაჯორთა მარხვისათვის) ¹⁾. Сравнительно интересенъ трактатъ подъ заглавіемъ тѣ ромელთა პირთათჳს შუახურობის სომეხთა წმიდა კათოლიკე ეკლესია «По какимъ основаніямъ святая католическая церковь проклиняетъ армянъ», въ которомъ объясняется, что католическая церковь, между прочимъ, проклиняетъ армянъ за то, что они

შემატეს ხმაგანსმენილობით ქადაგებუდი... მარხუა აღაჯორისა, რომელი მიიღეს უღმრთოთა მანასკერტს, ტარსუნ ²⁾ ქადაქსა [და] ღვინს შეკრებილთა მწუღებელთა ³⁾.

«Прибавили [къ числу постовъ] во славу проповѣданный постъ «аладжор», который приняли отъ собравшихся въ Маназкертѣ, городѣ Тарсунѣ (Каринѣ?) [и] Двинѣ безбожныхъ еретиковъ».

Въ связи съ этимъ трактатомъ пріобрѣтаетъ также значительный интересъ сочиненіе грузинскаго католика Арсенія (X-го вѣка), озаглавленное განყოფისთჳს ქართლისა და სომხითის «О разрывѣ между Грузіей и Арменіей»: въ немъ первоіерархъ грузинской церкви съ чувствомъ крайняго недовольства перечисляетъ всѣ тѣ нововведенія, которыя были проведены армянами на Двинскомъ соборѣ 572 г., причемъ не оставляетъ этихъ армянъ безъ упрека за то, что они на томъ-же соборѣ (მუხეც ღვინს) установили «араджоръ» (განაწესეს არაჯორი) ⁴⁾.

Помимо перечисленныхъ произведеній, свѣдѣніе объ интересующемъ насъ постѣ оказывается также въ грузинскихъ типикахъ. Такъ, напримѣръ, въ типикѣ лавры Саввы Освященнаго, подъ рубрикой განგება წმიდათა დიდთა მარხვათა «Послѣдованіе святыхъ великихъ постовъ», тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «недѣлѣ, въ которую читается св. Евангеліе о мытарѣ и фарисеѣ» (კვრიაკეს რომელსა წარიკითხვის წმ. სახარებაჲ მეზუჭრისა და ფარისეველისა), между прочимъ, говорится слѣдующее:

უწეებაჲ ჟერ არს ვითარმედ მას შჯდეულსა იმარხვენ სამგზის დაწეულნი სომეხნი საძაგელსა მას მარხვასა მათსა. რომელსა არაჯოვრი ეწოდების, ხოლო

«Надлежитъ вѣдать, что трижды проклятые армяне въ эту седмицу соблюдаютъ тотъ мерзкій постъ, который называется «араджоръ»

1) М. Сабининъ, *საქართველოს სიმოძრაობა*, стр. 620.

2) Въ рп. спискахъ კარს ქადაქსა.

3) М. Сабининъ, ц. с., стр. 634; ср. Θ. Жорданія, *ქართული*, I, стр. 318, прим. 28.

4) Θ. Жорданія, ц. с., I, стр. 317—318.

ზუგბი ვჭამთ დღითი დღე უჭლეს, однако мы день за днемъ ѣдимъ
ჭუჭრებს და უფელსეუ¹⁾. сыръ, яйца и все».

Однако, какъ бы многочисленны ни были произведенія, такъ сказать, поносящія «араджавор» — «аладжор»скій постъ, вопросъ о послѣднемъ, выражаясь словами Н. Я. Марра, «исторически вѣрнаго освѣщенія не получаетъ»²⁾. Мало того. Задаваясь вопросомъ о томъ, «какъ рано, кѣмъ и по какому случаю» установленъ самый постъ, специалистъ-ислѣдователь даннаго предмета И. Мансветовъ находитъ, что въ данномъ случаѣ источники греческіе ничего положительнаго не говорятъ, да они, по его словамъ, и «не заслуживаютъ большого довѣрія по своимъ враждебнымъ тенденціямъ»³⁾ къ самому предмету. Одни, отождествляя «араджавор» — «аладжор»скій или, по греческой терминологіи, «арцивуріевъ» постъ съ такъ называемымъ постомъ «дѣвъ» (Virginum), поводомъ къ установленію таковаго считаютъ смерть одного арабскаго князя, который былъ наказанъ за похищеніе армянскихъ дѣвушекъ; другіе, отождествляя постъ этотъ съ постомъ «Ниневитянъ» (Ninevitarum), поводомъ къ учрежденію его считаютъ избавленіе жителей области Beth Gogni отъ моровой язвы, и именно послѣ того, какъ они, жители области, по предложенію своего епископа, соблюли всенародный постъ и отслужили литію; третьи приурочиваютъ постъ этотъ къ воспоминанію объ Адамѣ и его изгнаніи изъ рая, и т. п.⁴⁾.

§ 2. Самый постъ извѣстенъ у армянъ подъ названіемъ *առաջադարձ* aṛaḏawoṛ, resp. *առաջադարձ* aṛaḏawoṛaḏ или даже *առաջադարձ* aṛaḏawoṛ⁵⁾); грузины называютъ его *ალაჯორი* alaḏoṛ-i, resp. *ალაჯორი* alaḏoṛ-i или даже *ალაჯორი* alaḏvoṛ-i, греки — *ἀρτζηβοῦριος*, наконецъ, славяне — «арцивуріевъ». Этимологія армянской формы названія, само собою разумѣется, не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ: *առաջադարձ* aṛaḏawoṛ, имѣя въ своей основѣ *առաջ* *передъ*, означаетъ «передовой», «предварительный» (груз. *წინასწარი*); «передовымъ» же или «предварительнымъ» постъ назывался и называется потому, что онъ является предшествующимъ по отношенію къ великому посту⁷⁾; недаромъ,

1) М. Джанашвили, Описаніе рукописей Церковнаго Музея Духовенства Грузинской Епархіи, кн. III, стр. 281.

2) Н. Я. Марръ, ц. с., ц. м.

3) И. Мансветовъ, О постахъ православной восточной церкви, Москва 1886, стр. 46.

4) Ibid., стр. 47—49.

5) Ср. *Գիրք Բարձր*, стр. 124.

6) Ср. V. Langlois, op. cit., I, 844.

7) Ср. Assemani, Bibliotheca Orientalis, II, p. 428.

называется онъ также *jejunium indictionis*¹⁾. То-же самое приходится сказать относительно грузинской формы ალაღოგ-i, происходящей, вѣтъ всякаго сомнѣнія, отъ арм. *աղաճաւոր* *aḡaḏawor*; при этомъ очевидно, что первичною формою термина должно признать ალაღვოგ-i или, вѣрнѣе, ალაღვაგოგ-i *aḡaḏ(a)wog-i*, откуда, съ выпаденіемъ *g v* (или *ვაგ <ა>v*), произошло ალაღოგ-i, а отъ послѣдней формы, путемъ закономѣрнаго перерожденія *ღ* *г* въ *ლ* *l*, ალაღოგ-i *alaḡog-i*²⁾. Что касается греческой формы ἀρτζιβούριος, то она представляетъ собою не что либо иное, какъ варварское искаженіе, вслѣдствіе несвойственнаго греч. языку звука *ღ*, армянской формы *աղաճաւոր* *aḡaḏawor*. Съ греческаго же языка терминъ ἀρτζιβούριος обычнымъ путемъ могъ попасть въ южно- и восточно-славянскую среду въ видѣ «арцивуріевъ»³⁾.

Такимъ образомъ совершенно ясно, что терминъ «араджаворъ» — «аладжор-и» — «арцивуріевъ» имѣетъ въ своей основѣ армянскій предлогъ *աղ* *передъ*. Несмотря на это, однако, греческіе полемисты и, вслѣдъ за ними, славянскіе и грузинскіе глоссаторы дошли до такой фантазіи, до такого абсурда, что терминъ этотъ стали возводить къ какой-то собачкѣ, которая по греческой и славянской версіямъ соответствующаго сказанія называлась якобы «арцивуромъ», а по грузинской версіи — «аладжемъ».

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія трактатъ подъ заглавіемъ Λόγος στυλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων (Oratio investiva adversus Armenios), т. е. «Обличительное слово на армянъ», который приписывается какому-то «армянскому католикосу» Исааку. Къ какому времени относится это сочиненіе и когда жилъ авторъ его, упомянутый Исаакъ, нѣтъ положительныхъ данныхъ. Существующія же въ литературѣ мнѣнія по этому вопросу расходятся. Такъ, напримѣръ, Фабрицій и, вслѣдъ за нимъ, Галландъ относятъ его къ половинѣ XII-го столѣтія. Между тѣмъ, И. Мансветовъ склоняется отодвинуть его «по крайней мѣрѣ на столѣтіе раньше», — именно потому, что «на него, только подъ именемъ Іоанна митрополита Никейскаго, ссылается Никонъ Черногорецъ въ своихъ разсужденіяхъ о постѣ Успенскомъ»⁴⁾. При этомъ И. Мансветовъ высказываетъ такого рода предпо-

1) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 10.

[2] Нормально при обязательномъ перерожденіи одного изъ двухъ *г*, наличныхъ въ одномъ словѣ, въ *l* измѣненію подвергается второй по порядку *г*, т. е. мы ожидали бы—*аḡaḏol-i, если бы въ оригинальной грузинской разновидности термина мы имѣли лишь видоизмѣненіе арм. *aḡaḏawor*, къ которому, по всей видимости, дѣйствительно восходятъ другія, также существующія у грузинъ, названія того же поста — *aḡaḏog-i* и *aḡaḏwog-i*. Но вообще вопросъ о происхожденіи этого термина намъ не представляется столь легкимъ и яснымъ. *Ред.*].

3) Ср. *ibid.*, стр. 10—11.

4) *Ibid.*, стр. 11.

женіе: «Вѣроятно, Исаакъ католикосъ, перешедши въ православіе, былъ принятъ въ составъ греческой іерархіи и получилъ кафедру митрополита Никейскаго»; «подъ этимъ именемъ,—продолжаетъ И. Мансветовъ,—онъ и цитуется у Никона, тогда какъ сочиненіе его, для большей убѣдительности въ глазахъ армянъ, удержало имя католикоса Исаака»¹⁾.

Въ цѣляхъ настоящаго сообщенія интересъ представляетъ, конечно, не весь трактатъ «католикоса» Исаака, но лишь соотвѣтствующія части его, а именно XIV глава «Перваго слова противъ армянъ» (*Oratio I contra Armenios*), которая носитъ заглавіе: *Περὶ τῆς σατανικῆς νηστείας τοῦ Ἀρτζεβουρίου* (*De satanico jejunio, quod Artzeburii vocant*)²⁾, и глава XXVII «Второго слова противъ армянъ» (*Oratio II contra Armenios*), носящая заглавіе: *Περὶ τῆς ἐσχοτισμένης νηστείας τοῦ Ἀρτζεβουρίου* (*De obscuro Artzeburii jejunio*)³⁾.

Особенно любопытенъ отрывокъ *Περὶ τῆς σατανικῆς νηστείας τοῦ Ἀρτζεβουρίου*. Здѣсь авторъ, «католикосъ» Исаакъ, подвергаетъ подробной оцѣнкѣ доводы армянъ въ пользу установленія «арцивуріева» поста. По его словамъ, одни изъ армянъ считаютъ постъ этотъ постомъ въ честь своего учителя Сергія (Саргиса), другіе отождествляютъ его съ постомъ Ниневитянъ, третьи приурочиваютъ его къ воспоминанію объ Адамѣ и его изгнаніи изъ рая, наконецъ, четвертые—къ памяти крещенія армянъ при Григоріи Просвѣтителѣ и даже къ крещенію Константина Великаго въ Римѣ отъ папы Сильвестра⁴⁾. Разобравъ всѣ эти доводы и признавъ ихъ не заслуживающими уваженія, «католикосъ» Исаакъ останавливается на терминѣ «арцивуріевъ» и рассказываетъ по этому поводу слѣдующую басню.

Нѣкто Сергій, учитель армянской ереси, имѣлъ собаку, которую звали Арцивуромъ, а это слово значитъ провозвѣстникъ (*προμηνύτωρ*). Сергій часто пользовался этимъ вѣстникомъ и глашатаемъ, одержимымъ демономъ, когда намѣревался отправиться въ какой-нибудь городокъ, село или вообще въ какую-бы то ни было мѣстность, гдѣ жили ученики и соучастники его лжеученія. Увидя собаку, они во множествѣ, за нѣсколько миль, выходили на другой день навстрѣчу учителю. Но вотъ однажды, отправленный на свою обычную службу, песъ былъ заѣденъ волками, а на слѣдующій день пошелъ туда, куда была отправлена собака, и Сергій. Не видя никого встрѣчавшихъ, онъ очень огорчился, и когда, по приходѣ къ нимъ, узналъ, что предвѣстникъ его песъ не приходилъ, послалъ искать его. Узнавъ по

1) Ibid.

2) PG, CXXXII, col. 1197—1204.

3) Ibid., col. 1233, 1234.

4) Ср. И. Мансветовъ, ц. с., стр. 48—49.

найденнымъ костямъ, что онъ былъ растерзанъ волками, Сергій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ армяне въ опредѣленные дни года держали постъ ради его кончины, предаваясь унынію и печали, и называлъ этотъ постъ арцивуріемъ¹⁾.

Славянская версія этой басни, озаглавленная «Сказаніе арменскіа ереси о недѣли фарисеовъ и мытаря» и заключающаяся въ уставѣ Синодальной Библіотеки (№ 336—388) начала XVI-го вѣка, этимологию того же термина объясняетъ такимъ образомъ: «Арци у нихъ (у армянъ) учитель бысть, а урецъ пестъ ученикъ ему»²⁾. Въ томъ-же уставѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о седмицѣ мясопустной, между прочимъ, замѣчено, что въ седмицу эту «проклятїа ханзири (= груз. «хаче-цары») постъ и жертву творять... псу нѣкоему арциворю, еже есть арменїи»³⁾.

«Какъ ни невѣроятна была эта выдумка, пущенная въ ходъ съ очевидною цѣлію уронить и опрофанировать въ глазахъ неармянъ знаменитый армянскій постъ, одинъ изъ характернѣйшихъ обычаевъ этой секты, басня эта однако, — говоритъ И. Мансветовъ, — нашла себѣ благосклонный прїемъ, стала повторяться на разные лады и даже попала на страницы типика»⁴⁾. «Къ достоинству греческой церкви слѣдуетъ впрочемъ отнести, — продолжаетъ тотъ-же авторъ, — что она не злоупотребляла этою выдумкою и, если допускала ее, то не болѣе какъ въ смыслѣ тенденціознаго разсказа, рассчитаннаго на уязвленіе простодушнаго большинства и съ цѣлію оттолкнуть отъ этой ненавистной секты. Эта басня осталась хлесткою выходкою, которая задѣвала за живое тѣхъ, противъ кого была направлена, а нападателямъ давала легкое средство выместить свое раздраженіе и осмѣять противника. Пресловутый армянскій постъ остался подъ этимъ названіемъ въ церковной литературѣ, но церковное отношеніе къ нему не имѣло ничего общаго съ ходячею басней»⁵⁾.

§ 3. Грузинская версія или, вѣрнѣе, грузинскій изводъ той-же самой басни или сказанія объ «араджаворъ» — «аладжоръ» — «арцивуріевомъ» постѣ такъ же, какъ и греко-славянскія версіи, считаетъ самый постъ установленнымъ въ честь собаки, носящей, согласно этой версіи, прозвище «аладжъ». Изводъ этотъ извѣстенъ въ печати, собственно говоря, давно, а

1) PG, CXXXII, col. 1203, 1204; ср. И. Мансветовъ, ц. с., стр. 64, ср. стр. 49.

2) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 64—65, ср. стр. 50.

3) Ibid., стр. 50.

4) Ibid., стр. 49.

5) Ibid., стр. 51.

именно въ изданіи М. Сабинина¹⁾. Но такъ какъ послѣднее выполнено крайне ненаучно²⁾, притомъ по сравнительно поздней рукописи, то это обстоятельство и вызвало необходимость переизданія соотвѣтствующаго текста на основаніи, по возможности, всѣхъ наличныхъ списковъ тифлискихъ древлехранилищъ.

Намъ извѣстно нѣсколько списковъ предлагаемаго нами въ критическомъ изданіи грузинскаго извода сказанія о постѣ «аладжор-и», которые обыкновенно помѣщаются въ сборникахъ догматико-полемическаго содержанія, называемыхъ სიძუვის-გება მართლმადიდებელთა აღსაჩუბის «Пренія объ исповѣданіи православныхъ»:

A = Рукопись Тифл. О-ва распротр. грамотности среди грузинъ № 312, на бомбицинѣ, въ 17×23 см.; переписана въ одинъ столбецъ, строчнымъ церковнымъ письмомъ («нуса хуцури»), «по повелѣнію Іоакима, архіепископа Маїцурскаго», въ Сафарской лаврѣ св. Савы, діакономъ Свиномономъ Каргаретели, въ 1541 году; причеъ интересное насъ сказаніе помѣщается здѣсь на лл. 70b—73a³⁾.

B = Рукопись Тифл. О-ва распротр. грамотности среди грузинъ № 248, на бумагѣ, въ $17,2 \times 20,7$ см.; переписана въ одинъ столбецъ, военнымъ письмомъ («мхедрули»), судя по всему, во второй половинѣ XVIII-го столѣтія; здѣсь интересное насъ сказаніе помѣщается на стр. 191—199⁴⁾.

C = Рукопись Тифл. О-ва распротр. грамотности среди грузинъ № 3727, на бумагѣ, въ $19,2 \times 28$ см.; переписана въ два столбца, военнымъ письмомъ, 1 марта 1814 г.; здѣсь интересное насъ сказаніе помѣщается на стлб. 81b—91a.

D = Рукопись Тифл. Церковнаго музея № 658, на плотной синей бумагѣ, въ 16×22 см.; переписана въ одинъ столбецъ, военнымъ письмомъ, въ началѣ XIX-го столѣтія; здѣсь интересное насъ сказаніе помѣщается на лл. 144b—148b⁵⁾.

E = Рукопись Тифл. О-ва распротр. грамотности среди грузинъ № 3236, на бумагѣ, въ $16,5 \times 22,4$ см., значительно дефектная; переписана

1) М. Сабининъ, ц. с., стр. 629—633.

2) С. Горгадзе, წიგნების სწავლება სტობიდან, Древняя Грузія II, стр. 80—81; стр. оттиска 108—109.

3) Ср. О. Жорданія, ц. с., I, стр. 336; Д. Каришавили, კატეხეზი ქრისტიანთა პირის წყალობის გამგებელის სწავლება წიგნისგან, I, стр. 54.

4) Ср. Д. Каришавили, ц. с., ц. м.

5) Ср. О. Жорданія, Описаніе рукописей Тифлискаго Церковнаго Музея, II, стр. 140—141.

сана въ одинъ столбецъ, военнымъ письмомъ, 26 января 1829 г.; здѣсь интересующее насъ сказаніе помѣщается на стр. 30—34¹⁾.

Перечисленные списки сохранили намъ текстъ сказанія съ разными особенностями фонетическими, морфологическими и стилистическими (вульгаризмами, псевдо-архаизмами и пр.), а равно описками, искаженіями, непоследовательностью въ орфографіи и пр., устранить которыя и возстановить первоначальный обликъ текста являлось для насъ не всегда посильной задачей²⁾. Текстъ издается нами по рп. А, какъ древнѣйшей изъ существующихъ, которая, однако, не лишена всѣхъ тѣхъ особенностей, каковыми характеризуются памятники древнегрузинской литературы эпохи упадка.

Въ предлагаемомъ изданіи нашемъ всѣ описки, по возможности, устранены; что касается искаженій, то изъ числа ихъ сохранены только тѣ, которыя, болѣе или менѣе, представляютъ опредѣленный интересъ для характеристики того или иного списка: напр., ზეგრეცა вм. ზარეცა (86, 14, 27) удержанное и въ изданіи М. Сабинина.

Изъ фонетическихъ особенностей отмѣтимъ безразличное чередованіе, между ზ || ს (ვეტრეზი || ვეტროს, ანგელეზი || ანგელოსი), შ || ს (ყეშთა || ყესთა), ბ || ვ (ეპისკოპოზი || ეპისკოპოსი), კ || ხ (კორცი || ხორცი), ქ || ხ (პატრონ'ქი || პატრონი), колебанія между უზ || უე || ვე (ჩუზნ || ჩუენ || ჩვენ), ჰ || ჰრ (ჰჰუა || ჰრჰუა) и мн. др. Вульгаризмами характеризуются почти всѣ списки, но что касается псевдо-архаизмовъ, то ими особенно отличается рп. В, которая архаизируетъ слова тамъ, гдѣ этого вовсе не слѣдуетъ: напр., въ выраженіяхъ აზარხუდეს, ქჷთა и др. Всѣ эти особенности въ изданіи нашемъ не отмѣчены. Зато морфологическія особенности воспроизведены нами съ точностью: напр. ზაბ (94, 14), აზბ (94, 19) и др.

Лексика памятника.

Лексика памятника, какъ легко замѣтить, не особенно тяжеловѣсна. Попадаетъ нѣсколько словъ со спеціальнымъ значеніемъ и нѣсколько грецизмовъ, напр.:

აგჷჷა, гер. აგჷო — гласъ, мелодія, моленіе, прошеніе (прот. Корн. Кекелидзе, Иерусалимскій канонарь VII вѣка, стр. 323), речитативъ, пѣніе говоркомъ (Чуб. Груз.-рус. сл., 8; ср. Сав.-Сулх. Орб., 5).

აწმადეჷბა — букв. «нечистота», въ данномъ памятникѣ какъ синонимъ წმადეჷბა мѣсячное очищеніе, менструація, арм. Դժշտան (=груз. ღაბობა).

1) Ср. Д. Каричашвили, ц. с., I, стр. 45, 58.

2) [Наиболѣе бросавшіяся въ глаза искаженія исправлены. Ред.]

განტრევა, resp. გატრევა — вытаскивание; ругательство, надругание.

იგდიკოსი, resp. იგდიკოსი — отъ греч. ἔκδικος (= iudex) ивдикость, ср. едикъ—ходатай по церковнымъ дѣламъ (см. правило кареагенскаго собора 109).

კათოლიკე — отъ греч. καθολική (= арм. *կաթողիկէ*) католическій, вселенскій, всеобщій, повсемѣстный, въ данномъ случаѣ (88,24-25) «великій», «главный».

შავწვრილი, resp. შავწვრელი¹⁾ — валяльщикъ (= арм. *թափիչ*), отъ *შავ* валять (ср. *გერვა* шить — *შეკრვალი* портной).

ნატვალგება — воздаяніе.

პრეპოსტი — отъ греч. προπόσιτος, препозитъ, предстоятель.

უამბი წირვაჲ — литургія, обѣдня, букв. «возношеніе времени», отъ *უამბი* часть, время (въ смыслѣ новаго «завѣта»), и *წირვაჲ* возношеніе, приношеніе (*ἀναφορά oblatio*). См. Н. Марръ, Житіе св. Григорія Хандзтійскаго, ТР, VII, стр. LXVII; прот. Корн. Кекелидзе, Іерусалимскій канонарь VII вѣка, стр. 336; Чубиновъ, ц. с., 1027.

რამთურობით — вмѣстѣ съ чѣмъ бы то ни было, совершенно; *при отриц.* отнюдь, никоимъ образомъ.

ხუნდაგნისობა, — (отъ греч. σύντεχνος) быть въ духовномъ родствѣ.

ცომკეთილდობაჲ — семас. *აღწილასთიგნობილნი, რარხდნეგობილნი* благородство.

ჩიბა ძაღლი — собачка, особая порода небольшихъ собакъ (ср. Орб., 360, 365; Чуб., 1577, 1593).

ძლით — силою, *ჩემ ძლით* — черезъ меня.

ქვეშეხი მნ. ч. — семас. *სთორაგრებალქ* подчиненные, подвластные, букв. «подложенные» (въ противовѣстъ *ქერაგრებალქ* наложенные).

წუღლა — молочные продукты, т. е. все то, что получается путемъ доенія, напр.: молоко, простокваша, сыръ, масло и т. п.

[1] Отъ сир. *ܦܬܝܠܐ* валяльщикъ, fullo. *Ред.*]

Сказаніе.

I.

A 70b
B 191 პეტრეს მკარგაღისაჲ და ალა-
ჯის-თჳს თხრობაჲ.

Сказаніе о Петръ Валяшицкѣ и
аладжѣ.

C 81b
D 144b I. იყო პატრიაქი კაცი წმიდაჲ,
უბიწო და მართალი, და ჰქრწმენა სი-
ტუუათა მისთა უოგელთა. და ვითარ ში-
რისაგან ანგელოზისა, ესრეთ შეიწყნა-
რებდეს სიტუუას მისსა და მცნებათა
თჳთ ვიდრეჲ პირველადი თავადი მეფე და
მის ქუშქუნი უოგელივე, რამეთუ სჳმეუ-
10 ფოსა ქალაქისა კონსტანტინოპოლის სჳ-
დარსა ზედა მჴდომარე იყო. და ოდეს
B 192 დგის ჟამის წირვად, ანგელოზთა | ხე-
დავენ და სული წმიდაჲ იქცეოდა მის
ზედა. და მეფე უდგის მარჯუნით და
15 დედოფალი მარცხენით. და იეგნეს სჳ-
მენი მისნი განსმენილ უოგელსა ქუშ-
D 145a ყანას | შინა. ხოლო სხელი მისი იყო
C 82b პეტროს. და წესისაებრ მეფეთა და
დედოფალთასა ვითარ მსხუტრპლვასა
20 შინა წმიდათა საიდუმლოთასა თანა-
უდგიან მოწინებით და მსახურებდიან.

II. დღესა ერთსა ჟამსა წირ-
ვიდა პეტროს პატრიაქი, და დე-
დოფალი დგა ჩუტულებისაებრ. და
25 ვითარ საიდუმლოსა შინა იყო პა-
ტრიაქი, შეეშთჳ დედოფალსა არაწმი-
დებაჲ ბუნებითისა წესისაებრ დე-

I. Былъ одинъ патріархъ —
мужъ святой, непорочный и правед-
ный. И вѣрили всѣ словамъ его. И
подобно <слову, исходящему> изъ
устъ ангела, словамъ его и наста-
вленію смиренно внимали прежде
всего самъ царь со всѣми подчинен-
ными, ибо возсѣдалъ онъ (патріархъ)
на престолѣ царственнаго града
Константинополя. И когда онъ бы-
вало служилъ литургію, то лицедрѣлъ
ангеловъ и Духъ Святой нисходилъ на
него. И царь становился вправо отъ
него, а царица — влево. И дѣла его
были извѣстны всему свѣту. Имя же
его было Петръ. И по обычаю своему,
царь и царица при святой евхаристіи
бывало благоговѣйно прислуживали
ему.

II. Однажды патріархъ Петръ
служилъ литургію. Царица присут-
ствовала по обыкновенію. И когда па-
тріархъ совершалъ евхаристію, съ ца-
рицею, какъ съ женщиною, согласно
естественному порядку вещей, случи-

1—2 პეტრეს მკარგაღისაჲ და ალაჯის-თჳს თხრობა B. ჟეჴეს პეტროს მკარგაღისთჳს და ალა-
ჯისთჳს და მისსა მარცხენით C. უწეჴეს პეტროს მკარგაღისთჳს და ალაჯისთჳს და ალა-
ჯისთჳს მარცხენით D. 3 წაღაჲ+და C. 4 ქრწენა] მოწმუნე უფრეს C. 5 ვითარ C D.
7 ჴეჴეს C D. 8 ვადრეჲ თჳთაჲ მეფე| მეფე პირველად C. 9 სჳმეოს A D. Начиная отъ
слова сѳмеოს < E. 10 კონსტანტინოპოლის B. კონსტანტინოპოლის C. კონსტანტინოპო-
ლის D. სჳდარს D. 13 მის C D. 18 წესისაებრ B. 19 მსხუტრპლვასა+მკარგისა C.
21 მსხუტრპლვას B. 22 ვით D. სჳმენი C. 23 და < C D. 24 სჳდა C. 26 ალა-
ჯისთჳს] წაღაჲ BC. 27 წესის C D.

A 71a დათასა. || ხოლო პატრიარქსა²¹ წმიდაჲ
ბარძიმი სისხლითა აღევსო. და ვითარ
იხილა საშინელი ესე ხილვადცა და
სმენადცა პატრიარქმან, აღშოთნა გუ-
5 ლის წეროებითა და დაკრულა დედო-
ფადი.

III. მიუგო დედოფალმან აღვსებულ-
მან მრავლითა კდებითა და სირცხვლითა
C 83a და ღმობიერად ჭქუა: «რამდოჯდალო პა-
10 ტრიარქო?» და გუჟად ჭქუა პატრიარქმან
დედოფალსა: «ერულ იყავნ შენ და უო-
ველი დედაკაცი შენ თანა წუეულ იყავნ».
მიუგო დედოფალმან და ჭქუა: «და მა-
რამცა მშობელი სიტყვას ღმრთისაჲ
15 და რამეთუ იგიცა დედაკაცი იყო, და-
ღათუ იგი თანაწარცა და ზემთა იქმნა
უოველსა წესსა და ბუნებასა დედათასა
რომელი ცთომილისა დედათა ბუნებისა
სიჭადულ იქმნა და რამეთუ შემთხუჭ-
20 ული ესე ბუნებითი არს თვთებრივი
წესი, არა წინააღურჩეველთა ცოდვითა
რომელთამეგანი და ვითარ ჩემ ძლით
უოველი დედაკაცი წუეულ ჭუავ, ვი-
ნაფთგან ეგას ძლითთა წუევითაცა
25 მომსპობი დედაკაცი იყო?» ხოლო პა-
ტრიარქმან განძხებულმან თქუა: «და
მარამცა».

C 83b IV. მაშინ განძხნდა დედო-
ფალიცა და უბრძანა პრეპოსიტთა
B 193 30 და იკდიკოსთა თვსთა, და გარ-
დამოითრიეს პატრიარქი და განძხეს

лось мѣсячное очищеніе, а у патріарха
чаша наполнилась кровью. Какъ
только патріархъ увидѣлъ это страш-
ное [не только] для глазъ, [но] и
для слуха зрѣлище, онъ пришелъ въ
возмущеніе и проклялъ царицу.

III. Въ отвѣтъ на это царица,
преисполненная стыда и застѣнчи-
вости, милостиво возразила: «За что,
владыка-патріархъ?». А патріархъ
снова сказалъ царицѣ: «Будь ты
проклята, и съ тобой — всякая жен-
щина!». Въ отвѣтъ на это царица
сказала: «И Марія, Матерь Слова Бо-
жія? Вѣдь и Она была женщина, хотя
Она и миновала женскую природу со
всѣми ея свойствами, ставъ выше
ихъ и содѣлавшись гордостью грѣхов-
ной женской природы. Случившееся со
мною есть свойственное [женщинамъ]
отъ природы, а не какой-либо изъ пер-
вородныхъ грѣховъ. И какъ же изъ-за
меня ты проклялъ всякую женщину,
когда и проклятія, [вошедшія въ міръ]
черезъ Еву, были уничтожены Жен-
щиной же?». Но патріархъ, разъярен-
ный, сказалъ: «И Марія!».

IV. Тогда и царица пришла въ
ярость и повелѣла своимъ препозитамъ
и ивдикосамъ <удалить патріарха>;
и поволокли они патріарха и вы-

1 პატრიარქს D.	4 სენად AB.	პატრიარქს D.	აღშოთნა-და განწმენა CD.
5 გუჟადწმენით B.	დაკრულა განძხნდა D.	7-10 აღვსებულმან... პატრიარქო	რამდოჯდალო პა- ტრიარქო CD.
11-12 უოველად CD.	14 მარამცა შენვე D.	ღმრთისა C.	15 და < CD.
16 ზესთა BC.	გქმნა B.	18 რომელი ცთომილისა დედათა ბუნებისა < AB.	19 გქმნა B.
19-20 შემთხვეულ C.	22 რომელითამეგანი < C.	26 თქუა < C	27 მარამცა შენვე D.
23 უოველად CD.	24 ღლითა-და C.	30 იკდიკოსთ C. იკდიკოსთა D.	31 გარდამოითრიეს B.
29 პრეპოსიტთა C.	პრეპოსიტთა D.		
გარდამოითრიეს D.			

D 145b გარე. ხოლო პეტროსს შეუძღა
გულს ესეგითარად უპატოებით გან-
ძებაჲ მისი, და აღატიენა ეშმაკ-
მან გული მისი და თქუა: «წ
5 მეცა ვიძიო შური და ნაცვალვანე
სჯულს და უოველთა ეკლესიათა
ნაცვალნი ჩემისა უპატოებით გან-
თრევისანი».

V. მაშინ წარვიდა ქუჭყანასა სომ-
10 ხითისასა მოუფასებითა და მოწაფებითა
მრავლითა და იწყო ქადაგებად წვა-
ლებისა სჯულთა. და ჭებობდა სჯულს
ბერძენთასა, რომელი მიეღო წმიდათა
და დიდთა კრებათაგან და ღმერთშე-
15 მოსილთა მამათა. და ქრწმენა უოველ-
თავე სიტყუათა მისთა რამეთუ ანგე-
C 84a ლოზად ჭხედვიდექ მას | მსგავსად ღმრ-
თისა. და იტყოდეს: «ესე არს კაცი იგი
წმიდაჲ პატრიარქი» სამეფოელსა მის
20 ქალაქისა».

VI. მაშინ პეტროსს ეშმაკისა მიერ
იწყო ქმნად უოველსა საოცრებასა
და იტყოდა უოველისა წვალებისა საქმესა
და ასწავებდა ერსა ვითარმედ კათო-
25 ლიკეთა მარხვათა რაჟამს იმარხვიდეთ
ხუთთა დღეთა, შაბათსა და კვრიაკესა
გუჭრცხსა და წულასა ჭამდით, ხოლო
ხუთთა მათ დღეთა განუეენებით ღვინო-
სა, ზეთსა და თევზსა, რამეთუ ერთ და
30 იგივე არიან წულა, ზეთი და ღვინო
თევზის თანა და ჭეშმარიტსა მმარხ-
ველსა უკმს უოველთავე ამათგან გან-

გნალი ვონჲ. Петру же запало на сердце
то, что его такъ непристойно выво-
локли, и дьяволъ воспламенилъ его
сердце, «вслѣдствіе чего» онъ и ска-
залъ: «Отнынѣ и я буду искать мщенія
и взаменѣ непристойнаго надо мною
надруганія воздамъ я соотвѣтственно
религіи и всѣмъ церквамъ».

V. Тогда онъ явился въ страну Ар-
менійскую со многими друзьями и уче-
никами «своими». Сталъ онъ пропо-
вѣдывать еретическое ученіе (букв.
вѣру) и хулилъ вѣру греческую, ко-
торая принята была святыми и ве-
ликими соборами и богоносными от-
цами. И всюду принимали слова его,
ибо смотрѣли на него, какъ на ан-
гела, подобнаго Богу, и говорили:
«Вотъ, этотъ есть тотъ мужъ, святой
патріархъ царственнаго града».

VI. Тогда Петръ стаѣ, по вну-
шенію дьявола, творить всякаго рода
чародѣйства и рассказывать объ ере-
тическихъ дѣлахъ, и научалъ народъ
такъ: «Когда будете соблюдать вели-
кій постъ, постите «въ недѣлю» пять
дней, а въ субботу и воскресенье ѣшьте
яйца и молочные продукты, но въ тѣ
пять дней воздерживайтесь отъ вина,
еяся и рыбы, ибо одно и то же, что мо-
лочные продукты, что елей, что вино,
а равно рыба; истинному же постнику

1 პეტროსი A.	2 გულს < CD.	ესეგითარად A.	უპატოებით B.	უპა-
ტოებად CD.	4 სიტყუა C.	ქმნად D.	6 კადვებით B.	7 უპატოებით B.
უპატოებისა C.	9 წამოვიდა CD.	11 და < C.	ქადაგება C.	12 სჯულს CD.
14 კრებათ CD.	15—16 უოველთაგანვე C.	ხოლოთაგან	19 სპეილის D.	20 < C.
22 უოველსავე CD.	საოცრებასა CD.	24 სწავება C.	25 მარხვად B.	მარხვიდექ
27 ეწოდებოდა და წულასა ჭამდით	კვრიაკეს სჯამდით და წულას CD.	28 განუეენენ C.	განუეენენ	
29 ერთი და ერთად D.	32 მათგან + და C.			

ეენებაჲ, ხოლო რომელიცა თვთუელს
ამათგანსა მიიღებს, მიიღენ უოვე-
ლივე. რამეთუ ფრიად უმჯობეს არს
C 84b 5 ბელ საცნობელთა, ვიდრელა თევზი. და
ეპისკოპოსნი და მონაზონნი ერთბაშად
უოველინვე კორცსა ჭამდით, რამეთუ
ესრეთ წეს არს მეტუშწლისაებრ წმი-
I, Петр. 1, 24.
B 194 დისა მოციქულისა ვითარმედ «უო-
10 ველი კორცი თივა არს. და ესრეთ
სჭულსა აღუსებუქებდა და წვალეპასა
D 146a
A 71b აწურთიდა || და თვისსა ზრახვასა ზედა
მიაქცევდა უმანკასა მას ერსა სომეხ-
თასა.

15 VII. ამისა შემდგომად მიემთხვა
ძალღსა ჩიბასა და სახელად ძალღისა
მისა ალაჯ. და ესე მოწუართა წი-
ნამძღურად თვისად და გრძნებითა
რამეთუ მოწურთილი იქმოდა უო-
20 ველსა სოცრებასა თანადგომითა
ეშმაკისათა. და რაჟამს ჭქვს ალაჯს:
«წარვედ იქო», წარვიდის და წინა-
უვიდოდის პეტროსს, ვითარცა მო-
ციქული.

25 VIII. დღესა ერთსა წარიგზა-
C 85a გნა ალაჯ პეტროსის მიერ კურ-
მუხოდ სახლად ხუცისა. აგრძნა
ხუცესმან მისელა ალაჯისი და
ჭქუა მოწაფეთა თვისთა: «რამცა
80 გრქუა უოველ «უავთ» შეიღწო
ჩემნო». ხოლო მათ ჭქულს: «რომე-
ლიცა სათნო გიჩნს ვუთო» ჭქუა

подобаетъ безусловно воздержаться
отъ сихъ <продуктовъ>; но кто вкуситъ
любой изъ этихъ <продуктовъ>, пусть
вкуситъ и всѣ таковыя, ибо елей пред-
почтительнѣе предъ масломъ, и вино
вреднѣе для умственныхъ способно-
стей, чѣмъ рыба. И епископы и мо-
нахи всѣ вмѣстѣ ѣшьте мясо, ибо та-
ковъ законъ, согласно изреченію апо-
стола, что всякая плоть есть трава». И
такимъ образомъ, онъ <Петръ> облег-
чалъ вѣру невинному народу армян-
скому, уча его ереси и направляя
его сообразно со своими помыслами.

VII. Послѣ этого встрѣтился онъ съ
собачкою, и имя собачки той аладжъ.
И онъ выдресировалъ ее въ качествѣ
предводительницы своей. Она, вы-
дресированная посредствомъ чаро-
дѣйства, выдѣлывала при помощи
дьявола всякаго рода фокусы. И
когда <Петръ> говорилъ аладжу:
«Поди туда!» онъ уходилъ, какъ
вѣстникъ, предшествуя Петру.

VIII. Однажды аладжъ былъ по-
сланъ Петромъ въ Курмухъ, въ домъ
священника. Священникъ же, какъ
только почувалъ приближеніе аладжа,
сказалъ ученикамъ своимъ: «Что бы я
ни сказалъ вамъ, исполните, чада мои!».
Они же сказали: «То, что угоднобудетъ
тебѣ, исполнимъ». Сказалъ священ-

1 თეთიუელის C.	2 ამისა CD.	3 ზღუდის CD.	7 ქსემლით B.	სამართ
CD.	8 პეტროსის D.	9 წარის < C.	10 უოველი CD.	11 ღისებუქებდა C.
12 აწურთიდა D.	17 მოწურთი AB.	19 მათ B.	20 უოველის სოცრებას] სოცრებას უოველ-	
საყ CD.	21 ალაჯის CD.	22 იქო + და CD.	23 პეტროს A.	პეტროს CD.
24 До слова მოციქულა включ. < E.	25 წარგზავნი A.	26 პეტროსის C.	27 პეტრე B.	28 პეტრე A.
პეტრე B.	27 კურმუხოს A.	სახლად AB.	ხუცესთა + ხოლო CD.	
პეტრე C.	ალაჯის CD.	30 უოველ «უავთ» < BCD.		

ხუტესმან: «მოკალთ ალაჯ». მიუ-
გეს ხუტესსა და ჭქუას: «უკე-
თუ ცნას ესე პეტროს, სა-
დადა იუოს საყოფელი ჩუტ-
5 ნი?» ხოლო ხუტესმან ჭქუა მათ:
«ჩემ ზედა იუვენ საქმე ებე
უავთ შვილნა ჩემნა». ხო-
ლო მათ მოკლეს და გეგსა შთა-
აგდეს და დატარეს ქვეთა მძი-
10 მითა.

IX. მოვიდა პეტროს და ვერ
პოვა ალაჯ და ჭქუა ხუტესსა მას:
«სადა არს ალაჯ? მე აქა წარმოვა-
ვლინე». ხუტესმან ჭქუა: «მე არა
15 მიხილავს. მაშინ პეტროს იწყო
C 85b ძიებად და წარავლინა მეძიებელნი
მისნი ყოველთავე მათ ადგილთა
და სოფელთა. და ვითარ ვერ პო-
ვეს ალაჯ, იწყო პეტროს განზრახ-
20 ვად თავით თვსით და ჭქუა ესრეთ:
«ვიღოცოთ და ვიმარხოთ ყოველთა,
რამთა გამომიცხდოს ჩუტნ ღმერთ-
მან, თუ რამე ეყო და შეემთხვა
ალაჯს». მაშინ იწუეს ორშაბათით-
B 195 25 გან ვიდრე შაბათამდე მარხვა, და
მუნთქუესვე გამოცხდა ჩუტნებითა
ეშმაკისათა ალაჯ პეტროსს და
მისთანათა, და ჭქუა: «აჲ ესერა
გეგსა შინა ვძე მე მეუდარი». მაშინ
D 146b 30 გმად უყო ერსა მას პეტროს, და
ჭქუა: «აჲ სასწაული დიდი და საში-
ნელი, აწ უკუტ იმარხევდით ალა-

ნიკ: «Убейте аладжа!». Въ отвѣтъ на
это они сказали священнику: «А ежели
объ этомъ узнаетъ Петръ, гдѣ же
найти намъ тогда убѣжище <отъ гнѣва
его?». Но священникъ сказалъ имъ:
«Пусть это дѣяніе <всепѣло> ложится
на мою <отвѣтственность>, а вы сдѣ-
layте <свое>, чада моя!». А они, убивъ
аладжа, бросили его въ оврагъ и по-
крыли тяжелымъ камнемъ.

IX. Явился Петръ и, не найдя ала-
джа, сказалъ тому священнику: «Гдѣ
аладжъ? Я его послалъ сюда». Свя-
щенникъ же сказалъ Петру: «Я его
не видѣлъ». Тогда Петръ сталъ искать
аладжа и разослалъ развѣдчиковъ по
всѣмъ <прилегающимъ> мѣстамъ и се-
ламъ; и когда послѣдніе не нашли
аладжа, впалъ Петръ въ недоумѣніе
и сказалъ народу своему: «Такъ ста-
немъ же <мы> всѣ постить и мо-
литъся, дабы Богъ повѣдалъ намъ,
куда дѣвался аладжъ и что съ нимъ
случилось». Тогда начали <всѣ> по-
стять, начиная съ понедѣльника и
до субботы. И тотчасъ, по указа-
нію дьявола, показался аладжъ Пе-
тру и иже съ нимъ и сказалъ: «Вотъ,
въ этомъ оврагѣ лежу я, умерщвлен-
ный!». Тогда призвалъ Петръ народъ
тотъ <армянскій> и сказалъ: «Вотъ зна-
меніе великое и страшное! Отнынѣ,

1 ალაჯ CD. 3 ქცნას B სცნას CD. 4 საყოფელი სყოფელი CD. 5 მათ+და C.
6 ალაჯ+და C. 7 უ (sic) A. ქუთუ B. 9 უც ACD. 13-14 წარმოგზავნე (+ხოლო C)
CD. ქუთუ+მას C. 15 მხლავს მხლავს D. პეტროს იწყო იწყო პეტროს CD.
17 მხნა თვის D. 18 კერა D. 20 ქუთ+ერს თვის CD. 21 ყოველთა და გამარხათ
გამარხათ და ყოველთა CD. 23 შეემთხვა D. 24 ორშაბათით+ერთშაბათ C. 26 პენ თვეს
A. 27 პეტროს A. პეტროს CD. 28 მხნას D. 29 ექვ CD. 30 კრს
მას პეტროს პეტროს (პეტროს D) ერს მას CD. 32 უკუთ+უკუთ C. + უკუთ D.
Христіанскій Востокъ. 7

ჯისათჳს ამათ დღეთა, რომელნი მე განგიწესენ თქუენს.

ესე არს სჯული მოციქულთა მიერ შენუწმებულისა პეტროსისი და კრე-
C 86a 5 ბათა მიერ განგდებულისა, და შე-
მტაჩუწმებულ არს უოველი მმარხველი
აღაჯისათჳს და სურთესარგისისათჳს.

постите для аладжа въ тѣ дни, кото-
рые я вамъ установилъ».

Таковъ законъ Петра, проклятаго апостолами и отвергнутаго соборами, и да будетъ проклятъ всякій постникъ для аладжа и Сурб-Саргиса.

II.

უწყებაჲ სუბულის ძასა სარგი-
ნისათჳს.

Увѣдомленіе о Субуловѣ сынѣ Сар-
гисѣ.

10 X. მათვე უამთა შინა იყო კაცი
ვინმე ნაგმირეგი და სხელი მისი სუ-
ბულის ძე სარგის. ესე იქმნა მონა-
ზონ და აღაშენა მონასტერი ძირსა არა-
რატისა მთისასა, და ილოცაუნ დღე
15 და ღამე. ხოლო მონასტერი იგი იყო
მასლობელად ქალაქსა დვინისასა და-
შენებულ.

XI. მას უამსა შინა მოვიდა სპათ-
სალარი აგარიანთა და მოადგა ქალაქსა
A 72a 20 და წარქმონდა ქალაქი. მასინ || გამოვი-
დეს კაცნი მის ქალაქისანი და ქმუწს
სუბულ სარგის: «გამოვედ მონასტრით
შენით და ებრძოლე შეიღთა აგარისთა
მეტერთა ქრისტესთა, და უკეთუ სძლო
C 86b 25 და მოიქცე მშჯდობით, ჩუწნ უოველნი
მონად შენდა ვიქმნნეთ. და უკეთუ
მოგკლან, შენ წილ ჯუარი აღვმარ-

X. Въ ту-же пору жилъ нѣкто
витазь, и имя его Субуловъ сынъ
Саргисъ, который, постригшись въ
монахи, выстроилъ монастырь у
подножія горы Араратской, и «здѣсь»
молился день и ночь. А тотъ мона-
стырь былъ построенъ вблизи города
Двина.

XI. Въ то время явился спасаларъ
агарянъ и, подступивъ къ городу
«Двину», взялъ было его. Тогда
жители того города, явившись къ
Саргису, сказали: «Субул-Саргисъ!
Выходи изъ монастыря своего и бо-
рись съ сынами агарянскими, вра-
гами Христа. Если сумѣешь благопо-
лучно одолѣть врага, всѣ мы станемъ
рабами твоими, если же убьютъ тебя,

1 აღაჯისათჳს CD. 3—4 მოციქულთა მიერ შენუწმებულისა პეტროსისი] პეტროსისი მოციქულთა მიერ
შენუწმებულ CD. 5 მიერ < CD. 6 შეტანუწმებულ არს] შეტანუწმებუ-
ლის CD. 7 აღაჯისათჳს C. 8 უბრძოლესათჳს B. 9 სუბსარგისისათჳს C. 10—11 იყო კაცი განუ] კაცი
განუ იყო CD. 12 სუბსარგისისათჳს (სუბსარგისისათჳს D) CD. 14 არარატის C. 15 აგი < C.
16 ქალაქის A. 17 დვინის A. 18 შინ < CD. 18—19 სპასალარი D. 22 სუბულის ძეს სარ-
გის C. 23 სუბულ სარგის D. 25 უოველნი—ქმნი A. 26 ვიქმნეთ C. 27 წილ < CD.

თათ საკსენებელად შენდა». მან
შინ გამოვიდა სარგის წუბად აგა-
რისათა და სძლო. და წარმოვიდა წულუ-
ლი ისრისა მიერ.

5 XII. ხოლო შემდგომად ამისა
კუალად აღიჭურა სპათსა-
ლარი ასპანისა და მოვიდა ქა-
ლქად დვინისსა. და კუალადგა გან-
ვიდა მათდა სარგის. ხოლო

В 196 10 იქმნა რამე წუბად, შეიპყრეს
სარგის და უოგელი სომხითი
მოწუწეს და აღაოკრეს. ხოლო
სარგის სხესა აურაცხელისა ნა-
ტუშნავისა თანა ასპანს წარიუ-

15 ვანეს წინაშე სულტანისა. ხოლო
სულტანმან იხილა რამე სარგის,
ფრად განიხარა რამეთუ ასმიოდა

Д 147a სიმკნე მისი და ტომიკეთილობად
და შეეწალა იგი რამეთუ მოხუ-
20 ცებულ იყო. და პირველად ვიდ-

С 87a რემე | მრავალთა საფასეთა და ქა-
ლქათა და სოფელთა ქადებისა მიერ
და აღთქმისა ვითარმედ «უოგელი

25 და მეფობად მათი, უგეთუ მერ-
ხდე და უფარქუა ჭურჭმული და
აღიარო სჯული მეჭამედ მოცი-
ქულისა მიერ მოცემული ჩუწნდა».

ხოლო მან უოგლად რამეთურითთ
30 არა თავს იდუა, და რამეთუ მო-

ვამენთ тебя водрузимъ крестъ въ
память о тебѣ». Тогда вышелъ Сар-
гисъ сражаться съ агарянами и, одо-
лѣвъ ихъ, вернулся раненый стрѣлой.

XII. По прошествіи нѣкотораго
времени, вновь вооружился спасаларъ
Испаганскій и явился къ городу
Двину. И опять выступилъ Саргисъ.
Но, какъ только началось сраженіе,
Саргиса забрали въ плѣнъ, а всю
Арменію сожгли и предали разо-
ренію, причемъ «этого» Саргиса,
вмѣстѣ съ несмѣтнымъ количествомъ
плѣнныхъ, увели въ Испагань къ
султану. Султанъ же, какъ только
увидѣлъ Саргиса, очень обрадовался,
ибо слышалъ о его мужествѣ и
благородствѣ, и пожалѣлъ его,
такъ какъ онъ былъ старъ. И
прежде всего искушалъ его объ-
щаніемъ многихъ сокровищъ, горо-
довъ и селеній, говоря: «Я оставлю
тебѣ всю землю Арменійскую и Ра-
нію и ихъ царства, если ты только
покорись мнѣ и, отвергнувъ Рас-
пятаго «Христа», исповѣдуешь ре-
лигію, данную намъ пророкомъ Му-
хаммедомъ». Но Саргисъ не поко-
рился султану. И несмотря на то,
что Саргисъ былъ старъ, султанъ ве-

1 აღმართთ B.	აღმართთ A.	2 სარგის D.	5 ამისა D.	6 კუალად აღ-
ჭურა] აღჭურა (აღჭურა C) CD.	6—7 სპათსალარი D.	ასპანის BC.	ასპანის D.	8 რე-
ნის A.	კუალად C.	9 მათდა სარგის] სარგის წუბად მათდა CD.	11 უოგელი C.	
ხომითი C.	12 მოწუწეს C.	აღაოკრეს BC.	აოკრეს A.	13 სხესა <
CD.	აურაცხელისა+მის CD.	14 ასპანს BCD.	15 სულტანის BC.	სულტანის D.
22 ქადებისა D.	23 და < CD.	23—24 უოგელი ხომითი და მანი მაგიტო შენ] უოგელი სოფელი მა-		
გიტო შენ ხომითისა და მანი CD.	26 მეჭამედ+მე CD.	უფარ ქუა] რაუტო C.	აიგული D.	
27 და აღიარო სჯული < C.	მაქმედ C.	28 მაქმედ < C.	29 უოგლად] კუალად	
C.	რამეთურით C.	ქარითურთ D.		

ხუცბულ იყო, უბრძანა უპატი-
 5 ებით განძრევა მისი და გან-
 ჰარსვა და შემუსრვა კბილთა
 მისთა და ტემა უწყოლოდ და
 10 განკურეცა კოჭთა მისთა და თავდა-
 მოქცევით აქლემს შთამოკიდებამ და
 უოგელს ქალაქს შინა მოვლემამ
 მისი. და ესე რამ იქმნა კუ-
 ლადცა პერობილ ყვეს, სადა ან-
 15 გელაზის ხილვას ღირს ქმნი-
 ლი სრულიად განიკურნა და
 კულად წარიდგინა წინაშე მძღა-
 C 87b გრის | და ჭკითხა სჯულისათჳს და
 სარწმუნოებისა. ხოლო მან ეო-
 15 ვლად კადნიერებით ამხილა და ეს-
 რეთ ბრძანებითა სულტნისათა მი-
 ეცა მისათჳს განჩინებამ მახვლითა
 წარკუჭთად თავისა. და ჭრწმენა
 კაცთა მის ადგილისათა, რამეთუ
 20 სადა იგი მდებარე იყო მეკუდარი,
 იხილეს სუჭტი ცეცხლისა.

XIII. გინა შემდგომად მრავალთა
 წელთასა წარვიდეს ასპანად უოგელ-
 თაგან ქალაქთა სომხითისათა და მრავ-
 25 ჳლითა პატივითა აღმოიყვანეს ნა-
 წილნი მისნი, და მარჯუჭნე მეკლავი
 B 197 მისი დადევს გაგს ეკლესიასა შინა,
 რომელი აღაშენა პეტროს.

XIV. ხოლო განისმა იზრუსალიმს
 C 88a 30 და | კოსტანტინოპოლეს, ანტიოქიას,
 D 147b ალექსანდრიას და ჭრომს და უოველ-

ლელა რაძტეზ ეგო ნეპრისტოინო, и
 vybrity ego, vyrvat' u nego zuby,
 и избить его безжалостно, просвер-
 лить ему щиколки, и привесить его
 вниз головою къ верблюду и водить
 его <въ такомъ положеніи> по всему
 тому городу. Послѣ всего этого Сар-
 гиса заключили въ темницу, гдѣ онъ
 удостоился лицезрѣть ангела и полу-
 чить полное исцѣленіе; а затѣмъ онъ
 предсталъ предъ властелиномъ, кото-
 рый сталъ его разспрашивать о ре-
 лигіи и вѣрѣ. Въ отвѣтъ на это
 Саргисъ дерзновенно обличилъ его,
 вслѣдствіе чего по приказу султана
 былъ приговоренъ къ отсѣченію го-
 ловы мечомъ. И среди людей тѣхъ
 мѣстностей возникла вѣра, что на
 томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Саргисъ ле-
 жалъ умерщвленнѣмъ, былъ видѣнъ
 огненный столбъ.

XIII. По прошествіи многихъ лѣтъ
 со всѣхъ городовъ Арменіи отправи-
 лись въ Испагань <паломники>, кото-
 рые съ почестями перенесли мощи
 Саргиса, и десницу положили въ
 Гагѣ, въ <той> церкви, которую по-
 строилъ Петръ.

XIV. Между тѣмъ, разнеслось по
 Іерусалиму, Константинополю, Ан-
 тіохіи, Александріи и Риму и по всему

1 მოხუცებული CD.

7 უოგელს + მს C.

ხოლვისა ღირს ქმნილ] მეგრ ღირს იქმნა ხოლვისა და D.

AB. 23 სპანად BCD.

26 მარჯვენა D.

პეტროზის მეგრ CD.

C. პეტროზისავე D.

კოსტანტინოპოლისათა C.

2 განძრევა D.

უოგელსავე + მს D.

24 რა < CD

27 აღადგა C.

აღადგა D.

29 Тутъ другіе списки приводятъ заголовокъ: პეტროზისითჳს მეგრეკლესიას.

30 და + უოგელთა მით ადგილთა (ადგილთა < D) CD.

კოსტანტინოპოლეს D.

2—3 რა განძრევა < CD.

განკურეცებამ C.

14 სარწმუნოებისათჳს CD.

25 მახვლითა < C.

გაგს CD.

28 პეტროს] კოსტანტინოპოლის B.

31 რა < CD.

4 უწყოლო C.

10 ქმნილ] იქმნა + რა C.

მან <

აღმოიყვანეს CD.

ეკლესიას D.

კოსტანტინოპოლის B.

სა სოფელსა შინა, ვითარმედ პეტროს დადგა სჯული წყალებისა ქუჩანასა სომხითისასა, და შეკრბეს ოთხნი პატრიარქნი და პაპი რომისა

A 72b 5 და || შეაჩუჭნეს პეტროს. და ვინცა იმარხვიდეს აღაჯისთჳს და ანუ ილოცვიდეს სუბულ სარგისს მიმართ, ანუ შეჯულს მისსა ვიდოდეს, ანუ ვინ ისმინოს მათი და არა შეაჩუჭნეს, ანუ ვინ ემსახოს სწოლითა, ანუ ვინ ესჯნდიგნისოს, ანუ ვინ იმარხვიდეს მარხვასა მათსა, კრულ იყავნ საგუგუნოდ.

C 88b 15 XV. ამან ღმრთივ მოძაგებულმან პეტროს | შესძინა სამწმიდაობითისა ქებისა მეტუჭლებასა ვითარმედ «წმიდაო უკუდავო, რომელი ჟუარს ეცუ ხუჭნთჳს». და სამუელ ჟუარისა სამსჯულისა განწონა და მონათლვა ჟუარი- 20 საჲ ამანვე სჯულ უდგა. ვინმე უკუჭ არს ესეოდენ ცნობამიღებული რომელმანცა ზეცისა ძალთაგან მოცემული დიდებისმეტუჭლებაჲ სამებისა წმიდისა დაუტევს და შეუდგამცა მოძღუ- 25 რებასა უსჯულოსა პეტროს მკაწრგაღისასა, რომელი იღებოდა წუჭრისა ოქროთა, რომელი აღვიდოდა საუდარსცა ზედა ანტიოქელთასა და

свѣту, что Петръ положилъ «основаніе» ереси въ странѣ Арменійской. И собрались четыре патріарха и папа римскій и предали анаѳемѣ Петра. И <всѣ> тѣ, которые бы постили изъ-за аладжа, или молились бы Субул-Саргису, или слѣдовали бы его религіи, или, слыша о дѣяніяхъ подобныхъ лицъ, не предавали бы ихъ анаѳемѣ, или кто породнился бы съ ними по ложу или по кушели, или постилъ бы сообща съ ними, — да будутъ прокляты во вѣки.

XV. Этотъ Богомъ презрѣнный Петръ сдѣлалъ прибавку къ словамъ Трисвятого, говоря: «Святый Безсмертный, за насъ распятый». И онъ же положилъ законъ—въ середину креста вонзая гвоздь и освящать крестъ. Найдется ли кто, настолько лишенный разсудка, чтобы онъ оставилъ данное вышними силами славословіе Святой Троицы и послѣдовалъ бы ученію нечестиваго Петра Валяльщика, который красилъ свою бороду золотомъ, который <неоднократно> всходилъ на престолъ Антіохійскій и изъ-за <проповѣданія>

1 უკუდავო AB.	უკუდავო C.	სოფელსა შინა] შინა სოფელსა CD.	გ-
თამარ] კუდავო C.	2 დასდგა C.	4 პაპი B.	ქროსის B.
D.	პეტროს + რომელმან დასდგა სჯული	წყალების ქუჩანას სომხითისა C.	ვინცა D.
6 აღაჯისთჳს CD.	და < CD.	7 სუბულს სარგისისთჳს C.	სუბულს სარგისისთჳს
D.	9 არ C.	შეკრბოს CD.	10 ემსახოს B.
11 ესჯნდიგნისოს C.	ესჯნდიგნისოს D.	12 მონათლვა მათსა] მათ თან C.	14 აღაჯისთჳს
გუგუნოდ C.	15 სამწმიდაობის თჳსი C.	სამწმიდაობის D.	17 უკუდავო BCD.
18 ჟუარს ეცუ ხუჭნთჳს] ლეკთჳს ჟუარს ეცუ CD.	23 სჯულის D.	24 წმინდა (წმინდის C) + მართო CD.	25 მოძღუერებისა] მოძღუერებისა
A.	მოძღუერებისა C.	მოძღუერებისა D.	პეტროსის C.
წმინდის < CD.	27 წმინდა AB.	აღვიდოდა < AB.	28 სედავოცა AB.
CD.			26 შე- <

ბორბოტა მათ წულებათა მისთათჳს
წმიდათა მამათა მიერ შეინუჭნა და გა-
C 89a ნიკუჭთა და სუდრისაგან თქსისს გან-
იდევნა და მიერ მოიწია სომხითად და
5 აღმოსავლად. ამან უკუჭ დაწუქულმან
არა თქუა წირვას შინა «უმეტესად უო-
ვლადწმიდისა» და არა აღიარა ღუთის-
მშობლად წმიდაჲ ქალწული მარიაჲ, გი-
თარცა ესწავა მას ბილწისა ნესტორი-
10 საგან.

XVI. ხოლო მოარაღუიდა ქუჭყანსა
მას ჩუჭნსა, საცრებითა და ამჰარ-
B 198 ტანებითა მრავლითა | განაკვრებდა
უოველს კაცსა, რამეთუ ზინ იგი
D 148a 15 ზედა კერძო მღალსა რამსჲ სუდ-
რად შემადებულსა და სომოს-
ლითა პატრიარხითა და ბრწყინვალითა
გარდაცებულსა და ჭმოსიედ ს-
მოსელი დიდ ფასისა და არნ ს-
20 გელი მის გრძელ, რომელი მიუტ-
უორცის თაუჟანის მცემელთა მის-
თა, რამთა ემთხუროდინ მუჭამე-
C 89b დინთა წესითა | ხალიფასჲ. და
შუუდგა მას კრი ურიცხჳ მღვანე-
25 ბითა წვალებათა მისთათა დაბნელე-
ბული ნათესავი სომეხთა.

XVII. მაშინ მოვიდა ზუაფი იგი
კანგარს და მოუწოდა მან ნეტარს
მიქელს კათოლიკოზსა ქართლისსაჲ,
80 რამთა ანუ სჯულსა მისსა ეზიაროს

ლზეუენი სვითიმი ოტჳიმი ბილჳ
პრედანჳ ანაჳმჳ ი, ბუდუჩი ოტლუენჳ,
ბილჳ ოტრჳშენჳ ოტჳ პრესტოლა სვოეო,
«ვსლჳდსთვჳი ჟეო» ონჳ ი პრიბილჳ ვჳ
არმენიო ი ნა ვოსტოკჳ. ოტოტჳ ჟე პრო-
კლჳთჳ «პეტრჳ» ვო ვრემა ლიტურგია ნე
პროვზნოსილჳ «იზრჳდო ო პრესვჳთოი» ი
ნე პრივზნავლჳ სვჳთოუ დჳვუ მარიო ჟა
მჳთერჳ ბოჟიო, კჳკჳ ო თომჳ ნაუენჳ
ბილჳ ონჳ ოტჳ მერჳკჳგო ნესტორია.

XVI. «ოტოტჳ ჟე პეტრჳ», პო პრი-
ბიტიი ვჳ სტრჳნუ ნაშუ (გუზიო), ოდი-
ვლჳლჳ ვსჳხჳ ჟრეზმჳრნოუ პიშნოსთოუ
ი ვისოკომჳრნოსთოუ, იბო ვოსლჳდჳლჳ
ონჳ ნა ოსობო პრიგოტოვლენნომჳ ვჳ ვილჳ
პრესტოლა ვოვზიშენიი, ოდჳთომჳ ვჳ
დრაგოცჳნნიი ი ბლესჳიჳიი პოკროვჳ. ი
სჳმჳ ონჳ ბილჳ ნარჳჟენჳ ვჳ დრაგო-
ცჳნნოე პლჳთჳ სჳ დლინნიი რუკჳმი,
კოტორიე ონჳ ბროსჳლჳ პოკლონნიკჳმჳ
სვოიმჳ, დჳბჳ პოსლჳდნიე ცჳლოვჳლი იხჳ,
კჳკჳ, სოგლასნო რიტუჳლუ მჳგომეტჳნ-
სკომუ, «რუკჳვჳ» ჳალიფჳ. ი პოსლჳდო-
ვჳლჳ ჟა ნიმჳ ბეზიჳსლენნიი ნაროდჳ იზჳ
არმიჳნსკჳგო როდა, ოტუჳმჳნენნიი ნასილჳ-
სთვენნო ერეტიჳესკიჳმჳ ოუენიემჳ ეგო.

XVII. თოგდა ჳივლჳ გორდელივეცჳ
ტოტჳ «პეტრჳ» ვჳ კანგარიო ი პრი-
ვზჳლჳ კჳ სებჳ ბლჳჟენნჳგო მი-
ჳჳილა, კჳტოლიკოსჳ კჳრტლ-ი, დჳბჳ

1 წვალეპლითა A. წვალეპლითა CD. 3 სეღლის ოვსიკან CD. 6 სიქჳ C.
12 მის CD. ამჳტროენიითა C. 14 უოველით კაცი CD. 15 ზედა] ზემო D.
16 ზემოველს] ზემოველს CD. 17 <CD. 18 გარდაცებულს D. 19 სიქჳ (sic)
C. 20 სიქჳ] სიქჳ C. 21 ზემოველს + და C.
22 სიქჳ] სიქჳ C. 23 ზემოველს D. 24 მის < D.
25 მისი C. 26 მისი D. 27 წესით A. 28 მისი C. 29 მისი C.
30 მისი CD.

ანუ თუ ურჩ ქმნეს, საუდრისაგან
განიუყვანოს. ხოლო შეტურა მიქელ
სულმან წმიდამან, ვითარცა იგი
პირველ დავით გოლიათს ზედა.
5 და წარვიდა მცხეთით მის ქუჩ-
შეთა ეპისკოპოსთა და მღუდელთა
თვსთა და ერისა მორწმუნისა. და
მოიწივნეს ქუჩუანსა კანგარისსა.
ქუჩუა ჩუქნებით ანგელოზისა
10 მიერ, რამათა მან თავადმან და მის-
თანათა გამოირჩიონ ქვები მახ-
ლი მახლობლისა კევისაგან და
მოესხლან რამა, მოიკადონ ქუ-
დები და შთადგან მას შინა
15 ქვები. ხოლო სამღვთომან || მიქ-
ელ ასწავა უოველთა ვითარმედ «ვი-
თარ იხილათ ჩემგან, თქუწნა ყავო
ეგრეთ».

C 90a
A 73a

XVIII. მაშინ მოვიდა მიქელ კა-
20 თოლიკოზი და თავუანისცა წინაშე
საუდრის მის პეტროზ მკაწრვალისა.
ხოლო მან შთაუგდო საკელი შესამოს-
ლისა მის, რამათა ემთხვარ იგიცა ჩუ-
ჭულეებისაებრ მისისა. ხოლო ღვთივ-
25 განმკნობილმან მიქელ უპურა საკელსა
მისსა და შთამოზიდნა ძლიერად და
შთამოითრია და ქუჩუანად დააკუჭთა
და სცა ქვითა მით, რომელი აქუნდა
B 199 ქუდსა შინა მისსა, | განტუნა უღმრთო

ონი исповѣдалъ религію его, или, въ
случаѣ неповиновения, былъ отлу-
ченъ отъ церкви. Однако, Святой Духъ
вооружилъ Михаила, какъ первона-
чально Давида на Голиафа. И высту-
пивъ изъ Мцхета, «Михаилъ» съ под-
чиненными епископами, священниками
и вѣрующимъ міромъ, прибыли въ
страну Кангарскую. Указаніемъ ан-
гела дано было знать, чтобы онъ самъ
(Михаилъ) и иже съ нимъ отобрали
изъ ближайшаго ущелья острые камни
и, какъ только приблизились бы «къ
Петру», сняли бы шапки и поло-
жили бы въ нихъ тѣ камни. При
этомъ божественный Михаилъ на-
учалъ всѣхъ такъ: «Какъ я буду по-
ступать, поступайте такъ же и вы».

XVIII. Тогда явился католикось
Михаилъ «въ Гагъ» и преклонился
предъ престоломъ Петра Валяль-
щика. А Петръ бросилъ Михаилу ру-
кавъ своей одежды, дабы тотъ поцѣ-
ловалъ сіе согласно обычаю его. Бо-
гомъ ободренный же Михаилъ, схва-
тивъ за рукавъ, силой стащилъ его
внизъ и повалилъ на землю и ударилъ
его камнемъ, который имѣлъ въ
шапкѣ «своей», и разможилъ без-

1 თუ < D.	ურჩ ქმნის CD.	2 განიუყვანოს D.	შეტურა B.	შეტურა C.
მხლო C.	3 შეტურა მიქელ სულმან წმიდამან] აქსტურა სულმან წინ მიქელ B.	სულმან წმიდამან] ძლიათა		
სულმან წმიდისათა C.	4 დავითს D.	გოლიათის B.	5 წამოვიდა CD.	6 ეპისკოპოსთა B.
ეპისკოპოსთათა C.	და < CD.	ეპისკოპოსთა + ზედა A.	მღვდელთათა C.	7 თვსთა <
CD.	9 სვეტებითა C.	ანგელოზის D.	11 გამოირჩიონ < CD.	12 მახლები CD.
მახლობლისა CD.	13 მიესხლან B.	მიესხლან C.	მახლონ D.	14 ქუდები] ქვები D.
შთადგან D.	მაშინ C.	მას შინ D.	15 სღ თომან B.	მახლო C.
16 გრეთ (გრეთ D) + უოველთა CD.	19 მახლო C.	20 თავუანის სცა B.	თავუანისცა C.	
21 მაწრვალის B.	მაწრვალისა C.	მაწრვალისა D.	23 შევსებობს C.	25 მახლო
0.	26 შთამოზიდნა C.	27 და ქუჩუანად] ქვეუანად და CD.	დააკუჭთა + და CD.	29 დაქცა
B.	ქვითა D.	მისსა + და CD.	განტუნა C.	განტუნა D.

იგი და ზუაფი და დასდგა წყლულებად
 სასიკუდიანე. მაშინ უოგელთა მის თანა
 მუთათა ებისკოპოსთა და მოყუასთა
 D 148b დაჭკრიბეს მის ზედა ქვა | და დაზუ-
 5 ნეს ქვითა. და ესრეთ მოკლეს მკელი
 C 90b იგი. | და შეერაცხს მათ სიმართლედ კა-
 ტისკლავა იგი. მაშინ ზარი და შიში
 დიდი დაეცა უოგელთა მათ ერთა
 მიმდგომთა პეტროზისთა და ვერ-
 10 ვინ იკადრა განძრვა კელისა და სიტ-
 უუადრა ბრალდობისა, არამედ უკვრდა
 სჯქე ესე და იტყოდეს თუ «ვითარ
 დიდი ესე მთავარი სჯულისა და წინა-
 მძღუარი ერისა მიეცა სიკუდილსა განსა-
 15 ქიქებულსა»? და თქუწს ერთბამად: «მო-
 ვედით და შეეკრბეთ უოგელნი ამას ღა-
 მესა და ღოცვით განვათიოთ ღამე
 გუამსა ამას ზედა წმიდისა და ვიხი-
 ღოთ რაჲჲ გამოგვცხადოს ღმერთ-
 20 მან». და უვეს ეგრეთ და ვითარცა
 შუაღამე ოდენ იქმნა, იხილნეს ეშმაკ-
 ნი სახითა მკელთათა და მუკრალნი
 და შეკრებულნი ზედა გუამსა მისსა,
 C 91a მაშინ გმაჲ უვეს უოგელთა და თქუწს |
 25 ვითარმედ «ესე ანგელოზნი არიან
 მისნი, რომელნი უგალობენ მას». და
 მიუერთებან ავაჯსა ზედა მათსა და
 გუარსა გმისა მათისასა იწყეს ჟამობად.

божнаго и кичливаго того <Петра>, на-
 неся ему смертельную рану. Тогда всѣ
 бывшіе съ <Михайломъ> епископы и
 ученики его, <тоже> забросали <Петра>
 камнями, нагромоздивъ надъ нимъ кучу
 камней. Такъ и убили того Волка. И
 подобное челоѣкоубійство было вмѣ-
 нено имъ въ праведность. Тогда страхъ
 и ужасъ напали на всѣхъ послѣдова-
 телей Петра. И никто не осмѣлился ше-
 вельнуть рукой или хотя бы произне-
 сти слово обвиненія, но всѣ поража-
 лись подобнымъ дѣяніемъ и говорили:
 «какъ великій учитель вѣры и предво-
 дитель народа былъ преданъ позорной
 смерти!» И сказали они вмѣстѣ: «При-
 дите, соберемся всѣ въ эту ночь и, мо-
 лясь, переночуемъ при святомъ тѣлѣ
 и посмотримъ, что <намъ> изъяснитъ
 Богъ». И какъ только настала полночь,
 узрѣли они дьяволовъ въ образѣ волка,
 которые, собравшись надъ тѣмъ тѣ-
 ломъ, орали. Тогда всѣ подали голосъ
 и сказали: «Это—ангелы Петра, кото-
 рые поютъ ему». И съ тѣхъ поръ <по-
 слѣдователи Петра> стали совершать
 служеніе на подобіе напѣва и голоса
 ихъ <т. е. дьяволовъ>.

3 მოყუასთა (მოყუასთა) C) + მისთა CD.

მკელი] კრელი D. 7—8 ზარი და შიში დიდი] ზარი
 ერთა] მათ ოგელთა CD. 9 პეტროზისთა C.
 CD. 15 სიქე C. 17 განათიოთ C.
 რაჲ C. 20 და უვეს < C. 21 იხილეს CD.
 რელი და შეკრებულნი] შეკრებულნი და შეკრებულნი CD.
 CD. 27 მიუერთებან C. ავაჯის C.

4 და + ესრეთ (ესრეთ D) CD.

დიდი და შიში B. დიდი < CD.
 10 კინძკავა C. 11 უკვადით C.
 18 ზედა წმიდისა] წმიდისა ზედა D.
 22 ეშაკი CD. და < CD.
 24 სიქეს C. 25 ესენი C.
 28 გამოხად] გამოხად + და გალობა CD.

5 ესრეთ < CD.

უოგელთა მათ
 12 თუ <
 19 რაჲ C.
 23 მუკ-

26 მან <

При всей своей сказочности, интересующій насъ текстъ не лишень также реальныхъ мотивовъ, подчасъ весьма драгоцѣнныхъ для исторической науки.

Такъ, прежде всего, изгнаніе Петра Валяльщика изъ «царственнаго града Константинополя» и, вслѣдъ за этимъ, отправленіе его въ Арменію для проповѣданія ереси безусловно напоминаютъ сверженіе того же Петра съ престола Антиохійскаго патріаршества и отправленіе его въ Сирію, гдѣ онъ сумѣлъ сыграть руководящую роль въ средѣ тамршнихъ монофизитовъ¹⁾.

Указаніе на соборъ четырехъ патріарховъ, несомнѣнно, напоминаетъ собой VI-ой вселенскій соборъ, вынесшій опредѣленные постановленія по вопросу о допущенномъ въ нѣкоторыхъ странахъ Востока «разрѣшеніи» поста въ субботніе и воскресные дни св. Четырнадцатницы, когда дозволено было употреблять въ пищу яйца и молочные продукты²⁾.

Интересно упоминаніе «страны Кангарской» въ связи съ именемъ «картскаго католикоса» Михаила (449—472). «Страна Кангарская» (ქანგარ-ბაჲ კანგარისა) или просто «Кангарія» (კანგარი)—это то же, что арм. Кангарк (Կանգարք), которая, судя по древней *Географіи Арменіи*, приписываемой Моисею Хоренскому, составляла собою одну изъ провинцій Веріи, т. е. Грузіи³⁾, или даже одну изъ тѣхъ 9 областей Гугаркскаго «бдешх»ства, которыми владѣли грузины⁴⁾. Провинція эта, судя по нашему тексту, входила въ сферу юрисдикціи грузинскаго (мцхетскаго) католикосата: მკობრ ზუგო ოგო კანგარს ღა მკუწრღა მან ნეტარს მიქელს კათალიკოსს ქანგარისს «явился горделивецъ тотъ [Петръ] въ Кангарію и призвалъ [къ себѣ] блаженнаго Михаила, католикоса Картл-и»,—говорится въ текстѣ. Судя же по *Исторіи Ухтанэса*, Кангаріей (Կանգարք) называлась также та вершина, на которой былъ убитъ делегатъ армянскаго католикоса Авраама къ Кириону, католикосу Грузіи, епископъ Петръ⁵⁾.

Извѣстная доля исторической правды заключается въ указаніи, что

1) Кстати, достойно упоминанія, что духовное образованіе Петръ получилъ въ Константинополѣ.

2) Книга правилъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, Москва 1874, стр. 105; А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 19, 20—21, 32, 73—74, 85; M. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., pp. 128—132, 135—136; О. Жорданія, ц. с., I, стр. 334—335.

3) К. Паткановъ, Армянская Географія VII вѣка по Р. Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому, II-гр 1877, стр. 17, 40.

4) Ibid., стр. 20, 52.—Ср. не выдерживающее критики сближеніе О. Д. Жорданія (ц. с., I, стр. 317, прим. 26 пред. стр.) ქანგარს Кангаріа съ какою-то фантастическою ქანგარს Diara.

5) M. Brosset, Deux historiens arméniens, Paris 1870, p. 331.

нѣкто витязь по имени Саргисъ (Сергій) «построилъ монастырь у подножія Араратской горы» (Հաճն Թեմայի մոտ Սարգիսի մոտ), и именно «вблизи города Двина» (Թեմայի մոտ Դվինի քաղաքի մոտ). Дѣло, конечно, не въ томъ, что Саргисомъ возведены были какія-то сооруженія, а лишь въ томъ, что св. Саргису былъ посвященъ упоминаемый въ текстѣ монастырь «вблизи города Двина». Историкъ Кириакъ Гандзакскій (Киракосъ Гандзак-ец-и) повѣствуетъ, что «послѣ Езра принялъ католикоство владыка Нерсесъ, [и патріаршествовалъ онъ] лѣтъ двадцать; онъ соорудилъ мартіріумъ [во имя] св. Саргиса въ Двинѣ»¹⁾. При этомъ тотъ же историкъ добавляетъ, что «при разрушеніи исмаильтянами города Двина [было вырѣзано] 12 тысячъ [душъ], и кровью вырѣзанныхъ были покрыты алтарь и купель [того мартіріума], а другихъ, числомъ болѣе 35 тысячъ [душъ], забрали въ плѣнъ; кости же убитыхъ предалъ [землѣ] святой патріархъ въ томъ же мартіріумѣ»²⁾. Если принять во вниманіе годы патріаршествованія Нерсеса Строителя (641—661), то станетъ ясно, что постройка «мартіріума во имя св. Саргиса» въ Двинѣ должна быть приурочена къ періоду тѣхъ же годовъ.

Не меньшій интересъ представляетъ также упоминаніе въ текстѣ «Гага» (Գագ), а въ связи съ нимъ и «престола Петра Валяльщика» (Սեդակի թեմայի մոտ Գագի). Подъ названіемъ «Гагъ» извѣстна крѣпость въ предѣлахъ древней Кангаріи, граничащей съ Утіею (Ուտիք)³⁾, т. е. въ нын. Казахскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи. Въ Гагѣ, который былъ расположенъ на равнинѣ того же имени (Գաղան Գաղա)⁴⁾, находилась, между прочимъ, высоко чтимая всѣмъ окружающимъ населеніемъ святыня во имя св. Саргиса (սուրբ Նշան [ваг. խաչ]՝ որ յանուն սուրբ Սարգիսի), сооруженная, по словамъ Кириака и Вардана Бардзрбердскаго, св. Месропомъ Вардапетомъ. Святыню эту Кириакъ описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Была въ Гагѣ святыня (букв. խաչ կրեստ), чудотворная [по отношенію] ко всѣмъ угнетеннымъ и въ особенности плѣннымъ; ибо кто ни прибѣгалъ къ ней отъ всего сердца (բոլորով սրտիւ), тѣмъ самъ святой мученикъ Саргисъ отпиралъ двери темницъ и мѣстъ заточенія (բանտից և արգելանաց) и распутывалъ цѣпи (букв. զերկաթն ջեղնո), и, подъ личнымъ своимъ [предводительствомъ] (մարմնավոր տեսչեամբ), направлялъ

1) Պատմութիւն Հայոց արարեալ Ներսէսի վարդապետի Գանձակեցւոյ (Գուգանի Մանագարան, Գ), Тфл 1910, стр. 58; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 31.

2) Պատմութիւն Հայոց արարեալ Ներսէսի վարդապետի Գանձակեցւոյ, II, 1; M. Brosset, Deux historiens arméniens, c. 1.

3) Մեծիկ վարդապետ Բարդրբերդեցւոյ Պատմութիւն Յիսկերեան, изд. Н. Эмина, Москва 1861, стр. 157; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, пер. Н. Эмина, Москва 1861, стр. 147.

4) M. Saint-Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, II, p. 424.

ихъ къ роднымъ мѣстамъ (*ի տեղիս իւրեանց*); и вѣсть о чудесахъ [, творимыхъ этою святыней,] была распространена среди всѣхъ народовъ; говорили, что она построена святымъ Месропомъ, вардапетомъ нашимъ¹⁾. Намекъ на чудотворную силу Гагской святыни заключается, между прочимъ, и въ шараканѣ (пѣснопѣніи), посвященномъ св. Саргису: «Святой воевода, который принялъ крестную смерть, и имя котораго силою святого креста и церкви совершаетъ чудеса и преимущественно прославлено на вершинѣ Гага, освященной святымъ Месропомъ,—святой Саргись, скорый на помощь, сокрушитель капищъ, будь заступникомъ нашимъ предъ Христомъ»²⁾. Чудодѣйственная сила Гагской святыни, судя по сообщенію нѣкоторыхъ армянскихъ историковъ, была, оказывается, настолько велика, что всякій, подступавшій къ ней съ цѣлю разоренія ея, погибалъ отъ гнѣва Божія³⁾. Объясненіе названія «Гагъ» въ состояніи дать намъ Варданъ Бардзрбердскій: по его мнѣнію, названіе это происходитъ отъ имени царя Гагика I (989—1020), основателя самой крѣпости. «Гагъ», — говоритъ Варданъ, — это «знаменитая крѣпость и провинція, основанная царемъ Гагикомъ; здѣсь находился святой и пользующійся славой, на [весь] видимый міръ, монастырь (*սուրբ և հռչակաւոր ուխտն յԵրեւանի աշխարհի*) съ крестомъ и церковью, сложенными и освященными святымъ Месропомъ, вардапетомъ и перелагателемъ Армянскимъ,—каковой [монастырь] сохранился [и донинѣ] на вершинѣ Гагской и господствуетъ (букв. *հայի տնայ*) надъ широкою и пространною равниною»⁴⁾. Что касается «престола Петра Валяльщика», то имъ, внѣ всякаго сомнѣнія, прикрывается Гагская святыня, т. е. Гагская церковь во имя св. Саргиса (Сергія), «послѣдователя» Петра Валяльщика. Кое-какія свѣдѣнія о Гагѣ и ея святынѣ имѣются также въ новой литературѣ⁵⁾.

Кстати, какъ это ни странно, въ армянской версіи Житія св. Саргиса, переведенной съ сирійскаго языка въ 1158 году⁶⁾, мы не находимъ рѣши-

1) Պատմութիւն Հայոց արքեւշ Կիրակոս վարդապետ Գանձակեցւոյ, стр. 238; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 124.

2) Ср. Н. Эминъ, Шараканъ — Богослужебные каноны и пѣсни Армянской восточной церкви, Москва 1879, стр. 66.

3) См. Իրենի վարդանայ Բարձրերկրցւոյ Պատմութիւն Տիեզերական, стр. 166—167; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 156 и прим. 632 на стр. 162.

4) Իրենի վարդանայ Բարձրերկրցւոյ Պատմութիւն Տիեզերական, стр. 190; Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 178.

5) Л. Инчибянъ, Սարգսութիւն հին Հայաստանի, Венеція 1822, стр. 513—514; С. Джалалянъ, Ժանապարհորդութիւն 'ի մեծն Հայաստան, I, 1842, стр. 157—158; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 31; М. Барухарянъ, Մրցութիւն, Баку 1895, стр. 4, 393, 436.

6) Ստեփանն Հայկական, XVI (Венеція 1854), стр. 11—53. — Въ концѣ Житія имѣется слѣдующая запись: «Թարգմանեցաւ ճառս յառաջանցն 'ի մերս 'ի ձեռն Միխայելի ուրուհի Կրեանարի»

тельно никакихъ свѣдѣній, которыя бы хоть отчасти напоминали собою данныя, подлежащія во второй части занимающаго насъ текста, специально посвященной св. Саргису и его жизнедеятельности.

Что касается упоминаемаго въ сказаніи Курмуха (Հյճմյիս), то онъ, по всей видимости, былъ расположенъ по близости Кангарской области, въ частности Гага, если конечно, не пожелаемъ въ этомъ именно Курмухъ видѣть Հյճմյիս Курмухъ Ингилои (Кумухъ въ Дагестанѣ).

Безусловнымъ анахронизмомъ въ текстѣ, какъ это, между прочимъ, весьма справедливо отмѣчено и О. Д. Жорданія, является упоминаніе «султана»¹⁾, а равно «агарянъ», тогда какъ институтъ «султановъ», возникшій въ связи съ «сарацинами» (арабами), сталъ извѣстенъ въ Грузіи и Арменіи не ранѣе нашествія арабовъ въ эти страны, имѣвшаго мѣсто въ VII-омъ столѣтіи; слѣдовательно, упоминаніе «султана» отнюдь не можетъ быть связываемо съ описаніемъ событій, относящихся къ V-му вѣку.

Анахронизмомъ, по нашему мнѣнію, является также упоминаніе въ текстѣ картскаго католикоса Михаила (Микеля) одновременно съ Петромъ Валяльщикомъ, ибо послѣдній могъ появиться въ предѣлахъ Арменіи не ранѣе 488 года, т. е. окончательнаго сверженія съ Антіохійскаго патріаршества, а Михаилъ былъ современникомъ царя Вахтанга Горгасала и патріаршествовалъ въ 449—472 гг.; между прочимъ, это тотъ самый Михаилъ или Микель, про котораго хроника *Обращеніе Грузіи* передаетъ, что «онъ ногою ударилъ царя Вахтанга въ лицо»²⁾.

Впрочемъ, вопросъ объ упоминаемомъ въ текстѣ Петрѣ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Необходимо различать *Петра* по прозванію «Кнафея» (Κναφεύς), «Фулона» (Fulon), т. е. «Валяльщика» (арм. Թափիչ, груз. ღვაწლადონი), или даже «Волка», который нѣсколько разъ занималъ престолъ Антіохійскаго патріаршества (въ 471, 475—478 и 485—488 гг.), а затѣмъ, будучи окончательно низверженъ съ этого престола и изгнанъ изъ Антіохіи, сталъ во главѣ сирійскихъ монофизитовъ, и *Петра*, епископа армянскаго, который въ періодъ напряженной переписки, поведшей къ разрыву родственныхъ церквей, былъ делегированъ армянскимъ католикосомъ Авраамомъ къ Киріону, католикосу Грузіи³⁾. И несмотря на то, что обоихъ этихъ

բաճառով սարգիս, եւ յարմարեցաւ ըստ կար յԵրուսմէլուի շարադրութեամբ 'ի Ներսիսե եպիսկոպոսե յԵղբորե կաթողիկոսի Հայոց Գրիգորիոսի 'ի Թուսբերութեանն Հայոց ՈՒՅ» (стр. 53).

1) О. Жорданія, п. с., I, стр. 318, прим. 26.

2) Е. Такайшвили, Источники Грузинскихъ Лѣтописей—Три хроники, СМК XXVIII, отд. I, стр. 35.

3) М. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 331; М. Brosset, Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, p. 122, 123.

«Петр»овъ отдѣляетъ другъ отъ друга промежутокъ болѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе (Петръ Антиохійскій около 488 г., Петръ Армянскій въ 594—598 гг.)¹⁾, ихъ обыкновенно путаютъ, подчасъ называя Петра Антиохійскаго «епископомъ армянскимъ», а Петра армянскаго «Петромъ-Волкомъ». Такъ, напримѣръ, въ одной изъ версій сказанія объ арцивуріевоу постѣ, передаваемой въ *didaskalia chronikhi*, учредителемъ поста считается «епископъ армянскій» Петръ, по прозвищу *lukopetros*²⁾, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ разумѣется именно Петръ-Волкъ не армянскій, а Антиохійскій. Съ другой стороны, интересно сообщеніе Киріака Гандзакскаго, что молъ Петра, епископа армянскаго, «грузины за присущую ему смѣлость прозвали Волкомъ» (*ჟირე ჟაბი ჯამარღაღი-ბეაბი ზერაჲ ჴაჟი ჴიჯბიზი ჟღა*)³⁾, тогда какъ подобное сообщеніе какъ разъ къ лицу именно Петру Антиохійскому, который, собственно, и былъ величаемъ «Волкомъ» (арм. *ჴაჟი* груз. *ბეჯჯე*)⁴⁾. Но что болѣе всего изумительно, это то, что и смерть обихъ «Петр»овъ обрисовывается въ совершенно однородныхъ краскахъ: подобно тому, какъ Петръ Антиохійскій погибаетъ отъ меча совмѣстно со своими *діаконами*⁵⁾, и Петръ Армянскій умерщвляется на горѣ Кангарской совмѣстно съ двумя *діаконами*⁶⁾.

Просматривая нашъ текстъ, можно замѣтить, что какъ будто и онъ различаетъ двоихъ «Петр»овъ. По крайней мѣрѣ, если обстоятельство это и не выражено въ текстѣ вполне опредѣленно, зато оно само даетъ о себѣ знать при тщательномъ анализѣ занимающаго насъ сказанія. Такъ, во второй части его, озаглавленной «Увѣдомленіе о Субуловѣ сынѣ Саргисѣ», послѣ постатейнаго перечисленія еретическихъ дѣяній Петра Валяльщика, передается о томъ, какъ этотъ Петръ отправляется изъ Арменіи въ Кангарію, т. е. въ юго-восточную часть Грузіи, и призываетъ къ себѣ блаженнаго Михаила, католикаса Картіи, которому и предлагаетъ примкнуть къ исповѣдуемой имъ ереси; но Михаилъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить требованію пришельца, устраиваетъ ему засаду: высшіе представители грузинской церковной іерархіи, во главѣ съ самимъ

1) Католикосъ Авраамъ въ 594—617 гг., католикосъ Киріонъ въ 572—598 гг.; слѣдовательно, время пребыванія епископа Петра въ Кангаріи опредѣляется 594—598 гг.

2) PG XCIX, col. 1700; И. Мансветовъ, ц. с., стр. 49—50.

3) *ჟამარღაღი-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი ჴირე-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი*, стр. 46; M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 24.

4) Ср. *ჴირე-ბეაბი*, стр. 491; Θ. Жорданія, ц. с., I, стр. 321.

5) *ჴირე-ბეაბი*, стр. 328.

6) *ჟამარღაღი-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი ჴირე-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი* *ჴირე-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი* *ჴირე-ბეაბი ჴაჟი-ბეაბი* (ა. ჴაჟი-ბეაბი *ჴაჟი-ბეაბი*, 7), Тфл 1911, стр. 105.

католикосомъ, забрасываютъ его камнями, и, такимъ образомъ, онъ, Петръ, не успѣвъ возвратиться къ себѣ въ Арменію, погибаетъ подъ небомъ негостепріимной страны Кангарской. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для расшифровки того преданія, на которое указываетъ Ухтанасъ. «Иверійцы, — говоритъ онъ, — сохранили до нашихъ дней [такого рода] сказаніе, которое передается изъ потомства въ потомство (отъ родителей къ дѣтямъ): «якобы вашъ (т. е. армянскій) волкъ-Петръ былъ умерщвленъ нашею (т. е. грузинскою) знатью на горѣ Кангарской»¹⁾. Хотя, въ силу вышеизложеннаго, подъ Петромъ-Волкомъ слѣдовало бы разумѣть Петра Антиохійскаго, однако, въ данномъ случаѣ, подъ нимъ, судя по всему, слѣдуетъ разумѣть именно Петра, епископа армянскаго, прозваннаго волкомъ въ подражаніе Петру Антиохійскому, и который могъ дѣйствовать въ Грузіи въ промежуткѣ 594—598 годовъ, т. е. на столѣтіе позже изгнанія Петра Валяльщика изъ Антиохіи, имѣвшаго мѣсто въ 488 году.

Крайне любопытно указаніе, якобы Петръ Валяльщикъ «красилъ [свою] бороду золотомъ» (օղջօղջ ֆրժելս արծաթօ). На что это указаніе намекаетъ, — трудно сказать. Однако, подобное дѣяніе грузинскіе источники приписываютъ и другимъ представителямъ «армянской ереси». Такъ, напримеръ, въ трактатѣ «Пренія между старцемъ Евсеиміемъ Долгимъ и Сосеемъ, учителемъ армянъ», Евсеимій считаетъ долгомъ напомнить Сосеену, какъ армянскій католикосъ Нерсесъ «красилъ бороду золотомъ» и какъ этою же ересью былъ зараженъ «экономъ» (օրհանգիստ) Нерсеса, Сергій, благодаря чему оба они «исполняли волю дьявола»²⁾. Источникомъ же подобныхъ указаній, очевидно, служитъ свидѣтельство армянскихъ лѣтописцевъ, въ частности Асоѣика, относительно армянскаго католикоса Іоанна Одаунскаго (718—729), который, будучи очень красивъ собою и украшенъ всѣми добродѣтелями, «въ сѣдую свою бороду, умащенную благовоннымъ масломъ, вдувалъ «мелкій золотой порошокъ»³⁾.

* *

Здѣсь мы умышленно обходимъ молчаніемъ вопросъ объ упоминаемой въ сказаніи собацѣ, ибо вопросъ этотъ, какъ имѣющій спеціальное этнологическое значеніе, надлежитъ разсмотрѣть въ связи съ вопросомъ объ

1) M. Brosset, Deux historiens arméniens, p. 331.

2) М. Сабининъ, ц. с., стр. 617.

3) Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго, Асохика по прозванію, пер. Н. Эмина, Москва 1864, стр. 75.

Arlēz-Aləṣkintər'ax¹⁾, котораго намѣревается коснуться Н. Я. Марръ въ специальной работѣ²⁾).

Помимо свѣдѣній историческаго характера, занимающій насъ текстъ изобилуетъ также данными догматико-полемическаго содержанія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія содержащееся въ сказаніи обвиненіе Петра Валяльщика въ томъ, что онъ, прибывъ въ страну Арменійскую, сталъ распространять ересь и, между прочимъ, допустилъ, такъ сказать, «послабленіе» при соблюденіи постнаго режима въ томъ смыслѣ, что якобы въ дни субботы и воскресенья св. Четырдесятницы разрѣшилъ ѣсть яйца и молочные продукты. Насколько это обвиненіе соответствуетъ дѣйствительности,—не рѣшаемся сказать, ибо мы не располагаемъ на этотъ счетъ рѣшительно никакими свѣдѣніями изъ писаній древне-армянскихъ историковъ³⁾, да и въ современной практикѣ армянской (арменійской) церкви мы ничего подобнаго не замѣчаемъ. Однако, интересъ къ выставленному въ сказаніи обвиненію армянъ въ послабленіи постнаго режима еще болѣе усугубляется, когда мы аналогичное обвиненіе находимъ въ актахъ VI-го вселенскаго собора. Напримѣръ, правило 56 славяно-русской версіи ихъ гласитъ: «Увѣдали мы... яко въ Арменской странѣ, и въ иныхъ мѣстахъ, въ субботы и въ воскресные дни святыхъ Четырдесятницы, ѣдятъ нѣкоторые сыръ и яйца. Того ради за благо признано и сіе, да Церковь Божія, по всей вселенной слѣдуя единому чину, совершаетъ постъ, и воздерживается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того, отъ чего воздерживаемся. Аще же сего не будутъ соблюдать: то клирики, да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены»⁴⁾. По сравненію съ славяно-русскою версіею, грузинская версія тѣхъ же актовъ идетъ еще дальше. Въ послѣдней правилу 56 греческой и славянской версіи соответствуетъ канонъ 17, но въ болѣе пространномъ видѣ. Ко всему тому, что имѣется въ греко-славянской версіи, версія грузинская добавляетъ комментарий слѣдующаго содержанія (приводимъ нѣсколько сокращенно): «Слыхали, что въ странѣ армянской молочные продукты, рыбу, елей и вино считаютъ за одно, и это неразуміе и искушеніе врага», потому что «въ дни поста ѣсть молочное ни въ субботу и воскресенье, ниже въ другіе дни никому не разрѣшается, а что касается рыбы, елей и

1) Ср. Н. Джанашія, Религіозныя вѣрованія абхазовъ, ХВ, IV, стр. 81—82; Н. Марръ, О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ, тамъ-же, стр. 128.

2) Н. Марръ, *ibid.*, прим. 1.

3) Ср. постановленіе Маназкертскаго собора 726 г. о разрѣшеніи рыбы, елей и вина во время великаго поста и въ другіе установленные дни (*ibid.*, стр. 74).

4) Книга правилъ святыхъ апостолъ *etc.*, стр. 105.

вина, нужно поститься насколько есть силы, но и разрѣшается ѣсть ввиду слабости здоровья или иной уважительной причины; въ праздникъ же Благовѣщенія — буде онъ случится въ [Великомъ] посту, все равно какой бы ни былъ день — разрѣшается принять рыбу, ея и вина»¹⁾. Отсюда понятно, почему въ трактатѣ «Пренія между старцемъ Евѣиміемъ Долгимъ и Сосееномъ, учителемъ армянъ», Евѣимій упрекаетъ, въ лицѣ Сосеена, армянъ за то, что послѣдніе «облегчили себѣ дни субботы и воскресенья [въ недѣли] поста [яденіемъ] ея и, такимъ образомъ, выказали [себя] солидарными съ персами»²⁾. Повторяемъ, армянская церковь, по крайней мѣрѣ въ современной своей практикѣ, не знаетъ ничего подобнаго, почему и остается загадкой, какія собственно основанія имѣлись у участниковъ VI-го вселенскаго собора и послѣдующихъ глоссаторовъ, отцовъ церкви, въ возведеніи на армянъ обвиненія изъ-за допущеннаго ими якобы «послабленія» при соблюденіи постнаго вообще режима, въ смыслѣ употребленія въ пищу въ субботы и воскресенья св. Четырдесятницы яицъ и молочныхъ продуктовъ.

Въ связи съ допущеннымъ Петромъ Валяльщикомъ «послабленіемъ» постнаго режима въ св. Четырдесятницу приходится говорить и о приписываемомъ тому-же Петру установленію поста «аладжор-и» — «арцивурій». Мы, конечно, не имѣемъ намѣренія подвергать критикѣ тотъ пасквильный тонъ, которымъ отличается занимающее насъ изложеніе объ этомъ постѣ, якобы установленномъ въ честь собачки, которая называлась «аладж» — «арцивур». Въ своемъ мѣстѣ мы уже указывали, что не отъ термина «аладжор-и» — «арцивурій», имѣющаго въ своемъ основаніи кличку собачки «аладж-арцивур», беретъ начало арм. терминъ «араджавор», а, наоборотъ, этотъ послѣдній, будучи транскрибированъ въ соотвѣтствіи съ звуковыми нормами грузинскаго и греческаго языковъ черезъ «аладжори» — «арцивурій», былъ возведенъ, такъ сказать путемъ дедукціи, къ фантастическому прозвищу собачки «аладж» — «арцивур».

Но каково бы ни было обиходное значеніе «араджавор» — «аладжор» — «арцивуріева» поста, послѣдній по существу, съ канонической точки зрѣнія, отнюдь не считался еретическимъ. По крайней мѣрѣ, на этотъ счетъ мы не имѣемъ какого-либо каноническаго постановленія, либо авторизованнаго соборнаго опредѣленія. Даже Никонъ Черногорецъ, учитывая это обстоятельство, замѣчаетъ: «О постѣ его же постятъ Армени арциүрія [ради], во святыхъ соборѣхъ ничтоже о сихъ воспоминають, развѣ Іоаннъ

1) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 92—93, ср. стр. 145—146; М. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., pp. 131—132.

2) М. Сабининъ, ц. с., стр. 617—618.

митрополитъ Никейскій списавый на армени»¹⁾. Что касается грузинской версіи правилъ VI-го вселенскаго собора, въ которой сохранились опредѣленные постановленія касательно «аладжор-и», то она въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого значенія въ виду того обстоятельства, что въ ней мы имѣемъ вольную обработку (изводъ) греческой редакціи «Правилъ», притомъ обработку, продѣланную лишь въ аеонскій періодъ грузинскаго подвижничества.

При такомъ положеніи вещей, тѣмъ не менѣе, представляется нѣсколько страннымъ, что подлинное *церковное* отношеніе къ «араджавор» — «арцивуріеву» посту совершенно не согласовалось съ *каноническимъ* воззрѣніемъ на тотъ-же постъ, а наоборотъ совпадало съ обиходнымъ народнымъ взглядомъ на него, какъ на произведеніе опредѣленной еретической среды. Согласно церковному воззрѣнію, арцивуріевъ постъ, — говоритъ И. Мансветовъ, — «былъ постомъ еретическимъ, рѣзкимъ проявленіемъ вѣроисповѣдной розни, своего рода знаменемъ, подъ которымъ собирались сторонники этой секты, относясь къ нему, какъ къ своему дорогому историческому наслѣдію. Въ виду такого значенія постъ этотъ дѣйствительно былъ большою нравственною силою и вызывалъ рѣзкіе нападки со стороны православныхъ; они отзывались о немъ иногда слишкомъ жестоко, судили слишкомъ строго, но точкою отправленія служила для нихъ та совершенно вѣрная мысль, что не постъ самъ по себѣ заслуживаетъ порицанія, а отступленіе отъ единства съ церковью — мысль, которую они не теряли изъ вида даже въ запальчивой полемикѣ»²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что соблюденіе армянами «араджавор»-скаго поста, который нѣкогда считался общимъ для армянъ, грузинъ и сирійцевъ, а съ теченіемъ времени сдѣлался предметомъ нападковъ со стороны грузинъ, отнюдь еще не можетъ быть, само по себѣ, сочтено за признакъ, удостоверяющій принадлежность этихъ именно армянъ къ монофизитскому толку, какъ это вообще допускаютъ многіе.

Если занимающее насъ сказаніе объ «аладжор»скомъ постѣ и представляетъ кое-какую цѣнность для вопроса о монофизистствѣ армянъ, то только въ отношеніи той части его, гдѣ трактуется о трисвятой пѣснѣ въ редакціи Петра Валяльщика, принятой армянами еще во второй половинѣ V-го вѣка и съ того-же времени введенной ими въ богослужебную практику родной церкви³⁾. Редакція эта, сохраненная армянскою церковью и до настоящаго

1) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 52—53.

2) Ibid., стр. 51—52.

3) Епископъ Карапетъ, *Գործ Կաթողիկոսի* etc., Эчмиадзинъ 1914, стр. I.XXIII—LXXV. Христіанскій Востокъ.

времени, разнится отъ католической редакціи, собственно говоря, лишь тѣмъ, что въ ней послѣ слова «безсмертный» прибавляются выраженія: «за насъ распятый» (иже распныйся за ны), т. е. вмѣсто *սուրբ անմահ սուրբ և հաււր, սուրբ և անմահ, զորմէս մէզ* «Святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертный, помилуй насъ»¹⁾ поется *սուրբ անմահ, սուրբ և հաււր, սուրբ և անմահ, որ խաչեցար Վան լեր* «Святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертный, за насъ распятый, помилуй насъ». И за это именно нововведеніе неразъ приходилось отвѣтствовать армянской церкви на протяженіи многолѣтняго существованія своего. Мы видимъ, какъ вопросъ о провозглашенномъ Валяльщикомъ тезисѣ «распятый Богъ», въ числѣ прочихъ вопросовъ догматическаго характера, служилъ предметомъ ожесточеннаго спора въ періодъ полемической переписки между высшей іерархіей армянской и грузинской церквей²⁾. Далѣе, по этому вопросу имѣется специальное постановленіе въ грузинской версіи правилъ VI-го вселенскаго собора; здѣсь канонъ 33, соответствующій правилу 81 греко-славянской версіи³⁾, приводя извѣстіе о томъ, какъ „въ странѣ армянской и нѣкоторыхъ прочихъ земляхъ при пѣніи «Святыи Боже» прибавляютъ «святыи безсмертный, за насъ распятый, помилуй насъ» или, выражаясь на языкѣ этихъ [армянъ], «хачецар»“, постановляетъ: «да будьте прокляты [соблюдающіе сіе]»⁴⁾. За тотъ же тезисъ Валяльщика анафематствуетъ «хачецаровъ, которые суть армяне», параграфъ 13 актовъ помѣстнаго грузинскаго Руис-Урбинскаго собора 1103 г.⁵⁾, равнымъ образомъ обличаютъ вообще армянъ трактаты: «О разрывѣ между Грузіей и Армеліей»⁶⁾ и «Пренія между старцемъ Евиміемъ Долгимъ и Сосееномъ, учителемъ армянъ»⁷⁾.

Независимо отъ грузинской литературы, вопросъ о «расплатомъ Богѣ» фигурировалъ также въ греческой письменности и прежде всего, не считая правилъ VI вселенскаго собора, въ перепискѣ по воссоединенію армянской и греческой церквей, причемъ греки съ своей стороны въ числѣ другихъ условій примиренія съ армянами выставляли, въ качествѣ *conditio sine qua*

1) Такая редакція налицо, между прочимъ, и у армяно-католиковъ.

2) *Գրք թղթ»,* стр. 56; Епископъ Карапетъ, ц. с., стр. 138; И. Джаваховъ, ц. с., п. изд., стр. 535.

3) Книга правилъ святыхъ апостолъ etc., стр. 116.

4) А. Хахановъ, Правила VI вселенскаго собора, ц. изд., стр. 104; М. Brosset, Notice sur un Nomocanon géorgien, cit. loc., p. 135—136; О. Жорданія, ц. с., I, стр. 335.

5) О. Жорданія, ц. с., II, стр. 65.

6) О. Жорданія, ц. с., I, стр. 316—317, 319, 321, 325, ср. стр. 333.

7) М. Сабининъ, ц. с., стр. 615—621.

поп, требованіе, чтобы послѣдніе «пѣли трисвятую пѣснь безъ распныйся за ны»¹⁾. Недаромъ пространныя разсужденія посвящаетъ этому вопросу и Филиппъ Пустынникъ въ трактатѣ «De rebus Armeniae»²⁾. Въ трактатѣ же «Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici» категорически говорится: *Εἰ τις προστίθῃσιν εἰς τὸ, Ἁγίος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος, τὸ, ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς, ἀνάθεμα*³⁾. Отсюда вполне понятно, почему армяне были окрещены греками *χατζιζάριοι*, гесп. *χατζινζάριοι* (отъ арм. *խաչիցար*), славянами «ханзыри» (отъ греч. *χα[τζι]νζάρ*), а грузинами *ხაჩიჯარები* *қаде-ѡаг-п-і* (отъ арм. *խաչիցար*), т. е. принимающими тезисъ Валяльщика *խաչիցար լծ* (Θεός ἐσταυρώθη). Впрочемъ, подъ терминомъ *χατζιζάριοι* греческіе источники не всегда разумѣютъ армянъ, такъ какъ порой они считаютъ нужнымъ провести опредѣленную грань между армянами, хачецарами и яковитами; таково, напр., обличительное постановленіе, заключающееся въ трактатѣ «Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici»: *ἀναθεματίζω τὴν αἵρεσιν τῶν Ἀρμενίων, καὶ τῶν Χατζιζαρίων, καὶ τῶν Ἰακωβιτῶν*⁴⁾, — гдѣ терминъ *χατζιζάριοι*, внѣ всякаго сомнѣнія, является синонимомъ термина «тетрадиты». Подъ именемъ же тетрадитовъ, хорошо извѣстныхъ въ богословской наукѣ, обыкновенно разумѣются манихеи и послѣдователи Петра Валяльщика за то, что они признавали не Троицу, а четверицу, присоединяя къ трисвятому гимну извѣстное прибавленіе⁵⁾.

Въ своей замѣткѣ «Тезисъ Θεός ἐσταυρώθη у армянъ»⁶⁾ мною указывалось, каково отношеніе армянской антихалкедонитской церкви къ нововведенію Петра Валяльщика, причемъ тамъ-же мной были отмѣчены всѣ, какія только существуютъ, разновидности прибавленія къ трисвятому гимну, употребляемыя при богослуженіи этою-же церковью, однако, въ строго опредѣленные дни. Непосредственное же знакомство съ подобными альтернативными формами интересующаго насъ прибавленія къ «Святыи Боже», безусловно, приводитъ насъ къ тому заключенію, что пѣснь эта церковью армянскою отнесена къ единому лицу Іисуса Христа. И въ этомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, весь корень зла, весь фундаментъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя обычно сыплются на голову армянъ съ обличеніемъ ихъ въ принадлежности къ толку «единоестественниковъ» или, по греческой

1) Ср. Н. Эминъ, Синодальное слово Нерсеса Ламбронскаго, архіепископа Тарсійскаго, Москва 1865, стр. 68.

2) PG CXXXII, col. 1237—1258, особенно 1241, 1245.

3) Ibid., col. 1260.

4) Ibid., col. 1257.

5) Ср. И. Мансветовъ, ц. с., стр. 44 и прим. 3 тамъ-же.

6) ХВ, III, стр. 198—199.

терминологіи, «монофизитовъ». И дѣйствительно, если даже оставить въ сторонѣ вопросъ объ исповѣдуемыхъ армянскою антихалкедонитскою церковью догматахъ, то одно только отступленіе этой церкви, въ богослужебной своей практикѣ, отъ католической редакціи трисвятого гимна даетъ достаточный *raison d'être* для соотвѣствующихъ нареканий. Вотъ почему не удивительно, что извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ Кавказа Муравьевъ, посѣтившій Эчмиадзинъ и имѣвшій случай слышать тамъ пѣніе трисвятой не въ католической редакціи, не могъ не высказаться слѣдующимъ образомъ: «Церковь Армянская отнесла къ единому лицу Господа Иисуса трисвятую пѣснь: «Святыи Боже, Святыи Крѣпкій, Святыи Безсмертный», которую вся Церковь воспѣваетъ въ честь Святыя Троицы; и хотя, при такомъ изъясненіи словъ: «распныйся за ны» и другія, прибавляемая ею къ сей пѣсни, не заключаютъ собственно ереси, ибо и Господь нашъ есть Богъ, святыи, крѣпкій и безсмертный; однако такое отклоненіе Армянъ отъ вселенскаго согласія возбудило противъ нихъ нареканіе въ ереси Евтихіевой, приписывающей страданіе Божеству»¹⁾.

* * *

«Араджавор» — «аладжор» — «арцивуріевъ» постъ, приходясь обыкновенно за 3 недѣли до великаго поста или за 70 дней до Пасхи²⁾, въ практикѣ армянской церкви дѣйствительно выполняетъ роль «передового» или «предварительнаго» (Գոյնաբան) поста по отношенію къ Четырехдесятиницѣ, и въ дни его, такъ же какъ и въ дни великаго поста (за исключеніемъ субботы и воскресенья), безусловно воспрещается совершеніе литургіи. Примѣнительно же къ практикѣ восточно-католической церкви, онъ совпадаетъ съ недѣлю «всеѣдною», такъ называемою благодаря тому обстоятельству, что въ среду и пятницу этой послѣдней дозволялось ѣсть скоромное. Существуютъ даже данныя о томъ, что недѣля «всеѣдная» установлена практикою восточно-католической церкви, главнымъ образомъ, благодаря мотивамъ полемическаго характера, и именно въ противовѣсъ «араджавор»скому посту. Не то, Никонъ Черногорецъ и Николай Грамматикъ не старались бы ослабить полемическій мотивъ этой недѣли и возстановить ея положительное значеніе, безъ нарушенія строгости церковныхъ правилъ, разрѣшеніемъ поста въ среду и пятницу только въ тѣхъ мѣстностяхъ и для тѣхъ, кто жи-

1) Муравьевъ, Грузія и Армения, II, II-гр 1849, стр. 211—212, ср. стр. 89—90, 241, 332—330.

2) Ср. В. Болотовъ, Объ армянскомъ церковномъ годѣ, XV, I, стр. 269, 271.

ветъ съ армянами, чтобы избѣжать подозрѣнія въ солидарности съ ними¹⁾. Въ частности, Николай Грамматикъ въ своемъ отзывѣ объ этой недѣлѣ высказывается въ томъ смыслѣ, что разрѣшать постъ въ продолженіе всей этой недѣли не слѣдуетъ. «Въ эти дни, — говоритъ онъ, — многіе имѣютъ обычай своевольно разрѣшать постъ въ среду и пятницу, такъ что міряне ѣдятъ тогда мясо, а монахи сыръ, худо разсуждая и поступая. Если они происхожденія армянскаго и прежде держались ереси арцивурія, хорошо поступаютъ, уничтожая этимъ всякое подозрѣніе. Если же происходятъ отъ православныхъ предковъ, то ихъ предлогъ для разрѣшенія поста не имѣетъ силы. Ибо армяне всю недѣлю постятъ, питаются однимъ хлѣбомъ, солью и водою, мы же разрѣшаемъ, начиная со вторника, и этимъ однимъ [днемъ] показываемъ, что не имѣемъ общенія съ ними»²⁾.

Если «араджавор»скій постъ примѣнительно къ практикѣ восточно-кафолической церкви совпадаетъ съ недѣлю «всеѣдною», то примѣнительно къ практикѣ армянской церкви онъ обыкновенно совпадаетъ съ праздникомъ, установленнымъ въ честь св. Саргиса (Сергія) и приходящимся въ субботній день той-же недѣли, т. е. вслѣдъ за окончаніемъ самаго поста, продолжающагося всего пять дней — съ понедѣльника до пятницы включительно. Въ виду такого совпаденія «араджавор»скаго поста съ праздникомъ св. Саргиса, самый постъ часто называютъ «постомъ св. Саргиса»: по-арм. *սարգիսի օր* *սարգիսի օր*, по-груз. *სარგისის დღე* (вульг. *სარგისის დღე*); кромѣ того, благодаря этому обстоятельству на Руси недѣля Мытаря и Фарисея называлась Саркисовою или Черкизовою³⁾.

Подъ именемъ св. Саргиса (Сергія) разумѣется одинъ изъ главныхъ дѣятелей по распространенію христіанства въ Персіи, по національности, какъ полагаютъ, грекъ. Будучи гонимъ Юліаномъ Отступникомъ и явившись сначала къ армянскому царю Тирану II, а затѣмъ къ персидскому царю Шалуху, онъ виѣстѣ съ сыномъ своимъ Мартиросомъ (Мартиріемъ) погибъ отъ руки этого Шалуха⁴⁾. Популярность Саргиса въ Персіи и Арменіи была настолько велика, что онъ по настоящее время высоко почитается не только армянами, но и шитами-мусульманами, которые называютъ его «хыдыр-наби», т. е. пророкъ-спаситель, и нерѣдко молятся ему, зажигая предъ его образомъ, разумѣется, тамъ, гдѣ таковой имѣется, свѣчу. Армяне же принимая Саргиса за мученика, гонимаго за вѣру, причислили его къ лику

1) И. Мансветовъ, ц. с., стр. 52.

2) Ibid., стр. 53.

3) Ibid., стр. 49.

4) См. пространное житіе св. Саргиса въ *Սարգիսի օր*, кн. XVI, стр. 11—53.

святыхъ, установивъ въ честь него специальный праздникъ, обыкновенно приходящийся въ субботній день вслѣдъ за исходомъ «араджавор»скаго поста. Что же касается грековъ, то они не только не приняли и не принимаютъ Саргиса за мученика, но даже, причисливъ его къ категоріи ересіарховъ, всячески его проклинаютъ.

Такъ какъ праздникъ св. Саргиса почти всегда приходится на февраль или, въ крайнемъ случаѣ, на конецъ января, то у армянъ и сложилось повѣріе, что святой втеченіе пятидневнаго поста «араджавора» непременно подыметъ страшную мятель, чтобъ задушить невѣрующихъ въ него, подобно Юліану Отступнику, лицъ. Обвиненія же, выставляемыя греками противъ св. Саргиса и передаваемые ими на разные лады, исключительно касаются похищенія греческой (византійской) царевны и того соучастія, которое Саргисъ якобы принималъ въ подобномъ злодѣяніи; даже болѣе того, Саргиса обвиняютъ въ томъ, что, когда приближенные царя, въ видахъ спасенія царевны, погнались за нимъ (Саргисомъ), то онъ поднявъ страшную мятель и бурю, задушилъ всѣхъ. Аналогичная легенда сохранилась также у грузинъ: будто св. Саргисъ, поднявъ бурю, задушилъ новобрачную чету грузинской національности въ то время, когда чета эта, по совершеніи бракосочетанія, направлялась изъ церкви на свадебный пиръ. Въ связи съ этимъ и у армянъ существуетъ повѣріе, что св. Саргисъ, будучи вообще мстителемъ по отношенію къ ромеямъ (*Հռոմէ*), т. е. приверженцамъ греческаго исповѣданія, въ недѣлю «араджавора» душитъ путешественниковъ-ромеевъ. Въ Борчалинскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., по словамъ Е. А. Лалаяна, существуетъ такого рода повѣріе: будто св. Саргисъ, «затаивъ доселѣ злобу, ежегодно душитъ одного грека или грузина»¹⁾. Е. Шаһазизъ отмѣчаетъ поговорки, сохранившіяся доселѣ въ средѣ армянъ Нахичевани-на-Дону; какъ только въ праздникъ св. Саргиса или въ дни предшествующаго ему поста «араджавора» подыметъ мятель или засвирѣпствуетъ буря, или просто подуетъ вѣтерокъ, нахичеванцы-армяне говорятъ: «*Սարգիսը Հռոմի պիտ խըղղէ*» «св. Саргисъ долженъ задушить ромея», resp. «*Սարգիսը Հռոմ չխըղղած չիլալ*» «св. Саргисъ не можетъ не задушить ромея», или «*Սարգիսը Հռոմի պիտ փառցուենէ*» «св. Саргисъ долженъ похитить ромея», resp. «*Սարգիսը Հռոմ չը փառցրած չիլալ*» «св. Саргисъ не можетъ не похитить ромея»²⁾.

Но болѣе всего боятся св. Саргиса грузины. По воззрѣнію послѣд-

1) Е. Лалаянъ, *Բորչալինի գավառ*, Եջ X (1908), стр. 257.

2) Е. Шаһазизъ, *Նոր-Նուօթիկաներ եւ Նոր-Նուօթիկանցիք*, Եջ IX (1902), стр. 14—16.

нихъ, св. Саргисъ (სარგის-სარგისი, resp. სარგ-სარგისი)¹⁾ является покровителемъ молодежи, въ частности жениховъ и невѣстъ и новобрачныхъ чегъ. Вотъ почему тѣ представители молодого поколѣнія, которые соотвѣтственно ищутъ себѣ жениховъ или невѣстъ или помолвлены или, будучи обвѣнчаны, добиваются счастливой супружеской жизни, непременно должны умиловать св. Саргиса. Умиловленіе же св. Саргиса заключается въ томъ, что должно строго соблюсти предшествующій празднику его пятидневный постъ «араджавора», принимаемый ими за «постъ св. Саргиса»²⁾, а тамъ, гдѣ есть возможность, сходить и въ церковь во имя этого святого³⁾ на поклоненіе его иконѣ. Но этого мало. Матери, желающія счастья своимъ дѣтямъ, согласно заранѣе данному обѣту, должны еженедѣльно, преимущественно въ субботу вечеромъ, посѣщать церковь св. Саргиса и зажигать въ ней свѣчу, сотворивъ соотвѣтствующую молитву⁴⁾.

Л. Меликсетъ-Бековъ.

Тифлисъ. 23—IV—1916.

1) Вульгарное произношеніе арм. «սարգիս».

2) Ср. Постъ Сурбъ-Саркиса, «Кавказъ» 1846 г. № 16; А. Кишмишевъ, Св. воевода Сергій, «Тифлисскій Листокъ», 1913 г. № 33.

3) Напр. въ г. Тифлисъ (въ предмѣстьѣ «Сейдъ-Абадъ» или «Харпукъ»), сел. Гурджаани Сигнахскаго уѣзда, сел. Джелалъ-оглы Борчалинскаго уѣзда и др.

4) Настоящая работа была сдана для напечатанія, когда появилась статья прот. Корн. Кекелидзе, *Մարտի 1-ին 1916-ի (Կ. Երևան-ը և Երևանի «Նոր-հայտ»)*, газ. *Ներքայտ*, 5 іюня 1916 г., № 124, имѣющая отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

Грузинскій великій номоканонъ по спискамъ Тифлисскаго Церковнаго Музея.

(Окончаніе; начало въ XV, II, 349—377).

D. Дополнительные статьи.

Дальнѣйшее содержаніе рукописей различно, и точки соприкосновенія обнаруживаются только въ частностяхъ.

Въ А слѣдуютъ:

ა) 474—495 ძეგლისწერაჲ წის და ღთოვ შეგებლის კრებისაჲ. რნი შემოკრბა ბრძანებითა კთლდ მსახურისა და ღთვ დაცუჯლის მეფისა ჩნისა და აფხაზთა და ქართველთა რანთა და კახთა მეფისთა პირთა თჳს რნი ქაჯემა მოკსენებლ არიან.

(წისავე ხილუჯლისა დაუხილავის...)

«Постановленіе святого и богособорнаго собора, который собрался по повелѣнію благовѣрнаго и богопомазаннаго царя нашего Давида, царя апхазовъ, картвеловъ, рановъ и каховъ, о ниже приведенныхъ дѣлахъ.

(Всего видимаго и невидимаго...)

постановленія Руисо-Урбнисскаго собора 1103 г.

ბ) Покаянный номоканонъ своеобразнаго состава, заслуживающій особаго изученія; онъ начинается, повидному, не съ начала:

496—593 კანნი მექსე კარ-თ გენს შა შეგბლთა რასათშდ-მეტთა ნტრთა მითა. რა სანსებლი ზოჯესთა შრარა იქმნებოდის. (ფოჯ-რტოჯნატოს ექსესმენ თქა. წინა-სწრობილთა კრებათა შა...)

Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συναθροισθέν-των σιζ' μαχαρίων πατέρων χανών ζ'. Ὡστε χρίσμα ἀπὸ πρεσβυτέρων μὴ γίνεσθαι. (Φορτσουνᾶτος ἐπίσκοπος εἶπε. Ἐν ταῖς προλαβούσαις συνόδοις...).

встрѣчаются многочисленныя правила въ срединѣ, напр.:

505 კანნი მეშდე კრთტენს შეგბლთა რასათშდმეტთა ღთ შე-მოსილთა მითა. ძჳრთა შა შთავრდო-

Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συναθροισθέν-των σιζ' θεοφόρων πατέρων χανών ζ'. Περὶ τῆς τῶν ἐν χινδύνῳ χαδεπτῶτων

მიღთა დაგებისა თჳს: (ავრელიოს
ქსესქსმენ თქა: ოჯეთოჯ ძჳრთა შა
შეგრდომილმენ...)

514 კარტეგენის შსის წინა გრე-
ბის კნთა ორმოცდამესმე შემენ-
ნებლთა თს: (რა შემენებლთა ნა-
ცოდებთა განუოფილებისა ებრ...)

с) 593—616 კანნი შეცოდებლ-
თანი აღწერილი ნეტრისა მამისა წინისა
იქს მრ კოსტნტინეპოლელ მთვრე-
შსკესისა წლსა ეწოდა მმარხველ:

(ოჯეებოჯელ იუფენით ვიდ ესე
ნეტრი იქ მმარხველი, ოჯგნსკნელ იუო-
ჟთა მთ რთა სჯლის კნნისა წესნი
აღწერეს... სნ:)

καταλλαγή. (Αὐρήλιος ἐπίσκοπος
εἶπεν· Ἐάν τις ἐν χινδύνῳ καθε-
στῶς...).

Тῆς ἐν Καρθαγένῃ ἀγίας συνόδου
κανὼν μγ'. Περί τῶν μετανοούντων.
(Ὡστε τοῖς μετανοοῦσιν κατὰ τὴν τῶν
ἁμαρτημάτων διαφορὰν...).

Κανόνες ἐπὶ τῶν ἁμαρτανόντων γε-
γραμμένοι ὑπὸ τοῦ μακαρίου πατρὸς
ἡμῶν Ἰωάννου πατριάρχου Κωνσταν-
τινουπόλεως, ὃς Νηστευτῆς ἐκλήθη.
(Ἰστέον, ὅτι ὁ μακάριος οὗτος Ἰωάν-
νης ὁ Νηστευτῆς μεταγενέστερος ἐγέ-
νετο πάντων, οἱ τοὺς τοῦ νομοκάνονος
δρυσὺς συνέταξαν... ἀμήν).

Грузинский текстъ (впервые изд. † А. С. Хахановымъ въ совме-
стномъ съ Н. А. Заозерскимъ трудѣ: Номоканонъ I. П. въ его редакціяхъ
груз., греч. и слав. (Москва 1902), стр. 2 — 90¹⁾) представляетъ собою
сдѣланный св. Евѳиміемъ Святогорцемъ переводъ съ греческаго; но мнѣ
до сихъ поръ не удалось найти такой греч. списокъ номоканона, который бы
соотвѣтствовалъ груз. переводу. Впрочемъ, наблюденіе надъ составомъ и тек-
стомъ перевода и греческихъ редакцій заставляетъ предполагать, что
св. Евѳимій самостоятельно переработалъ свой оригиналъ и переводилъ,
пользуясь не одной какой-нибудь греческой редакціей (=рукописью), а по
крайней мѣрѣ двумя.

Совершенно другой составъ дополнительныхъ статей въ В:

а) 563—565 წდის ბასილის
კანონთა გნ: მონასტრისა შიხს: ენი-
ვეტა წესიერად არიან:

(მონაზონებან რნ ფოჯრის სხველი
ღე...)

Τοῦ ἁγίου Βασιλείου ἐκ τῶν κανό-
νων <τοῖς> ἐν τῷ μοναστηρίῳ <ἀσχοῦσι>
πάντες κατὰ τάξιν.

(Μοναχὸς ὁμνύων ἐπ' ὀνόματι τοῦ
Θεοῦ...)

ბ) въ концѣ приписанъ другимъ почеркомъ конецъ номоканона Іоанна
Постника (изд. Хаханова, стр. 92):

1) Полная неудовлетворительность этого изданія отчетливо сознаана всѣми и отмѣчена
уже Н. Я. Марромъ (Виз. Врем., 1906, XII, 191—192); поэтому крайне необходимо новое
изданіе.

556—566 ნოჲ უამითა განიკითხუ და განაწესებ კანონსა მონაზოვლთას.
...მადლობითა ღმრთისათა. მათ თუთ მისცენ სტუჲ შინ წილ შემოქმედის უღთსას.
რელიისა არს ღმრთი რაჲგჲნა:

566—568 пустыя (на стр. 566 заняты 2 верхнія строки).

ც) 569—571 თოჲ გრ ჯერ არს
შეწენარებაჲ: რი ჭოჯრითა გნ სარწ-
მოჯნობასა ქკანეთასა მოჯგდებოდის:
Goari Euchol., 282.

დ) 571—578 აღწერაჲ რუსოჲ-
ღესი რე: თოჲ გრ ჯერ არს შეწენარე-
ბაჲ რი ჭოჯრითა გნ სარწმოჯნობასა
ქკანეთასა მოჯგდებოდის:

Πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων
τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχόμε-
νον.

Ἐκθεσις ἀκριβεστάτη περὶ τοῦ
πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων
τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχό-
μενον.

PG, I, 1455—1461; A. A. Дмитриевскій, Богослужение въ русск.
церкви XVI вѣка, прилож., 68—82.

ე) 578—586 წესი რი იქმნების
მოქცეოჯღესა ზა სარკინოზთა გნ. წისა
მამარს და ჭეშმარიტის სარწმოჯ-
ნობისა ნნ ქკათაჲსა:

PG, CXL, 124—135.

ფ) 587—593 შემოჯნობანი იაკო-
ბიტთა და უღთა ერთობაჯნობათანი.
რელითა თანა არიან სომეხენიცა:

(რელი სარკელის მისგნ წყაღების
იაკობიტთა და ხაჩეცარითა... ეს არს
ნოჯგოჯღებაჲ ასლმონათლეთაჲ):

გ) 593—600 სარწმოჯნობის თჳს
ენების ქკისისა: და უღ ღმრთის მანე-
ბელნი არიან მეტოჯნობანი უღ წო-
ოჯგოჯღაჲ რელი ჯრს ეცოჯ და იენე:

(სარწმოჯნობა რელიჯელ კანთა უღ
ბრძენთაჲ არს თქოჯმაჲ... შესაძლებელ
არიან თქოჯმაჲ):

კითხვაჲ მთ და მიმართოვე მამხილე-
ბელ ღმრთისენობაჯღების მათისაჲ:

რელი ითქოჯმის ჯრწმოჯღაჲ... და
თქნ თანა მომიოჯნობელისცა მისისა):

Τάξις γινομένη ἐπὶ τῷ ἀπὸ Σαρα-
κηνῶν ἐπιστρέφοντι πρὸς τὴν καθαρὰν
καὶ ἀληθῆ πίστιν ἡμῶν τῶν χριστια-
νῶν.

Ἀποτάξεις τῶν Ἰακωβιτῶν καὶ πάν-
των τῶν Μονοφυσιτῶν, ἐν οἷς εἰσιν καὶ
οἱ Ἀρμένιοι.

(Οἱ τινες ἀπὸ τῆς αἰρέσεως τῶν Ἰα-
κωβιτῶν καὶ Χατζιτζαρίων... ὡς ἐστὶν
ἐθὺς τοῖς νεοφωτιστοῖς).

Περὶ τοῦ σωτηρίου πάθους τοῦ Χρι-
στοῦ· καὶ ὅτι θεοπασχῆται εἰσιν οἱ λέ-
γοντες τό. Ἅγιος ἀθάνατος ὁ σταυρω-
θεὶς καὶ παθὼν.

(Ὁρος ἄριστος ἀνδρῶν πανσοφωτά-
των τυχάνει λέγων... καὶ τὸ θνητὸν αὐ-
τοῦ σῶμα μία φύσις λέγεσθαι δύνανται.

Ἐρώτησις πρὸς τοὺς αὐτοὺς ἐλέγ-
χουσα τὴν θεοπασχίαν αὐτῶν.

Ὅν λέγετε σταυρωθέντα... καὶ σὺν
ὑμῖν τοῦ ποιήσαντος αὐτόν.

изъ 'Οδηγός Анастасія Синаита глава 12-я (PG, LXXXIX, 196—204).
601 пустая вся.

h) 602 აღწერა და აღწერება მარ-
თელის სარწმუნოებისა და წთა გრე-
ბათა თჳს: წელთა ჟერ არს უღთა ქმ-
ანეთა თჳს. რა გეთილად და გამოწყ-
დოვით მეცნიერ იწუნენ.

(მწწმის ერთი ღი... და ცნებაჲ
მეცნიერ სგნისსა ნი):.

обычный символъ вѣры.

i) 602—603 წთა ფოტო მატრი-
ცის აღწერაჲ.

(ესრეთ მწწმის და აღწერაჲ ერთდგე
სამცქელა ეკლესიასა შა დაფუძნებულ-
დი და ქადაგებულადი სარწმუნოებაჲ.
შევიწყნარებ წთა და მსოფლიოთა მჯდთა
გრებათა... ნი):.

сходно съ главой 5-й посланія патр. Фотія къ папѣ Николаю I (изд. Ва-
лѣтца, 140—142; Fabricii Bibl. Gr. ed. Harles, XII, 349—351).

k) 604—619 безъ заглавія вопросы и отвѣты:

ერთხელ. ღთისმეტყულებისა შა რა-
დენტა აღწერაჲ ბოჯნებათა: მიგბე
ერთის:

ერთხელ. წელსა: მეგბე ღთობის-
სა:

ერთხელ. რაჲ არს ღი: მეგბე არსბე
რუმინეზოჲ მიზეზი უღ ძლიერნი. ბოჯ-
ნებისა რუმინეთისა არსებობა:

ერთხელ. რაჲ არს არსებაჲ: მეგბე.
საქმე თჳთ არსი....

'Ομολογία καὶ ἔκθεσις τῆς ὁρθο-
δόξου πίστεως, καὶ περὶ τῶν ἁγίων
συνόδων, ἀς χρῆθ' ἐδέχασθαι πάντας
χριστιανούς, ἵνα ὁρθῶς καὶ ἀκριβῶς
φρονῶσιν.

(Πιστεύω οὖν εἰς ἓνα θεὸν.... καὶ
ζῶην τοῦ μέλλοντος αἰῶνος, ἀμήν).

Φωτίου τοῦ ἁγίου πατριάρχου ἐπι-
στολῇ.

(Οὕτω πιστεύω καὶ ὁμολογῶ τὴν ἐν
τῇ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ
ἐφιδρυμένην καὶ κηρυττομένην πίστιν,
ἀποδέχομαι τὰς ἁγίας καὶ οἰκουμενικὰς
ἐπτά συνόδους.... ἀμήν).

'Ερώτησις. 'Επὶ τῆς θεολογίας πό-
σας φύσεις ὁμολογεῖς; 'Απόκρισις.
Μίαν.

'Ερώτησις. Ποίαν ταύτην; 'Απόκρι-
σις. Θεότητα.

'Ερώτησις. Τί ἐστὶ θεός; 'Απόκρισις.
Οὐσία ἀνάιτιος αἰτία παναλή, πάσης
οὐσίας καὶ φύσεως ὑπερούσιος.

'Ερώτησις. Τί ἐστὶν οὐσία; 'Απόκρι-
σις. Πρᾶγμα αὐθόπαρκτον...

срав. Моск. Син. Библи. № 432 (у архим. Владиміра № 317), но въ концѣ
отвѣты на вопросы о вселенскихъ соборахъ и помѣстныхъ дають цѣлый
разсказъ о нихъ.

l) 619—620 განხილბაჲ სარწმუნ-
ოებისა: დადებულისა იწინა მრ

"Εκθεσις πίστεως, ἣν Ἰωάννης
ὁ Θεολόγος ἐν ἀποκαλύψει Γρη-

ღთისმეტყუელის გამოცხადებით
საკვრელთმოქმედის გრგლის მტო:
წა სოჯაშენებითა ღთისმშობელისათა:
და ესე იგი სარწმუნოებაჲ არს ჩნსა
თჳს გრგლი საკვრელთმოქმედმან
ილოცა და ჩოჯენებით ღწ ასწავა. და
მან დაწერა ძილსა შინა. და ოდეს გა-
ნელჳსა კელთა აქოჯნდა:.

(ერთ არს ღწ მამა... მდის ესე
სამებაჲ):.

PG, X, 983—988; Pitra, I, 514.

m) 620—622 ლოცვაჲ ღვინებისაჲ
მათ თჳს ჩნს ოჯარისყოფის გწ მოქ-
ცეოჲლ იუგენ ქწანობად: ახლად
თარგმნა ესე გწ:.

(მარათალ ხარ შენ ოწ და წრფელ
არიან განკითხვანი შენნი. რ არა ცოდ-
ვათა შენთა ებრ მომატე ჩწ რ გარდა-
ვქკედით ჩწ მცნებათა შენთა.... სწ):.

Goari Euchol., 689—690.

n) 622 ლოცვაჲ სოჯაჲ ესეცა აღმ-
საარებელსა გე წა:.

(ოწ ღთო ჩნო რწ ჰეტრეს და
მეცაეს... სწ):.

Goari Euchol., 537.

o) 622 სოჯაჲ ლოცვაჲ ებრეთვე
აღმსარებელსა:.

(ღთო მაცხრო ჩნო. რწ წწტულის
ნათანის მიერ. შერადინანს ღთ თჳსთა
ცდვათა თჳს. შნდობაჲ მიანიჭე. და მ-
ნასეს სინანოჯლის თჳს ღწცა შეიწ-
ყნარა შენვე მონადცა ესე შენი სწლით.
მონანოჯ).

Goari Euchol., 536; текст обрывается и даѣе одинъ листь вырѣзанъ.

γορίω τῷ Θαυματουργῷ ὡς κατ'
ἐπιτροπὴν τῆς Θεοτόκου ὑπηγόρευσε.
καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ πίστις, περὶ ἧς
Γρηγόριος ὁ Θαυματουργὸς ἐδε-
ήθη καὶ ὁ θεὸς ἐν ὁράσει ἐδείδαξε.
καὶ ἐκεῖνος ἔγραψεν αὐτὴν ἐν ὕπνῳ
καὶ ὅτε ἐξύπνισεν, ἀνὰ χειρὸς εἶ-
χεν.

(Εἰς θεὸς πατὴρ... τριάς
αἰ).

Εὐχὴ ἱλασμοῦ εἰς τοὺς ἀπὸ ἀρνή-
σεως ἐπιστρέφοντας πρὸς τὸν χριστια-
νισμόν. «ВНОВЬ ПЕРЕВЕЛЪ ЭТУ МОЛИТВУ
Георгій».

(Δίκαιος εἰ σύ, κύριε, καὶ εὐθεὶς αἱ
χρίσεις σου· οὐ γὰρ κατὰ τὰς ἀνομίας
ἡμῶν ἐποίησας ἡμῖν· παραβάντες γὰρ
τὰς ἐντολάς σου... ἀμήν).

Εὐχὴ ἐτέρα ὡσαύτως εἰς τὸν ἐξο-
μολογούμενον.

(Κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ τῷ Πέτρῳ
καὶ τῇ πόρνῃ... ἀμήν).

Εὐχὴ ἐτέρα ὡσαύτως εἰς τὸν ἐξομο-
λογούμενον

(Ὁ θεὸς ὁ σωτὴρ ἡμῶν, ὁ διὰ τοῦ προ-
φήτου Νάθαν μετανοήσαντι τῷ Δαβὶδ
ἐπὶ τοῖς ἰδίοις πλημμελήμασιν ἄφεσιν δω-
ρησάμενος καὶ τοῦ Μανασσῆ τὴν ἐπὶ με-
τάνοιαν προσευχὴν δεξάμενος, αὐτὸς καὶ
τὸν δοῦλον σου τὸν δεῖνα μετανοοῦντα).

p) 623—626 [] ზღისა თჳს
გნებლისა თჳს რისა ჩნისა იჲ ქესა
[] რამისმდე ინე წყეტულს.

(ადამისითგნ: [] მესმა
რამ მავალისა შს და შექმნისა რ ში-
შოჯღვარ და დავიმალე. ერუქისი...
ნათლისმცემლისა. კმაღ ღაღდე-
ბისაღ რუდაბნოსა ზა გნემწადეთ
გზაღ რისაღ ვა თქნ ესაია: ნ იხილა
რამ იჲ მომავალი თქოჯა: აჲ კრავი
ღთისაღ ამხუშელი ტადვათა სოფელი-
სათა.

Τοῦ Ἀδάμ. Τῆς φωνῆς σου, κύριε,
ἤκουσα περιπατοῦντος ἐν τῷ παραδείσῳ,
καὶ ἐφοβήθην ὅτι γυμνός εἰμι καὶ ἐχρύ-
βην¹⁾. Τοῦ Ἑνώχ.... Τοῦ Βαπτιστοῦ.
Φωνὴ βοῶντος ἐν ἐρήμῳ· εὐμύνατε τὴν
ὁδὸν κυρίου, καθὼς εἶπεν Ἡσαΐας. ὅτε
δὲ εἶδε τὸν Ἰησοῦν ἐρχόμενον πρὸς αὐ-
τὸν, εἶπεν· ἰδοὺ ὁ ἀμνὸς τοῦ θείου ὁ αἰ-
ρων τὰς ἁμαρτίας τοῦ κόσμου²⁾.

Въ CDE, хотя и есть отдѣльныя статьи, находящія себѣ параллели въ AB, все же общій составъ совершенно самостоятеленъ и своеобразенъ:

a) C 568—596, D 200—217, E 258—277

კანონი შეგდებლათაი აღწერილი ნეტარისა მამისა ჩნისა ინეს მრ. კო-
სტანტინეპოლელ მთავარეპისკოპოსისა. რსა მმარხველ ეწოდებოდა:

(ოჯწებელ იუვენ გდ ესე ნეტარი ინე მმარხველი რუკანასკნელ იუო რუფროს
ქთა მათ. რთა შჯღის კანონთა წესნი აღწერნეს...)

то же, что въ A подъ d).

b) C 596—613, D 217—228, E 277—289

ძეგლის³⁾ წეკამა წისა და ღთივ შეკრებლისა კრებისა რი შემოკრბა
ბრძნითა კთლდ მსწრისა და ღთივ დაცოჯლისა მეფისა ჩნისა ღთ აფხზითაღ და
ქართულთა რანთაღ კახთაღ მეფისთა პირთა თს რნი ქოჯჭმო მოკსენ ბლ არიან:

то же, что въ A подъ a).

c) C 613—621, D 228—233, E 289—294

ძეგლისწეკამა სწწმნბისაღ რი
აღწერეს წთა მშთა კოსტანტინე-
პოლის შეკრბლთა წთა სტთა თვნის-
ცემისა თს ესე წარკიკთხვის სოფე
წა და ქთა ეკლესიათა პლსა კკესა
წთა მმარხვათსა. წა ქის წირვასა
ზა შემოსილისა მღდელის გნ: გგნ
მშოა.

Ἐκθεσις πίστεως ἣν ἐξεφώνησαν οἱ
ἅγιοι πατέρες, οἱ ἐν Κωνσταντινουπό-
λει συναθροισθέντες, περὶ τῆς προσχυ-
νήσεως τῶν ἁγίων εἰχόνων· ἥτις ἀνα-
γινώσκεται ἐν τῇ ἁγίᾳ Σοφίᾳ καὶ ἐν πά-
σαις ταῖς ἁγίαις ἐκκλησίαις τῇ πρώτῃ
κυριακῇ τῶν ἁγίων νηστειῶν ὑπὸ τοῦ ἱε-
ρέως ἐνδεδυμένου πρὸς τὴν ἱερὰν λει-
τουργίαν. πάντες εὐλόγησον.

1) Быт. III, 10.

2) Сравни. Io, I, 23, 29.

3) პეგლის C.

(მტკლათა ქდეების გნ დამტვიც-
ბოჯღნი და წის სწრბის ბრძნობათა და-
მორჩილბლნი ვდღესწლობთ დღეს
ამის სტოფოჯრბისს და გნხლუების
სწწმნბის ჩნისნ რ ესთა წწელი
იტყჳს... ბასილი და კოსტანტინე
მრთლმდბლთა მეფეთა სწნამცა (под-
разум. არს სწნბლი). და მრთლმდი-
დბლთა მწწმნთა მეფეთა ჩნთა მრლმცა
არინ წელიწადის მათისანი: კდცა
ვიტყჳს გერმანეს ტრასისა ნიკი-
ფორეს: მეტადის სტრლთა მათ
მტრიაქთა სწნამცა არს: ეგნატისა:
ფორტისა: სტფნესი ტრიფონი-
სა: თეოფილტესა: პოლიევკ-
ტისა: ანტონისა: ნიკონისა:
მრთლმდბლთა მტრიაქთა სწნამცა
არს სწნბლი). ყლთა მათ ღწლოთ
შემოსილთა მამათა და მრთლ მდბლთა
მქდებლთა... დბა და პატრიი თწნის-
ცჳს მამის ძისა და წის სწლისა აწ:
(DE+ და მარადის. D+ და რჯოჯნითი
რჯოჯნისმდე ამინ:)

(Τῷ ἀποστολικῷ βεβαιωθέντες κη-
ρύγματι καὶ ταῖς τοῦ ἁγίου εὐαγ-
γελίου ἐπόμενοι παραιnéσειν, ἐορ-
τάσομεν τὴν ἡμέραν ταύτην τῶν
ἐγκαινίων καὶ τῆς τῆς ἡμετέρας πί-
στεως ἀνανέωσης· λέγει γὰρ Ἡσα-
ίας ὁ προφήτης... Βασιλείου καὶ
Κωνσταντίνου τῶν ὁρθοδόξων βασι-
λέων αἰωνία (подразум. ἡ μνήμη).
καὶ τῶν ὁρθοδόξων πιστῶν βα-
σιλέων ἡμῶν πολλὰ τὰ ἔτη τῆς
βασιλείας αὐτῶν εἰσι. εἶτα λέγο-
μεν· Γερμανῷ, Ταρასίῳ, Νικηφόρῳ,
Μεθιδίῳ, τοῖς μακαρίοις πατριάρ-
χαις, αἰωνία ἡ μνήμη. Ἰγνατίῳ,
Φωτίῳ, Στεφάνῳ, Τρύφωνι, Θεοφυ-
λάκτῳ, Πολυεύκτῳ, Ἀντωνίῳ, Νι-
κολάῳ, τοῖς ὁρθοδόξοις πατριάρχαις,
αἰωνία ἡ μνήμη. Πᾶσι τοῖς ἀθλοφό-
ροις πατράσι καὶ ὁρθοδόξοις κήρυξι...
δόξα τιμὴ καὶ προσκύνησις, τῷ Πατρὶ
καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι
νῦν. (DE+καὶ ἀεί. D+καὶ εἰς τοὺς αἰ-
ῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν).

Это—синодикъ въ недѣлю православія въ своеобразной редакціи. По-
слѣдніе императоры, которымъ возглашается вѣчная память, — Василій II
(† 1025 г.) и Константинъ VIII († 1028 г.), а послѣдній константино-
польскій патріархъ—Николай II Хрисовергъ († 996).

Среди переводовъ св. Евѳимія значатся ძეგლისწიკრად სწწმნებო-
ბისა, подъ которымъ и слѣдуетъ разумѣть находящійся здѣсь синодикъ въ
недѣлю православія.

Е. Гелатскіе списки.

Когда появилась въ печати первая половина настоящаго труда, глу-
бокоуважаемый прот. К. С. Кекелидзе предоставилъ въ мое распоряженіе
оказавшіяся у него описанія трехъ гелатскихъ номоканоновъ; помѣщая ихъ
здѣсь въ нѣсколько переработанномъ видѣ.

F Рукопись Гелатскаго монастыря № 17 на бумагѣ, 30 × 21 сант., текстъ 23 × 15 сант., въ одинъ столбецъ, строкъ 27 и 28, писана почеркомъ XIII вѣка; края рукописи очень пострадали; всего въ ней 486 листовъ.

На л. 495^b рукой текста приписано:

«დაიწერა წმ და ედ სლთა განმანათლებელი სჯულისკანონი კელითა მწარედ და ფდ ცოდვილის მრევლის აბაშიძე..... სამთა. ღწ იცის წწო ღთისანო რღ დიდნი ჭირნი გნახე უცთომელობისათს დედაჲ წურილი მეფეა წინა. აწ უცბად ჩხრეკისათს ნუ მწეუთ:»

«Написанъ святой и всепросвѣщающій души номоканонъ рукою тяжко и много грѣшнаго Мровели Аба... Богъ вѣдаетъ, святыя Божіи, что великія лишенія я испыталъ ради безошибочности. Подлинникъ мелкій предлежалъ мнѣ; не проклинаяте меня за невѣжественное копанье!»

На л. 486^a позднѣйшей рукой:

მე სლთა საწყალობელმან ბერმან ბასილი დაუდევ ესე წამ სლთა განმანათლებელი წიგნი მოძღუარი სოფლის სჯულისკანონი ნარუდუნეკს ჩემს მონასტერსა გესმანიას. ტაძრსა ედ წის ღთისმშობელისს. საღვინებელად სულის ჩემის და სამლოცველოდ კურთხეულის დედის ჩემის ბარბარესთს. და თუთ მისს სამწირველოს შა დავსუ მწერალი....

«Я, духомъ несчастный старецъ Василій, положилъ эту души просвѣщающую святую книгу вождь міра номоканонъ въ предметъ моихъ заботъ монастырь Геосиманію, въ храмъ Пресвятой Богородицы на утѣшеніе души моей и на поминъ покойной матери моей Варвары. И въ мѣстѣ служенія о ней я поставилъ писца...».

Ниже приписка 1589 года:

სახელითა ღთისამთა მამის ძის და სლის წისამთა. და მეოხებითა ედ წის ღთისმშობელისამთა: ჩწ ქს ღწ ზრ კურთხეულმან ძემან მეფის პატრონის ლეონისმან. ქართლის კზ პატრიარქმ. ნწზ ბრძანებითა მეფეთ მეფის პატრონის სუმიონისითა გაყაკეთე წამ ესე წიგნი სჯულისკანონი ფდ დაშლილი და დაძულებული ფდითა შრომითა ჩწდა

«Во имя Бога, Отца и Сына и Святого Духа, и предстательствомъ Пресвятой Богородицы, мы, Христомъ Богомъ благословенный сынъ царя патрона Леона, Грузіи католикось-патріархъ Николай, по повелѣнію царя царей патрона Симеона поправилъ святую эту книгу номоканонъ, сильно разстроенный и изветшавшій, съ большимъ трудомъ для покрова надъ нами

საფარგელად ორთავე შა ცხრბათა და მეფისა პატრონისა სჳმიონის მეფობისა წარსმართებულად: წნო მშნო და მცქლნო შემწე და მეოხ მექმენით წე ოა ღა და მცნრისა ჩნისა იჳქსსა: დღეს მას განკითხვისსა: მეფეთ მეფისა პატრონისა სჳმიონისი მრავალმცა არიან წელნი ცხრებისა მისისანი აწდა უკე ან: ქესა სოფ გაკოდა წა ესე წიგნი კელითა დიაკონისა იოსებისითა:

въ обѣихъ жизняхъ и за преуспѣяніе царствованія царя патрона Симеона. Святые отцы и апостолы, будьте помощниками и предстателями предъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ день Суда. Царю царей патрону Симеону многая лѣта житія его нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Въ корониконѣ 277 была исправлена святая эта книга рукою діакона Іосифа.

Католикось Николай († 1591 г.)—сынъ Леона II (царств. съ 1520 г. по 1574 г.), царя каховъ, выдавшего свою дочь за картскаго царя Симеона I (царств. съ 1588 г. по 1600 г.), упоминаемаго въ настоящей припискѣ.

На лл. 1—469^b содержится все то, что имѣется въ G на лл. 1^a—296^a и въ томъ же самомъ порядкѣ. Дополнительная же статья только одна, на лл. 469^b—486:

უდ განთქმულსა პატრიარქსა ოა პეტრეს მდაბალი მაქსიმე მონაზონი მოთხრობაჲ თავთავედი ქს ღთისა ჩნისა საცხოვრებელისა პასექისათს აღმწერალისა კანონისა მიერ მთარგმანებულთა: ¹⁾

Тѣмъ πανευφρόμα πατριάρχῃ κυρίῳ Πέτρῳ Μάξιμος ὁ ταπεινὸς μοναχός. Διήγησις κεφαλαιώδης περὶ τοῦ σωτηρίου πάσχα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐρμηνευθεῖσα παρὰ τοῦ συγγραφέαντος τὸν χανόνα.

G Рукопись Гелатскаго монастыря № 25 (по каталогу прот. К. С. Кекелидзе), на бомбицинѣ 29 × 19 сант., текстъ 22 × 12, листовъ 313, писана красивымъ почеркомъ XII—XIII вѣка, по 29 строкъ на страницѣ; она разбита, хотя листы сохранились всѣ. На л. 269^a запись очень мелкими буквами:

..... გლასკი ფდ ცოდვილი გრიგოლი ჩახრუხადსიე მომიგსენეთ წთა შინა ღოცვათა თქნთა ჩნ დიდის გულმოდგინებითა გარდავწერე თჳსითა კელითა ქქანეთა წინამდჳ-

«...убогаго прегрѣшнаго Григорія Чакрухадзе помяните въ святыхъ молитвахъ вашихъ. Я съ большиимъ усердіемъ переписалъ собственоручно вождя христіанъ великій сей

1) Исправлено мною, вмѣсто стоящихъ у прот. Кекелидзе словъ: აღმწერალისა კანონისა მიერ მთარგმანებულთა

არი დიდი ესე სჯულის კანონი
საუკუნოდ მოკსენებულისა და მნ
ქართველთათჳს ფად ჭირთა თავს
მდებელისა არსენი იუალთაელისა
თარგმნილი: საუკუნო უოს ღთნ
კსენებაჲ მისი: არა რამს სხუ-
სათჳს მოვიჭირვე წერამ ამისი
თვნიერ რელ სიუჟარული მქონდა
ცალკერძ წინა მონასტრისა პა-
ტიოსნისა ჟრისაჲ და მერმე
ამის წის წიგნისაჲ. და ესე
დავიდეჲ გონებასა ჩემსა ჳდ
უგთუ ღირს მეოს ღმნ და წდსა
მონასტრისა პტიოსნისა ჟრისა
შა შეიწუნარონ არა დაგადებო.
ხილვასა ამისსა: და თუ არა ვე
ცოცხალ ვიყო მამა თვთ კეთილ
და ვე ცოცხალი ვიყო მე მქონ-
დეს და შდმ ჩემსა სდაცა ღნ
ინებოს: ხ მე ბევრის ბევრეუ-
ლითა ცოდვითა აღტურთული
ესე წთა შა ღტთა თქნთა
მომიკსენეთ ულშნ კელად მიმღე-
ბმან ამის წიგნისაჲ: წიგნისა
სიმაღლისათჳს იჭუ ნუ ვის გა-
ქუს. პირველ დედაჲ მართალი და
კარგისა მწერლისა დაწერილი მქონდა
და თვთ რად არა წარმოგიდგი-
ნებ კაცსა ამას მოკსენებითა ს-
ხელისაჲთა: იოანე დიაკონისა: წის
დედფლისა ბორენამს გაზრდილი-
საჲთა: რელ მე ესრე მესმა რელ
გი ბროლასა კათალიკოს უოფილსა
აქამთ მისებრი და მის უმართ-
ლესი მწერალი არ გამოსრულა მნ
ქართველთა ნათესავსა შა. და მერმე
დიდ მოჭირვებით შემიმოწმებია: ღნ
გარწმუნოს ვინცა იკითხვიდეთ და

Христианскій Востока.

номоканонъ, переведенный приснопа-
мятнымъ и за насъ, грузинъ, много
трудоу подъявшимъ Арсеніемъ
Икалѣоели — вѣчной да содѣлаетъ
Богъ память его! Не ради чего-ни-
будь другого мнѣ понадобилось писа-
ніе этой книги, а лишь потому, что я
любилъ, съ одной стороны святой мо-
настырь Честнаго Креста, а съ дру-
гой—и святую эту книгу. И это я по-
ложилъ въ своемъ умѣ; но если спо-
добить меня Господь и въ святомъ мо-
настырѣ Честнаго Креста примутъ,
то значить, хорошо, и, пока буду
живъ, я не лишусь лицезрѣнія этой
книги; а если нѣтъ, то, пока живъ буду,
будетъ она у меня, а послѣ меня —
тамъ, гдѣ Господу будетъ угодно.
Меня же, отягченнаго многими
множествомъ грѣховъ, въ вашихъ
святыихъ молитвахъ помяните всякій
взявшій въ руки святую сію книгу.
Пусть не будетъ у васъ сомнѣнія въ
правильности книги: во-первыхъ под-
линникъ былъ правильный и напи-
санъ хорошимъ писцомъ,—даже по-
чему бы мнѣ не представить этого че-
ловѣка, упомянувъ его имя—Іоанномъ
діакономъ, воспитанникомъ святой ца-
рицы Борены. А я такъ слышалъ, что
со времени Георгія Броды, бывшаго
католика, подобнаго ему и болѣе
исправнаго писца не нашлось у насъ
въ грузинскомъ народѣ. И затѣмъ съ
великимъ усердіемъ я свидѣтельствую,
Богъ да дастъ увѣровать тому, кто бу-
детъ читать и кто будетъ переписы-
вать съ книги, какъ найдетъ, такъ и

გინტა სწერდეთ ამის გან ვითა ჭპოთ სისყვედრით. მრავალნი უცხონი სიტყუანი არიან გარნა დედასა ეგრევე ვპოუ: სისყვედრით. Много есть иностранныхъ словъ, но я въ подлинникѣ такъ ужъ нашелъ.

На л. 1^а—296^а находится систематическая и хронологическая части номоканона въ 14 титл. (опис. выше XV, II, вып. III, стр. 360—377); но прот. Кекелидзе удостовѣряетъ, что правилъ апостоловъ Павла и Петра и Павла, сохранившихся только въ А, и здѣсь нѣтъ, такъ что вступительныя статьи начинаются со стоящей выше на третьемъ мѣстѣ შეკრება კანონის საკლესიოთა.

Составъ дополнительныхъ статей начинается той же, какъ въ А, но въ общемъ своеобразенъ:

а) л. 296^б—309^б: ძეგლის წერაჲ წის და ღთიე შეკრებლის კრებისაჲ. რი შემოკრება ბრძანებითა კეთილად მსახურის და ღთიე დაცულის მეუფის ჩნის დაგით აფხაზთა და კართველთა (sic) რანთა და კახთა მეუფისას. პირთათნ ჩლნი ქვემო მოკსენებულ არიან:

ლ. 309^б—311^б: მეფეს დაგით მონაზონი არსენი: Сабининъ, საქართველოს სამოთხე, стр. 518—520.

ბ) л. 312^б—313^б: უწყებაჲ მიზეზსა ქართველთა მოქცევისსა თუ რომელთა წიგნთა შა აღიკსენების. известное сочинение Ефрема Мцире объ источникахъ обращенія Грузіи въ христіанство.

Н Рукопись Гелатскаго монастыря № 26 на бумагѣ, 1761 года; 21 × 16, текстъ 15 × 10, л. 437 по 24 строки на страницѣ. На л. 437^а запись переписчика рукописи:

დბაჲ ღის რნ მოსტის ჩემებრ უფიტა შეძლებაჲ აღსრულებაჲ ესე გითართა მცნებათა სათნოთა ღთისათა: რღის შეწყენითა აღცაქსრულა წიგნი ესე კელითა ჩემ ცოდვილის ქლქსა ტფილისსა სანახებსა ჟის მონასტრისას: მისვე ჟრის დეკანოზის ინესითა: რი მთხოველ ვარ მხილველთაგნ შენდობას. დაღაცათუ არა რადმე საზინო არს კელი ესე ნდ მადლითა თქნითა სიმართლითა აღსავსე არს: ნდ კდტ გვედრები მხილველთა თუმცა

«Слава Богу, Который далъ невѣжественному вродѣ меня исполнить такія угодныя Богу заповѣди, съ помощію Котораго исполнена эта книга во владѣніи Крестнаго монастыря рукою моею, грѣшника Іоанна, того же монастыря деканоса, который просить прощенія у видящихъ книгу, ибо, хотя почеркъ этотъ не блестящъ, но милостію вашею полонъ точности. Но затѣмъ умоляю видящихъ эту книгу, если гдѣ-нибудь

სადაჲ იხილეთ ცთომილი რაჲ ნუ
მწევთ სიწმლისათჳს ღის: ნოენბერს
აბ: ქქს აქეთ 1761:.

недочетъ усмотрите, не проклиняйте
ради любви Божіей. Ноября 12,
1761 г. отъ Христа».

На л. 437^b почеркомъ мхедрули приписка 1776 года:

წყდბითა ღთისთა წნ აფსაზ იმერ
გურია სმეგრელოჲს ესე იგი არს სდ
ქვემოჲს ივერიის კათალიკოზ მამათ
მთავარმან იოსიოფ დავითანმან თვთ
საფასითა ჩემითა აღვაწერინე წდა ესე
სჯულისკანონი: და გინა(ა)თგან თანა
მაქუნდა ეპარხიატა გაენათის თანამდებ-
რა ვიუგ მსახურებად შენდა: ამისთჳს
გიძღვენ მოგართვ და შემოგწირე
წიგნი ესე სჯულთა, ხ უფროსდა
სღთა გამობრძმედელი: შენ სოლო-
მონებრსა ტაძარსა უფროსდა ეთერე-
ბრად ღმერთებრ მთენარესა ყლის
სიტყუერთა დედფალსა სახელის ღთის
მშობელსა... მარტს კბ ქქსითგნ
ზღოვ:

«Милостію Божіею, мы, архіерей
Іосифъ изъ рода Давидова, католи-
косъ Абхазіи, Имеріи, Гуріи, Мин-
греліи, т. е. всей нижней Иверіи, на
свои средства заказалъ написать свя-
той этотъ номоканонъ; и такъ какъ у
меня была и епархія Гаэнатская, то
мнѣ надлежало служить Тебѣ; поэтому
я принесъ Тебѣ въ даръ и пожертво-
валъ эту книгу каноновъ, болѣе всего
души очищающую, какъ черезъ гор-
нило, Тебѣ, въ храмѣ Соломоновомъ
особенно зѣрно по божественному
озаряющей всѣхъ словесныхъ Ца-
рицѣ, Хахульской Божіей Матери.
Марта 22, отъ Христа 1776 года».

Рукопись воспроизводитъ въ точности составъ G; только среди допол-
нительныхъ статей нѣтъ письма Ефрема Мцирѣ, на мѣсто котораго въ ней
имѣются находящіяся въ B подъ с, е, f. Такимъ образомъ дополнительные
статьи слѣдующія:

а) постановленія Руисо-Урбнисскаго собора;

ბ) л. 383^b—389^a: თუ ვითარ ჯერ არს
შეწენარება რომელი ჭურათაგნ სარწ-
მუნობასა ქქანეთასა მოუგებოდეს:

Πῶς δεῖ δέχεσθαι τὸν ἐξ Ἑβραίων
τῇ τῶν χριστιανῶν πίστει προσερχό-
μενον.

с) вѣроятнѣе всего, что есть здѣсь и указанная въ B статья подъ d:
на л. 383^b—389^a слишкомъ много мѣста для одной предыдущей статьи.

დ) л. 389^a—393^b: წესი რი იქმნე-
ბის მოქცევისა წა სარკინოზობისა:

Τάξις γινομένη ἐπὶ τοῖς ἀπὸ Σαρα-
κηνῶν ἐπιστρέφουσιν.

ე)ლ. 394^ა—419: შერეუნიბანი იაკობ-
ბიტოს და ელთა ერთბუნებოანთანი:
რელთა თანა არიან სომეხნიცა.

Ἀποτάξεις τῶν Ἰακωβιτῶν καὶ πάν-
των τῶν Μονοφισιτῶν, ἐν εἰς εἰσιν καὶ
οἱ Ἀρμένιοι.

III. О первоначальномъ составѣ грузинскаго номоканона и обстоя- тельствахъ его появленія.

Конечно, грузинскій переводъ номоканона первоначально воспроизводилъ въ точности прежде всего то, что было въ греческомъ оригиналѣ существеннаго, и вопросъ можетъ возникнуть лишь о томъ, были ли тогда же переведены и какія-нибудь — или — всѣ дополнительные статьи греческаго оригинала, и не были ли тогда же прибавлены памятники грузинскаго права. При рѣшеніи этихъ вопросовъ нельзя цѣпляться исключительно за данныя извлекаемыя изъ самихъ списковъ грузинскаго номоканона. Вѣдь, если бы не дошелъ до насъ *A*, мы съ увѣренностью должны были бы на основаніи всѣхъ прочихъ, вопреки вѣскимъ фактамъ и соображеніямъ (см. стр. 359), утверждать, что правила апп. Павла и Петра и Павла первоначально не были переведены¹⁾. Но такъ же, случайно или намѣренно, могли оторваться отъ первоначальнаго состава и другія статьи и оказаться въ совершенно другомъ, даже неподходящемъ мѣстѣ, а въ дошедшихъ до насъ спискахъ номоканона на составѣ дополненій могъ сказаться результатъ уже позднѣйшей работы надъ нимъ. Однако, въ настоящее время приходится пока ограничиться тѣмъ, что даютъ сами списки, да и то нѣтъ возможности воспользо-ваться надлежащимъ образомъ весь матеріалъ изъ-за временной недоступности его мнѣ.

Протоіерею Кекелидзе удалось найти въ *G* очень важную записку Григорія Чахрухадзе относительно того, что переводчикомъ номоканона былъ Арсеній Икалтоели, о которомъ о. Кекелидзе собралъ свѣдѣнія уже въ ХВ, 1914, III, 139—141 (гдѣ опубликована и часть самой записки). Сподвижникъ Ефрема Мцирѣ на литературномъ поприщѣ, Арсеній жилъ въ Константинополѣ въ основанномъ имп. Константиномъ Мономахомъ (1042—1054) монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, гдѣ находилась и основанная тѣмъ же императоромъ высшая богословская и философская школа. И самъ Арсеній въ Икалто устроилъ академію и поддерживалъ дѣятельныя сноше-

1) Дѣйствительно, прот. Кекелидзе въ письмѣ ко мнѣ, на основаніи отсутствія этихъ правилъ въ гелатскихъ спискахъ и въ тифлискомъ (очевидно, текстъ на лл. 1—6 въ *A* считается прибавкой позднѣйшаго времени) высказываетъ догадку: «мнѣ думается, что эти правила не принадлежать къ первоначальному составу грузинскаго номоканона».

нія съ учеными грузинами Перу его принадлежатъ переводы византійскихъ богословскихъ трактатовъ и полемическія сочиненія противъ яковитовъ и несторіанъ.

Вопросъ о времени перевода номоканона Арсеніемъ о. Кекелидзе рѣшаетъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ такъ: «Извѣстно, что дѣянія Руисо-Урбнисскаго собора 1103 года составлены и проредактированы Арсеніемъ Икалѣоели; дѣянія эти уже предполагаютъ существованіе на груз. языкѣ великаго номоканона: составъ послѣдняго въ дѣяніяхъ указывается въ редакціи Арсеніевскаго перевода; значить, переводъ этотъ сдѣланъ въ концѣ XI вѣка, приблизительно, въ послѣднемъ двадцатилѣтіи его». Поэтому о. Кекелидзе въ томъ же письмѣ рисуетъ положеніе дѣла перевода правилъ до Арсенія такъ: «До Арсенія Икалѣоели на груз. языкѣ великаго номоканона не было: онъ первый перевелъ его. Доводы Ваши о существованіи въ X вѣкѣ и началѣ XI грузинскаго великаго номоканона меня не убѣждаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, указаніе каталога Синайской монастырской бібліотеки *ⲓⲃⲟⲛⲟ ⲉⲓⲁⲓ ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* скорѣе относится къ книгѣ литургическаго характера; именемъ *ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* ни разу, нигдѣ книга каноническаго содержанія не называется, но литургическая очень часто: *ⲉⲓⲁⲓ ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* это названіе Великаго Канона Андрея Критскаго, а также техническій терминъ для обозначенія изданной мною (т. е. прот. Кекелидзе) редакціи Святоградскаго Устава (см. Іерусалимскій Канонарь, стр. 12—13, 37), одинъ экземпляръ которой, именно X вѣка, имѣется и на Синаѣ. Этотъ *ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* именно и обращался въ Грузіи въ двухъ редакціяхъ: большой (*ⲉⲓⲁⲓ*) и малой — сокращенной. Выраженіе св. Евѣимія Аѳонскаго — *ⲉⲓⲁⲓ ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* не указываетъ непременно на «великій» номоканонъ: *ⲉⲓⲁⲓ ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ*-омъ онъ называетъ свой переводъ правилъ VI всел. собора; эту свою работу онъ могъ назвать *ⲉⲓⲁⲓ* въ сравненіи съ эксерпированнымъ имъ въ одной части великимъ номоканономъ на греческомъ языкѣ, если это не есть выраженіе скромности великаго книжника. Имѣя въ виду характеръ переводческой дѣятельности св. Евѣимія, категорически можно сказать, что онъ не переводилъ бы ни правилъ VI всел. собора, ни номоканона Іоанна Постника, если бы до него уже существовалъ въ переводѣ великій номоканонъ. Выраженіе въ реестрѣ 1020 года католикоса Мелхиседека — *ⲉⲓⲁⲓ ⲛⲟⲙⲟⲕⲁⲛⲟⲛⲟ* *ⲛⲉⲛⲁⲗⲁ*, можетъ обозначать новую книгу переводовъ того же самаго Евѣимія, во всякомъ случаѣ слово *ⲛⲉⲛⲁⲗⲁ* не указываетъ непременно на великій номоканонъ».

«Итакъ, по моему, до Арсенія Икалѣоели грузинскаго великаго номоканона не существовало. Характерно въ этомъ отношеніи одно выраженіе въ записи Григорія Чахрухадзе къ номоканону Арсенія (рук. Гел. мон.

№ 25); этотъ Григорій, по видимости, подвижникъ Крестнаго монастыря, говоритъ: «если Богъ сподобитъ меня <того>, что книгу сію примутъ (ჟო-
 ჟბსჴბ) въ святомъ монастырѣ Честнаго Креста, тогда хорошо — пока я
 живъ, не лишусь возможности видѣть ее». Списокъ Григорія (№ 25), хотя
 я его отношу къ XII—XIII вѣку, безъ сомнѣнія не позже XII вѣка, ибо
 онъ сдѣланъ съ рукописи воспитанника царицы Борены (2-ая жена Ба-
 грата IV † 1072), діакона Іоанна, память о которомъ еще жива была въ
 современникахъ Григорія. Значитъ, въ XII вѣкѣ Григорій сомнѣвается,
 примутъ ли въ Крестномъ монастырѣ великій номоканонъ; слѣдовательно, но-
 моканонъ св. Евѣимія даже въ XII вѣкѣ былъ живъ въ нѣкоторыхъ цен-
 трахъ грузинской монашеской и книжной жизнедѣятельности.

Для меня отвѣтъ на вопросы, рѣшенные досточтимымъ о. Кекелидзе,
 далеко не представляется легкимъ и яснымъ, и прежде всего потому, что
 недостаточны доводы, приведенные въ пользу признанія Арсенія авторомъ
 перевода. Прямое указаніе записи Григорія Чахрухадзе возымѣетъ полную
 силу лишь тогда, когда будетъ подкрѣплено сопоставленіемъ языка пере-
 вода номоканона съ другими переводами Арсенія, такъ какъ, вѣдь, свидѣ-
 тельство Григорія могло основываться не на записи хотя бы самого пере-
 водчика, а на томъ, что Арсеній пишетъ къ царю Давиду Строителю о ка-
 нонахъ, или что гдѣ-нибудь встрѣтилась Григорію такая помѣтка какъ въ
 В подъ m, и онъ отнесъ ее ко всему номоканону. Слѣдуетъ еще поискать
 слѣдовъ пользованія канонами въ грузинской письменности до Арсенія и
 послѣ Арсенія, и особенно важно было бы найти слѣды существованія дру-
 гого, притомъ самостоятельнаго перевода, независимаго и отъ номоканона
 св. Евѣимія. Вѣдь, иначе трудно себѣ представить, чтобы при тѣсныхъ свя-
 зяхъ политическихъ и церковныхъ, существовавшихъ особенно въ IX—X и
 XI вѣкахъ между Грузіей и Византіей, грузинская церковь могла обо-
 диться безъ перевода каноновъ, основного источника ея права, и доволь-
 ствоваться трудомъ св. Евѣимія, преслѣдовавшимъ совершенно специальную
 задачу регулировать покаянную дисциплину. Можетъ быть, удастся со вре-
 менемъ подобрать болѣе убѣдительные слѣды существованія перевода вели-
 каго Номоканона до Арсенія, чѣмъ тѣ, которые приведены уже мною, но и
 эти нельзя всеже недооцѣнивать, какъ дѣлаетъ о. Кекелидзе: св. Евѣимій
 не могъ назвать свой номоканонъ малымъ въ сравненіи съ греческимъ, гру-
 зинамъ неизвѣстнымъ, и въ реестрѣ Мелхиседека упоминаніе о новомъ но-
 моканонѣ, въ виду присылки книгъ изъ Византіи да еще для нуждъ цен-
 тральнаго органа церковнаго управленія, должно быть отнесено скорѣе къ
 къ великому номоканону, чѣмъ къ труду св. Евѣимія.

Нѣтъ данныхъ и опасенія Григорія относительно того, примутъ ли его книгу въ Крестномъ монастырѣ, ставить въ зависимость отъ того, удастся ли этой книгѣ вытѣснить номоканонъ св. Евѣимія или нѣтъ. А вотъ дѣйствительно важно отмѣтить то, что списокъ Григорія, какъ и *A*, сразу послѣ основного ядра номоканона ставитъ Руисо-Урбнисскій соборъ, тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что греческій оригиналъ содержалъ какой-нибудь изъ тѣхъ составовъ дополнительныхъ статей, которые сохранены въ *BH*: не есть ли это отсутствіе греческихъ дополнительныхъ статей результатъ работы Арсенія? Но, въ такомъ случаѣ, сократилъ ли онъ самъ какой-нибудь списокъ въ родѣ *CDE*, или же *CDE* явились на основѣ его работы? Кажется, что наблюденія надъ составомъ дополнительныхъ статей, переведенныхъ съ греческаго, даютъ возможность разбить ихъ на группы разновременнаго происхожденія и тѣмъ дѣлаютъ вѣроятной длинную исторію грузинскаго перевода номоканона еще до Арсенія; отмѣчу, напр., что синодикъ въ недѣлю православія очень хорошо подходитъ ко времени католикоса Мелхиседека.

Итакъ, только условно можно говорить, что великій грузинскій номоканонъ есть трудъ Арсенія Икалѣоели, появившійся въ концѣ XI вѣка; точное установленіе его состава и времени происхожденія есть дѣло будущаго изслѣдователя.

В. Н. Бенешевичъ.

Багаванскій храмъ и его надписи.

(Съ рисунками на табл. XXXVIII—XLIII).

Храмъ въ древнемъ Багаванѣ (нынѣ монастырь св. Іоанна), близъ города Татеона (нынѣ Діадинъ), является сейчасъ почти единственнымъ памятникомъ древности въ этомъ районѣ.

Мѣсто, гдѣ находится монастырь св. Іоанна, Сурб-Ованесъ¹⁾, было населено уже въ очень древнюю пору и видимо являлось выдающимся религиознымъ культовымъ центромъ еще въ языческій періодъ жизни Арменіи. Помимо самыхъ названій Багавана и всей области, въ которой онъ находился, Багревандъ²⁾, на это имѣются прямыя указанія у Моисея Хоренскаго, дающаго двѣ формы названія Багавана, *Բաղան* и *Բաղան*, и сообщающаго о нахожденіи тутъ капищъ,³⁾. Эти свѣдѣнія Моисея не содержатъ ничего невѣроятнаго или фантастическаго, что позволяло бы предполагать ихъ вымышленность⁴⁾. Мало того, они могутъ найти себѣ подтвержденіе въ томъ, что именно съ этимъ мѣстомъ преданіе связывало

1) См. Орбели, Багаванская надпись 639 г. (ХВ, II), стр. 105.

2) Впрочемъ, ср. Н. Г. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана, стр. 307.

3) Въ *Բաղան* можно было бы видѣть и попытку перевода или осмысленія слова *Բաղան*, на чисто армянской почвѣ не вполне понятнаго.

Моисей, ссылаясь на Бардацана, сообщаетъ (II, 66), что «.....царь армянскій Тигранъ почтилъ могилу брата своего, верховнаго жреца Мажана, въ Багнац-аванѣ, что въ округѣ Багревандъ, и построилъ надъ могилой капище, дабы проходящіе пользовались отъ жертвъ и чужестранцы (гости) принимались на ночлегъ. Въ немъ и Валаршъ впоследствии установилъ всенародное празднество, въ началѣ новаго года, при наступленіи Навасарда».

Независимо отъ этого, Моисей сообщаетъ (II, 77), что Арташирь «приказываетъ неугасимо возжигать Ормуздовъ огонь на капищѣ, которое (находится) въ Багаванѣ».

О погребеніи Мажана въ Багаванѣ Моисей сообщаетъ (II, 55): «.....убили Мажана; перенесли его, его похоронили, какъ верховнаго жреца, въ Багнац-аванѣ». Быть можетъ не было бы неосторожнымъ заключить изъ этой фразы, что Багаванъ являлся, по крайней мѣрѣ въ представленіи Моисея, мѣстомъ погребенія вообще верховныхъ жрецовъ.

4) См. Г. Халатьянцъ, Армянскій эпосъ, стр. 296—299.

наиболѣе выдающійся моментъ въ распространеніи христіанства въ Арменіи¹⁾.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ храмъ, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ зданіемъ, о которомъ сообщаетъ Лазарь и другіе цитованные мною источники. Онъ былъ сооруженъ, какъ извѣстно изъ надписи, сохранившейся на немъ²⁾, въ 631—639 гг. по Р. Х., быть можетъ — католикосомъ Езромъ.

Храмъ неоднократно подвергался частичнымъ обновленіямъ и незначительнымъ перекладкамъ, послѣднее изъ возобновленій относится къ XVIII в. Наиболѣе существенной изъ этихъ работъ является сооруженіе новаго купола, низкаго и безъ барабана, а также возведеніе заново сѣверо-западнаго угла храма и передѣлка крыши. Эти передѣлки и обновленія по счастью мало повредили остальнымъ частямъ храма (древній куполъ рухнулъ, и выведенъ заново), и храмъ можетъ представить большой интересъ для историка искусства.

Во многихъ отношеніяхъ являясь совершенно исключительнымъ въ Арменіи памятникомъ своего времени³⁾, храмъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія или, хотя бы, описанія⁴⁾.

Не рѣшаясь братья за эту трудную задачу, позволю себѣ привести лишь краткія свѣдѣнія, поясненія къ нѣсколькимъ издаваемымъ тутъ фотографіямъ храма и его частей, снятымъ мною при посѣщеніи Багавана въ августѣ 1912 г.⁵⁾, лишь въ дополненіе къ печатаемому тутъ тексту надписей, кажется, еще не издававшихся.

Багаванскій храмъ представляетъ собою обширное прямоугольное зданіе съ тремя выступающими многогранными апсидами (рис. 1 и 2). Возвышенное покрытие средней части храма образуетъ крестъ вокругъ

1) Орбели, Багаванская надпись, стр. 113.

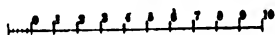
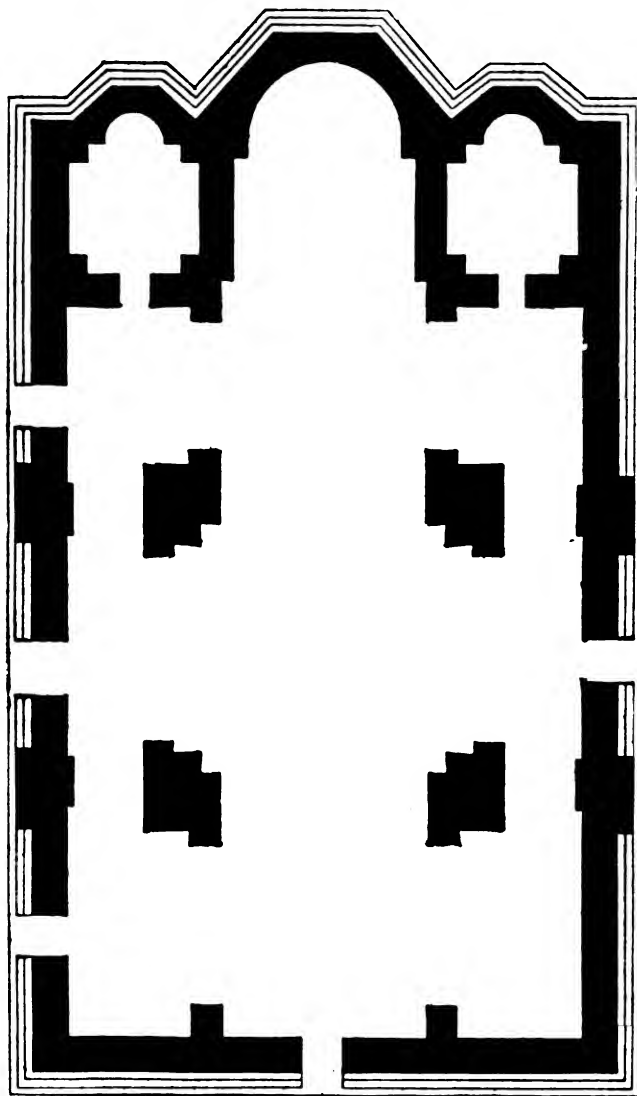
2) Ц. с., стр. 106—122. Надѣясь въ недалекомъ будущемъ особо вернуться къ вопросу объ армянскихъ датированныхъ надписяхъ VII вѣка, пока считаю необходимымъ указать, что теперь я бы не рѣшился съ такой опредѣленностью высказывать сомнѣніе въ подлинной принадлежности всѣхъ этихъ надписей ко времени, на которое указываютъ ихъ даты (ср. цит. соч., 106).

3) Я. И. Смирновъ обратилъ мое вниманіе на фотографію армянскаго храма близъ Низибина (Strzygowski, Amida, стр. 271), весьма сходнаго по формамъ съ Багаванскимъ; къ сожалѣнію, опредѣленныхъ свѣдѣній о памятникѣ нѣтъ, такъ что трудно судить, насколько велико это сходство.

4) До сихъ поръ о Багаванскомъ храмѣ можно было судить только по схематическому, притомъ искаженному при изданіи, рисунку Бартоломея (см. Алишанъ, *Улгаръ*, 529). Рисунокъ въ изданіи давалъ настолько превратное представленіе о формахъ храма, что онъ былъ даже отнесенъ къ группѣ древнѣйшихъ крестообразныхъ храмовъ Арменіи.

5) См. Орбели, Предварительный отчетъ о командировкѣ въ Азіатскую Турцію въ 1911—1912 гг. (ИАН, 1912), стр. 925.

центрального купола. Своими размѣрами, о которыхъ даетъ представленіе прилагаемый планъ¹⁾, храмъ, имѣющій въ длину свыше 46 м., въ ширину

Планъ Багаванскаго храма.

свыше 27 м. и въ высоту около 20 м. (не считая купола), производитъ очень величественное впечатлѣніе, особенно внутри.

1) Планъ этотъ вычерченъ со всею доступною мнѣ точностью на основаніи подробныхъ обмѣровъ, произведенныхъ мною, но, къ сожалѣнію, нѣсколько искаженъ при изгото-

Храмъ окруженъ ступенями (импостъ). Кладка этихъ ступеней сейчасъ производитъ впечатлѣніе менѣе тщательной, чѣмъ въ другихъ частяхъ храма, что можетъ быть объяснено ихъ большей подверженностью порчѣ. Съ южной стороны ступеней сейчасъ вовсе не видно, онѣ засыпаны, но, по словамъ церковнаго сторожа, когда у южныхъ дверей храма рыли могилу для одного монаха, то ступени помѣшали достаточно углубить могилу, и монаха пришлось похоронить на одной изъ ступеней. Съ остальныхъ трехъ сторонъ храма сейчасъ видны три ступени, двѣ надъ землей, третья—на уровнѣ земли; вѣроятно, ихъ было больше, такъ какъ трудно допустить чтобы площадь вокругъ храма была, какъ сейчасъ, на уровнѣ его пола.

Стѣны храма, сложенные съ большимъ мастерствомъ, не подавляютъ своей толщиной и скорѣе кажутся слишкомъ тонкими для такого большого зданія. Сѣверная стѣна храма въ пролетѣ средней двери имѣетъ 1,51 м. толщины; стѣны внутреннія, отдѣляющія придѣлы отъ храма немного тоньше—1,33 м.

По своимъ размѣрамъ камни кладки храма не обращаютъ на себя вниманія, за исключеніемъ, впрочемъ, одного, углового, въ сѣверо-восточномъ внѣшнемъ углу храма, въ первомъ ряду кладки; сторона его, обращенная на сѣверъ, имѣетъ 2,42 м., при вышинѣ 0,71 м. и толщинѣ (съ востока) 0,47 м. Затѣмъ, какъ это всегда бываетъ въ древнѣйшихъ, современныхъ нашему, храмахъ Арменіи, очень велики камни, служащіе перемычками надъ широкими внѣшними дверьми; напримѣръ, перемычный камень западной изъ трехъ дверей сѣверной стѣны храма (снаружи) имѣетъ въ длину 2,85 м.; камень южной двери 3,02 м.; камень восточной изъ трехъ сѣверныхъ дверей 3,38 м. (теперь онъ треснулъ и раздѣлился на двѣ неравныя части); наконецъ, камень средней сѣверной двери (служащей для входа и теперь) достигаетъ 3,58 м.

Камни обтесаны весьма тщательно и въ основныхъ частяхъ зданія вполне однообразно. На камняхъ древней отески имѣются такіе же знаки, какъ на другихъ древнѣйшихъ храмахъ Арменіи, какъ напр., въ Мренѣ и Агаракѣ, въ видѣ ромбика, увѣнчаннаго крестомъ. Отличается лишь способъ отески камней въ позднѣйшихъ частяхъ, возведенныхъ при обновленіи храма, въ сѣверной части западной стѣны (рис. 3), подъ фронтономъ этой же стѣны, а также на крышѣ; что касается до барабана и купола, то тутъ

вложеніи сильно уменьшеннаго клише (искажены углы, что особенно замѣтно на пилонахъ). Считаю, тѣмъ не менѣе, лишнимъ приводить здѣсь цифры обмѣровъ, надѣясь, что храмъ этотъ въ близкомъ будущемъ будетъ какъ слѣдуетъ обмѣренъ и описанъ.

отличается не только способъ отески, но и самый камень и способъ его кладки. Наконецъ, отличія есть и въ способѣ отески камней, употребленныхъ для закладки и передѣлки дверей и оконъ, причемъ камни, которыми заложены двѣ боковыя сѣверныя двери, отличны отъ другихъ и наиболее близко подходятъ къ камню основныхъ частей храма, а въ окнахъ — тождественны съ камнями обновленной западной стѣны.

Стѣны храма мѣстами производятъ впечатлѣніе большой пестроты, какъ будто отдѣльныя части одной и той же стѣны возведены въ различное время (что хорошо видно и на фотографіяхъ); но это объясняется исключительно вывѣтриваніемъ камня, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя были наиболее доступны для водъ, стекающихъ съ крыши. Особенно бросается въ такихъ случаяхъ въ глаза разница въ отескѣ краевъ камня, такъ какъ на вывѣтрившихся частяхъ исчезли фаски, снятыя съ большой тщательностью по всѣмъ гранямъ камня и придающія удивительно стройный и изящный видъ стѣнѣ. Основной цвѣтъ камня сѣрый, но въ наиболее древнихъ частяхъ зданія снаружи камень на поверхности приобрѣлъ мѣстами темный красноватый тонъ¹⁾.

Если не считать украшеній сѣверной и южной дверей и наличниковъ восточныхъ оконъ, храмъ лишенъ какихъ бы то ни было украшеній. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ сохранился типичный древній карнизъ съ зубцами.

Храмъ имѣлъ пять дверей, три изъ которыхъ находились въ сѣверной стѣнѣ, одна въ южной и одна въ западной. Двери при одной и той же вышинѣ, съ незначительными колебаніями — 2,85 м. (снутри), были неодинаковой ширины; шире всѣхъ средняя въ сѣверной стѣнѣ — 2,39 м. (снаружи), затѣмъ западная — 2,04 м., восточная изъ сѣверныхъ — 1,91 м., южная — 1,89 м. и, наконецъ, западная изъ сѣверныхъ.

Внѣшность дверей также была не одинакова. Двѣ боковыя сѣверныя двери были совершенно просты, покрыты громадными перемычными камнями и не имѣли никакихъ украшеній.

Надъ средней дверью сѣверной стѣны (рис. 10), надъ перемычнымъ камнемъ, выступаетъ арка въ половину круга, украшенная листиками съ кружечками въ нихъ, размѣщенными совершенно необычнымъ образомъ, не остріями къ центру круга, а наоборотъ. Подъ этой аркой на отдѣльной

1) Эти красноватые пятна невольно заставляютъ вспомнить слова Захаріи Долгорукаго, которыя передаетъ Киракосъ (М., стр. 108): предавая сожженію запертыхъ въ мечети ардебильцевъ, Захарія объяснилъ этотъ свой поступокъ мстью за сожженныхъ въ Нахчаванѣ армянскихъ князей и «армянскихъ священниковъ Багавана, которыхъ заклали и кровь разбрызгали по стѣнѣ церкви, такъ что до сихъ поръ мѣсто кажется почернѣвшимъ».

плитѣ вырѣзана армянская надпись, содержащая Евангельскій стихъ (Мѡ. 21,44). Эта надпись начертана, несомнѣнно, значительно позже построенія церкви.

Аналогично была украшена южная дверь, (рис. 7), не имѣвшая надписи. Надъ перемычнымъ камнемъ помѣщается арка съ расходящимися основами, средняя полочка которой украшена зубцами, съ углубленными между ними промежутками въ $\frac{3}{4}$ круга; рельефныя части полочки заполнены трилистниками. Западная дверь, кажется, тоже имѣла арочку такого же рода, но отъ ея первоначальнаго вида снаружи не сохранилось ничего, даже перемычнаго камня.

Вообще всѣ пять дверей храма подверглись тѣмъ или инымъ измѣненіямъ. Наиболѣе древней изъ передѣлокъ мнѣ представляется закладка двухъ боковыхъ сѣверныхъ дверей, произведенная наиболѣе тщательно, съ отеской камней, довольно близкой къ отескѣ камней исконныхъ частей храма. Въ послѣдующее время была произведена закладка южной двери храма. Всѣ эти три двери заложены наглухо, причемъ въ западной изъ двухъ боковыхъ сѣверныхъ оставлена ниша, а въ восточной изъ нихъ устроена купель. Снаружи, на кладкѣ, заполняющей восточную изъ этихъ дверей, (рис. 11) и вокругъ нея видно множество грубо высѣченныхъ знаковъ, напоминающихъ своимъ видомъ тамги и выбитые на «ртутныхъ сосудахъ» знаки. При закладкѣ этихъ двухъ дверей былъ восполненъ перерывъ двухъ верхнихъ ступеней, окружающихъ храмъ (ступени прерывались всѣми пятью дверьми, у перестроенныхъ дверей перерывъ этотъ шире нынѣшняго пролета).

Главная сѣверная дверь храма (рис. 10) перестроена. Въ пролетѣ ея была возведена надломленная въ серединѣ арка, украшенная на лицевой сторонѣ неглубокой рѣзбой, окаймленной сталактитами. Арка опирается на декоративныя сталактитовыя капители едва намѣченныхъ полуколонокъ. Дверь помѣщается въ глубокой нишѣ подъ этой аркой, причемъ лицевая стѣна украшена довольно грубыми розетками и еще болѣе грубыми крестами; маленькая дверь (шир. 1,08 внутри) совершенно не соотвѣтствуетъ величественности зданія.

Суженію подверглась и западная дверь. Западная дверь къ моменту обновленія вѣроятно обрушилась, вслѣдствіе чего при обновленіи ея былъ изъятъ перемычный камень. Сейчасъ дверь перекрыта надломленной въ серединѣ арочкой, опирающейся на тонкія декоративныя полуколонки, увѣнчанныя орнаментованными капителями. Лицевая сторона арки украшена рельефнымъ плетеніемъ, окаймленнымъ болѣе мелкой и сложной рѣзбой.

Дверь помѣщается въ глубокой нишѣ подъ этой аркой и обрамлена широкой полосой фальшивой мозаики крестовъ. Еще позднѣе эта дверь была заложена.

Стремленіе къ суженію дверей проявилось и на внутреннихъ, ведущихъ въ придѣлы, дверяхъ, которыя также были значительно сужены.

При входѣ въ храмъ особенно поражаетъ необычайное для болѣе позднихъ армянскихъ церквей обиліе оконъ и свѣта. Внутри храмъ и сейчасъ достаточно освѣщенъ, особенно въ центральныхъ частяхъ, несмотря на то, что большая часть его оконъ заложена.

Храмъ (помимо придѣловъ) освѣщался кромѣ оконъ, находившихся въ куполѣ, еще 45 окнами; изъ нихъ 6 находились въ алтарной апсидѣ, 2 въ сводахъ западнаго крыла съ боковъ, 14 въ южной стѣнѣ, 10 въ западной и 13 въ сѣверной стѣнѣ храма. Изъ послѣднихъ 37-ми оконъ — 16 находились въ одномъ ряду, на высотѣ 3,45 м. отъ уровня пола; на той же высотѣ находятся и три главныхъ окна алтарной апсиды.

Окна южной стѣны (рис. 8, 6, 9) были размѣщены слѣдующимъ образомъ (внутри). Въ боковыхъ частяхъ надъ парными большими окнами помѣщается по одному окну той же формы, но въ прямоугольныхъ нишахъ и значительно меньшихъ размѣровъ. Въ средней части окна размѣщены въ три яруса. Въ первомъ ряду—два парныхъ окна; во второмъ ряду, значительно выше, три окна: среднее большое, боковыя—малыя. Въ третьемъ ряду опять три окна: среднее—обычной формы, боковыя—круглыя; при этомъ среднее окно помѣщено въ большой полукруглой нишѣ, почти вдвое шире окна, а боковыя — въ меньшихъ прямоугольныхъ нишахъ.

Въ сѣверной стѣнѣ окна размѣщены совершенно такимъ же образомъ, съ разницей лишь въ третьемъ ярусѣ оконъ. Тутъ былъ оставленъ слишкомъ широкій простѣнокъ между восточнымъ окномъ и тѣмъ большимъ полукругомъ, въ которомъ помѣщается среднее окно, вслѣдствіе чего западное окно не умѣстилось; кромѣ того тутъ боковыя окна третьяго яруса не круглы, какъ въ южной стѣнѣ, а имѣютъ обычную форму.

Распределеніе оконъ западной стѣны аналогично. Въ боковыхъ частяхъ надъ большими окнами нижняго ряда имѣется по одному малому окну той же формы, но въ прямоугольной нишѣ. Въ средней части окна расположены въ три яруса. Въ первомъ ряду большія парныя окна, во второмъ три окна, изъ которыхъ среднее громадныхъ размѣровъ, а боковыя малыя, и въ третьемъ ряду три малыхъ окна или одно тройное окно, раздѣленное на три части двумя колонками съ капителями.

Въ алтарной апсидѣ помимо трехъ оконъ нижняго ряда имѣлось еще

три окна, изъ нихъ одно прямоугольное — надъ конхой, а два круглыхъ — по сторонамъ престола наверху. Въ одномъ ряду съ этими круглыми окнами размѣщены были въ апсидѣ три круглыхъ же, но фальшивыхъ окна, какъ снаружи.

Помимо перечисленныхъ, имѣлись еще два очень маленькихъ окна, помѣщенныхъ въ широкихъ полукруглыхъ нишахъ въ нижнихъ частяхъ свода, покрывающаго западное крыло храма, по одному съ юга и съ сѣвера; эти окна находятся сейчасъ же надъ арками, соединяющими пилоны съ западными пилястрами.

Придѣлы храма освѣщаются каждый двумя окнами, изъ которыхъ одно большое находится все въ томъ же первомъ ряду въ апсидѣ, а другое, меньшее, вверху въ боковой стѣнѣ. Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ оконъ, въ выступахъ южной и сѣверной стѣнъ имѣется по одному окну (а въ сѣв.-вост. — два) для освѣщенія ходовъ ведущихъ въ комнатки, о которыхъ см. ниже.

Окна въ большинствѣ прямоугольныя съ полукруглымъ верхомъ; у пяти восточныхъ оконъ (рис. 4 и 5), верхъ которыхъ не полуциркульнъ, какъ у другихъ, а подковообразенъ, подковообразность, особенно хорошо видная на центральныхъ окнахъ апсиды, замѣтна также и въ формѣ наличниковъ. Самое присутствіе этихъ наличниковъ составляетъ также особенность восточныхъ оконъ храма; остальные окна лишены ихъ. Наличники оконъ боковыхъ апсидъ въ рельефѣ не выходятъ за поверхность стѣны, представляя собою углубленный желобокъ съ идущими вдоль него полуваликами, наличники же трехъ оконъ главной апсиды сильно выступаютъ и идутъ непрерывной линіей. Круглыми наличниками снабжены также круглыя окна и фальшивыя окна главной апсиды.

Какъ видно на прилагаемомъ планѣ, центральное мѣсто въ храмѣ занимаютъ четыре массивныхъ толстыхъ пилонъ, необычнаго для армянскихъ памятниковъ вида, соединенные арками съ противолежащими имъ пилястрами. Эти арки выдѣляютъ изъ общей площади храма угловыя части, имѣющія свое особое перекрытіе, независимое отъ перекрытія центральной части храма, благодаря этому получающей крестообразную форму.

Крылья этого креста покрыты сводами, въ сѣченіи имѣющими, кажется, нѣсколько больше полукруга. Въ центрѣ креста находится новый нѣсколько приплюснутый куполъ безъ барабана, въ которомъ прорѣзано 8 оконъ, по числу граней внѣшняго барабана. Высота карниза, идущаго подъ окнами, надъ поломъ — 18,70 м.; діаметръ купола около 10,50 м.

Угловыя части храма покрыты крестовыми сводами. Въ мѣстѣ пере-

сѣченія сводовъ были, вѣроятно, подвѣшены свѣтильники, судя по сохранившемуся въ сѣв.-зап. углу въ серединѣ сталактитовому подвѣсу съ кольцомъ.

Алтарное возвышеніе и имѣющее на немъ довольно сложное сооруженіе — новѣйшаго происхожденія и, вѣроятно, связаны съ реставраціей храма. Лицевая сторона алтарнаго возвышенія лежитъ на одной линіи со сторонами пилястровъ восточной стѣны. По обѣ стороны алтарнаго возвышенія, общая ширина котораго равняется 9,02 м., имѣются лѣстницы въ 4 ступени (считая полъ возвышенія). Вышина алтарнаго возвышенія 1,12 м.; на разстояніи 1,11 м. отъ наружнаго края полъ возвышается на одну ступень. Средняя часть алтарнаго возвышенія занята сооруженіемъ, основу котораго составляютъ четыре восьмигранныхъ колонны съ квадратнымъ основаніемъ и четыре пилястра у сѣв. и южной стѣнъ. Между этими колоннами и пилястрами перекинута арка, такъ что получается три квадрата изъ арокъ, перекрытые низкими куполами, средній изъ которыхъ увѣнчанъ пирамидальнымъ внѣшнимъ куполомъ, покоящимся на колонкахъ.

По сторонамъ алтарнаго возвышенія находятся два придѣла, покрытые крестовыми сводами. Алтарныя возвышенія и престолы въ томъ видѣ, какъ они сохранились сейчасъ, новы и никакого интереса не представляютъ.

Утолщенія сѣверной и южной стѣнъ храма, образованныя снаружи контрфорсами, использованы для устройства въ нихъ узкихъ (0,62 м.) ходовъ съ каменными крутыми ступенями, ведущихъ въ маленькія комнаты. Ходы начинаются открытыми дверьми съ полукруглымъ верхомъ, помѣщаемыми въ серединѣ каждаго изъ сѣверныхъ и южныхъ пилястровъ, затѣмъ подъ прямымъ угломъ поворачиваютъ на востокъ — въ двухъ восточныхъ, и на западъ — въ двухъ западныхъ ходахъ, затѣмъ лѣстницы прерываются, ходы поворачиваютъ въ обратную сторону и выходятъ въ уголъ комнатокъ. Самыя комнаты помѣщаются надъ арками, перекинутыми между пилястрами и пилонами, въ толщѣ сводовъ, и, если бы не двери ходовъ, существованіе комнатокъ не могло бы быть заподозрѣно, хотя онѣ получаютъ свѣтъ черезъ маленькія отверстія, открывающіяся во внутрь храма. Ходы освѣщаются окнами, размѣщенными по одному во всѣхъ четырехъ контрфорсахъ. Въ тщательно осмотрѣнной сѣверо-восточной комнаткѣ мнѣ не удалось найти ничего интереснаго. Комнатка въ планѣ прямоугольна, въ длину (с.-ю.) имѣетъ 3,56 м., въ ширину (з.-в.) — 2,49 м. Помимо этихъ комнатокъ, по словамъ церковнаго сторожа, имѣется еще какой то мало доступный тайникъ, но гдѣ именно, онъ не смогъ мнѣ объяснить.

Въ сѣверной стѣнѣ сѣверо-восточной комнатки помимо входа имѣется

еще и отверстіе для выхода на террасу крыши. По словамъ церковнаго сторожа, выходъ на крышу имѣеть также и юго-западная комнатка, но я ограничился осмотромъ сѣверо-восточныхъ и юговосточныхъ террасъ крыши. Всего такихъ террасъ храмъ имѣеть шесть, по одной на западныхъ углахъ и по двѣ на двухъ восточныхъ. Изъ этихъ террасъ, имѣющихъ сейчасъ почти горизонтальный каменный полъ, четыре покрываютъ собою угловыя части храма, которыя внутри перекрыты крестовыми сводами, а двѣ восточныя — придѣлы. Соответственно съ этимъ, четыре главныхъ террасы помѣщаются метра на два выше остальныхъ двухъ.

Какъ совершенно ясно видно по слѣдамъ древней кладки въ югозападномъ углу главной сѣверовосточной террасы, прежде полъ ея вовсе не былъ горизонталенъ, т. е. не существовало и самой террасы, а была крыша съ довольно значительнымъ скатомъ и на сѣверъ и на востокъ. Такъ же точно не было, вѣроятно, и террасъ надъ придѣлами: вмѣсто нихъ были двускатныя крыши, кончавшіяся на востокъ малыми фронтонами, что болѣе гармонировало бы съ полуконическимъ перекрытіемъ трехъ апсидъ. Вообще вся крыша подвергалась капитальной передѣлкѣ, причемъ реставраторы не ограничились только замѣной старыхъ плитъ новыми и обтесанными заново, но измѣнили, напримѣръ, и уклонъ двускатныхъ частей: въ томъ же мѣстѣ видны на стѣнѣ слѣды стараго перекрытія сѣвернаго крыла основного креста храма; уклонъ крыши, несомнѣнно, былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ имѣемъ сейчасъ. Такіе же своды имѣются въ другихъ частяхъ крыши. Да и на фронтонахъ перекрытій крыльевъ тоже имѣются слѣды передѣлокъ, особенно хорошо это видно на фронтонѣ западнаго крыла (рис. 3).

Устройство террасъ было вызвано приспособленіемъ крыши храма для обороны. Съ этой послѣдней цѣлью всѣ шесть террасъ были окружены каменными стѣнками, достаточно высокими, чтобы за ними можно было укрыться отъ пуль. Стѣны эти, тщательно сложенные изъ тесаннаго камня, не толсты (кажется, не болѣе 0,30 м.), но прочны, и снабжены большимъ количествомъ узкихъ бойницъ, имѣющихъ значительное расширеніе внутрь. Стѣнки, защищающія южныя террасы нѣсколько выше, чѣмъ у сѣверныхъ, такъ какъ съ этой стороны большія выгоды для нападающихъ представляетъ гора Нпатъ. Террасы довольно просторны; напр., верхняя сѣверовосточная терраса имѣеть въ длину (з.-в.) 9,91 м., а въ ширину (с.-ю.) 6,49 м. Существованіе террасъ можетъ отразиться губительно на храмѣ: вода тутъ застаивается, особенно весной при таяніи снѣговъ, и просачивается сквозь своды храма и даже вливается внутрь черезъ выходъ на крышу.

Устройство террасъ и защитныхъ стѣнокъ съ извѣстной осторожно-

стью можно было бы отнести къ моменту реставраціи храма въ XVIII вѣкѣ. Правда камень на крышѣ и на защитныхъ стѣнкахъ, хотя и тотъ же, что въ сѣв.-западн. углу храма, принялъ нѣсколько иной тонъ, чѣмъ на западной стѣнѣ, но это можетъ быть объяснено различной подверженностью атмосферическимъ вліяніямъ: новый камень западнаго фронтона имѣетъ совершенно тотъ же цвѣтъ, что въ сѣверной части западной стѣны, гдѣ больше всего было возстановлено.

Надписи.

Изъ сохранившихся на стѣнахъ Багаванскаго храма надписей для насъ представляютъ интересъ одиннадцать армянскихъ, двѣ сирійскихъ, одна арабская и одна греческая (?). Кромѣ того, имѣется много краткихъ поминальныхъ надписей, сдѣланныхъ на скорую руку, уродливыми буквами, почти всегда—безъ датъ; большинство изъ нихъ относится къ самому позднему времени¹⁾.

Надписи сирійскія и арабская, уже извѣстныя по неполнѣ точнымъ рисункамъ ген. Бартоломея²⁾, но, кажется, никѣмъ еще не разобранныя³⁾, будутъ изданы Н. Я. Марромъ. Двѣ древнѣйшія изъ армянскихъ надписей, 1 и 2, уже были изданы⁴⁾; остальные слѣдуютъ ниже.

3. Надъ сѣверной средней дверью храма, снаружи, на плитѣ, находящейся въ серединѣ образованнаго арочкой полукруга, надпись въ 3 строки.

ՌԱՆԿՑԻՒԳՐՅՈՒՄԻԱՅ
ՍՈՐԿԻՇՐԵՍՑԻԵՅՈՅՐԳՐՅԱՆ
3 ԿՑԻԶՈՍ ԵՍՑԷ ԶՆԱ.

ՈՐ ԱՆԿՑԻ Ի ՎԵՐԱՅ ՎԻՄԻՍ ԱՅՍՈՐԿԻ ՓՇՐԵՍՑԻ ԵՒ ՅՈՅՐ ՎԵՐԱՅ ԱՆԿՑԻ ԶՈՍԵՍԷ ԶՆԱ:

Тотъ, кто упадетъ на этотъ камень, разобьется, а на кого онъ упадетъ, раздавитъ того.

1) Среди нихъ имѣются и русскія, напр., на вост. грани барабана купола, памятники 1877—1878 гг.

2) Алишанъ, *Աղբյուր*, 530—531.

3) У Алишана (ц. м.) приводится, впрочемъ, попытка чтенія нѣсколькихъ словъ одной изъ надписей.

4) Орбели, Багаванская надпись 639 г., 106—122 и 123—126.

Текст (Мө. 21,44) не представляет никаких особенностей, опущенъ лишь союзъ **ѣ** въ началѣ стиха. Судя по письму, надпись не должна быть древнѣе XI—XII вв.

4. На западной сторонѣ сѣверо-западнаго пилона, на выступѣ, надпись въ 3 строки инициальными буквами. Буквы надписи закрашены краснымъ; двоеточіе въ концѣ — только краской.

ՔՍԱԾԻՔՈՓԱՆՈՒԹՅԱՆ ԼՋՍՏԵԱՆՆ
ՈՂՈՏԵԱՍՏԻՓԱՆՈՒՓՈԿԱԿԱԿԱԼԻ
ԹՈՒԻՏԻՆՅԱՆ ՉԱՍԱԿ:

ԲԻՐՍՏՈՍ ԱՇ Ի ԲՈ ՓԱՌԱԷՌՈՐ ԳԱԼՇՍՏԵԱՆՆ ՈՂՈՐԾԵԱ ՍՏԵՓԱՆՈՍԻ ՓԱԿԱԿԱԼԻ
ՍՈՒՐԲ ՈՒՆՏԻՆ ԳԱՆՋԱՍԱՐԱ:

*Христе Боже, при твоємъ славномъ пришествіи помилуй Степана,
ключаря святого братства Гандзасара.*

Весьма вѣроятно, что эта надпись принадлежит тому же ключарю Степану, который уже извѣстенъ намъ по двумъ надписямъ.

Первая изъ этихъ надписей ¹⁾ находится на западной стѣнѣ притвора Гандзасарскаго монастыря и, слѣдовательно, не можетъ быть древнѣе 1261 г., когда былъ выстроенъ притворъ ²⁾; надпись читается:

ԱՅՈՐԴՆԵԱՅ ՄՏԵՓԱՆՈՍԻ ՓԱԿԱԿԱԼԻ ՍՈՒՐԲ ԿԱՅՈՐԴԻԿԷՍ..... *Возже, помилуй*
Степана, ключаря сего святого собора и т. д.

Другая надпись Степана находится на сѣверной стѣнѣ малаго притвора въ Сананнѣ и датирована 1263 г.³⁾:

ՉԻՐ: ՅՈՒՍՈՒՎ ԱՆՄԱՀԻՆ ԵՍ ՍՅԵՓԱՆՈՍ ԴԱՀԱՆԱ ՓԱԿԱԿԱԼ ՍՈՒՐԲ ՈՒՊՏԻՍ ԴԱՆ-
ՉԱՍԱՐԱ.... 712. *Съ надеждой на Безсмертнаго я, священникъ Степанъ,*
ключарь святаго братства Гандзасара и т. д.

Наша надпись должна относиться къ этому же, приблизительно, времени, т. е. къ 50/60-ымъ годамъ XIII в.; характеръ ея буквъ и составъ лигатуръ вполне подтверждаютъ это.

1) Орбели, Надписи Гандзасара и Авоцпука (BAG, VI), н. 55.

2) Орбели, Асатъ Джалагъ, князь Хаченскій (ИАН, 1909), стр. 414.

8) С. Теръ-Аветисянцъ, Надписи Саянскихъ (BAG), н. 10 (цит. по корр.).

5. На западной сторонѣ сѣверозападнаго пилона, на выступѣ, надпись въ 10 строкъ инициальными буквами.

ԻԹՎ ՃԻԲ Ճ

ԿԱՄԱՆԱՅԵՍԿԱԱ ՊԵՔԱՀԱՆԱՄԴԻՊԱՆԴԱ

3 ԼԷՈՆԻՄԻԱՆԵՑԱԹՈՒԽԻՄԱԳՈՒԱՆԱՅԱՌ
ԱՋՆՈՐԻԹԵՄԵԼՎԱԴԱՊԵՏԵԼԴԳՐԻԳՈՐՅ
ԵԼԿԻԹԻՄԳՐԻԳՈՐՅՄԱՅԳՄԻՋՈՐԻՋՈՂԿԵՐԳՆ

6 ԵՑԻՊԱՊԿԱՆԷՆ Վ ՃԱՀԵԿԱՆԵԼՍԱՍԱՄԲ
ԹՈՑՍԻՈՍՅԱՑԱՆԻՆՉԻՅԱԲԻՆ Վ ՊԱՅԱԳԻՅԱ
ՆԻՄԱՌԵԼՈՑՆՊԵՐՈՍԵԼՊԵՂՈՍՈՎԼԻԱՎԱՆԷ

9 ՄԱՍՆՋՈՒԴԱՆԱՌՑԵԼԿԱՎԱԼԻՉԲՆԵՀՆ

ԻՆՅԱՅ

Ի ԹՎԻՆ ՁԻԲ: ԿԱՄԱՆԱՅ ԵՑ ԵՍ ԿԱՐԱՊԵՏ ՔԱՀԱՆԱ ՈՐԴԻ ՊԱՆԴԱԼԴՈՆԻ ՄԻԱ-
ԲԱՆԵՑԱ ՍՈՒՐԲ ՈՒՄՏԻՍ ԲԱԳՈՒԱՆԱ ՅԱՌԱՋՆՈՐԻԹԵՄԱՆ ԱՌԱՔԵԼ ՎԱՐԴԱՊԵՏԻ ԵՒ
ՑԵՐ ԳՐԻԳՈՐՈՑ ԵՒ ՏՎԻ Ի ՍՈՒՐԲ ԳՐԻԳՈՐՍ ԱՑԳԻ ՄԻ ՋՈՐ Ի ՋՈՂԿԵՐ ԳՆԵՑԻ Ի ՊԱՊԿԱ-
ՆԷՆ Վ ԴԱՀԵԿԱՆ ԵՒ ՍՊԱՍԱՒՈՐԲ ՍՐԲՈՑ ՆՈՍՏԱՑԱՆ ԻՆՉ Ի ՏԱՐԻՆ Վ ՊԱՏԱՐԱԳ Ի
ՏԱԲԻՆ ՍՈՒՐԲ ԱՌԱՔԵԼՈՑՆ ՊԵՐՈՍԵԼ ԵՒ ՊԱԼԴՈՍԻ: ՈՎ ԽԱՓԱՆԷ ՄԱՍՆ ՋՈՒԴԱՆ ԵՒ ՑԵ-
ԻՍԿ ԿԱՏԱՐԻՉԲՆ ԱԻՐՀՆԻՆ ՅԱՅ:

Въ лѣто 722 [= 1273 г.]. Волею Бога, я священникъ Карапетъ, сынъ Пандазона, сопричеслился къ святому братству Багована въ настоятельство варданета Араксела и владыки Григорія и далъ сему храму св. Григорія одинъ виноградникъ, который я купилъ въ Дзоікеръ за 90 даіекановъ; и служители сихъ святыхъ общали мнѣ 4 литургіи въ годъ въ праздникъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Кто нарушитъ, тотъ да получитъ удѣлъ Іуды, а исполнители да будутъ благословлены Богомъ.

Наиболѣе интересно въ этой надписи — указаніе, что храмъ былъ посвященъ не одному святому, а нѣсколькимъ, во всякомъ случаѣ — не менѣе двухъ¹⁾.

6. Внутри храма на восточной стѣнѣ, надъ дверью въ южный придѣлъ, надпись въ 6 строкъ. Буквы — инициальныя, грубыхъ неровныхъ очертаній и представляютъ значительное разнообразіе формъ, напр. Է имѣетъ то прямую головку, то — крючкомъ, Է то составлено изъ прямыхъ черточекъ, то имѣетъ внизу дужку и т. д.; особенно любопытно Գ съ открытой наверху

1) Ср. Багаванская надпись 639 г., стр. 113, прим. 2.

головкой въ стр. 5 (въ словѣ Чѣвѣн). Двѣ буквы недописаны, вмѣсто ѹ въ стр. 4 стоитъ ѹ и вм. Ѣ въ стр. 5 стоитъ Ѣ. Въ стр. 4 вторая лигатура П имѣетъ при второй палочкѣ характеристику ѹ. Въ стр. 6 стоящее подъ титломъ Ч имѣетъ справа вверху какой-то придатокъ, который мнѣ непонятенъ. Въ стр. 6 интересно фонетическое написаніе Чѣвѣн вм. Чѣвѣн, которое пришлось бы исправить въ транскрипціи, если бы этотъ предлогъ не былъ излишенъ при дальнѣйшей конструкціи.

Надпись вырѣзана не до конца и обрывается на полсловѣ.

ԻԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹՆԱԼԱՇԱՅ

ՅՈՒՍՈՎ ԲԱԷՐԱԴԻՆՆԱՅԵՍԶԱՔԸ

3 ԿՐՍՊԱՍԱԼԱՐՍԵԿԻԻԼԱԹԱՅԻՄԲ

ՌԻՏԱԲՍԳՈՒՆՔԵՆԵՍԻԶԱՅՍՀՐԱՇԱ.

ՓԱՌԵԿԵՂԵՑԻՍՐԱՑԻԶԻՄԳՆԱԿՆԵՑԻԶԻՈՇՊՈՒՄԱ

6 ԻՍԻԻՐԵԱՆՑԶՈՂՈՒՄՈՒՄՅԷԱՅՍԵԿԵՂԵՑՈՅՍՅ

Ի ԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹԵԱՆՆ ԱՆԱՀԱՆՔ ՅՈՒՍՈՎ ԲԱՐԵՐԱՐԻՆ ԱՅ ԵՍ ԶԱՔԱՐԷ ԱՄԻՐՍՊԱՍԱ-
ԼԱՐՍ ԵԿԻ Ի ԽԼԱԹԱՑ Ի ՍՈՒՐԲ ՈՒԽՑՍ ԲԱԳՈՒԱՆՈՒ ԵՒ ՏԵՍԻ ԶԱՅՍ ՀՐԱՀԱՓԱՌ ԵԿԵՂԵ-
ՑԻՍ. ԲԱՑԻ ԶԻՄ ԳԱՆՁ ԵՒ ԳՆԵՑԻ ԶԽՈՀՊՈՒՏԱԿՍ ԻՐԵԱՆՑ ՀՈՂՈՒԼ՝ ՈՒ ՏՈՎԻ(?) [Հ]ԱՅՍ ԵԿԵ-
ՂԵՑՈՑՍ ԵՒՀԱՏԱԿ,....

Въ царствованіе Алаши, съ надеждой на Благодѣтеля Бога, я амир-спасаларъ Захарія прибылъ изъ Хлата въ это святое братство Баювана и увидѣлъ эту чудесную церковь, открылъ мою казну и купилъ Хопутайкъ съ его землями и пожертвовалъ въ эту церковь въ память....

Надпись эта, относящаяся, очевидно, къ послѣднимъ годамъ жизни Захаріи и важная для исторіи грузинскихъ походовъ на Хлатъ, интересна также и формой прозвища Георгія Лаши, съ сохраненіемъ абхазскаго префикса — а-; форма эта, судя по изданіямъ, въ армянскихъ надписяхъ встрѣчается впервые.

7. Внутри храма, на южной сторонѣ сѣвернаго пилястра восточной стѣны, надпись въ 5 строкъ.

ԵՍ ՄԹԻՎ ՐԴՊՏԶՐԱ

ՆԻՀՐԱԿՎՐԴՊՆԵՐՈՒ

3 ԶԱՅՍԴՈՇՄԻՒՆԷԱ

ԽՆՅՇԿՀՈԳՈՒՄՈԱՆ

ቡ ጎ ጊቲ

ԵՍ ՄԽԻԹԱՐ ՎԱՌԻԱՊԵՏ ՀՐԱՄԱՆԱԻ ՀԱՅՐԱՊԵՏ ՎԱՌԻԱՊԵՏԻՆ ԵՏՈՒ ԶԱՅՍ ԴՕԵԱ-
ՄԷՆ Ի ԽԵՆ ՀԱԽՆ ՅԻՇԱՏԱԿ ՀՈԳՈ ԻՄՈՆ: ԹՎԻՆ ՌԶԷ (ՌԶ է):

греческими буквами, не вырѣзанными, а написанными красной краской, такую же, какою закрашены буквы надписи 4. По мѣстонахожденію она составляетъ какъ бы непосредственное продолженіе этой надписи.

:ΑΡΙΕΝ

САΡΓΑΤΙΚΟΣ ΓΡΙΓΟΡ

Въ этой странной надписи мнѣ понятно только одно собственное имя, *Григорій*. Возможно даже, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ надписью не греческой по языку.

I. Орбели.

Еще о ковшѣ съ греческой надписью 1586 г.

Недавно, уже по отпечатаніи моей статьи: «Два серебряныхъ ковша XVI в. съ армянской и греческой надписями»¹⁾, А. К. Марковъ, ознакомившійся съ моей статьей, въ частной бесѣдѣ сообщилъ мнѣ, что онъ еще 18 лѣтъ тому назадъ занялся по просьбѣ акад. А. А. Куника разборомъ греческой надписи на ковшѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича, прочелъ ее и перевелъ. При этомъ А. К. Марковъ показалъ мнѣ свою рукопись (того времени) и, когда я убѣдился, что его чтеніе и переводъ нѣсколько отличаются отъ предложенныхъ мною, любезно согласился на мою просьбу предоставить его замѣтку для напечатанія. Замѣтка эта приводится ниже полностью, въ томъ видѣ, какъ она была редактирована А. К. Марковымъ въ 1898 г.

По моей же просьбѣ П. В. Ернштедтъ сообщилъ мнѣ письменно нѣкоторыя свои замѣчанія по поводу той же надписи и предложеннаго мною чтенія; замѣчанія, съ согласія автора, приводятся ниже.

Интересъ, проявленный къ этому ковшу, даетъ основаніе надѣяться, что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ мы получимъ и исчерпывающее объясненіе надписи на ручкѣ, пока все еще остающейся неполнѣ понятной.

I. О.

I.

Надпись на ново-греческомъ (ромѣйскомъ) языкѣ стихами.

Вокругъ чаши:

ΚΟΥΠΑ ΜΕ ΩΡΕΟΤΑΤΙ ΜΕ ΤΟ ΓΛΙΚΩΓ ΤΟ ΥΓΟΣ ΒΑΛΕ
ΣΚΟΠΟΝ ΠΡΟΣ ΤΗΓ ΔΕΞΙΑΓ ΚΕ ΓΙΡΗΣΕ ΤΟ ΓΙΡΩΣ ΓΑ
ΣΕ ΘΕΟΡΘΓ Υ ΑΡΧΩΓΤΕΣ ΒΑΣΤΩΓΤΑΣ ΗΣ ΤΟ ΧΕΡΙ ΩΣ
ΠΙΓΘΓΤΩΓ ΔΠΟ.... (неразборчивое слово).

1) См. ХВ, V, в. 1, стр.

κοῦπα μοῦ ὠραιότατῃ με τὸ γλυκὸν τὸ οἶνος
 βάλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιὰν καὶ γύρισε τὸ γύρος
 νὰ σὲ θωροῦν οἱ ἄρχοντες βαστώντας εἰς τὸ χεῖρ
 ὡς πινοῦντων ἀπὸ.....

*Чаша ты моя прекрасная со сладкимъ виномъ,
 Направо обратись и обойди кругомъ,
 Да видятъ тебя главари держа въ рукѣ,
 Когда выпиваютъ изъ...*

На ручкѣ:

Η
 Ω
 ΗΕΡΑ
 ΕΤΑΠΘ
 ΑΦΠ
 <

ἔτ(ους) ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ
 1586 ιωδς ομς Ρ. Χ.

Внутри изображение св. Георгія и надпись:

Θ ΓΙΩΓΙΟΣ

ὁ ἅγιος Γεώργιος *Св. Георгій.*

А. Марковъ.

14 декабря 1898 г.

II.

Языкъ надписи представляется не діалектическимъ, а образчикомъ простонародной κοινή XVI вѣка. Полное незнакомство автора стиховъ съ книжной орфографіей свидѣтельствуетъ только о соотвѣтственной степени его образованія. Предполагать, что онъ нетвердо зналъ греческій языкъ и принадлежалъ къ національности негреческой, я не сталъ бы. Въ пользу такого предположенія можно было бы сослаться только на странное примѣненіе με вм. μου. Однако, με — если оно не является неизвѣстнымъ мнѣ синтаксическимъ діалектизмомъ — я объяснилъ бы какъ графическое предвосхищеніе, по невнимательности составителя, слѣдующаго далѣе предлога με, благодаря одинаковости начальнаго согласнаго въ μου и με. Другая языковая неожиданность не доказательна, по вопросу о родномъ языкѣ автора, ни въ какую сторону: τὸ ὕνος = τὸ οἶνος, очевидно, создано для

даннаго стиха, при составленіи котораго оно подвернулось стихоплету вмѣсто неподходящаго по ударенію τὸ κρασί. Являясь такой окказіональной licentia, τὸ οἶνος все же имѣетъ нѣкоторое оправданіе съ точки зрѣнія живого языка въ распространенности новогреческихъ вторичныхъ ss. n. на — ος (ср. τὸ γῦρος въ слѣд. стихѣ и сопоставленія Hatzidakis'a, Einleitung. i. d. ngr. Gramm., 356 sqq.). Къ заимствованіямъ автора изъ древняго словаря слѣдуетъ, вѣроятно, кромѣ слова οἶνος отнести еще предлогъ πρὸς и союзъ ὥς. Все остальное понятно изъ новогреческаго языка.

Къ изданію и переводу I. A. Орбели замѣчу слѣдующее. Вмѣсто ὠραιότατη слѣдуетъ по-новогречески читать ὠραιότατη, что естественно также съ точки зрѣнія стиха. Слова βάλε σκῆπόν πρὸς τὴν δεξιάν означаютъ: «ступай (или направься) въ правую сторону», собственно: «поставь (себѣ) цѣль по правую руку», и не могутъ быть поняты соотвѣтственно переводу издателя. По фотографіи ковша, предоставленной мнѣ издателемъ, я убѣдился въ необходимости читать βασιτώντας вм. читаемаго имъ βάζοντας (въ 3-ьемъ же ст.).

Перевожу слѣдующимъ образомъ:

*«О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ,
держи путь вправо и обойди кругъ,
чтобы тебя созерцали господа, держа (тебя) въ рукахъ,
(и) чтобы осушали они тебя, когда пьютъ его (т. е. вино)».*

П. Ернштедтъ.

Армянскія надписи на камнѣ.

Въ рядѣ мелкихъ замѣтокъ, объединенныхъ этимъ общимъ заглавіемъ, я имѣю въ виду давать текстъ и переводъ отдѣльныхъ армянскихъ монументальныхъ надписей, съ главной цѣлью — установленія текста. Чтобы не уклоняться отъ этой главной задачи, — увеличенія провѣренныхъ надежнымъ образомъ армянскихъ эпиграфическихъ матеріаловъ, и чтобы не замедлять ея усиленнаго разрѣшенія, придется пока, по возможности, воздерживаться отъ какихъ либо попытокъ къ изслѣдованію и объясненію издаваемыхъ текстовъ, хотя текстъ нерѣдко нуждается въ поясненіяхъ.

Переводъ дается, по возможности, близкій къ подлиннику, но, естественно, не свободный отъ нѣкоторой условности: избѣжать ея при лаконичности текста крайне трудно.

При каждой надписи даются ссылки на прежнія изданія; отличія въ чтеніи не указываются, кромѣ особенно существенныхъ. Ссылки на изданія, представляющія простую перепечатку чужого чтенія, какъ, напр., извѣстная работа Эмина¹⁾, не даются. Исключеніе сдѣлано лишь для трудовъ Алишана, такъ какъ не всегда можно рѣшить, даетъ ли онъ просто перепечатку или самостоятельное чтеніе.

1—4. Надписи о построеніи башенъ въ Карсѣ.

Приводимыя ниже надписи были высѣчены на башняхъ городской стѣны Карса; мѣстовахожденіе точно не опредѣляется, ни по Саргисяну, ни по Крпэ.

Текстъ установленъ по фотографіямъ Кюркчяна.

1. Надпись на трехъ грубо обтесанныхъ камняхъ рельефными буквами. Буквы разной величины, угловаты, интересны въ палеографическомъ

¹⁾ Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и окрестностяхъ послѣдняго. Переводъ Н. О. Эмина. М. 1881.

3. Надпись рельефными буквами на двухъ камняхъ, на первомъ — 1 строка. Надъ надписью сохранилась нижняя часть крестнаго камня.

ԻԹՎԻՍ:ՈՉԳ
 ՇՆՈՐԶԻԻՆԱՅԵՆՈՂՈՐՄՈ
 ԻԹԵԲԹԱԳԻՆՄԵՐՈՅԸՈՈ
 ԻՍՈՒԴԱՆԱՅՄԵՔԿԱՐ
 ՈՒՑՔՐԻՍՄՈՆԱՅՔՍՄԵ
 ԾԵԼՓՈՔՐՇԻՆԵՑԱՔԶ
 ՔՐԶՆԵՐՍԻՅԻՇԱՄԱԿՄ
 ԷԶԵԻՊԱՄՐՈՆԻՆՄԵՐՈՅ

Ի ԹՎԻՍ ՈՉԳ: ՇՆՈՐԶԻԻՆ ԱՅ ԵՒ ՈՂՈՐՄՈՒԹԵԱՄԵ ԹԱԳԱՆՈՐՄԻՆ ՄԵՐՈՑ ԸՌՈՒՍՈՒԴԱՆԱՅ ՄԵՔ ԿԱՐՈՒՑ ՔՐԻՍՄՈՆԱՅՔՍ ՄԵԾ ԵՒ ՓՈՔՐ ՇԻՆԵՑԱՔ ԶՐԶՆԵՐՍ Ի ՅԻՇԱՑԱԿ ՄԵԶ ԵՒ ՊԱՑՐՈՆԻՆ ՄԵՐՈՅ:

Въ лето 683 [1284]. Благодатю Бога и милостю царицы (букв.: царя) нашей Русуданы, мы христіане Карса, великіе и малые, построили сіи башни въ память о насъ и о юспожъ (букв.: патроне) нашей.

Фот.: табл. XLIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алишанъ, II, 85; Крпз, 25.

У всѣхъ издателей дата опущена.

4. Надпись на 1 камнѣ врѣзанными буквами.

--ԹՎԻՍՈՉԳԻԹԱԳԱՒՈ
 ՐՈՒԹԵՍԸՌՈՒՍՈՒԴԱՆԱ
 3 ՅԱԹԱՊԱԿՈՒԹԵՆՆԻԲԱՆ
 ԷԻՄԵՔԿԱՐՈՒՑՔՐԻՍՄՈՆԷ
 ՔՍՇԻՆԵՑԱՔԶՔՐԶՆԵՐՍԻ
 6 ՀԱԼԱԼԱՐԴԵԱՆՑՄԵՐՈՑ

ԴՐ ԹՎԻՍ ՈՉԳ Ի ԹԱԳԱՆՈՐՈՒԹԵԱՆ ԸՌՈՒՍՈՒԴԱՆԱ ՅԱԹԱՊԱԿՈՒԹԵԱՆԵՆ ԻԲԱՆԷԻ ՄԵՔ ԿԱՐՈՒՑ ՔՐԻՍՄՈՆԷՔՍ ՇԻՆԵՑԱՔ ԶՐԶՆԵՐՍ Ի ՀԱԼԱԼ ԱՐԴԵԱՆՑ ՄԵՐՈՑ:

Лѣта 683 [1284] въ царствованіе Русуданы, въ атабегство Иванэ, мы, христіане Карса, построили сіи башни на наши собственныя средства.

Фот.: табл. LXIV. Изд.: Саргисянъ, 104; Алишанъ, II, 85; Крпз, 26.

5. Надпись Проша о сооруженіи церкви въ Айри-ванкѣ.

Въ Айри-ванкѣ (Геґардѣ), въ церкви С (по описанію и плану Сысоева), на южной стѣнѣ надпись въ 8 строкъ, за которою непосредственно слѣдуетъ приписка грубо и неумѣло вырѣзанными буквами, занимающая половину строкъ 8 и 9. Въ стр. 8, въ концѣ, описка: ԲԲ вм. ԲԳ; въ стр. 9 буквы ՎԱ на снимкѣ видны неясно.

Текстъ установленъ по фотографіи.

- ԻՅԵՐՈՒԹԵՆԲԱԷՊԱՇՏԱԾԱՍԷՐԹԱԳԱԴՐԻՆՎՐԱՑ
ԱԱԳԻՆԵԻՇԱՀՆՇԱՀԻԵՐԴՈՆՈՐԱԶԱՔԱԲԱԻԵՍ
3 ՊՈՈՇՐԴԻՎԱՍԱԿԱՅԱԶԳԷՆԻԱՂԲԱԿԱԳԱՆԶԱԳԻ
ՆԱԸԻԻՅԵՐԱՆՑԱՇԻԱՀԻՍՄԵԾԱՀՈԶԱԿՆԱՅՐ
ԻՎԱՆՍԼԵՐԱՄԲԵԻԴԱՇՏԱԵԻԱՍԵՆԱՅՆԿԱԶՄՈՒ
6 ԹԲՐԿԱՅՐԻՍՄԱՓՈԷՑԻԻՎԻՄԷՏՈՒՆԱՅՅԻՇ
ԱՅԱԿԱՆԶԵԻՐԴԵԱՑԻՄՈՑԵԻԱՄՈՒՍԻՆԻՄՈՒՈ
ԻԹԼՈՒԻԱԹՈՒՆԻՆԻՄՄՈՒՔՆԶԱՄԷՆՏՎԻԻԹԻՐԳԷ
9 ՂԱԴԻՆՎԱՍՍ

Ի ՏԵՐՈՒԹԵԱՆ ԲԱՐԵՊԱՇՏ ԱԾԱՍԷՐ ԹԱԳԱԴՐԻՆ ՎՐԱՑ ԱԻԱԳԻՆ ԵՒ ՀԱՀՆՇԱՀԻ ԵՒ ՈՐԴՈՆ ՈՐԱ ԶԱՔԱՐԻԱՒ ԵՍ ՊՈՈՇ ՈՐԻՒ ՎԱՍԱԿԱ ՅԱԶԳԷՆ ԽԱՂԲԱԿԱ ԳԱՆԶԱԳԻՆ ԱՐԱՐԻ Ի ՏԵՐԱՆՑ ԱՇԽԱՀԻՍ ՄԵԾԱՀՈԶԱԿՆ ԱՅՐԻՎԱՆՍ ԼԵՐԱՄԲ ԵՒ ԴԱՇՏԱԻ ԵՒ ԱՄԵՆԱՑՆ ԿԱԶՄՈՒԹԵԱՄԲ ՈՐ ԿԱՑՐ Ի ՍՄԱ: ՓՈՐԵՑԻ Ի ՎԻՄԷ ՑՈՒՆ ԱՅ ՅԻՀԱՏԱԿ ԻՆԶ ԵՒ ՈՐԻԵԱՑ ԻՄՈՑ ԵՒ ԱՄՈՒՍԻՆ ԻՄՈ ԽՈՒԹԼՈՒ ԽԱԹՈՒՆԻՆ:

ԻՍ ՄՈՒԼՔՆ ԶԱՄԷՆ ՏՎԻ Ի ՍՈՒՐԲ ԳԵՂԱՐԻՆ ՎԱՍՍ:

Во владычество благочестиваго, Боголюбиваго вѣнцезолагателя Грузин Авага и Шахншаха и сына его Захаріи, я Проиш сынъ Васака, изъ рода Хаїбака, купилъ отъ владѣтелей сей страны велеславный Айри-ванкѣ, съ горами и долами и со вѣсмъ устроениемъ, которое въ немъ было. Выстъкъ я въ скаль домъ Божій въ память обо мнѣ и сыновьяхъ моихъ и женѣ моей Хутлу-хатунъ.

Всѣ мои земельныя владѣнія я далъ въ вакфъ (обители) святаго Копѣя.

Фот.: табл. XLV. Изд.: Шахатуняницъ, II, 285; Манкуни, 24; С. Мхитаряницъ, 38; Алишанъ, II, 341; Сысоевъ, 13.

Надпись относится ко второй четверти XIII в.; точная дата у Костанянца (1214 г.) произвольна. Отличіе въ почеркѣ приписки отмѣчено всѣми издателями; по этой причинѣ Мхитаряницъ ее опускаетъ. Отчетливо видное слово ԹԱԳԱԴՐԻՆ *вѣнцезолагателя* прочитано вѣрно только у перваго изда-

теля, Шаххатунянца; Манкуни — ԹԱԳԱՆՈՐԻՆ ցаря; Мхитарянецъ — ԹԱԳԱՆՈՐԱԶԻՆ царероднаго, Алишанъ — ԹԱԳԱՆՈՐԻՆ... царя..., Сысоевъ — ԹԱԳԱՆՈՐԻՆ царя¹⁾).

6. Надпись Укана и Папкана о построении колокольни въ Ани.

При раскопкахъ церкви на мѣстѣ холма № 101 въ Ани, подъ западной стѣной церкви, найдены 5 кусковъ камня съ надписью въ 6 строкъ. По содержанію — недостаетъ камня слѣва, и въ каждой строкѣ приблизительно 19-ти буквъ; правый край камня отбитъ.

Текстъ установленъ по фотографіи. Изломы буквъ въ наборѣ не сохранены.

- ԲԻՄԱՏԻՆԵԻՊԱՊԲԱՆՎԱԽԱՆԻ --
ԻՆՇԻՆԵՑԱՔԶԱՆԿԱԿԱՏՈՒՆՍԵԻ --
3 ԲՈՑՓՈԽԱՐԷՆՀԱՏՈՒՑԻՆՍՊԱՍԱ --
ՍԻՆԻՈՈՆԻՆՍՊԱՏԱԳԵՆԶԲՍ. --
ՆՍԱՐԳՍԵՔՍԹԷ-ԻՍԱՐԳՍԻԱՐՔԱՈ -
6 ՄԵԶՈՒՔԱՆԻՍ ԵԻՊԱՊԲՆԻՍԵԻՊԱՊԵ -

ԴՆՈՐԶԻՐԵ ՄՅ ԵՍ ՈՒՔԱՆ ՔԱՐԻՄԱՏԻՆ ԵՒ ՊԱՊԲԱՆ ՎԱԽԱՆԻՆ ԵՒ ՀԱՐՍԵ ԻՄ ԴԱՊՏԱՅ
ԽԱԹՈՒՐԵ ԴԵՆԵՑԱՔ ԶԱՆԿԱԿԱՏՈՒՆՍ ԵՒ ԴՏՎԱՔ ԵՎԵՐԲ Ի ՀԱԼԱԼ ԸՆԶԻՑ ՄԵՐՈՑ: ՓՈԽԱ-
ՐԵՆ ՀԱՏՈՒՑԻՆ ՍՊԱՍԱԴՈՐԲ ԵԿԵՂԵՑՈՑՍ - ԱՐ ԵՅԵԿՈՍԻՆ ԽՈՐԱՆԻՆ ՊԱՏԱՐԱԳԵՆ ԶԲԻՐՍ-
ՏՈՍ Դ ՏԱՐՈՒՄԸ. - ԱՐ ՄԵՐ ՀԱՐԻՆ ՍԱՐԳՍԻ ԵՒ ՍԹԷ ՍԱՐԳՍԻ ԱՐՔԱՆՈՒՐԻՆ ԵՒ ՄԵՐԶԷ
ԵՒ - ԱՐՄ ՄԵԶ ՈՒՔԱՆԻՍ ԵՒ ՊԱՊԲԱՆԻՍ ԵՒ ԴԱՊՏԱՅ ԽԱԹՈՒՆԻՍ....

*Милостью Бога, я, Уканъ Каримадинъ и Папканъ Вахрадинъ, и не-
вѣстка моя Данта-хатунъ построили сію колокольню и дали дары изъ
собственного нашего имуществва. Взамѣнъ опредѣлили служители сей
церкви совершать литургію Христу въ обоихъ придѣлахъ - дня въ году:
- дня за нашего отца Саргиса и Ситїи и аркауна Саргиса и Мерчїи, и
- дня за насъ, Укана и Папкана и Данта-хатуну.*

Фот.: табл. XLV. Изд.: Марръ, XI Ан. камп., 36.

У Н. Я. Марра текстъ безъ возстановленій.

1) Манкуни, судя по подчеркиванію буквъ ԱԽՈ, сознавалъ, что онъ измѣняетъ чте-
ніе подлинника, а Мхитарянецъ и Алишанъ, очевидно, желали осмыслить фразу, въ виду
нелѣпости титулованія Авага, сына Иванъ, «царемъ Грузіи». Алишанъ предположилъ, судя
по его многоточію, лакуну. Только редакторы «Матеріаловъ по Археологіи Кавказа», издавшіе
матеріалы В. М. Сысоева, не смущаясь этой нелѣпостью, печатаютъ слово ԹԱԳԱՆՈՐԻՆ и
даже переводятъ надпись — безъ всякихъ оговорокъ. Повинны въ этомъ, какъ и въ непра-
вильныхъ чтеніяхъ, именно редакторы, располагавшіе фотографіями, но отнюдь не Сысоевъ,
какъ извѣстно вовсе не знавшій языка надписей. Кстати, не лишне отмѣтить, что ԳԵՐԲ, т. е.
وقف, не персидское слово, какъ то указываетъ редакція «Матеріаловъ»; отмѣчая ԳԵՐԲ, слѣ-
довало бы отмѣтить и другой арабскій терминъ въ припискѣ, ملك — ملك.

7. Надпись Уйана и Папжана въ Кармир-ванкѣ.

Въ Кармир-ванкѣ, близъ Ани, на правомъ берегу Ахуряна, на восточной стѣнѣ церкви надпись въ 16 строкъ.

Текстъ установленъ по фотографіи.

ԻԹՈՒԻՍ

2Ի

- 3 ՇՆՈՐՀԻՆՆԱՅԵՍՈ. ՔԱՆՔԱՐԻՄԱԴԻՆՍԵՒԵՂԲԱՅՐ
ԻՄՊ ԱՊՔԱՆ ՎԱԽՐԱԴԻՆՍՈՐԴԻՔՍԱՐԳՍԻԹՈՒՆՀՈԳ
ՈՅՆ ՀԱՐՄԵՆԻՄ ԴԱՊՏԱՅԻԱԹՈՒՆՍԳՆԵՑԱՔԶՎԱՆՔՍ
6 ԻՐԱՄԵՆԱՅՆՍԱՀՄԱՆԱԻՔՍՀՈՂՈՎԵՔՐՈՎԵՔԻՆԵՆԵՑ
ԱՔԻԿՈՐԴՈՅԵՔԱՐԴԱՐԵՑԱՔՍՊԱՍԻՔԵՒԳՐԵՆԱ
ԻՔԵՒԸՆԾԱԵՑԱՔԵԿԵՂԵՑՈՅՍԶ ՄԵՐ ԳԱՆՁԱԴԻՆ
9 ՀԱՅՐԵՆԻՔՆԶԻԱՆԱՊԻՆԴԱԿՆՄԻՋԱԻՐԵՆԷՐՇԱՀ
ԱՊԻՆԶՎԵՐԵՒՆԵՒՋԵՐՔԵՒՆԵՒՀԶՀԱՐՈՒԿՈՂՄԱՆՆ
ԿՈՒՂՊԱԿԱՌՎՆԵՒԱՅԳԻՄԻԻՔԱԳՐԱԶԱՅԳԵՀԱՐՆ
12 ԵՔԶԱՔՍՏԻՆԿԱՊՆԵՒՋԻԱԶԻԻ ՐՈՅ Դ ԴԱԿՆԵՒՋ
ԱՂԱՑՍՀԱՅՐՍԱԳԻՍԵՒԱՅԼԵՂԲԱՔՍՓՈՒԱՆՀԱՏՈՒՑ
ԻՆՅԱՆԱՅՆՇԱՔԱԹՆԱՐ:Գ:ԻՄՆԱՄԵՐՀԱՐՆՍԱԳՍԵՒ
15 ՍԻԹԵՒՄԵՐՇԵՊԱՏԱԳԵՆ:ԵՒ:Գ:ԱՐՍԱԳԻՍԱՔԱՌԻՆԻՆ
ՄՔՀԱԿԱՌԱԿՆԸՆԾԱԻՑՍԴԱՏԻՆԻՔԵ:ԱՆ:ՄԻԹԱՐԻՇԳԻՇ

Ի ԹՈՒԻՍ ԶԻ: ՇՆՈՐՀԻՆՆԱՅԵՍ ՍՈՒՔԱՆ ՔԱՐԻՄԱԴԻՆՍԵՒ ԵՒ ԵՂԲԱՅՐ ԻՄ ՊԱՊՔԱՆ ՎԱԽՐԱԴԻՆՍ ՈՐԴԻՔ ՍԱՐԳՍԻ ԹՈՒՆ ՀՈԳՈՅՆ ԵՒ ՀԱՐՄԵՆ ԻՄ ԴԱՊՏԱՅԻԱԹՈՒՆՍ ԳՆԵՑԱՔ ԶՎԱՆՔՍ ԻՐ ԱՄԵՆԱՑՆ ՍԱՀՄԱՆԱԻՔ ՀՈՂՈՎ ԵՒ ՋՐՈՎ ԵՒ ՇԻՆԵՑԱՔ Ի ԿՈՐԻՈՑ ԵՒ ՋԱՐԴԱՐԵՑԱՔ ՍՊԱՍԻՔ ԵՒ ԳՐԵՆԱԻՔ ԵՒ ԸՆԾԱԵՑԱՔ ԵԿԵՂԵՑՈՅՍ ՋՄԵՐ ԳԱՆՁԱԴԻՆ ՀԱՅՐԵՆԻՔՆ ԶԻԱՆԱՊԻՆ ԴԱՆԿՆ ՈՐ ՄԻՋԱԻՐԵՆ ԷՐ ՇԱՀԱՊԻՆ ԶՎԵՐԵՒՆ ԵՒ ԶՆԵՐԵՒՆ ԵՒ ԶՀԱՐԱԻ ԿՈՂՄԱՆՆ ԿՈՒՂՊԱԿԱՌՎՆ ԵՒ ԱՅԳԻ ՄԻ Ի ԲԱԳՐԱՆ ՋԱՅԳԵՀԱՐՆ ԵՒ ՋԱՔՍՏԻՆ ԿԱՊՆ ԵՒ ԶԻԱԶԻՄՐՈՑ Դ ԴԱՆԿՆ ԵՒ ԶՋԱՂԱՑ: ՀԱՅՐ ՍԱՐԴԻՍ ԵՒ ԱՅԼ ԵՂԲԱՐՔՍ ՓՈԽԱՐԵՆ ՀԱՏՈՒՑԻՆ ՑԱՄԵՆԱՑՆ ՇԱՔԱԹՆԱԻՐ Գ ԽՈՐԱՆ ՄԵՐ ՀԱԻՐՆ ՍԱՐԴՈՒՆ ԵՒ ՍԻԹԵՒ ԵՒ ՄԷՐՇԵ ՊԱՏԱՐԱԳԵՆ ԵՒ Գ ԱՐ ՍԱՐԴԻՍ ԱՐՔԱՌՆԵՐՆ: ՈՐՔ ՀԱԿԱՌԱԿ ԼԿԱՆ ԸՆԾԱԻՑՍ ԴԱՑԻՆ Ի ՔՐԻՍՏՈՍԷ. ԱՄԵՆ:

ՄԻԹԱՐԻՇ ԳՐԻՇ:

Въ лѣто 720 [1271]. Милостію Бога, я Уканъ Каримадинъ и братъ мой Папжанъ Вахрадинъ, сыновья Сарписа, онукъ (sic) *h*Они, неостыжа моя Данта-хатунъ купили сію обитель во вѣсѣхъ ея іраниахъ, съ землею

и водою, и изъ запустѣнія привели въ устройство и украсили утварью и книгами. Подарили мы сей церкви нашу купленную вотчину, тотъ дангъ ханапара, что находился на югъ отъ Шахана, верхъ и низъ и южный (дангъ) съ лавками и одинъ виноградникъ въ Багаранъ, Айгешаръ и Акстин-канъ, и четыре данга въ Хачихуръ, и мельницы. Отецъ Саргисъ и другіе братья взаимно опредѣлили каждую субботу служить литургію въ 3 прѣдѣлахъ за отца нашего Саргиса и Сити и Мерчи и 3 дня (въ годъ) за аркауна Саргиса. Кто воспротивится симъ дарамъ, будетъ осужденъ Христомъ. Аминь.

Писецъ Мхитаричъ.

Изд.: Алишанъ, т., 170.

Начало строки 15 у Алишана невѣрно; Н. Я. Марромъ сначала прочитано ошибочно¹⁾, затѣмъ, въ связи съ печатаемой ниже надписью 7, — правильно²⁾; установленное Н. Я. Марромъ чтеніе имени Мерчи, подтверждается теперь надписью 8.

8. Надгробная надпись католика Петра въ Варагъ.

Въ Варагѣ, близъ Вана, въ сѣверовосточномъ углу притвора главнаго храма, на большой надгробной плитѣ, по обѣ стороны рельефнаго изображенія посоха, надпись въ 5 строкъ грубо вырѣзанными буквами (особенно 2). Верхняя часть буквъ обращена къ западу (ср. надпись 10).

ԹԻՆԴՃԱ:	ԱՅՍԷՀԱՆԳԻ
ԱՄԴՆԴԵՐՈՍԻ	ԿԹՂԻԿՈՍԻՆ
Յ ՈՐԻՐԱԳԻՋՈՆ	ՋԳԵՆՃՐՈԻ
ԱԳԵԼԱՑԱՌ	ԱՋԻՎԱՍԻԼԱՐԻ
ԱՅԻՆ:	

ԹԻՆԴՆ ԴՃԱ: ԱՅՍ Է ՀԱՆԳԻՍՏ ՏԵԱՌՆ ՊԵՏՐՈՍԻ ԿԱԹՂԻԿՈՍԻՆ ՈՐ Ի ՏՐԱԳԻՋՈՆ ՋԳԵՆՃՐՈՆ ԱՐԳԵԼԱՐԱՑ ԱՌԱՋԻ ՎԱՍԻԼ ԱՐԿԱՅԻՆ:

Лето 471 [1022]. Это покой католика владыки Петра, который въ Трапизонтъ остановился рынку Чоракъ въ присутствіи царя (арқау) Василія.

Изд.: Саргисянъ, 256; Лалаянцъ, ч., 46 (т., XXI, 62).

У Саргисяна точно, у Лалаянца отступленія.

1) Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ (ВВ, XII), 64—65.

2) Վաղարշապատ, Предисловіе, XIII—XIV. Предложенное тутъ исправленіе даты неосновательно.

9. Надпись Уканъ и Палканъ въ Мецараниц-ванкѣ.

Въ монастырѣ св. Іакова, Мецараниц-ванкѣ, въ Хаченѣ, въ сѣверной стѣнѣ южнаго притвора, въ глубинѣ ниши встроены камень съ надписью въ 10 строкъ.

Текстъ списанъ мною въ 1909 г.

ԿԱՄԱՆԱՅԵՍՈՒՔԸ
Ո-ՊԱՊՔԸՈՐԴԻՍԱԳՍԻ
3 ՀՈԳՈՐԴՈՅՆՏԵՔԸ
ԵՑԵՐՆՇՆԵՍԸՆԾԱԿԻՔ
ԻՇԻՆԱՌՄՁԱԼԱԼԱԴԱԿԵԼԵ
6 ՏՐՎԴԵՏԵՔԵՍՃՃԱ
ՏՎԻՆԵՐԵՂԲԵՐՆԵ
ՐԶՈՅԵԾԻՆԵՇԵԱԹ
9 ԻՈՎԻԱՓԱՆԷԴԱՏ
ԻԱՅԹՎԶԱ

ԿԱՄԱՆԱՅԵՍ ԵՍ ՈՒՔԱՆ ՈՐԴԻ ՊԱՊՔԱՆ ՈՐԴԻՔ, ՍԱԳՍԻ ՀՈԳՈ ՈՐԴՈՅՆ ՄԻԱԲԱՆԵՑԱՔ ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆԻՍ ԸՆԾԱԿԻՔ ԻՇԵԱՆՈՒԹԵԱՄԲՍ ԶԱԼԱԼԱ ԴԱԿԻՆ: ՏԷՐ ՎԱՐԴԱՆ ԵՒ ՄԻԱԲԱՆՔՍ Ժ ԺԱՄ ՏՎԻՆ ՄԵՐ ԵՂԲԱՐՆ ՄԵՐԶՈ ՄԵԾԻ ԵՇԱԲԱԹԻ: ՈՎ ԽԱՓԱՆԷ ԴԱՏԻ ԱՅ: ԹՎԻՆ, ԶԱ:

Волею Бога я Уканъ и Палканъ, сыновья Саргиса, сына hOmi, сопричислились къ сей (церкви) святаго Знаменія, принеся дары, въ княженіе Джалала Давлы. Владыка Варданъ и братія дали 10 службъ за брата нашего Мерчй въ великій четвертъ. Кто нарушитъ, будетъ осужденъ Богомъ. Лѣта 701 [1252].

Изд.: Джалалянцъ, I, 194.

У Джалалянца строки 7—8, съ упоминаніемъ о Мерчй, пропущены.

І. Орбели.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Еще о мингрелизмахъ въ грузинскихъ надписяхъ изъ Мингрелии*¹⁾.

Въ названной статьѣ мною отмѣчены мингрелизмы фонетическаго характера. Одна изъ опубликованныхъ только что надписей изъ Мингрелии же²⁾ содержитъ мингрелизмъ синтаксическаго характера. Именно, на стр. 44,12 читаемъ [შეპოგვიწიანებ...] შათის სახლის კაცია, მამული და აღაგია... *Пожертвовали ихъ съ ихъ домохозяевами, имѣніемъ и землями*, между тѣмъ какъ правильно по-грузински должно было быть: შათის სახლის კაცია, მამულისა და აღაგია, т. е. какъ и въ русскомъ переводѣ всѣ одинаковыя части слитнаго предложенія должны быть поставлены въ одномъ и томъ же, въ данномъ случаѣ, творительномъ падежѣ. Нарушеніе этого правила въ цитованномъ предложеніи объясняется вліяніемъ мингрельскаго языка, въ которомъ слова одной и той же категоріи (въ слитныхъ предложенияхъ) воспринимаются какъ одно нераздѣльное цѣлое, а потому измѣненіямъ подвергается послѣднее изъ нихъ³⁾. I. H.

— Въ трудѣ Е. А. Пахомова: «*Монеты Грузии*» есть нѣкоторыя, незначительныя шероховатости въ воспроизведеніи легендъ на грузинскихъ монетахъ, не отмѣченныя И. Джаваховымъ въ его обстоятельной критикѣ на эту прекрасную книгу г. Пахомова. Такъ, на стр. 109 сл. подъ № 65 послѣднія три буквы легенды на лицевой сторонѣ монеты Георгія Лаши, именно **QVZ** г. Пахомовъ исправляетъ въ **QVZ** на томъ основаніи, что эти буквы сокращеніе слова უფლის (110 стр.). Совершенно вѣрно, г. Пахомовъ читаетъ უფლის, но дѣло въ томъ, что звукъ უ въ древнегрузинскомъ изображается двумя знаками **QV** = **QV** (ср. греч. ου), и слово **QVZ** сокращенно передается обыкновенно первымъ и послѣднимъ буквами, т. е. **QV** = **QV**. Поэтому нѣтъ надобности въ исправленіи вышеуказаннаго начертанія. Нѣтъ надобности и на стр. 120 въ звукѣ უ въ словѣ ღმერთისათ, ибо родит. падежъ отъ ღმერთი звучитъ ღმერთისათ (უ ბჭლოе). Также лишнее на стр. 69 **YVNSD** читать какъ **YVNSD**, ибо изъ легендъ на слѣд. страницахъ ясно видно, что

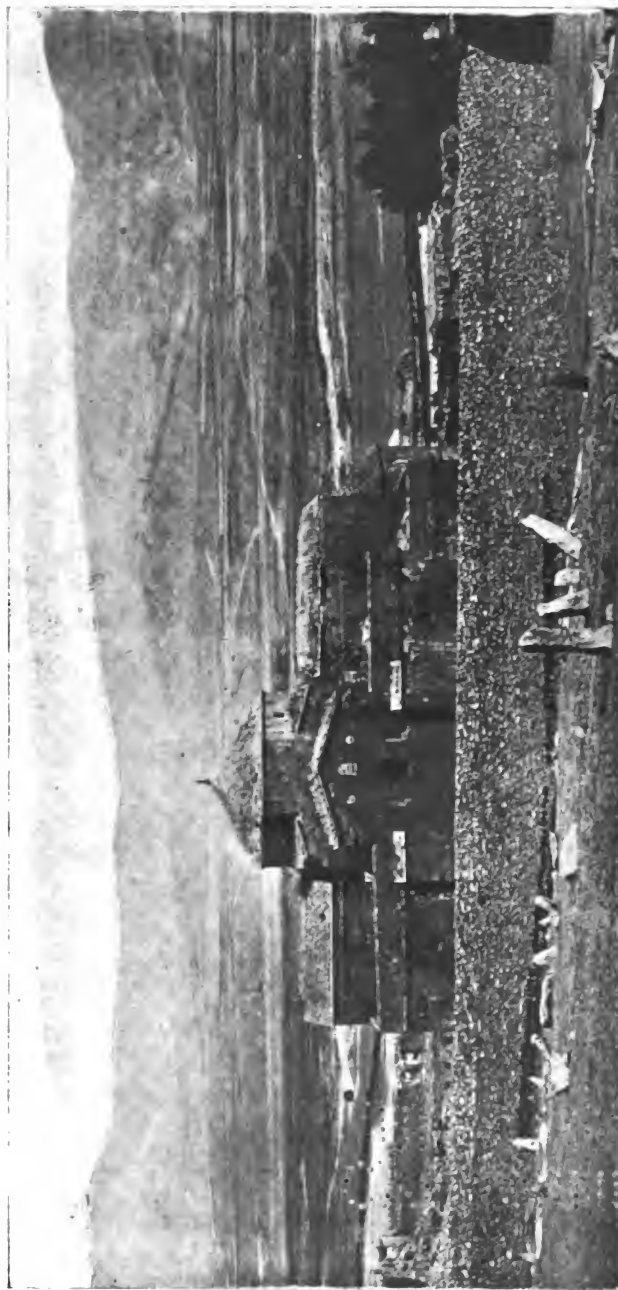
1) См. ХВ, т. IV, вып. III, стр. 315 сл.

2) ХВ, т. V, вып. I, стр. 40—50 «Суджунская церковь и ея древности».

3) Ср. I. Кипшидзе, Грамматика мингрельскаго языка..., § 148.

ვესტონი одна форма, а ვესტონი другая. Правда, на стр. 74 читается полностью и ვესტონი, но это одна изъ многихъ непоследовательностей, встрѣчающихся на легендахъ. Кромѣ этихъ недосмотровъ въ воспроизведеніи легендъ, встрѣчаются у г. Пахомова просто опечатки. Такъ, на стр. 21 ჯვარო ვმ. ჯვარო, на 59 — 8-ая буква надписи должна быть **ჴ**, а не **ჴ**, на 77 — მადე ვმ. მადე, на 78 — ვესტონის ვმ. ვესტონის, на 91 — ღმრთის ვმ. ღმრთის, на 103 — ღმრთ ვმ. ღმრთ, на 107 — ღმრთისა ვმ. ღმრთისა, тамъ же ქონიკონსა и на 118 — ქონიკონსა ვმ. ქონიკონსა, на 119 — 5-ая строка снизу **სტეფანო** ვმ. **სტეფანო**.

I. K.

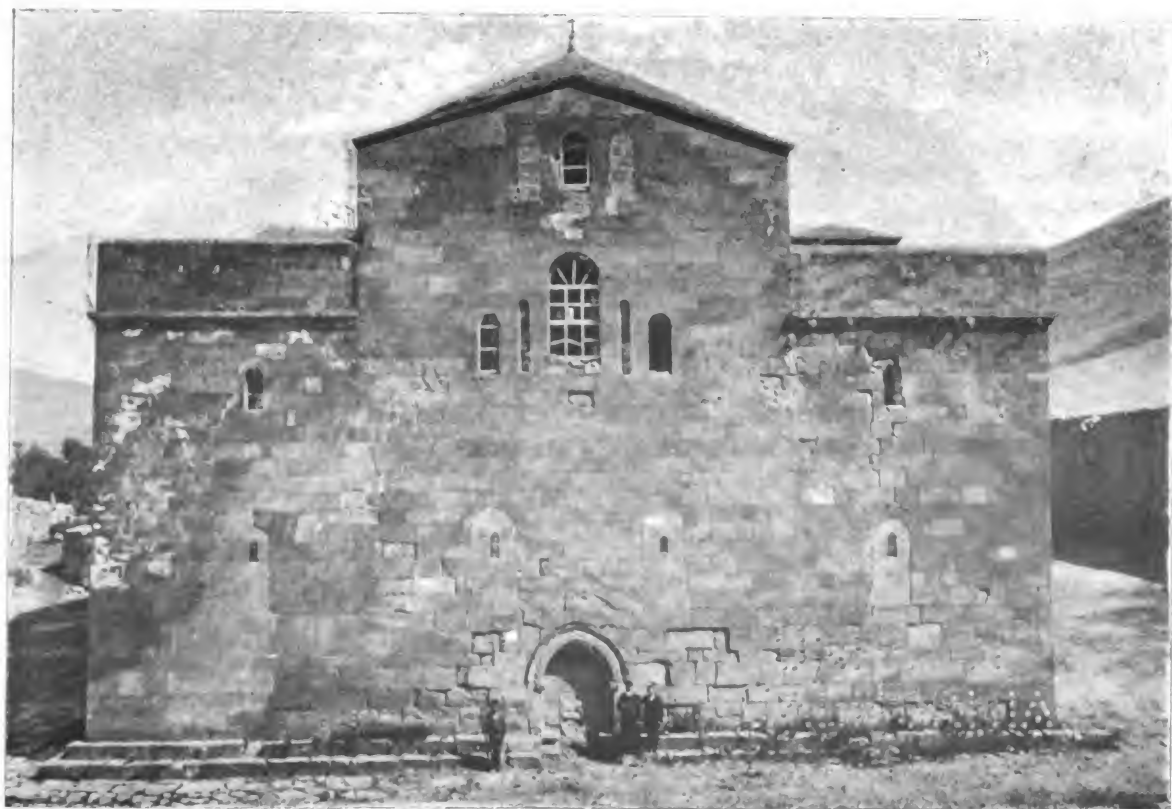

1. Видъ на Багаванскій храмъ съ юга.

70. 1000
1000000000

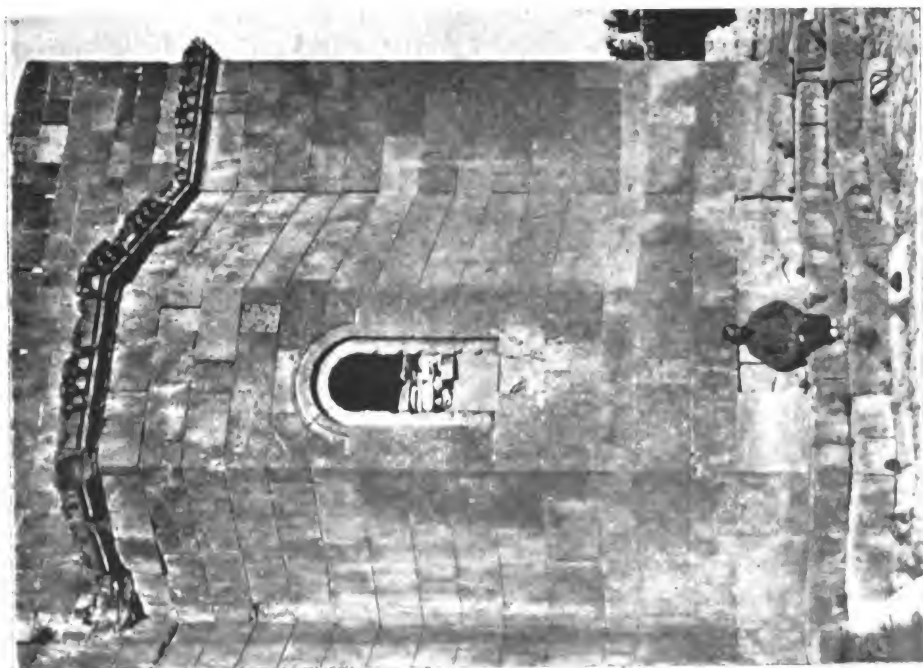

2. Видъ на храмъ съ юго-востока.

3. Западная стѣна.

TO: MINU
SUBJECT: LAC

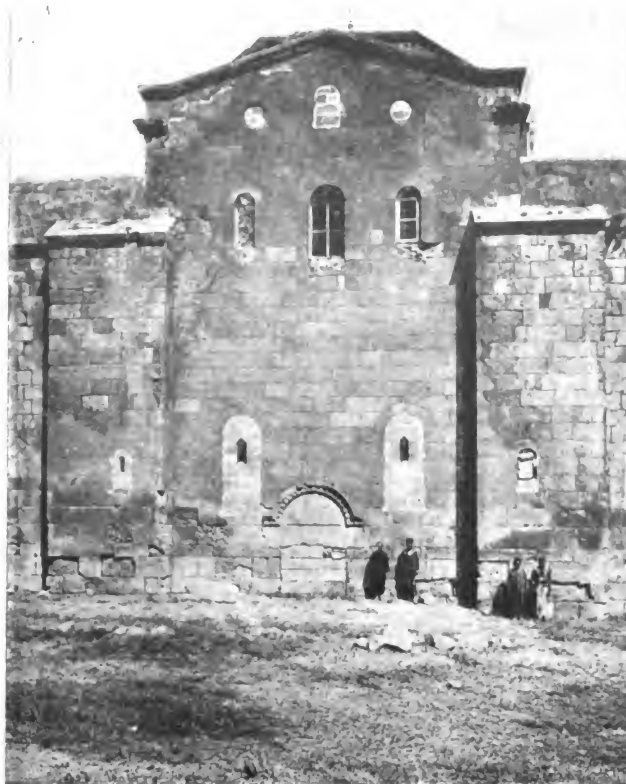

5. Выступ апсиды сѣвернаго придела.

4. Выступ главной апсиды съ сѣв.-вост.

TO THE
LIBRARY OF
THE UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

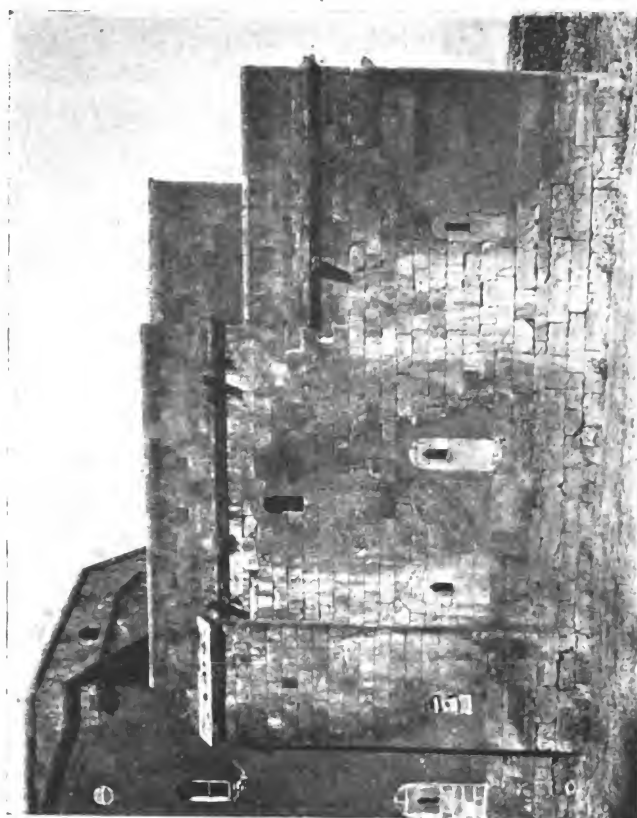

6. Средняя часть южной стѣны.

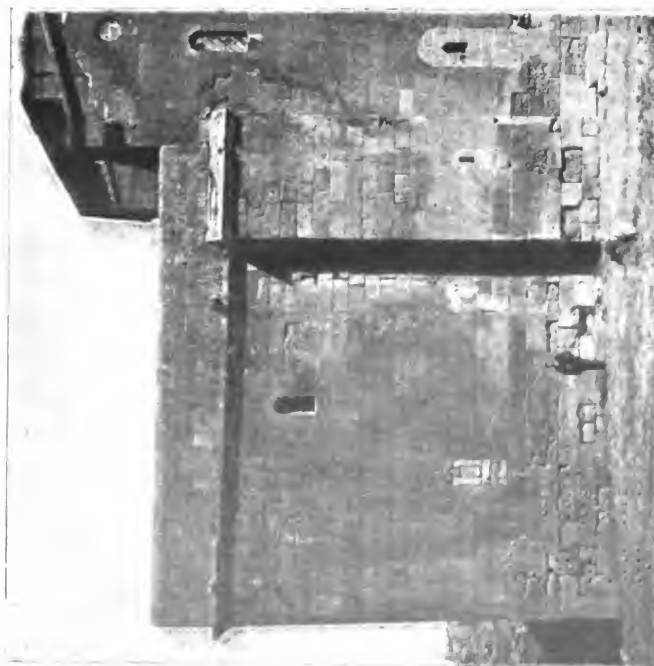

7. Южная дверь.

no vid
armado

9. Восточная часть южной стѣны.

8. Западная часть южной стѣны.

to vnu
A. A. A. A.

10. Средняя дверь сѣверной стѣны.

11. Восточная (заложенная) дверь сѣверной стѣны.

to vnu
AIBOIAO

Надпись 1. Карсѣ.

Надпись 2. Карсѣ.

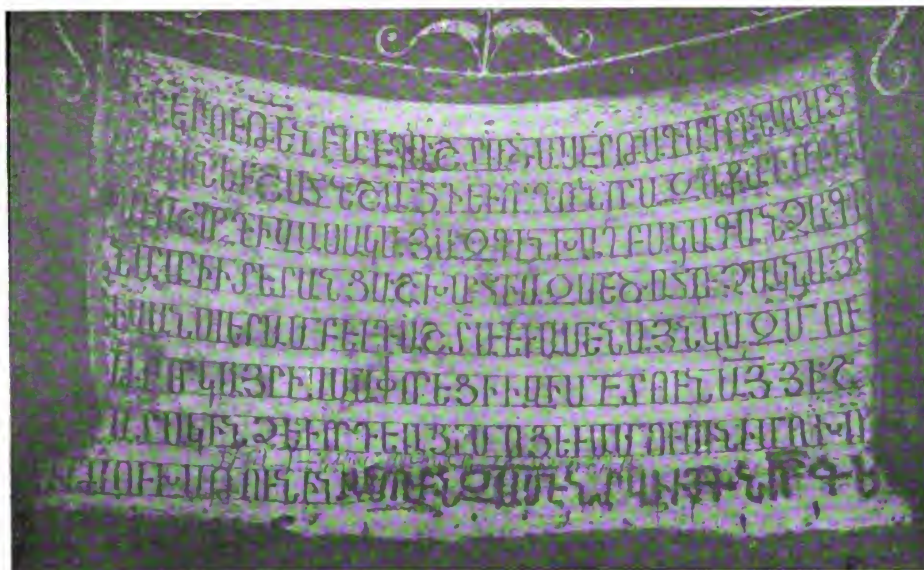

Надпись 4. Карсѣ.

Надпись 3. Карсѣ.

NO. 1000
ABSTRACT

Надпись 5. Айри-ванкѣ.

Надпись 6. Ани.

TO VIBU
AIRBORNE

Абхазскій культъ и бытъ.

(Въ предѣлахъ Абжу).

Работая надъ религіозными вѣрованіями абхазовъ, теперь уже изданными въ ХВ (т. IV, стр. 73—112), я возымѣлъ мысль посылить исчерпать доступные мнѣ матеріалы, относящіеся къ этой духовной сторонѣ абхазской жизни, присоединивъ къ нимъ свѣдѣнія о тѣсно связанныхъ съ религіею обычаяхъ и общественныхъ играхъ и разбивъ все на три главы (II—IV): «Культъ мертвыхъ», «Свадебные обычаи» и «Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей». Въ отпечатанной части религіозныхъ вѣрованій я держался главнымъ образомъ праздниковъ въ порядкѣ годовичнаго цикла, здѣсь же, въ I-й главѣ настоящей статьи, я восполняю изложеніе новыми данными о божествахъ и ихъ переживаніяхъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мое описаніе ограничивается предѣлами Абжу, т. е. Абжува или Абжуи, расположенной въ средней части Абхазіи, именно въ Кодорскомъ участкѣ Сухумскаго округа, изъ которыхъ иногда вынуждаетъ насъ выходить лишь тѣсная связь съ югомъ, не только съ Самурзаканью абхазской, но и съ чисто мингрельскимъ краемъ. И въ собираніи предлагаемыхъ ниже матеріаловъ я пользовался при провѣркѣ и восполненіи моихъ свѣдѣній и наблюденій помощью Комиссіи, составъ которой указанъ въ статьѣ «Религіозныя вѣрованія абхазовъ» (ХВ, IV, 1915, стр. 73). Пробѣлъ, получающійся за отсутствіемъ описанія юридическаго быта, хотѣлось бы мнѣ восполнить особой работой отъ абхазскихъ адатахъ, вообще о народномъ судѣ и правѣ.

I. Религіозныя вѣрованія.

1. Àgərdə-nəḥa (или a-salərtə).

Первое названіе — àgərdə-nəḥa > àgərd-nəḥa — въ переводѣ означаетъ «мингрельскую молитву», а второе — a-salərtə (м. საღერტო saalerto) значить «то, что относится къ || принадлежитъ Алерту», или, вѣрнѣе,

св. Георгію Алертскому, находящемуся въ Мингрелии въ с. Алерт-и. Его еще называютъ а҃гәг-пә҃а или а҃гәгә-пә҃а, значеніе то-же самое.

Это какъ бы злой духъ головной боли, «особенно ашакикъ» (а-шакік, г. აშაკიკი)—мигрени, кровотеченія изъ носа и неудержанія мочи (а҃та҃д҃гәгә). Этому духу молятся, когда больной страдаетъ обыкновенно одною изъ этихъ болѣзней. Жертвоприношенія ему происходятъ съ 1 сентября по январь. Въ честь его зарывается не обыкновенный кавказскій винный кувшинъ, а почему-то простой кувшинъ со дномъ, какъ у простыхъ горшковъ. Ему въ жертву приносятъ четыре «аквакваръ» исключительно изъ муки гоми и черную курочку, которая еще не несла яицъ. При жертвоприношеніи горитъ только одна свѣча.

2. Апә҃фа — злой духъ желудочныхъ заболѣваній.

Когда кто-нибудь страдаетъ желудочными заболѣваніями, обращаются къ духу А-пә҃фа (м. ბჟგჳ პაფა). Прежде всего кладется залогъ въ знакъ вѣрнаго исполненія своего обѣта. Это дѣлается такъ: изъ виноградной лозы готовятъ кругъ; его-то молящійся и обноситъ трижды вокругъ головы больного, также обносятся отдѣльно 10—15 к. и рубль; потомъ кругъ изъ лозы и 10—15 к., назначенныхъ для покупки а-к̣баг (м. კუბაგ-ი *кубаг-и* — *маленькаго виннаго кувшина*) прячутся въ винномъ погребѣ (а҃уә҃багә), а цѣлковый, предназначенный для покупки жертвеннаго барашка, кладется въ изголовье больного. По выздоровленіи больного въ жертву Апә҃фа закалывается барашекъ, и готовятся «аквакваръы», которые и приносятся въ винномъ погребѣ. Здѣсь же зарывается и а-к̣баг, который ежегодно осенью наполняется виномъ. Послѣ перваго жертвоприношенія молятся надъ кувшиномъ только «хлѣбомъ», но должны принести эту жертву до рождественскаго поста. Тѣ же, которые не хотятъ сдѣлаться вѣчными данниками Апә҃фа, первую жертву приносятъ ему въ лѣсу, а потомъ здѣсь же высоко на деревѣ вѣшается на красной ниткѣ дощечка-планка а-фә҃ғита (г. აფგჳთა *афғита*), чѣмъ и прекращается въ дальнѣйшемъ служеніе ему.

3. Апә҃гә҃г — духъ занозы (сыпи).

По моему, этотъ терминъ состоитъ изъ трехъ корней: а-шгә *заноза*, а-дгә *мяздо* (въ данномъ случаѣ), а-гә *сыня* (*самецъ*). Къ помощи этого духа обращаются, когда человѣкъ заболѣваетъ занозою или покрывается злокачественною сыпью. Больного ставятъ на камни и въ жертву Апә҃гә҃г у приносятъ «аквакваръ», причемъ умоляютъ его «отпустить», освободить больного.

4. Аутѣагшѣ — «коклюшъ».

При этой болѣзни, какъ при кори, больныхъ проводятъ подь корнями грецкого орѣха (дерева).

5. Абѣтѣ — «корь».

То же самое.

6. Егѣш (или Егѣш-кан).

А-гѣшга — «бѣленіе холста», «катаніе».

Ерышъ (или Ерыш-канъ) — богъ ткацкаго ремесла. Обыкновенно ему приносятъ жертву, когда приступаютъ къ тканью. Приносятъ нынѣ только «аквакваръ», но что абхазы старались особенно угодить ему, видно изъ того, что до сихъ поръ остались различныя привѣты въ разное время работы ткача; такъ, если вы застаете при натягиваніи основъ, должны сказать: Егѣш, Егѣш-кан, *magdanə uafəpəgqə Ерышъ, Ерыш-канъ, доведи до конца и остатки оставь*.

Если уже ткуть, нужно сказать или «поскорѣй докончить тебѣ», или же «asa-ħa sǎəyt» *пришелъ взять «аса»* (по-грузински — ღაშა dǵış-1, ღაშაობა laħaɔbi по Чуб. — «гребень ткачей», «берца»).

Если застаете, когда валяютъ сукно, должны привѣтствовать: «Я пришелъ, чтобы взять ачѣлтъ» «aħalt-ħa sǎəyt», т. е. «скорѣе докончить тебѣ». Ачѣлтъ (a-ħalt, м. ზღელთ felt-1) — «плетенка», на которой валяютъ. Со словъ Мушвагва Ченгелія у меня записано:

„Нѣкогда одна дѣвица ткала въ день Благовѣщенія. Прохожіи замѣтили ей: «Почему ты работаешь? вѣдь сегодня праздникъ Благовѣщенія!» — «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостойтъ меня Господь увидѣть моего единственнаго брата, находящагося на войнѣ, на котораго п тку». Послѣ этихъ словъ она окаменѣла со своимъ станкомъ; и до сихъ поръ она въ такомъ положеніи. Только каждый годъ въ день Благовѣщенія она оживаетъ и произноситъ: «Я не знаю, что такое Благовѣщеніе. Да удостойтъ и т. д.», и опять каменѣетъ“.

7. Моленіе духу хлопка.

Многіе въ сел. Адзюбжа молятся духу хлопка. Варятъ въ большомъ количествѣ «аквакваръ»; старшая женщина въ священный для данной семьи день, принося эти «акваквары» въ жертву на хлопковой нивѣ (плантаціи), просить духа хлопка дать хорошіи его урожай.

8. Моленіе духу шелковичныхъ червей.

Также приносятся «акваквары» этому духу въ томъ помѣщеніи, въ которомъ шелковичные черви находятся, причемъ молящаяся обыкновенно произносить: «Великій богъ akant (м. ჟანტო kant-1)! принося жертву по примѣру нашихъ отцовъ, смиренно просимъ дать намъ хорошій урожай коконовъ».

9. kɪkɪn-nəŋa (моленіе духу льна).

При сборѣ льна приносили жертву духу льна «Квиквинь»-у. Сему богу обыкновенно приносится безкровная жертва — «аквакваръ»; обрядъ моленія богамъ хлопка, шелковичныхъ червей и льна (a-qəpə) обыкновенно совершается по понедѣльникамъ и четвергамъ. Квиквинь — женскаго пола, и жертва приносится ей женщиною.

10. Adgil-dedo/ufal (ადგილ-დედო/უფალ).

При нѣкоторыхъ видахъ заболѣваній (a-babaga — «желтуха и отекъ») прибѣгаютъ къ помощи Адгил-дедо/уфалъ *царицы земли*: adgil — «земля», dedo/ufal — «царица»: г. დედოფალი dedofal-1 (დედუფალი dedufal-1) — «царица». Моленіе совершается такъ: печется на очагѣ начиненный сыромъ чурекъ; къ четыремъ угламъ его прикрѣпляются восковые свѣчи; около чурека же колѣнопреклоненно стоитъ больной (-ая), при этомъ семь чистыхъ женщинъ произносятъ за него поочередно молитву, въ коей просятъ царицу землю смиротвориться надъ больнымъ и послать ему теплоту своихъ очей и сердца и т. п.

Кромѣ того, абхазъ, когда селится на новое мѣсто, приносить часто умиловительную жертву землѣ. Я былъ очевидцемъ слѣдующаго случая: зарѣзали барана, испекли чурекъ и принесли въ жертву; при чемъ землѣ принесли въ даръ шелковую матерію и мелкія монеты — серебряныя и мѣдныя: деньги и матерію забрали моельщицы.

Весною, когда первую насадку съ цыплятами пересаживаютъ съ гнѣзда на землю, старшая женщина тоже приносить чурекъ въ жертву духу земли.

Моленіе землѣ пріурочивается ко вторнику — a-ŋəša.

Также см. культъ земли въ главѣ «Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей»¹⁾ и «Сборъ лѣкарственныхъ травъ»²⁾.

11. Dədlan, Dəhkaɾ.

Абхазамъ Dədlan — «мать воды», aɟə Dəhkaɾ — «золотая владычица воды» представляется въ образѣ прекрасной дѣвы. Живетъ она въ чертогахъ

1) См. ниже, стр. 204, 205,

2) ХВ, IV, 1915, стр. 87.

въ глубинѣ водѣ. Прекрасные золотистые кудри ея доходятъ до ступней, при чемъ пятки у нея — спереди, а ступни — сзади: вотъ почему ее невозможно повалить на спину. Владычица воды имѣетъ зеркало, въ которомъ отражается все, что происходитъ на свѣтѣ: у нея поэтому вся вселенная какъ на ладони. Какъ дочери аѣуфшай, она тоже часто находится въ супружескихъ сношеніяхъ съ красивѣйшими людьми. Такъ, она влюбилась въ красавца абхаза, сына вдовы, плѣнила его и цѣлый годъ держала у себя, а потомъ отпустила съ большими подарками. Если заручится человѣкъ пучкомъ волосъ ея или кусочкомъ ногтя, то она будетъ въ рабскомъ услуженіи у него, пока не отберетъ своей вещицы: то же самое можно продѣлать и съ чортомъ¹⁾.

Владычица воды наноситъ страшный вредъ человѣчеству: она входитъ въ непочтительныхъ людей, особенно въ женщинъ, и сводитъ ихъ съ ума. Въ такихъ несчастныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи тѣхъ, въ услуженіи коихъ она находится: эти лица властно изгоняютъ ее изъ больныхъ. Какъ только такое лицо показывалось во дворѣ больной, послѣдняя начинала страшно ломаться, корчиться и говорить: «Я уже ей принадлежу! Чего тебѣ надо отъ меня?». Исцѣлитель властно приказывалъ: «*Dədlan*, выходи вонъ! Тебѣ не мѣсто тамъ, гдѣ я присутствую! Выходи поскорѣе, *Dədlan*, и освободи мою больную!» И владычица водѣ оставляла больную. Комиссія²⁾ подчеркнула имена двухъ лицъ, имѣвшихъ особую власть надъ матерью воды: это Мустафа Хаджглейша и Мустафа Инал-иша. Оказывается, у нихъ у обоихъ въ услуженіи находилась владычица водѣ.

Смотри также ея культъ:

1) Шествіе къ водѣ невѣсты въ «Свадебныхъ обычаяхъ»³⁾).

2) Шествіе роженицы съ ребенкомъ въ «Обычаяхъ, соблюдаемыхъ при рожденіи и воспитаніи дѣтей»⁴⁾).

12. *Diwəw*⁵⁾.

Во время засухи абхазы устраивали (и нынѣ устраиваютъ во многихъ мѣстахъ) особое религиозное шествіе къ рѣкѣ, извѣстное подъ именемъ *Diwəw*⁶⁾. Слово это, по моему, — сложное и состоитъ изъ *a-də voda* и

1) См. XV, IV, 1915, стр. 102—103.

2) ц. с., стр. 73.

3) ниже, стр. 201.

4) ниже, стр. 206.

5) См. грузинскій журналъ Моамбэ 1897, II. Статья эта, какъ всѣ переведенныя съ грузинскаго языка мои работы, исправлена и дополнена.

6) Объ этомъ у меня говорится въ Моамбэ, въ частности о томъ, что нынѣ *Diwəw* устраивается только дѣтьми, что и дѣйствительно относительно насъ, адзюбжинцевъ. Но во

а-и (> а-у)-гá имѣть возможность достать что-либо; послѣднее слово еще означаетъ *итти* относительно дождя, снѣга; наприм.: *asè awòyt* (аор. *ayt*) — «снѣгъ идетъ»; *aqà awòyt* — «дождь идетъ», *Ḍiwòw* — «тотъ, кто имѣетъ воду, кто имѣетъ возможность дать воду». Шестніе это состоятъ въ слѣдующемъ: большую куклу (почти въ ростъ человѣка) насаживаютъ на длинный шестъ («а во многихъ селахъ сажали на лошадь, на осла», добавила Комиссія) и съ пѣніемъ исключительно въ этихъ случаяхъ употребляющейся пѣсни несутъ ее къ рѣкѣ. Всѣ въ праздничномъ одѣяніи. Вотъ слова этой пѣсни:

Ḍiwòw, Ḍiwòw-a!

*Ḍàgıraqa markəld-a!*¹⁾

Àh-ıfà dedəşōt (-woyt)! — сынъ владѣтеля жаждетъ.

wəuɣām — вина не пьетъ, *ḍyàwam* — воды не можетъ достать.

*Àbɟək.àrak*²⁾ *eymldōt (-wōyt)* всѣ семи ручейковъ обыскиваетъ (во всѣхъ семи ручейкахъ ищетъ воды).

*Ḍəhàə, Ḍəhàə!*³⁾ — Дай воды намъ, дай воды намъ!⁴⁾

Выраженіе *Ḍàgıraqa* не означаетъ ли «темная дождевая вода»? — *ḍagı* вм. *ḍ* вода, *raqa* — отъ *àqa-euqà* дождь темный, обычнаго выраженія у абхазовъ. При этомъ объясненіи эти стишки можно перевести такъ:

Ḍiwòw, Ḍiwòw-a!

(Ты,) жемчужная дождевая вода!⁵⁾

Сынъ владѣтеля жаждетъ воды:

Вина не пьетъ, воды не достаетъ,

Во всѣхъ семи ручьяхъ ищетъ воды.

Дай воды намъ, дай воды намъ!»

Съ пѣніемъ этихъ стишковъ подходятъ къ рѣкѣ, опускаютъ *Ḍiwòw* въ воду и мочатъ его. При этомъ же они другъ друга бросаютъ въ воду въ полномъ одѣяніи и мокнуть. Кроме того, атарцы устраиваютъ *a-tiŋ* (г. *ḍəzə tiv-i*) *плотъ*, на которомъ разводится огонь, и пускаютъ его по те-

многихъ мѣстахъ Абхазіи, какъ, напр., въ селѣ Атарѣ (рядомъ съ Адзубожой), въ устройствѣ *Дзивова* принимаютъ участіе и взрослые.

1) *a-markəld* — г. *Ḍəgıraqa* *markəld* жемчужн.

2) Вар. *ak.àraqa* ручьи.

3) Вар. *ḍəqəṭək, ḍəqəṭək* немного воды! немного воды!

[4] См. Н. Марръ, О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ (XB, 1915, IV), стр. 130, гдѣ, къ сожалѣнію, вкрались опечатки.] Ред.

5) Вѣриѣ: «Ты, источникъ жемчужной дождевой темной воды!»

ченію воды. Это, вѣроятно, символъ того, что, молъ, настала такая страшная засуха, что даже и вода горитъ.

Характерна и абхазская пословица: *Adə amja akər izlowrʹəzi?* — «Если вода загорится, чѣмъ ее потушить?»

Существуютъ и слѣдующія повѣрія:

1) если дно рѣки вспахать, то пойдетъ дождь; поэтому при *Ḍiwəw* часто вспахиваютъ дно рѣки; 2) если кость утопленника бросить въ воду, то пойдетъ дождь; 3) часто дѣтей поощряютъ убивать лягушекъ и бросать ихъ въ воду: вѣрное средство.

13. *Āpu-pəḥa*¹⁾ — Общественная молитва.

По глубокому убѣжденію абхазовъ, засухою Всевышній наказываетъ ихъ за то, что они провинились передъ нимъ чѣмъ-нибудь, а потому умиловительными жертвоприношеніями нужно пскупить свою вину и отвлечь кару Его отъ себя.

Въ назначенный день народъ собирается и даетъ обѣтъ Богу, что они честно исполнять завѣщанное отцами служеніе Ему и просятъ простить имъ согрѣшенія ихъ вольныя и невольныя.

Тогда же изъ среды своихъ же сочленовъ избираютъ людей, которые берутся за извѣстное вознагражденіе доставить и приготовить жертвенныхъ животныхъ, обыкновенно быковъ, число коихъ зависитъ отъ количества членовъ «апу» — «общества». Вотъ эти-то лица въ назначенный день (у насъ, въ Адзюбѣ, обыкновенно воскресный день) и на назначенное мѣсто у берега рѣки приводятъ своихъ быковъ. Народъ уже съ утра собирается. Всѣ въ праздничныхъ костюмахъ. Масса дѣтей и женщинъ, хотя послѣднія прежде не допускались на эту общественную молитву. Впрочемъ, имъ и сейчасъ не разрѣшается участвовать въ обѣдѣ и вообще кушать мясо этихъ жертвенныхъ животныхъ: онѣ поэтому послѣ молитвы расходятся. Всякій отдѣльный дымъ старается доставить для своихъ членовъ и гостей побольше провизіи: муки, вина, сыру и «а-хачапур» (*a-qaṭarūg* изъ грузинскаго, абх. *a-ḡaṣṭəmgal*), при чемъ устраиваются складчины по группамъ, по околodkaмъ. Каждый околodka избираетъ преимущественно изъ молодыхъ людей нѣсколько лицъ, которыя сьорганизовали бы имъ обѣдъ. На первомъ сходѣ

1) *Āpu* — «селю». Это рѣдко употребляемое старинное слово, поэтому привожу и слѣдующія съ этимъ корнемъ слова: *ā-pubjara* (*ā-ḡubjara*) *проселочная дорога*, *a-putā* (*a-ḡudā*) *мѣсто усадьбы или усадьбы, идѣ нынѣ никто не живетъ, вымерли*. См. Моамбэ 1897, II.

избранныя лица обязаны только доставить животныхъ, приготовить (сварить) и распределить мясо.

Вотъ собрался народъ. Старики, которые должны принести жертву, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, причемъ произносятъ краткую молитву о ниспосланіи дождя. При закалываніи животное обращено лицомъ (головою) къ востоку, а спиною къ сѣверу. Въ кровь его обмакиваютъ горящую головешку; это вообще при всѣхъ убояхъ скота практикуется, причемъ абхазъ увѣренъ, что отъ этого мясо дѣлается вкуснѣе.

Когда все готово, и священникъ вернулся съ обѣди, на которой кромѣ него да его причетника, вѣроятно, никто не присутствовалъ, приступаютъ къ жертвоприношенію. Сначала, если сельчане—христиане, служится «молебень во время бездождія»: его слушаетъ народъ не съ должнымъ вниманіемъ. Послѣ священника выступаютъ на арену старики-молеельщики. Они стоятъ передъ высокимъ «ашвамкятъ» (а-шваткѣд), покрытымъ зеленью; на немъ лежатъ: лучшіе куски мяса, 5 «аквакваръ»; передъ нимъ въ большихъ корзинахъ все мясо, тамъ же шкуры жертвенныхъ животныхъ. Печень и сердце каждого животного на нанизываются на фундуковыя палочки аѣ. Вотъ съ этими палочками въ однѣхъ рукахъ, а въ другихъ со стаканами вина и горящими свѣчами молятся старики. Весь народъ на колѣнахъ стоитъ смиренно. Ни звука вы не услышите. Старикъ проситъ Всевышняго простить грѣхи селенію, смилостивиться надъ нимъ и дать имъ дождь. «Ниспошли теплоту Твоихъ глазъ и любовь Твоего сердца на насъ! Пошли намъ дождь и тѣмъ дай намъ возможность служить вѣрно Тебѣ!» говоритъ молящійся. Народъ отвѣчаетъ ему «аѣмэнъ». Происходитъ возліяніе вина на сердце и печень. Послѣ этого молится второй и третій. А потомъ поется такъ называемая аугѣг-апра, т. е. «пѣсня горя»¹⁾, своего рода божественное пѣснопѣніе, исполняемое въ исключительныхъ случаяхъ.

Послѣ жертвоприношенія мясо дѣлятъ на столько кусковъ, сколько дымовъ принимаетъ участіе въ жертвоприношеніи, предварительно выдѣливъ для гостей ихъ доли-порціи. Больнымъ и тѣмъ, которые почему-либо не могли лично принять участіе, посылаютъ ихъ доли на домъ. Народъ садится на зелень и принимается за обѣдъ.

Шкуры жертвенныхъ животныхъ по обычаю принадлежать тѣмъ, кто молится за «ацу», и священнику часто достается одна изъ нихъ.

Абхазы не запомнятъ, чтобы Богъ не посылалъ имъ дождя, разъ они совершили эту молитву.

1) У абхазовъ на всякій жизненный случай сложена отдѣльная, самостоятельная «пѣсня»: къ сожалѣнію, ихъ пока никто не собираетъ!

14. Afə¹⁾ (Афѣ).

По увѣренію абхазовъ, Господь Богъ мечетъ молніеносные удары, чтобы напугать діавола. Я какъ-то уже въ одномъ мѣстѣ отмѣтилъ, что Вседержитель не имѣетъ права убить діавола, какъ родственника Своего — племянника, именно — сына сестры. Самъ громовой ударъ — это огромная «пуля», осколки коей они находятъ въ землѣ подъ тѣми деревьями, которыя разрушены ударомъ.

Во время грозы абхазъ, если находится на дворѣ, сбрасываетъ съ себя газирѣ, чтобы въ нихъ не скрылся преслѣдуемый Богомъ діаволъ, и тѣмъ не привлечь на него, абхаза, удара, и стремится укрыться подъ грабовое дерево. Какъ я уже отмѣтилъ²⁾, мать Бога изъ мингрельскаго княжескаго рода Хеція (Мхеидзе), а этотъ родъ находится въ родствѣ съ грабомъ — «ахепа» (Хеція — Хеѣна: à-қаѣа > à-қеѣа), и поэтому Онъ никогда не мечетъ своихъ ударовъ на «ахаца» (а-қаѣа *грабъ*). «Никогда ни одинъ абхазъ не видѣлъ, чтобы громовой ударъ упалъ на грабъ», пояснила Комиссія.

Во время грозы подъ кровлею находящійся абхазъ не выходитъ на дворъ и призываетъ милость Божію на людей и животныхъ.

Великое несчастье для абхаза, если на него или на его домъ (или скотъ) упалъ громовой ударъ: значитъ, онъ разгнѣвалъ Бога, духъ Котораго отошелъ отъ него, а потому діаволъ искалъ въ немъ убѣжище! Значитъ, онъ — великій грѣшникъ предъ Богомъ, а потому нужно искупить свои грѣхи умиловительными жертвоприношеніями.

Сперва глава семьи въ присутствіи тутъ же колѣнопреклоненно стоящихъ всѣхъ членовъ даетъ обѣтъ Богу, что онъ въ точности исполнитъ всѣ указанія знахарки³⁾ и принесетъ обычную искупительную жертву, и при этомъ проситъ послать Свою милость. Этотъ обѣтъ дается тамъ, гдѣ произошелъ ударъ. Потомъ приступаютъ къ уборкѣ предмета, на который упалъ громъ; соприкасаться съ этимъ предметомъ безъ Аф-рашва *пѣсня Афѣ* (Af-қашва) запрещается: какъ бы легокъ ни былъ этотъ предметъ, безъ этой пѣсни его нельзя поднять. Если это домъ, то въ немъ нельзя жить; если — дерево, то ни плодами его, ни имъ самимъ нельзя пользоваться, чтобы не вызвать гнѣвъ Бога вторично; если это — животное, то его съ почестями нужно «убрать». Убираютъ гдѣ-нибудь на окраинѣ села, въ лѣсу, гдѣ строится высокій «ашвамкятъ». Народъ съ пѣніемъ, въ два хора, «Аф-рашва» несетъ на ру-

1) См. Моамбэ 1897, II.

2) ХВ, IV, 1915, стр. 76.

3) Собственно «жрицы-гадалыщицы».

1) Нынѣ громовымъ ударомъ убитаго челоуѣка кладуть тутъ же на «ашважкы» при пѣніи «Афрашва», а потомъ уже хоронять. Таковое лицо не оплакивается: запрещается. Ему не устраиваютъ гроба и хоронять его въ томъ одѣяніи, въ которомъ онъ убитъ. Замѣчаніе царевича Вахушта о томъ, что въ его время «абхазы не хоронили своихъ покойниковъ, а клали высоко на деревь» справедливо только, можетъ быть, относительно громовымъ ударомъ убитыхъ людей.

и закалываетъ. Народъ, стоящій полукругомъ позади «виновныхъ», поетъ въ два хора «Аф-рашва». Виновные три раза оборачиваются справа налѣво и крестятся, если, конечно, они—христиане. Народъ цѣлый день веселится и поетъ «Божью пѣсню». Когда жертва готова, начинается моленіе. На «ашвамкятъ» кладутся лучшіе куски туши жертвенныхъ животныхъ и столько «акваваръ», сколько виновныхъ, и одинъ ачъ (а-ѣа *хлѣбъ*), только побольше размѣромъ, за весь родъ. «Виновные» (izq̄aḡaḡaz) съ цѣпями на шеѣ стоятъ на колѣняхъ передъ «ашвамкятъ», народъ же ихъ окружаетъ полукругомъ. Молещикъ съ печенью и сердцемъ въ рукѣ произноситъ молитву, смыслъ которой приблизительно таковъ: «Великій Боже! Глубоко сознавъ свою вину, родъ сей (или семья) приноситъ Тебѣ по примѣру отцовъ нашихъ и по указанію Твоихъ гадальщицъ искупительную жертву и колѣнопреклоненно проситъ простить ему грѣхи его, вольные и невольные. И мы, народъ, просимъ Тебя, прости и верни имъ Свою милость и тѣмъ удостой ихъ вѣчнаго служенія Твоего» и т. д. Трижды поется «Аф-рашва», причемъ первымъ начинаетъ молещикъ; при этомъ происходитъ обычное возліяніе вина на сердце и печень. Виновные крестятся и молятся. Послѣ этого подъ звуки «Аф-рашва» исполняется хороводный «Божій танецъ», причемъ посреди круга стоятъ виновные, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ тоже вводятъ въ хороводъ и заставляютъ танцевать со своими цѣпями. Потомъ народъ садится на землю и обѣдаетъ. Танцы и веселье продолжаются до самаго вечера. Цѣпи въ этотъ день снимаются.

Жертвенныя животныя — холощенные козлы: мяса ихъ нельзя брать домой, а то можно навлечь на себя гнѣвъ Божій.

Этимъ не заканчиваются мытарства несчастныхъ «виновныхъ»: тотъ день недѣли, когда постигло ихъ несчастье, должны праздновать, пока будетъ существовать хоть одинъ человѣкъ изъ этого рода; по прекращеніи мужской линіи это обязательство переходитъ и на членовъ по женской линіи, какъ бы далеко ни отстояли они въ родственномъ отношеніи. Вообще должно отмѣтить, что, по моему, родовое, а часто и семейное или личное празднованіе одного дня (или двухъ, трехъ дней) недѣли въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ источникомъ «Афъ» (А-ѣ) и культъ кузни. «Личное» празднованіе — это означаетъ, что какое-либо лицо семьи заболѣло, и вотъ знахари могутъ лично его обязать праздновать 1 день недѣли: это обязательство переходитъ только къ его потомству.

Въ этотъ священный день абсолютно запрещается всякая работа: въ эти дни нельзя ни оплакивать, ни хоронить своихъ покойниковъ; даже огня

(спячки или головешки) не даютъ никому. Дворъ и домъ можно подметать, но сора нельзя выносить!

Жертву должны приносить, если не ежегодно, то въ три года одинъ разъ: на этихъ жертвоприношеніяхъ уже не поется Божья пѣсня.

Рога жертвенныхъ животныхъ остаются на мѣстѣ моленія, а шкуры принадлежать моельщику.

15. Апана-шаѣа — аѣафаѣа или сокращенно: Ашаѣа.

Апана по моему отъ ап — «мать», а-шаѣа — «творцы», «творящіе» — отъ глагола ашара = а-шагà *творить* (еще означаетъ *дѣлать*); аѣа-фаѣа *дѣлающіе* — отъ глагола а-ѣафага *дѣлать*, напр., глиняную посуду, арбу и пр.; въ переводѣ означаетъ «творящую, дѣлающую мать».

Молодая женщина по выходѣ замужъ получаетъ отъ родителей молодую нетельную и нестельную корову; сначала ей посылаютъ кусочекъ праваго уха этой коровы и серебряную монету, которые молодая абхазка должна зашить въ сафьянъ и въ такомъ видѣ носить ихъ всю жизнь. Корова эта—аѣаѣ для данной женщины: пока она не состарится, ея нельзя ни убивать, ни продавать; если она околѣетъ, или ее зарѣжутъ по старости, то одну изъ ея потомства должны пустить въ аѣаѣ. Впрочемъ, всѣ аѣаѣ'ы подчинены этому правилу. Сколько бы замужнихъ женщинъ ни было въ семьѣ, всѣ онѣ имѣютъ свою корову аѣаѣ. Бычки отъ этихъ коровъ приносятся въ жертву Апана-шаѣа; каждый годъ, когда бычка нѣтъ, взаменъ его закалываютъ двухъ каплуновъ, готовятся четыре «акваквар»а и одинъ продолговатый хлѣбъ «ача-гвазалъ» (а-ѣаѣгал) и при одной свѣчѣ приносятъ все это Анаѣ. Молятся непременно женщина, причемъ она проситъ, чтобы «великая богиня умножила родъ ея, сдѣлала ея дѣтороженіе безболѣзненнымъ, дала бы ей столько дѣтей, сколько слѣдуетъ» и т. д.

«Нѣтъ въ Абхазіи ни одной женщины, которая бы этой богинѣ не молилась», добавила Комиссія.

16. Аѣ-дѣ букв. «голова-большая».

Этотъ богъ у насъ уже забывается; со словъ матери у меня записано, что этому сильному и гнѣвному божеству приносился въ жертву исключительно бугай и то въ лѣсу. Женскому полу запрещалось посѣщать это моленіе. Данная семья выбирала красиваго бычка въ своемъ стадѣ или въ чужомъ, откармливала его въ теченіе пяти, шести лѣтъ и потомъ приносила въ жертву. Холостить его запрещалось; при жертвоприношеніи къ рогамъ

его прикрѣпляли по одной свѣчѣ. «Акваквары» должны быть непременно пшеничные. Кожа принадлежит моельщику.

17. *Yaḥzəmdərkə ḥazədərz* — «богъ, котораго мы не могли познать, но онъ насъ позналъ», т. е. «невѣдомый богъ»¹⁾.

18. *Səntə-ḥazmadəw* — «богъ, которому мы въ этомъ году подчинены (находимся подъ его покровительствомъ)».

Культъ этихъ двухъ боговъ мнѣ не удалось возстановить: имъ у насъ уже не приносятъ жертвы.

19. *Щапѣ-ѳаḥ* — богъ кузни²⁾.

Въ религіозной жизни современныхъ абхазовъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимаетъ культъ кузни, извѣстный въ обыденной жизни подъ именемъ *аѳг-пѣḥа*, т. е. «моленіе кузни» (*аѳга* — *ажира*). Богъ же кузни — *Щапѣ-ѳаḥ* (*Шашв-хяхъ*) — «Шашв — золотой владѣтель (царь)» или вѣрнѣе — «золотой владыка Шашв». Обыкновенно ежегодное приношеніе жертвы этому богу приурочивается къ кануну Новаго года, называемаго абхазами мингрелизованнымъ терминомъ «хечхвама»³⁾. Но многіе моленіе это совершаютъ послѣ Новаго года въ первый свой священный день, и то непременно подъ вечеръ. Какъ вообще у абхазовъ, и въ данномъ случаѣ данниками бога кузни могутъ быть зачастую и не всѣ члены семьи: обязаны служить ему только тѣ, на которыхъ онъ проявилъ свое могущество, ниспославъ на нихъ болѣзни; отъ нихъ же это служеніе богу кузни переходитъ на ихъ потомство. Можетъ, конечно, великій богъ *Щапѣ* и по боковой линіи проявить свою волю, свое могущество.

Жертву приносятъ обыкновенно такъ. Если въ родѣ имѣется кузнецъ, то моленіе происходитъ у него. Онъ лично приноситъ холощеннаго козла за всѣхъ членовъ рода, обязанныхъ у него молиться. Каждый же членъ долженъ принести по одному пѣтуху и по одному «аквакваръ». Всѣ молящіеся со своими жертвами направляются въ кузню. Впереди всѣхъ съ печенью и сердцемъ жертвеннаго животнаго шествуетъ кузнецъ-моельщикъ. Всѣ становятся передъ наковальнею. Зажигаются, по показанію однихъ, семь свѣчей, а по сви-

1) У мингреловъ существуетъ культъ этому божеству подъ названіемъ *ḥazədərkə* — «предназначенный непознаваемому, невѣдомому».

2) См. Моамбэ 1899, IV.

3) Первоначально я производилъ «хечхвама» отъ мин. *ḥəḥ-ḥəḥ* моленіе руки, и культъ кузни сопоставлялъ съ м. *ḥəḥ-ḥəḥ* (см. у I. Кипшидзе), а теперь — отъ м. *ḥəḥ-ḥəḥ* моленіе сенины. Интересно сравнить съ св. *ḥəḥ-ḥəḥ* и м. *ḥəḥ-ḥəḥ* (см. *ḥəḥ-ḥəḥ* у I. Кипшидзе).

дѣтельству другихъ—столько свѣчей, сколько лицъ участвуетъ въ жертвоприношеніи. Молещикъ сначала произноситъ общую молитву приблизительно слѣдующаго содержанія: «Великій Щащѣ, которому подчинены семь иконъ¹⁾, и которому зажигаются семь свѣчей, слышишь? (iwa-hawata?). Мы по примѣру отцовъ нашихъ съ жертвою стоимъ смиренно передъ тобою и просимъ принять отъ насъ эту жертву и быть покровителемъ нашимъ: и дома, и внѣ дома, и въ пути, и въ лѣсу, и въ водѣ и на деревѣ» и т. д. перечисляетъ. «Пошли на насъ теплоту глазъ своихъ» и т. д. Слѣдуетъ ударъ молотомъ по наковальнѣ, и, какъ увѣряютъ одни, вопросъ «слышишь?» Затѣмъ возліяніе весны на печень и сердце. Послѣ этого молещикъ молится лично за себя: держитъ въ рукахъ своего пѣтуха, «аквакваръ» и вино. По окончаніи моленія возліяніе вина и ударъ молота по наковальнѣ, а потомъ вопросъ «слышишь?». Въ такомъ порядкѣ онъ молится за каждого изъ нихъ по старшинству. Во многихъ семьяхъ не ударяютъ молотомъ о наковальню.

Послѣ жертвоприношенія всѣ возвращаются въ домъ кузнеца и принимаютъ за ужинъ. Сколько бы ни осталось отъ ужина, все принадлежитъ кузнецу.

Многія семьи богу кузни приносятъ въ жертву вмѣсто холощеннаго козла поросенка²⁾. Родъ же Ченгелія въ с. Адзюбжѣ молится Щащѣ въ великій четвергъ, причемъ въ жертву приноситъ постныя блюда. У многихъ зарыты и кувшины въ честь бога кузни.

При смерти кузнеца (ажій — ajiu), обязанности его по службѣ Щащѣ переходятъ къ старшему сыну. Если же семья совершенно вымираетъ, то эти обязанности переходятъ къ ближайшему старшему въ родѣ. Новый заступникъ рода передъ Щащѣ за свое старшинство долженъ принести двѣ жертвы: одну въ домѣ кузнеца и другую — въ своемъ домѣ. Число, возрастъ и цвѣтъ жертвенныхъ животныхъ опредѣляетъ, по обыкновенію, знахарка. Послѣ такого принятія обязанностей вымершаго рода кузнецъ — данное лицо — исполняетъ ежегодныя жертвоприношенія, причемъ остальные члены рода должны обращаться къ его посредничеству: они всѣ у него молятся независимо отъ того, знаетъ онъ это ремесло (кузнечное) или нѣтъ.

1) т. е. боговъ; буквально: «который достаетъ, извлекаетъ (изъ глубины) — iðəzgoð (iðəzgoð) — семь иконъ»: ð-ð-gaga — «извлекать || доставать что-либо изъ глубины».

2) Одинъ мнѣ извѣстный родъ не ѣстъ свинины и всеже приносить въ жертву поросенка, мясо котораго всѣ члены должны положить въ ротъ себѣ и трижды какъ бы откусить, а потомъ выплюнуть. Мясо обернуто въ бумагу.

При вымираніи семьи кузнеца, кто желаетъ, можетъ такимъ же путемъ «выдѣлиться» и перенести культъ кузни въ свой домъ: обыкновенно въ такихъ случаяхъ устраивается плетенка на подобіе кузни во дворѣ, кладется въ ней наковальня, и въ этой то плетенкѣ и совершается моленіе кузни данною семьею. Часто обходятся и безъ этой плетенки. Нужно отмѣтить, что постройки для «ажира» обыкновенно устриваются иначе, чѣмъ постройки для жилья: при постройкѣ «пацх» и для жилья колья вертикальны, а хворостъ горизонталенъ, а для кузни — наоборотъ.

Какъ выше замѣчено, «ажира» передается по наслѣдству по прямой линіи, притомъ по мужской. Дочери же лично обязаны служить Щапѣ своего рода, но дѣти дочерей освобождаются отъ этого: только при вымираніи всего рода матери къ нимъ, дѣтямъ, переходитъ и культъ кузни ихъ. Послѣ первыхъ родовъ молодая абхазка должна «помолиться подъ ажира» (аіапѣага) своихъ родителей, причемъ она приноситъ въ жертву хощеннаго козла; а потомъ ежегодно ею обычно приносятся пѣтухъ и «аква-кварь».

«Ажія» (а-дїа или а-дїу), — «кузнеца», какъ представителя великаго бога Щапѣ, всѣ боятся, боятся его проклятія. Боятся, конечно, своихъ кузнецовъ и своихъ боговъ кузни больше, чѣмъ другихъ: послѣдніе не такъ страшны для вѣрующаго абхаза, если въ ней не принять ложной присяги.

Насколько силенъ страхъ абхазовъ передъ Щапѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что если, напримѣръ, на фруктовомъ деревѣ кузнецъ повѣситъ шлакъ — адігақѣ буквально *пометъ «ажира»*, то дѣти перестаютъ пользоваться его плодами.

До сихъ поръ для доказательства своей невинности абхазы принимаютъ присягу передъ Щапѣ въ кузницѣ. Въ недавнемъ прошломъ всѣ мелкія дѣла разбирались при помощи присяги передъ наковальнею, а въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ прибѣгали къ присягѣ передъ иконою св. Георгія Илорскаго или Дѣдырыпшъ (Dədəgəʃ). И теперь абхазъ скорѣе приметъ ложную присягу въ приходской церкви, чѣмъ въ своей кузнѣ. Присяга принимается такъ. Человѣкъ, принимающій присягу, со своимъ соприсягателями стоятъ передъ наковальнею съ молотомъ въ рукахъ и говорятъ: «Великій Щапѣ, которому покорны семь боговъ, и которому ставятъ семь свѣчей, слышишь? Да пожретъ меня огонь твой (сүѣблăйтъ = səwblăytъ *да буду сожженъ я тобою*), если я виновенъ въ этомъ дѣлѣ!» и ударяетъ молотомъ по наковальнѣ. Соприсягатели тоже подтверждаютъ подъ присягою его невинность. Послѣ этого онъ оправданъ. Тяжущіяся стороны съ этого дня уже чуждаются другъ друга: «Между нами великій богъ Щапѣ!» говорятъ они и, чтобы

его не разгнѣвать, прекращаютъ всякія отношенія: даже головешки не передадутъ другъ другу.

За присягу кузнецъ получаетъ вознагражденія: копѣекъ 20—50 за
каждаго, или отъ 1 рубля до 3 руб. за всѣхъ.

Сельскіе судьи до назначенія присяги спрашиваютъ обвиняемаго: «Не былъ ли ты когда-либо наказанъ богомъ «Шадѣ»?» (букв. «повалень» — уканажхеума=ukanaǰqewma?). Если онъ былъ наказанъ этимъ богомъ, то ему не дадутъ присяги передъ «Шадѣ», чтобы не оскорбить послѣдняго и тѣмъ не навлечь вновь его гнѣва на ложно присягавшаго.

Конечно, правове́рный абхазъ боится принять ложную присягу, но может случиться, что онъ ее приметъ, солгалъ передъ «Шашвъ»: такой абхазъ находится всегда подъ страхомъ, не накажетъ ли богъ его за ложь. И вотъ, когда кто-либо изъ членовъ его семьи (или лично самъ) заболѣетъ, опять выступаетъ на сцену знахарка, по указанію коей онъ долженъ отмолиться, принести искупительную жертву богу Шапѣ въ той кузницѣ, въ которой онъ солгалъ передъ нимъ. Порядокъ умиловивенія разгнѣваннаго бога уже намъ извѣстенъ, а потому не буду его описывать. Только, чтобы умиловить «Шапѣ», нужно удовлетворить впередъ то лицо, которое привлекло къ присягѣ: безъ этого условія жертва не будетъ принята. Послѣ приношенія искупительной жертвы, обѣ стороны должны другъ друга искупить и помириться передъ богомъ кузни точно такъ же, какъ нами описано это взаимное благословеніе передъ Илорскимъ св. Георгіемъ¹⁾.

Если принесшій ложную присягу передъ «Шашѣ» до сихъ поръ не обязанъ былъ совершать моленіе кузнѣ, то съ этого момента онъ уже дѣлается «данникомъ» его (абх. *iqur na nemz est*). Часто дѣло не ограничивается только этимъ: одного изъ своихъ дѣтей повинный долженъ посвятить на служеніе богу Шашѣ. Впрочемъ, такое посвященіе можетъ быть вызываемо не только ложною присягою, но и другими способами привлеченія на себя гнѣва великаго бога. Посвященный богу кузни мальчикъ не имѣетъ права изучить какое-либо другое ремесло, кромѣ кузнечнаго: ему даже въ школу ходить воспрещается!

Когда подростъ посвященный мальчикъ (при посвященіи ему обжигаютъ волоса), его на три года отдають кузнецу въ ученье, причемъ при поступленіи онъ приноситъ въ жертву холоднаго козла, пѣтуха, «акваварь» и свѣчу. Молитву произносятъ кузнецъ, послѣ чего онъ считается принятымъ. По объясненію кузнеца Османа Камкія, ученикъ а-маѣза (г. *Ἀμαζαζα*)

1) XB, IV, 1915, стр. 93.

moṭaṣe) долженъ былъ платить своему учителю за обученіе различно: кто обучался изготовленію оружія, тотъ платилъ 8 коровъ¹⁾ и 8 рубл. наличными; кто обучался только изготовленію курковъ и прикладовъ, тотъ платилъ 5 коровъ и 5 рублей и т. д. При этомъ первую половину этой платы за ученіе онъ давалъ при поступленіи, а вторую — при окончаніи ученія.

По окончаніи ученія а-матѣра вновь приносить въ жертву «Шашвъ» холощеннаго козла, «аквакваръ» и свѣчу. Молится учитель-кузнецъ, который проситъ бога кузни, чтобы онъ удостоилъ ученика самостоятельнаго служенія ему, «Шашвъ». Послѣ этого ученикъ уже самостоятельный жрецъ бога. Молодой кузнецъ сейчасъ уплачиваетъ своему учителю условленную вторую половину платы за ученіе. Учитель же съ своей стороны награждаетъ его нужными инструментами: наковальню, молотомъ, щипцами и проч.

Молодой кузнецъ по возвращеніи домой опять приноситъ такую же жертву Шашѣ въ своей вновь выстроенной кузнѣ, и съ этого дня онъ полноправный членъ своей корпораціи—жрецовъ-кузнецовъ: онъ уже облеченъ во всѣ права и обязанности кузнеца.

Въ доброе, старое время, когда заводскія желѣзныя издѣлія не такъ легко появлялись на абхазскомъ рынкѣ, въ организаціи общества кузнецы занимали весьма почетное мѣсто и какъ ремесленники. Кузнецъ обязанъ былъ своему околотку даромъ готовить всѣ тѣ орудія и инструменты, которыя ему были доступны; желѣзо, сталь и уголь доставляло само населеніе и при изготовленіи этихъ предметовъ тоже помогало. Зато каждый дворъ долженъ былъ въ пользу кузнеца въ году нѣсколько дней отработать: помогали ему во время вспашки, мотыженія и сбора кукурузы и винограда по одному дню. Это обязательство оставалось въ силѣ для двора независимо отъ того, изготовилъ ли ему въ данномъ году кузнецъ что-либо или нѣтъ.

Нужно ли въ заключеніе отмѣтить, что и великій Шашвъ сталъ постепенно «гаснуть»: и его могущество не устояло противъ новыхъ вѣяній.

Привѣсокъ къ части о богѣ кузни.

1. Клятва надъочажными цѣпиями.

До сихъ поръ абхазъ божится надъочажными цѣпиями, причемъ говорить «Abri ḷaḷaḡe sōwāyt!» «Да получу проклятіе (буквально «болѣзнь глаза») этой (цѣпи)», и трясетъ цѣпью (а-гәфнѣшпа).

1) Повидимому, корова служила денежною единицею въ Абхазіи при куплѣ-продажѣ и оцѣнивалась въ послѣднее время въ 10 рублей.

2. ATTENTION — STREET LIGHTS.

...и не было ни одного человека, который бы не знал, что это был именно тот самый человек, который был в то время в Москве. И вот теперь, когда мы уже знаем, что это был именно тот самый человек, который был в то время в Москве, мы можем сказать, что это был именно тот самый человек, который был в то время в Москве.

[illegible]

3. CONCLUSION

Второй из них, который был издан в 1912 году, был посвящен
вопросу о необходимости реформы в области культуры и искусства.
В нем говорилось о том, что культура и искусство являются основой
цивилизации и что без них невозможно развитие общества. В этом
смысле культура и искусство являются основой для построения
нового общества. В этом смысле культура и искусство являются основой
для построения нового общества.

SECRET
NOFORN

1. 1-27-1973. SATURDAY. WINTER & JOURNAL. 1973. 10.

1. The first step in the process is to identify the problem or issue that needs to be addressed. This involves gathering information and understanding the context of the problem.

2. Once the problem is identified, the next step is to define the objectives and goals of the project. This helps to clarify what needs to be achieved and provides a clear direction for the team.

3. The third step is to develop a plan or strategy to address the problem. This involves breaking down the problem into smaller, manageable tasks and determining the resources needed to complete each task.

4. The fourth step is to implement the plan. This involves putting the strategy into action and monitoring progress regularly to ensure that the project is on track.

5. Finally, the fifth step is to evaluate the results of the project. This involves assessing the outcomes against the objectives and goals and identifying any areas for improvement.

которые (боги и духи) держатъ правовѣрныхъ абхазовъ въ своемъ безусловномъ подчиненіи подъ страхомъ болѣзней и смерти. Вотъ почему такъ свято служатъ абхазы своимъ богамъ и духамъ предковъ. Свои прегрѣшенія, свои «вины» абхазы искупаютъ «искупительными жертвоприношеніями».

Какъ только заболѣетъ кто-либо, сейчасъ родственники его обращаются къ помощи аѣшәуѣ — «гадальщика»¹⁾ (а-ѣшәуѣ отъ а-ѣшга *смотреть, глядѣть, свикать, задать*, вторая же часть уѣ — корень отъ слова а-оуѣ²⁾ *человѣкъ*, т. е. «человѣкъ, гадающій» или «гадальщикъ»), и аѣалауѣ — «прорицательницы» (прорицаютъ въ большинствѣ случаевъ женщины). Они опредѣляютъ: 1) предъ кѣмъ провинился больной (или его родня, за прегрѣшенія коей онъ и наказывается), и 2) какъ и чѣмъ искупить свою вину. Гадальщицы гадаютъ на зернахъ фасоли — аѣуд-гѣфага (аѣуд — «любію», «фасоль», а-гѣфага — «заставитъ прыгать») и на картахъ — аѣаѣа-гѣфага (а-ѣаѣа — «карты»). Прорицатели (а-ѣалауѣ: а-ѣалага — «подниматься», «взбираться выше», уѣ — корень отъ слова а-оуѣ³⁾ *человѣкъ*, значить, а-ѣалауѣ — «человѣкъ, поднимающійся выше къ небесамъ») должны имѣть передъ собою или самого больного, или же какую-нибудь изъ его вещей — аѣѣѣ (а-ѣѣѣга — «отдѣлять || отламывать что-либо», «отучать отъ чего-либо»), чтобы вѣрно опредѣлить причину болѣзни — «амзызъ» (а-мзѣз) и способъ умиловленія разгнѣваннаго бога или духа. Общее названіе прорицателей аѣауѣ *вопрошатель, вопрошающій*, -ая отъ а-ѣага *спрашивать*.

Не всегда человѣкъ готовъ къ искупительнымъ жертвоприношеніямъ а потому родные больного или больной, по указанію гадальщицъ и прорицательницъ, даютъ обѣтъ — ѣаѣѣѣ (а-ѣѣ — «ротъ», аѣѣѣѣ — «даютъ»; а-ѣаѣага — «обѣтъ», г. ѣѣѣѣ аѣ-ѣѣѣа < аѣ-ѣѣѣа), что они честно исполнять для искупленія своей вины всѣ указанія ихъ. Также обѣтъ дается часто до того, пока прибѣгаютъ къ помощи гадальщицъ и прорицательницъ.

Другой, болѣе вѣрный видъ отсрочиванія искупительныхъ жертвоприношеній — это ѣшас, т. е. «залогъ». Старшій въ родѣ (или въ домѣ) обводитъ (обноситъ) трижды около головы больного золотую или серебряную монету, оружіе, мѣдный котелъ или мѣдный рукомойникъ и проситъ всѣхъ своихъ долей боговъ и духовъ предковъ — аѣѣп-ѣѣѣ (аѣѣ — «поле», ѣѣѣ — «находящійся», т. е. «внѣ дома находящійся» (духъ), ставится большею частью

1) См. Моамбѣ 1898, VII.

[2] -уѣ суффиксъ имени дѣйствующаго лица, а не корень отъ слова а-оуѣ *человѣкъ*, какъ предполагалъ и Усларъ.] *Ред.*

[3] См. прим. 2.] *Ред.*

въ единственномъ числѣ) умиловаться надъ ними, дать имъ время для искупительныхъ жертвоприношеній. «Ашасъ» *залогъ* кладется или вѣшается гдѣ нибудь на чистомъ мѣстѣ, и его нельзя трогать до обряда совершенія искупительныхъ жертвоприношеній. Обрядъ заклада или внесенія залога—«ашасъ» называется ахкухшарà (а-хы—«голова», а-кухшара—«обносить || обводить || обходить вокругъ чего или кого-либо»). «Ашасъ» еще называется аqəpəŋhʲtə: а-qəpəŋhʲtə — «обводить || кружить || возвращать назадъ что-либо». Слово аqəpəŋhʲtə въ данномъ случаѣ больше въ употребленіи, чѣмъ «ашасъ», употребляемое и въ обыкновенномъ смыслѣ залога въ повседневной жизни.

Часто прибѣгаютъ и къ слѣдующему средству. Подъ вечеръ на дворъ выводятъ съ ногъ до головы облаченного въ бѣлое платье больного и сажаютъ; вокругъ него трижды водятъ покрытую бѣлымъ саваномъ молодую, красивую кобылицу или жеребца (можно телца или корову), причемъ совершающая этотъ обрядъ старая, чистая женщина (иногда и старикъ) бросаетъ на животное 20 маленькихъ фундуковыхъ палочекъ, а двумя фундуковыми же хворостинами бьетъ животное. Она при этомъ произноситъ приблизительно слѣдующую молитву: «Великій домъ великихъ иконъ (т. е. боговъ) и Аqəp-əkow, покровители сего дома (или рода)! Колѣнопреклоненно просимъ васъ: умиловаться надъ провинившейся семьею, простите имъ грѣхи вольные и невольные. Въ залогъ вѣрности служенія вамъ приносится сіе чистое животное. Простите грѣхи сему больному и дайте ему возможность свято исполнять свой долгъ предъ вами и впредь» и т. д.; при этомъ дается обѣтъ свято принести искупительную жертву по указаніямъ прорицательницъ и гадальщицъ.

Абхазъ увѣренъ, что, если чистосердечно исполнить этотъ обрядъ, больной выздоравливаетъ и его болѣзни переходятъ къ животному, которое и погибаетъ. Для спасенія послѣдняго его трижды «обводятъ» пѣтушкомъ, къ которому переходятъ болѣзни отъ животнаго: пѣтушокъ этотъ погибаетъ; во всякомъ случаѣ его нельзя ѣсть.

Выкупъ залога и исполненіе обѣта при всякомъ исходѣ болѣзни обязательны. Искупительныя жертвы чаще всего приносятся богамъ гдѣ-нибудь у опушки лѣса подъ прохлаждающею тѣнью «чистыхъ» деревьевъ: дуба или граба. Въ жертву приносятся холощенные козлы, число, возрастъ и цвѣтъ коихъ опредѣляются знахарками. Молится обыкновенно старшій въ родѣ или въ общинѣ. Больной тутъ же на лицѣ. Я выше отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жертвоприношеній женскій полъ не имѣетъ правъ принимать участія, кромѣ больной. Это для лицъ женскаго пола своего рода

табу. По окончаніи жертвоприношенія три ножки «ашвамкятъ» рубятся, рога жертвенныхъ животныхъ вѣшаются тутъ же на дерево, а кожа принадлежитъ тому, кто совершилъ обрядъ жертвоприношенія.

При заболѣваніяхъ абхазъ часто прибѣгаетъ къ помощи мултъ, которые лѣчатъ больныхъ клочками бумажекъ, исписанныхъ стихами изъ Корана. Эти бумажки называются а-пѣкѣ *книга* (у грузинъ онѣ извѣстны подъ именемъ ავგაგოზი avgağoz-i «книга Авгаря» — талисманъ). Часто такими книжками-треугольниками, зашитыми въ сафьянъ, увѣшаны груди больныхъ. Онѣ являются украшеніями и для любимыхъ лошадей: вѣрное и испытанное средство отъ дурного глаза. Нечего и говорить, что въ обиходѣ у абхазовъ есть и лѣкарства, роль коихъ доведена до минимума.

«Аѣайшара» (ä-ťařšaga). Заболѣетъ кто-нибудь, такъ — весь околодокъ по очереди дежуритъ ночью у больного до исхода болѣзни. Такія ночныя дежурства извѣстны у абхазовъ подъ названіемъ «аѣайшара» — ä-ťařšaga (г. ჭამის-დევა ḡamis-deva, м. სერის-ტაყვა seriš-tačva). На эти «аѣайшара» собирается особенно молодежь, которая въ смѣхѣ и веселіи проводитъ всю ночь напролетъ въ той же комнатѣ, гдѣ лежитъ больной. Тутъ и гаданіе счастья, и игра на «ачамгурѣ» (a-čamgğğ, г. чонгур-и) и на айхярца (афѣагѣа — «двухструнная скрипка»), пѣніе, отгадываніе загадокъ, рассказы сказокъ и легендъ и т. д. Эти «аѣайшара» — самая лучшая школа для распространенія устной народной словесности. Здѣсь завязывалась и разцвѣтала не одна любовь черноокихъ абхазокъ и ихъ поклонниковъ...

Смерть и оплакиваніе. Первую вѣсть о смерти абхазы, а особенно абхазки встрѣчаютъ со страшнымъ воплемъ и рыданіемъ: близкія родственницы рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ себѣ ногтями лицо и грудь, ударяются головою о различные предметы и т. д. Онѣ представляютъ изъ себя душу раздирающую картину. Первый безсвязный плачъ на подобіе крика называется аѣѣага *вой, крикъ*. За воемъ слѣдуетъ уже причитаніе: одна начинаетъ причитывать и плакать, а потомъ другая продолжаетъ, такъ и смѣняють онѣ другъ друга. Этотъ видъ оплакиванія называется «а-мыткма» (a-mətkma, г. მო-მტმა mo-məta, м. ღვაღლა ḡvaḡla). Эти «амыткма» замѣчательны у абхазокъ, у которыхъ нѣтъ института наемныхъ плакальщицъ: всѣ онѣ замѣчательныя плакальщицы. Покойнаго все село оплакиваетъ: узнать о смерти кого-либо, всякій считаетъ себя обязаннымъ явиться къ покойному и оплакать его. День похоронъ оповѣщается особо. Въ этотъ день являются почти всѣ сельчане, родственники и дальніе знакомые. Женщины — близкія родственницы съ распущенными волосами издали начинаютъ свой аѣѣага, а мужчины, войдя во дворъ, подходятъ къ столу, кладутъ на него оружіе и го-

крышкою — а-кѣба (г. ჯუბა kubo). За симъ вынось тѣла, причемъ родня, какая бы погода ни была, провожаетъ его до могилы босою. Покойникъ хоронится въ новомъ платьѣ. При вынось тѣла покойника, если онъ старшій въ семьѣ, черезъ крышу дома перебрасывается веревка, и за концы ея крѣпко держатся люди: они «связываютъ домъ», какъ выражаются абхазы. При вынось же тѣла грудного младенца, мать его какъ бы связывается: ей на шею накидывается надъочажная цѣпь — «арыхнышна»; а по другой версиі — она три раза проводится черезъ кольцо (кругъ) двухъ сплетенныхъ надъочажныхъ цѣпей. При вынось же со двора трижды опускается гробъ на землю, послѣ чего грѣшно (იგნაიან) плакать. Послѣ выноса со двора покойника одною изъ чистыхъ женщинъ подметается домъ, при чемъ съ соромъ и метла выбрасывается, тоже и у мингреловъ.

Аншанъ (ა-ншან). По вынось тѣла, вся одежда покойника (или покойницы) приводится въ порядокъ, какъ бы спящій человекъ въ полномъ одѣяніи лежитъ на тахтѣ: это и называется «а-ншанъ». Въ продолженіе сорока дней (а иногда и далѣе) запоздавшіе родственники и знакомые оплакиваютъ покойника передъ этимъ «аншанъ». Послѣ этого убираютъ, хотя при надобности опять готовятъ его.

Взаимопомощь. У насъ, въ с. Адзюбжѣ, при похоронахъ устраиваются и угощенія гостей: всѣхъ должны накормить и напоить. Прежде для этой цѣли каждый сосѣдъ обязанъ былъ приносить большой чурекъ, начиненный орѣхами, а сосѣдки здѣсь же готовили похлебку изъ фасоли. Въ послѣднее время этотъ обычай переходитъ въ область преданій, а угощаютъ гостей уже хлѣбомъ, причемъ каждый дворъ обязанъ принести отъ 20 коп. до 10 рублей и болѣе, смотря по состоянію и по степени близости родства. Эта помощь называется аѳаѳѣ «то, что кладется сверху», «дается». Эти приношенія принимаются только въ томъ случаѣ, если годичныхъ поминокъ не думаютъ справлять. Вообще абхазы въ высшей степени общительный народъ: и въ горѣ, и въ радости они помогаютъ другъ другу; у нихъ ничто не дѣлается за плату въ этихъ случаяхъ: даже могилы у нихъ роются по очереди сосѣдами бесплатно.

Кладбище. Общихъ сельскихъ кладбищъ у нихъ нѣтъ; если все-таки на прекрасныхъ холмикахъ и лужайкахъ встрѣчаются групповыя кладбища, то это родовыя. Хоронить покойниковъ при церквахъ начали въ послѣднее время. И христіане и мусульмане хоронятся вмѣстѣ: религіознаго антагонизма у абхазовъ нѣтъ. Вообще абхазы хоронятъ своихъ покойниковъ въ ими же излюбленныхъ мѣстахъ: въ садахъ, на холмикахъ, при проѣзжихъ дорогахъ подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ и т. д. Поэтому по всѣмъ

села мѣ разбросаны абхазскія кладбища, надъ коими большею частью воздвигнуты небольшія крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ а-*haxəp* (а-*haxəp* (а-*haxəp*)).

*А-*haxəp* воспитанникъ, -ница.* Смерть воспитанника одно изъ величайшихъ несчастій для того рода, кто его воспиталъ. И потому всякая кормилица-абхазка часто молится: «Да не удостоитъ меня Богъ увидѣть смерть моего воспитанника!» Весь родъ воспитателей въ продолженіе сорока дней валяется передъ «аншанъ» воспитанника на сырой землѣ: всѣ босы, въ траурѣ, женщины въ язвахъ. Трудно передать картину ихъ несчастнѣйшаго состоянія. И неудивительно: до сихъ поръ ни одна родственная связь въ Абхазіи не сильна въ той степени, какъ связь воспитанника съ воспитавшимъ его родомъ. На то и свое социальное оправданіе, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Тотъ родъ, у котораго есть воспитанникъ, не имѣетъ, по обычаю, права ношенія обыкновеннаго траура (чернаго коленкора) по другимъ близкимъ умершимъ, рвать на себѣ одежду и волосы, царапать лицо, ходить босою. Они носятъ въ знакъ траура черный ситецъ по своимъ близкимъ покойникамъ.

Постъ. Со дня смерти до похоронъ родственники и всѣ друзья постятся: не принимаютъ ни мясной, ни молочной пищи. Со дня же похоронъ до а-*səbšadə* постятся всѣ домашніе и ближайшіе родственники. Часто матери и сестры по цѣлымъ годамъ отказываются отъ мясной пищи.

Отрощеніе волосъ. Всѣ близкіе родственники покойника въ знакъ траура отращиваютъ себѣ волосы до совершенія главныхъ поминковъ, которыя обыкновенно справляются черезъ годъ послѣ смерти. Не разъ слышалъ я отъ абхазовъ, что на томъ свѣтѣ эти волосы даютъ прохладную тѣнь душамъ покойниковъ, по комъ носятъ. Послѣ поминковъ волосы снимаются, причемъ первый клочекъ волосъ отрѣзываетъ тотъ, кого родственники хотятъ имѣть взаменъ покойника: такая родственная связь очень сильна у абхазовъ. Обрядъ этотъ называется «ахахукацсаръ» (а-*qəqəkaɣsaɣ*—«бросать || снимать волосы съ головы»). У мингреловъ тоже существуетъ этотъ обрядъ.

Водвореніе (возвращеніе) душъ. Сугубое несчастіе постигаетъ абхаза, если онъ утонетъ, или упадетъ съ дерева или со скалы и умретъ. Души этихъ несчастныхъ обречены за неимѣніемъ пріюта (тѣла) на тоскливое годичное блужданіе и вопли: по ночамъ онѣ бродятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ разстались со своими земными пріютами-тѣлами, и жалобно ищутъ ихъ. Вотъ почему абхазы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы соединить эти несчастныя души съ ихъ тѣлами. Прежде всего разыскивается трупъ и обычнымъ порядкомъ передается землѣ. при этомъ, если человекъ упалъ съ

дерева, то дерево это срубается, ибо въ немъ, значить, поселился злой духъ дерева. Если со скалы слетѣлъ, то отъ нея отламываются куски, чѣмъ и разрушается обиталище злого духа горъ. Потомъ приступаютъ къ розыску души несчастнаго. Если обычно до похоронъ родственники и сосѣди покойника прекращаютъ всѣ работы, то въ такихъ случаяхъ вся община, прекративъ работы, ищетъ душу несчастнаго. Розыски происходятъ такъ. Вся община, переодѣвшись въ бѣлое праздничное платье, является на берегъ рѣки (къ дереву, скалѣ), въ волнахъ которой погибъ покойникъ. Къ ней прибавляются другіе общинники. Народъ дѣлится на двѣ половины и занимаетъ по одному берегу. Черезъ рѣку, откуда былъ вытасченъ трупъ покойника, протягивается новый шелковый (гдѣ возможно, позолоченный) шнуръ, на которомъ висятъ съ обѣихъ сторонъ очищенный, еще не бывшій въ употребленіи бурдюкъ-мѣхъ (а-һада— ჰადა , м. ბედა ღაგა), съ открытымъ концомъ. У этого конца стоитъ самое близкое и любимое покойникомъ лицо. Собравшіеся на обонхъ берегахъ рѣки мужчины и женщины поютъ пѣсни подъ звуки чонгур-и и айхярца. Лицо, стоящее у бурдюка, приглашаетъ душу утопленника войти въ него и отправиться вмѣстѣ съ ними на мѣсто вѣчнаго упокоенія. «Не бойся меня», говоритъ онъ, «ты знаешь, что я тебя любилъ и люблю и никогда не измѣню тебѣ. Довѣрься мнѣ, войди въ бурдюкъ и тѣмъ успокой народъ, который, какъ ты самъ видишь, тебя ждетъ здѣсь съ плясками и веселіемъ. Идемъ вмѣстѣ къ твоей могилѣ!» и т. д. Блуждавшая душа входитъ въ мѣхъ, концы котораго завязываются шелковыми шнурами и съ пѣніемъ и плясками несутъ ее (душу) на кладбище, гдѣ развязывается конецъ мѣха, и она впускается въ могилу утопленника. Народъ расходится по домамъ, весьма счастливый и довольный своимъ успѣхомъ. Если трупъ утопленника не найденъ, то, естественно, и души его нельзя водворить. Такая душа въ продолженіе цѣлаго года по ночамъ жалобно воетъ и ищетъ свой трупъ, но тщетно.

Водвореніе душъ упавшихъ съ дерева и горы происходитъ тѣмъ же порядкомъ, только шнуръ протягивается надъ мѣстомъ гибели покойника. Этотъ обрядъ называется а-рсаѣга (ацсытгара — აფსე ოგარა): а-рсаѣга *душа*, а-ѣга *вынуть* изъ чего либо. Неводворенная душа превращается въ а-ѣгаѣлаѣ: она отъ живыхъ ушла, и къ мертвымъ не пристала. У гурійцевъ извѣстенъ ბედა ოგარა ოგარა —1, какъ вампиръ (уырь).

А-ушаглаго. А-уша — «длинный и узкій столъ» (м. ტაბაკი tabak-1), а-г-гѣлага — «составить», «постановка», аушаглаго — «постановка», «накрытіе стола». Подъ этимъ названіемъ извѣстны приношенія пищи мертвымъ, ихъ угощенія. Тотчасъ же послѣ смерти у изголовья покойника накрывается столъ,

на который подаются излюбленные имъ блюда. Тутъ же дымящаяся трубка, если только онъ куритъ. Если христiанинъ, горитъ и свѣча. Эти приношенiя за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ повторяются до сорока дней. Съ этого же дня до годовичныхъ поминокъ подается его доля пищи (порція) на общій столъ, причемъ подъ вечеръ каждой субботы особо готовится ужинъ изъ лучшихъ блюдъ, въ посту—постныхъ, а въ обычное время—скоромныхъ. Аупра ставится у открытыхъ дверей, и на нее ставятся подаваемые кушанiя. Горитъ свѣча. Тамъ же и жаръ для асакумалъ (a-sak.màl, г. ႁႃႆႆႆ sakmel-1 < ႁႃႆႆႆ sa-kmev-el-1 [*<*sa-kwem-el-1*]), т. е. ладана. Старшій въ семьѣ приглашаетъ душу покойника принять пищу, причемъ отрѣзываетъ и отламываетъ кусочки отъ кушанiй и возливаетъ вино на нихъ, а потомъ кусочекъ ладана кладетъ на жаръ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ взрослые. Минутъ десять всѣ стоятъ молча. Въ это время черезъ эти двери нельзя ни входить, ни выходить, чтобы не помѣшать. Этимъ не кончаются заботы живыхъ о насыщенiи душъ мертвыхъ.

Вѣчное поминовенiе усопшихъ. Такiя же приношенiя происходятъ повсемѣстно на второй день св. Пасхи, въ день Петра и Павла — Пертаба (Pertaba), въ дни Успенiя Богоматери и Рождества Христова. Эти приношенiя общiя — для всѣхъ новыхъ и старыхъ покойниковъ, которыхъ при этомъ просятъ «быть защитниками и покровителями ихъ во всѣхъ явленiяхъ жизни». «Не лишайте насъ за наше невидѣнiе теплоты глазъ вашихъ и любви сердецъ вашихъ! Умножьте нашъ родъ, чтобы онъ могъ достойно служить вамъ. Умножьте стада наши!» и т. д. Абхазъ глубоко вѣритъ, что отъ этихъ приношенiй души усопшихъ насыщаются.

Asàbшaцѣ. A-sàbшa *суббота*, a-цѣ (бз. a-цѣ) *доля*, вмѣстѣ — *доля субботы*. Во вторую или въ третью субботу послѣ смерти устраиваютъ asàbшaцѣ: закалываютъ барашка или овцу, а богатые и быка, готовятъ всевозможныя сладкія кушанiя, приглашаютъ священника для освященiя пищи и угощаютъ гостей. Съ этого дня разрѣшается родственникамъ принимать скоромную пищу.

Abaкà. Абхазы для того, чтобы отмѣтить имя покойника, устраиваютъ крытыя постройки въ видѣ бесѣдокъ или ротондъ, при чемъ къ нимъ придѣлываются и тахты для путешественниковъ. Спереди этихъ ротондъ устанавливаются столбы съ крючками для привязыванiя лошадей. Эти постройки называются абака (a-bakà, ႁႃႆႆ). Въ нихъ путникъ находитъ въ зной прохладу, въ дурную погоду — кровъ. Онѣ строятся при большихъ дорогахъ между селами и называются именемъ покойниковъ, въ честь которыхъ устроены. Во многихъ мѣстахъ построекъ этихъ ужъ давно нѣтъ, а названiя все-таки остались за ними.

Нужно отмѣтить, что въ этихъ, вновь выстроенныхъ абакахъ и гробницахъ путешественникъ находитъ кушанья, напитки и фрукты¹⁾. Они ихъ ѣдятъ, но посуду никто не трогаетъ. Про эти абака и гробницы въ моихъ тетрадяхъ имѣется слѣдующая записъ:

«Страшная погода загнала путешественника въ одну изъ гробницъ, гдѣ онъ и заснулъ. Вдругъ онъ просыпается и слышитъ странный подземный разговоръ. Одинъ женскій голосъ говоритъ: «Сосѣдка, ко мнѣ пріѣхалъ голодный гость; дай немного муки, и я приготовлю ему ужинъ. Нигдѣ не могла раздобыть себѣ муки». Второй женскій голосъ будто бы отказалъ ей въ мукѣ за неимѣніемъ. Первый же голосъ страшно сожалѣлъ, что не можетъ угостить путника. Чтобы успокоить подземное существо, путникъ покинулъ гробницу». Послѣ такого откровенія абхазы стали будто бы уменьшать свои попеченія о такого рода постройкахъ.

*Afaga скамейка, мѣсто сидѣнія*²⁾. При большихъ дорогахъ въ тѣни деревьевъ въ память своихъ покойниковъ абхазами устраиваются скамейки, извѣстныя подъ названіемъ *afaga* (атвара). Имъ присваиваются имена тѣхъ покойниковъ, въ честь коихъ и сдѣланы.

Колодцы. Также вырываются въ безводныхъ мѣстахъ и колодцы имени покойниковъ.

Afajəgà: aɣəð — душа, a-qəð — доля означаетъ «отдать душѣ ея долю». Такъ называются главныя поминки у абхазовъ. Поминки эти обыкновенно приурочиваются къ годовщинѣ смерти, но часто оттягиваются и на два, три года. Ни одно явленіе въ абхазской жизни не обставляется такою торжественностью, какъ эти поминки: всю свою энергію, все умѣніе, всю свою душу вкладываетъ абхазъ въ эти поминки. Вѣсть о хорошихъ поминкахъ съ молниеносною быстротою переходитъ изъ устъ въ уста. Объ этихъ поминкахъ прекрасныя абхазки напѣваютъ на своихъ сладкозвучныхъ чонгурахъ, а абхазы — на *аіхярца*. Никакая укоризна не обидна такъ, какъ укоръ, брошенный абхазу: „ты для своего покойника не могъ отлить ни одного «акопей»³⁾ воды“, т. е. не могъ справить поминокъ! Вотъ почему абхазъ прилагаетъ всѣ силы, чтобы справить поминки. Къ нему на помощь въ этомъ случаѣ идетъ и общественная солидарность: всякій родственникъ

1) Небезынтересно привести слѣдующія строки изъ М. Хоренскаго (стр. 195): ...«Тигранъ послѣдній (арм. царь), желая почтить могилу брата своего, главнаго жреца Мажана..., воздвигнулъ надъ могилою жертвенникъ съ тѣмъ, чтобы проходящіе могли пользоваться отъ жертвоприношеній, а странники получать ночлеги».

2) *Afaga*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, — «сидѣть», «садиться».

3) *Акопей* (а-korey, г. *коре*) — «ковшъ изъ горькой тыквы».

и свойственникъ обязанъ оказать помощь, которая подраздѣляется на двѣ категоріи.

Аґзàґаґе. Помощь убойнымъ скотомъ — овцами и баранами, ко-
ровами и быками — называется аґзàґаґе *то, что дается дуи*, другого
рода помощь — деньги, лошади, ситець и т. д. — извѣстна подъ названіемъ
ақіаґе. По степени близости родства и опредѣляется помощь. Не-род-
ственники не обязаны оказывать помощь, хотя должны посѣтить поминки.
О днѣ поминокъ оповѣщаются за нѣсколько недѣль родственники, знакомые
и односельчане. Если на поминкахъ предполагается устроить и скачки, то
объ этомъ оповѣщаются за 1½—2 мѣсяца раньше, чтобы дать возмож-
ность приготовить скакуновъ. Всѣ приготовленія и работы при поминкахъ
исполняются сосѣдями совершенно безвозмездно: они собираются и работы
распредѣляютъ между собою, а старики руководятъ ими. Поминки эти оди-
наково устраиваются какъ христіанами, такъ и мусульманами.

Наканунѣ все платье покойника достается и кладется на тахту въ
такомъ порядкѣ, какъ оно надѣвается на человѣка, или «развертывается
аншанъ», какъ говоритъ абхазъ. Я выше забылъ отмѣтить, что, если
имѣется платье умершаго воспитанника или недавно умершаго родственника,
или ихъ карточки, то наряду съ новымъ аншанъ кладутся и ихъ аншаны,
и близкіе родственники ихъ тоже оплакиваютъ. Оружіе развѣшивается
около аншанъ на стѣнѣ. Сосѣди и близкіе родственники собираются въ этотъ
день и въ обычномъ, выше описанномъ, порядкѣ оплакиваютъ аншаны.
Конь (или кони) выводится только въ самый день «аіісхура». Всѣ тѣ, ко-
торые должны привести какое-либо животное, приводятъ его въ этотъ день,
особенно подъ вечеръ, когда народу собралось много. Приводъ этихъ жи-
вотныхъ замѣчателенъ въ жизни абхаза. Вотъ родственникъ со своими про-
вожатыми приближается къ воротамъ и черезъ нарочнаго справляется,
можетъ ли онъ войти. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они вводятъ быка
(или лошадь). Благородное животное съ ногъ до рогъ украшено. Рога его —
съ серебряной или иной блестящей обивкой; тѣло часто покрыто са-
ваномъ съ разноцвѣтными украшеніями. Черезъ спину перекинутъ à-қ апазə
(а-қа *каштанъ*, па- (< па-рə) *рука* и а-зəга *нанизывать, вить что-либо*):
на длинномъ шнурѣ нанизаны вперемежку каштанъ, груши, яблоки, а въ
последнее время и крендели. За быкомъ спереди и сзади съ зажженными
свѣчами идутъ провожатые. Его водятъ по двору трижды, «оборачиваютъ
около себя» (заставляютъ сдѣлать 3 круга), причемъ три раза поютъ ис-
ключительно въ этихъ случаяхъ употребляющуюся «пѣсню» һəуwa («ჲჳჳჳ»).
Эта процессія въ высшей степени картинна и интересна. Въ такомъ по-

рядкѣ вводятъ всѣхъ животныхъ. Послѣ этой процессіи происходитъ оплакиваніе. Отмѣчу, что половина мяса и кожа животного, по обычаю, принадлежитъ тому, кто приводитъ.

Всѣ гости угощаются ужиномъ, послѣ чего они расходятся. Остаются только тѣ, кто хочетъ продежурить ночь у аншанъ, кто хочетъ принять участіе въ аѳаишара (ᠰᠵᠰ᠋ᠷᠢᠰᠠᠷᠠ a-taṣṣara [по-бз.: ā-taṣṣara]), особенно молодежь обоего пола. Эта ночь—ночь веселья, смѣха и каламбуровъ. Абхазъ весьма чутокъ къ насмѣшкамъ и никогда никому не даетъ спуска; но въ данномъ случаѣ не принято обижаться. Этимъ обстоятельствомъ пользуются остряки, изъ устъ конхъ, какъ изъ роговъ изобилія, такъ и сыплются горькія истины, при другихъ обстоятельствахъ недозволенные. Присутствующіе дѣлятся на двѣ группы (хора) и поютъ амѣгда (амерта — ᠰᠳᠢᠭᠠᠮᠢ), которая и поется исключительно на этихъ канунахъ. Запѣвало какой либо стороны начинается такъ: «Wa, mēda — ḡēda səzədəram, aḡa» и дальше прибавляетъ свой экспромптъ, характеризующій (дурно или хорошо) кого-либо изъ членовъ противной стороны. Запѣвало другой стороны отвѣчаетъ тѣмъ же. Слова «мерта — черта» мнѣ непонятны, если они не имѣютъ отношенія къ грузинской фразѣ ᠰᠳᠢᠭᠠᠮᠢ ᠪᠢᠳᠠ (ḡmerḡo ḡeto *Боже мой*). «Сызыдырамъ, аха» «значитъ не знаю (я), но». «Амерта» смѣняютъ легенды, сказки и загадки, и такъ проводится время до утренней зари. «Амерта» поется только при поминкахъ стариковъ и старухъ, отжившихъ свой вѣкъ.

Рано утромъ сосѣди и родственники начинаютъ стекаться, и каждый принимается за свою работу. Позднѣе прибываютъ и остальные. Оплакиваютъ только родственники и друзья; для остальныхъ теперь необязательно оплакиваніе. Часто «аншанъ» выносятся на дворъ подъ особый навѣсъ. Здѣсь же и конь (или коня) покойнаго. Народъ садится подъ особые навѣсы — а-щадза (м. ᠰᠵᠰᠠᠳᠵᠠ шефа, гур. seṣa || seṣe). Масса дѣтей. Нужно подчеркнуть, что всякій имѣетъ право посѣтить эти поминки. Сосѣди варятъ мамалыгу и мясо. Когда рѣжется (закалывается) жертвенное животное, говорятъ: «На томъ свѣтѣ да пошлетъ его Богъ въ твою пользу!», т. е. пусть Богъ удостоитъ тебя пользоваться имъ на томъ свѣтѣ. Каждый готовитъ своихъ жертвенныхъ животныхъ. Сосѣдки-абхазки все свое умѣніе въ кулинарномъ искусствѣ проявляютъ на этихъ поминкахъ. Ни одно ширшество въ Абхазіи не можетъ сравниться въ обиліи и разнообразіи блюдъ съ аѳсхура. Есть блюда и принасти, которыя готовятся исключительно для этихъ поминокъ, въ частности а-ḡḡaḡḡ — «печеніе изъ меда» (букв. «замороженный медъ»). Кромѣ мяса и гоми готовятся: молочная каша изъ риса — асатлачъ (a-satlàḡ), похлебка изъ фасоли и мяса, блюда изъ макаронъ и вермишели, разныя пе-

ченія и т. д. Все нужное количество молока, сыру и кислаго молока для поминковъ доставляется даромъ населеніемъ.

Àкянъ ¹⁾ (а-қан).

Во дворѣ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ акянь (или акялантарь). Эта высокая свѣча сажени въ 3—4. Дѣлають ее такимъ образомъ: берется длинный шестъ въ діаметрѣ въ 2—3 вершка; мѣстами выдалбливается, и углубленія заполняются то порохомъ, то сѣрою, то инымъ взрывчатымъ веществомъ; снаружи шестъ этотъ обтягивается полосатымъ, сильно навощеннымъ полотномъ; ставится на ножкахъ. Сверху горизонтально навѣшивается деревянный крестъ, въ центрѣ коего на стержнѣ красуется фигура птицы, которая, вѣроятно, символизируетъ стремленіе человѣка къ небсамъ. Къ концамъ креста прикрѣплены роскошные кисеты (a-qaşà, г. ʃʃʌ qesa, ʃʌʌ qisa) и платки. Акянь имѣетъ и свѣчи въ видѣ вѣтокъ. Подъ конецъ аісхура искусными стрѣлками сбиваются птица и другія вещи, кои служатъ добычею тѣхъ, кто ихъ подбилъ. Послѣ этого акянь зажигается, и онъ горитъ и по временамъ даетъ взрывы.

По объясненію Комиссіи, встарину аяны употреблялись только при поминкахъ знатныхъ особъ — дворянъ и князей.

Ащатака. При поминкахъ же употребляется длинная (саженей въ 10) свѣча — ащатака (ащамака): она сложена на подобіе двухъ усѣченныхъ, концами соединенныхъ конусовъ.

Скачки. На «большихъ» поминкахъ устраиваются и скачки, которыя собирають абхазовъ со всей ихъ прекрасной родины. Скачки — это любимѣйшій спортъ абхазовъ; они готовы на цѣлыя недѣли прервать свои работы, только бы посмотрѣть на нихъ. Состоятельные родные покойниковъ стараются непременно устроить скачки. Зачастую призы довольно большіе; но владѣльцевъ скакуновъ манять не призы, а слава. Вѣсть о побѣдѣ того или иного скакуна моментально обходитъ всю Абхазію: со всѣхъ сторонъ сыплются похвалы и привѣтствія. Вообще абхазъ любитъ своего вѣрнаго друга — коня, и для него ничего ему не жаль. Каждаго скакуна провожаетъ масса лицъ съ пѣніемъ исключительно при тѣхъ случаяхъ употребляющагося «азаръ» (a-zâr, г. ზარ-ი). Маленькій жокей частыми выкрикиваніями поощряетъ своего скакуна. Скачуть въ кругѣ или съ большаго разстоянія.

1) Также акылантәр (a-kalantär, г. ~~акылантәр~~ keleptar-1).

разгнѣвали. Въ такихъ случаяхъ мы должны расположить ихъ къ себѣ, умиловать и искупительными жертвоприношеніями. Этимъ «внѣ дома находящимся» приносится жертва при родахъ; имъ же молятся, между прочимъ, при «введеніи» невесты въ большой домъ. Кромѣ всего этого, а-Ѣепѣkow принадлежитъ первое молоко послѣ Айтаръ-Мкамгарія: послѣ отеленія коровъ и буйволицъ молока ихъ нельзя употреблять въ пищу, пока въ одинъ изъ понедѣльниковъ не принесутъ жертвы Айтаръ для коровъ и Мкамгарія для буйволицъ, въ слѣдующую же субботу приносится жертва и «адвинкоу»: готовятъ аylarɔ̃ (м. ɟɛ̃ɛ̃ɟɔ̃ elarɔ̃-1) > аylad, и а-Ѣатаɟа (м. ɛ̃ɟɟɟɟɟ̃ ɟetɟa) — это мамалыга, сваренная вмѣстѣ съ творогомъ, — каждая особымъ образомъ готовится; ставится у дверей столъ, какъ обыкновенно при аushagɟaga, на который подаются «айларджъ», «ачамаква», аɟetɔ̃ (кислое молоко) и зажигаются свѣчи (для коровъ — двѣ, а для буйволовъ столько паръ свѣчей, сколько буйволицъ дойныхъ), при чемъ старшій въ семьѣ молится: «Вы, внѣ дома находящіеся, и старые и новые (аɟetɔ̃ аɟetɔ̃)! принося смиренно отцами нашими установленную жертву, просимъ васъ быть хранителями и защитниками нашими и нашихъ стадъ; умножьте наши стада, не дайте намъ никакого вреда, кромѣ полинялой (старой) шерсти и старого навоза и т. д.». Послѣ этихъ жертвоприношеній молоко и его продукты уже годны для употребленія живыхъ: божествамъ и мертвымъ даны ихъ доли!

Въ заключеніе нахожу нужнымъ привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ сказаній о Нартахъ.

Разъ одинъ абхазъ случайно попалъ на тотъ свѣтъ къ Нартамъ. Последніе очень обрадовались его появленію и осыпали случайного гостя вопросами о семьѣ мірѣ. Насталъ обѣденный часъ. Вмигъ накрылись столы всѣхъ Нартовъ и другихъ обитателей подземнаго міра и появились роскошные блюда. Лишь одинъ столъ Сесрыквы Нарта остался не накрытымъ. Сосѣди и братья надѣлили Сесрыкву кушаніями. На вопросъ абхаза, почему Сесрыкву обошли, послѣдній отвѣтилъ: «Я скончался послѣ всѣхъ своихъ братьевъ, не оставивъ себѣ наслѣдниковъ; не оказалось у меня и такихъ друзей, которые справили бы по мнѣ «аѣсхура», и я остался безъ поминокъ! Вотъ почему мой столъ на этомъ свѣтѣ пустъ: вѣдь здѣсь подается намъ, душамъ, ежедневно все то, что подано нашимъ душамъ на томъ свѣтѣ нашими родственниками, особенно въ день «аѣсхура». Поэтому я здѣсь осужденъ на жалкое существованіе, на подачки сосѣдей до тѣхъ поръ, пока кто-либо не вспомнитъ обо мнѣ и не устроить по мнѣ тризны».

Случайный гость абхазъ сжался надъ славнымъ Нартомъ, слава коего до сихъ поръ гремитъ по всей Абхазіи, заручился его согласіемъ и, по возвращеніи домой, устроилъ роскошныя поминки по немъ. За это Нартъ Сесрыква наградила его своимъ чудными собаками и «а-рашомъ», сказочнымъ конемъ (а-гащ, ср. г. 6370 гащ-1).

III. Свадебные обычаи ¹⁾.

По адагу абхазская молодежь не имѣетъ права говорить предъ старшими въ родѣ и въ общинѣ, предъ отцомъ и матерью, старшими сестрами и братьями о своемъ желаніи вступити въ брачный союзъ: таковое свое желаніе молодежь передаетъ старшимъ черезъ посредниковъ, что младше ихъ самихъ по возрасту. Вообще, личность абхазской молодежи сильно скована вѣками освященными обычаями: она въ присутствіи старшихъ не имѣетъ права даже шутить вообще о супружескихъ отношеніяхъ, курить табакъ, переходить съ виномъ «аллаверды» къ старшимъ, раньше нихъ привѣтствовать, здороваться или отвѣчать и т. д. Ада томъ выработана цѣлый кодексъ этихъ взаимоотношеній, свято соблюдаемыхъ до сихъ поръ.

Какъ только молодой человѣкъ подростъ, родители прилагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность ему поближе ознакомиться если не со всею Абхазіею, то по крайней мѣрѣ съ тою частью ея, въ которой онъ живетъ: никакая сѣйшая работа не остановитъ родителей отъ посылки сыновей на «большія» поминки и свадьбы. «Пусть знакомится съ людьми, а работать и потомъ успѣетъ», говорятъ родители. Свадьбы же и особенно поминки являются центромъ абхазской общественной жизни, при чемъ посѣщеніе ихъ безъ приглашенія освящено обычаемъ: напротивъ, неприглашенные гости пользуются особымъ вниманіемъ. «Мы всѣ свои, а вотъ они—истинные гости», говорятъ абхазы. Въ Абхазіи существовалъ обычай отдавать молодыхъ людей на нѣкоторое время виднымъ, съ большими связями лицамъ—дворянамъ и князьямъ, которымъ они прислуживали, сопровождая ихъ во всѣхъ путешествіяхъ: «Пускай побываетъ вездѣ и учится у людей», говорили родители. Обычай этотъ въ настоящее время «меркнетъ и гаснетъ». Хотя и теперь молодой абхазъ въ своихъ «странствованіяхъ» долженъ находиться какъ бы въ «свитѣ» одного изъ старшихъ, долженъ кого нибудь сопровождать. Упрекъ, что такой-то «не знаетъ дорогъ дальше своего села», равносильнъ въ глазахъ абхаза «ничего-незнанію». Вотъ на этихъ помин-

1) См. Моамбэ, 1897, V.
Христiанскiй Востокъ.

кахъ и свадьбахъ получаетъ абхазская молодежь все свое воспитаніе и обученіе. Вотъ въ этихъ странствованіяхъ, на этихъ свадьбахъ и поминкахъ завязываются новыя знакомства, новыя связи, а часто и любовь. Влюбились другъ въ друга молодые люди, дали слово не измѣнить другъ другу, и слово закрѣпили обмѣномъ вещицъ: платковъ, колецъ и т. д. Послѣ этого никакая сила не можетъ расторгнуть ихъ: часто случается и такъ, что, поближе познакомившись, одна изъ сторонъ и разлюбитъ, но адатъ не разрѣшаетъ отказать отъ даннаго слова; можетъ и такъ случиться, что они оба успѣли разлюбить другъ друга, но все-таки всилу обычая не могутъ отказать отъ даннаго слова; въ противномъ случаѣ, одна изъ сторонъ заслужитъ кличку «оставленнаго», «отвергнутаго», а это—страшный позоръ не только для даннаго лица, но для цѣлаго рода, къ которому оно принадлежитъ. Въ такихъ случаяхъ дѣло выносятся на общественный судъ. Обѣ стороны (оба рода) приглашаютъ побольше своихъ сторонниковъ. Если судъ старѣйшинъ изъ сторонниковъ обоихъ родовъ удостовѣрится, что дѣйствительно дано слово, и имѣются вещественныя доказательства (подарки), то, не считаясь съ симпатіями и антипатіями отказавшагося отъ своего слова лица, постановляетъ: «исполнить свое слово». Тогда родъ, къ которому принадлежитъ виновная сторона, или долженъ заставить исполнить «данное слово», или же уплатить за «кровь отвергнутаго лица». Но этотъ послѣдній исходъ «не приличенъ», «не лестенъ» для обиженнаго рода, и потому выступаетъ на сцену сила оружія: между заинтересованными родами появляется кровавая месть, и они не щадятъ другъ друга. Отвергнутый женихъ на какомъ нибудь большомъ собраніи объявляетъ: «Такая то особа въ силу даннаго ею мнѣ слова принадлежитъ мнѣ, почему прошу всѣхъ моихъ сверстниковъ, уважающихъ себя и права жениховъ, не отбивать ее у меня! А кто же осмѣлится отбить ее, то для него моя пуля наготовѣ!» Это угроза вполне внушительна: никто не осмѣливается вторгаться въ «чужія права». На одной угрозѣ не останавливается обиженный родъ: онъ принимаетъ энергичныя мѣры къ похищенію невѣсты, или, если этого не удастся сдѣлать, заставляетъ жениха «обезчестить ее». Это «обезчещеніе» состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ съ товарищами нападаетъ на невѣсту, рветъ ея одежду и сорваннымъ съ головы ея платкомъ возвращается домой. Этотъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ «заставить кричать». Это высшій позоръ, какой только можно нанести абхазкѣ: послѣ этого не испытать ей супружескаго счастья, если только не выйдетъ опять за него же замужъ. Конечно, и родъ невѣсты не останется въ долгу: должна пролиться кровь «противнаго» рода. Такъ могутъ общественная сила родового строя въ Абхазіи!

Если же судъ этотъ не усмотритъ явныхъ доказательствъ виновности даннаго лица, то для успокоенія обиженной стороны заставляетъ обидчиковъ принять присягу слѣдующаго содержанія: «Клянусь всемогущимъ св. Георгіемъ Илорскимъ (или, въ сѣверной Абхазіи, — Дыдрыпшемъ), что, находясь въ твоёмъ положеніи, я не счелъ бы за обиду (à-qəmdəg) то, что ты считаешь». Такая присяга вполнѣ успокаиваетъ и возстановливаетъ честь оскорбленнаго рода. Только при этомъ дается много соприсягателей.

Можетъ случиться и такъ, что претендентами на сердце данной особы являются два и больше лицъ. Въ такомъ случаѣ всѣ они должны отказаться отъ нея, «освободить ее», какъ выражаются абхазы, а то ихъ претензіи должна разрѣшить пуля.

Не ошибусь, если отмѣчу, что большинство кровавыхъ распрей, столь частыхъ въ Абхазіи, имѣетъ своимъ источникомъ вотъ такія аномальныя отношенія между дѣвицами и юношами, или, по выраженію абхазовъ, «женскій вопросъ» (a-ḥəəs ləṭəqə), въ буквальный переводъ — «хвостъ женщины». Не одна прекрасная абхазка ждала и ждетъ цѣлые годы разрѣшенія своего «проклятаго вопроса»! Часто причиною разрыва между молодыми людьми является неравенство въ сословномъ положеніи: могутъ они любить, обожать другъ друга, но если они не равны по сословію, то родъ, считающій себя выше въ сословномъ отношеніи другого рода, ни за какія блага не допуститъ оскорбить память отцовъ своихъ, разврѣшивъ бракъ «своего сына» или «своей дочери» съ представителемъ низшаго сословія. Здѣсь уже на лицо фактъ насильственнаго разрыва двухъ любящихъ сердецъ въ угоду, казалось бы, давно отжившимъ сословнымъ предрасудкамъ. Къ слову отмѣчу, что, несмотря на то, что уже свыше сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостная зависимость упразднена, до сихъ поръ сословія въ Абхазіи живутъ своею обособленною жизнью: брачные союзы между сословіями не разрѣшаются! Русское правительство признало только три сословія: 1) дворянство (дворяне и князья), 2) духовенство и 3) крестьянство, въ которое вошли: а) ашнакма (a-šnəktə, г. ḏəb-ḡḏə šnəktə, б) «чистые крестьяне» — a-nqəwəḏəqə и в) бывшіе рабы — a-ḥə (ихъ нѣсколько категорій). Ни «чистые крестьяне», ни «ашнакма» не довольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ: «ашнакма» тяготѣютъ къ дворянамъ, а «чистые крестьяне» не могутъ мириться съ мыслью, что они попали въ одну категорію съ ихъ бывшими рабами (чистые крестьяне тоже владѣли рабами).

Выше я употребилъ фразы — «свой сынъ», «своя дочь», которыя требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ абхазы говорятъ: «Наша жена», «наши жены» относительно женъ своихъ однофамильцевъ, «наши дѣти»

дарковъ, конечно, зависитъ отъ состоянія жениха. Въ особомъ почетѣ для этихъ подарковъ лошадь. Состоятельные крестьяне присылаютъ въ настоящее время одну хорошую лошадь и золотыя вещи: серьги, браслеты, кольца и т. п.; или эти же вещи и сто рублей деньгами. Невѣста тоже отсылаетъ какую либо вещицу жениху. Актъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ аққапға (а-қә—«пуля», а-қапға—«бросать», «бросаніе», «оставленіе пули»), а сами подарки жениха — аққапғадаса, т. е. «то, чѣмъ замѣняется бросаніе пули || равноцѣнно ему». Происхожденіе этого термина таково: въ добрыя старыя времена въ этомъ случаѣ женихъ посылалъ невѣстѣ одну пулю съ однимъ зарядомъ пороха. Эти подарки также называются аматарбага (а-таарбага). Передача подарковъ происходитъ такъ: во время пиршества просятъ старшаго въ семьѣ (отца, старшаго брата и т. д.) сѣсть (до сихъ поръ онъ, какъ и всѣ члены семьи, стоялъ и ухаживалъ, угощалъ гостей), что онъ и исполняетъ. Нѣсколько человѣкъ со стороны жениха поднимаются изъ-за стола, выходятъ и становятся на колѣни; по приказанію руководителя колѣнопреклоненно стоящихъ подается бокалъ вина старшему въ семьѣ, и просятъ выпить вино. Отецъ невѣсты проситъ подняться на колѣняхъ стоящихъ, изъ коихъ обыкновенно поднимаются два, три старшихъ, и тогда онъ пьетъ вино. Послѣ этого, призвавъ благословеніе боговъ обоихъ вступающихъ въ родство родовъ на новый союзъ, руководитель колѣнопреклоненныхъ перечисляетъ подарки и преподноситъ, при чемъ подарки показываются всѣмъ. Въ отвѣтъ на это хозяинъ или сейчасъ награждаетъ гостей, или же при свадьбѣ, при чемъ ни одинъ гость не долженъ остаться безъ подарка: кто получаетъ 50 коп., кто—рубль, а кто и болѣе. Подарки, получаемые лицами, которыя сопровождаютъ представителя жениха (отца, брата и другихъ) называются ауәзша или а-уәзша (р. 13336533 saamqanago или 13336533 samqlebelo).

При этомъ, какъ бы заочномъ, обрученія нѣтъ ни жениха, ни невѣсты: они въ эти дни никому не показываются. Встарину въ этотъ день и невѣста и женихъ «запирались» въ своихъ «амхарѣ» (amḥarā — это въ большинствѣ случаевъ конусообразныя плетенки, устраивавшіяся специально для новобрачныхъ). Слово amḥarā значитъ «не слышать», но съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ означаетъ вышеописанную постройку. Въ двадцать первый день происходилъ «выводъ» изъ «амхарѣ» и невѣсты и жениха. По выбору самой невѣсты или ея родителей одинъ изъ молодыхъ людей устраивалъ веселье и «выводилъ» вновь обрученную изъ «амхарѣ»; этотъ обрядъ называется amḥarāḍgarā — «выводъ изъ амхарѣ». Онъ же долженъ сопровождать невѣсту въ домъ жениха во время свадьбы. Между новою парой и

этимъ субъектомъ устанавливаются новыя родственныя связи, если ихъ не было до тѣхъ поръ. Женихъ долженъ возмѣстить всѣ расходы ему. Онъ, какъ сопровождающій невѣсту, называется аqатауѣза — «мужчина-дружокъ» (г. ჯაბო-მეჭღე). Въ 21-й же день происходилъ и выводъ жениха такимъ же путемъ, при чемъ устроившее пиршество лицо награждалось самимъ же женихомъ. Это же лицо и аqатауѣза для жениха. Этотъ обычай, «выводъ» жениха и невѣсты, почти уходитъ въ область преданій¹⁾ въ южной Абхазіи.

Встарину существовалъ и такой обычай помолвки грудныхъ дѣтей: въ присутствіи родителей обоихъ дѣтей наносились надрѣзы на ручкахъ ихъ люлекъ, при чемъ отъ имени жениха въ изголовье невѣсты клалась пуля съ порохомъ. Такой обрядъ помолвки назывался аqагаṭакага — «надрѣзываніе люлекъ» (агага — «люлька», а-ṭакага — «надрѣзывать»).

Послѣ «обрученія» (помолвки) женихъ долженъ до свадьбы (можно и послѣ свадьбы) пригласить въ свой домъ своего тестя (или шурина) и наградить его подарками. Способъ преподношенія подарковъ такой же, какъ описанъ выше. Это приглашеніе называется «авнадаръ» (აჟნადარა). — Тесть является съ 3—4 провожатыми, которые въ свою очередь получаютъ аџѣзшъ — подарки. И теперь женихъ не имѣетъ права показываться своему тестю! Если даже женихъ гдѣ-нибудь встрѣтится съ тестемъ, тещею или со старшими въ родѣ невѣсты, онъ долженъ скрыться отъ нихъ, спрятаться: показаться на глаза имъ значитъ непочтительно относиться къ нимъ. Тоже самое и невѣста.

Послѣ помолвки же младшіе братъ и сестра жениха отправляются къ невѣстѣ съ подарками: платьемъ, обувью, зеркалами и т. п. При этомъ они же должны возмѣстить расходы на ужинъ-пиршество, устроенное для нихъ хозяиномъ дома: обыкновенно приводится ими бычокъ (или козель) и приносится потребное количество вина. Гости посѣщаютъ свою невѣсту въ ея «амхаръ» (г. სამხარე sa-sd̄l-o). Послѣдняя съ подругами стоитъ у стѣны, съ покрытымъ покрываломъ лицомъ. Золовка (сестра жениха) подходитъ къ ней и цѣлуетъ. Гости садятся. Преподносятся подарки, послѣ чего съ лица невѣсты приподнимается покрывало, и она показывается золовкѣ, шурина и ихъ провожатымъ, причемъ гости свою радость усугубляютъ пальбою изъ револьверовъ. За все время присутствія гостей въ ея «амхаръ» невѣста не имѣетъ права не только садиться, но даже улыбаться...! Гости эти, осо-

1) Молодой абхазъ изъ «Турецкой Абхазіи» Мстаа-бей Джонга (Дориа) передалъ мнѣ, что эти свадебные обряды до сихъ поръ въ полной силѣ у турецкихъ абхазовъ, живущихъ около Измида.

бенно женщины, въ свою очередь получаютъ подарки отъ невесты и ея родителей.

Жениху не разрѣшается посѣщеніе дома невесты, онъ можетъ видѣться съ нею гдѣ-нибудь у сосѣдей, и то тайкомъ. Онъ получаетъ это желанное право лишь послѣ того, какъ явится съ подарками къ тестю. Этотъ обрядъ извѣстенъ подъ названіемъ «махвырапара» (maḥwaraḥa: a-maḥa — «зять», a-ḥaḥa — «итти»). Онъ исполняется до свадьбы, во время свадьбы или же послѣ свадьбы. Обыкновенно для сокращенія расходовъ онъ совпадаетъ со свадьбою. Средней руки женихъ-крестьянинъ доставляетъ: рублей сто наличными деньгами, 5—6 отборныхъ быковъ, 2—3 лошади и платье для тещи, или бабушки невесты, а также вино, водку, гоми и даже соль. А дворянамъ и князьямъ очень дорого обходится это «посѣщеніе зятя» родителями невесты. Такъ, напримѣръ, одно мнѣ знакомое лицо доставило: 500 рублей наличными, 16 быковъ, 16 отличныхъ лошадей, изъ коней четыре были осѣдланы прекрасными сѣдлами. Достойна упоминанія одна мелочь: почему-то вообще въ этихъ случаяхъ мужскія сѣдла безъ подушекъ! Вотъ при этомъ посѣщеніи и происходитъ личное награжденіе зятя. Обыкновенно каждая сторона старается честно обмѣняться: дать по стоимости не меньше того, сколько доставила первая сторона. «Съ какими подарками пріѣдетъ зять, съ такими и уѣдетъ», говорятъ абхазы. Конечно, не забываются и друзья зятя.

Встарину свиданіе жениха и невесты происходило такъ. Женихъ съ двумя, тремя друзьями являлся въ помѣщеніе невесты: послѣдняя съ подругами встрѣчала его. При этомъ женихъ трижды подводилъ невесту подъ свою бурку, послѣ чего подруги уводили ее. Или же вѣшалась посреди помѣщенія бурка (или коверъ) и три раза оттягивалась она (бурка), чтобы дать возможность молодымъ посмотрѣть другъ на друга. Послѣ этого двери дома невесты открывались для зятя навсегда, но близкаго общенія между молодыми не бывало: при старшихъ они даже не могли встрѣчаться.

Расходы въ обоихъ мѣстахъ — и у тестя и у себя — несетъ женихъ. Вотъ почему онъ посылаетъ столько провизіи тестю. Сверхъ того, по обычаю, женихъ долженъ послать и людей для приготовленія кушаній. И этотъ обычай уже становится преданіемъ. Конечно, никакая абхазская семья не въ состояніи была бы выносить столько расходовъ, если бы въ Абхазіи не существовалъ прекрасный обычай взаимной поддержки. Въ такихъ случаяхъ, во-первыхъ, — самое широкое проявленіе трудовой даровой взаимной помощи на лицо: всѣ работы исполняются сосѣдями и родственниками даромъ, какъ-то, въ случаѣ надобности, постройка «амхара», навѣса для гостей — ашаба (a-ḥaḥa), доставка дровъ, доставка и покупка провизіи и т. п. — все

это даромъ исполняется. Кромѣ сего широко оказывается помощь жениху родственникамъ и деньгами, и скотомъ, и лошадьми и т. п. Такая помощь называется аѣгѣдага, что приблизительно означаетъ *давать, доставлять помощь въ догонку*.

Насколько «аѣсхура» замѣчательна разнообразіемъ блюдъ, настолько бѣдна бывала свадьба—аѣага—кушаніями. Въ настоящее время подъ влияніемъ новыхъ вѣяній на абхазскихъ свадьбахъ появились разныя блюда, но встарину обыкновенно подавались: мамалыга, вареное мясо, вино и подъ конецъ жареное мясо (куръ и барановъ) — аѣа¹⁾, или иначе аѣаде (г. ႠႫႳႰႫႰ m-tvad-1).

За мѣсяць-полтора до свадьбы отецъ неvěсты объѣзжаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей и приглашаетъ ихъ на свадьбу. При этомъ родственники спрашиваютъ его: «Какую же помощь тебѣ оказать? что тебѣ принести? На кого надѣется, что свое слово исполнить, тому онъ и заказываетъ — кому лошадь, кому мѣдный котелъ и т. д., а остальнымъ говорятъ: «Удостойте насъ своимъ присутствіемъ, а о вещахъ не беспокойтесь!» Ко дню свадьбы собираются, съѣзжаются всѣ родственники и знакомые, при чемъ ими часто навозится масса вещей, иногда совсѣмъ ненужныхъ. Приданое выносится на дворъ до обѣда, и одинъ изъ стариковъ, хорошо владѣющій языкомъ, передавая вещи поштучно на показъ всѣмъ родственникамъ жениха, перечисляетъ приданое, а потомъ, снявъ головной уборъ, призываетъ благословеніе боговъ и духовъ, покровителей обоихъ родовъ. За этотъ трудъ онъ получаетъ съ обѣихъ сторонъ подарки. Подарки же получаютъ и тѣ лица, которыя выводятъ дареныхъ коней и другихъ животныхъ. Послѣ отправленія приданого начинается пиршество, причемъ хозяева стараются перепить всѣхъ поѣзжанъ, которыхъ всегда бываетъ очень много, а послѣдніе — хозяевъ: здѣсь подъ хозяевами подразумѣваются сосѣди, родственники и друзья тестя; послѣдній вмѣстѣ съ домохозяевами никогда не садится съ гостями: прислуживаетъ имъ. Вотъ примѣрное приданое дочери зажиточнаго крестьянина: отъ 6 до 12 паръ постели (тюфяковъ и одѣялъ), столько же подушекъ, по-парно мѣдные котлы, рукомойники мѣдные же, такіе же тазы, двѣ желѣзныя цѣпи для котловъ («арыхнышка» — г. ႠႫႳႰႫႰ sa-kid-el-1, м. ႠႫႳႰႫႰ naṭa), вертелъ (аѣаѣ), желѣзный крючекъ для того, чтобы вынимать изъ кипятка вареное мясо (аѣаѣ), арба съ буйволами, лошадь съ сѣдломъ для неvěсты и для жениха, если до сихъ поръ не былъ награжденъ, платья, сундукъ, чемоданы, шка-

1) Аѣа — еще означаетъ и *блюду*.

тулки, ковры и тому подобное. Лошадь съ сѣдломъ невѣсты даетъ воспитанникъ, если таковой имѣется у данной семьи, но за то онъ же получаетъ отъ жениха равноцѣнный, если не больше, подарокъ. Встарину существовалъ особый поборъ для помѣщика — одна корова съ каждой невѣсты: платилъ женихъ. Зато и самъ помѣщикъ обязанъ былъ дать невѣстѣ что-нибудь цѣнное. Поборъ этотъ въ пользу помѣщика назывался «ахшбыръ» (ақшбѣр).

Послѣ обѣда выѣздъ невѣсты и поѣзжанъ. У воротъ хозяйскаго дома мѣстная молодежь съ дубинами встрѣчала поѣзжанъ и чѣмъ дольше она задерживала свадебную процессію, тѣмъ похвальнѣе было для нея. Затѣмъ за поѣзжанами вскачь гонится молодежь, стараясь какъ можно дольше задерживать ихъ: то срываетъ съ головы кого-либо изъ поѣзжанъ папаху или башлыкъ, и давай Богъ ноги назадъ, а тѣ за ними гонятся; то отнимаютъ бурки другъ у друга и т. д. Невѣста при выѣздѣ изъ родительскаго дома плачетъ; ей вторятъ мать и сестры. Она во всю дорогу находится подъ покрываломъ. Невѣсту, какъ и выше замѣтилъ я, сопровождаютъ одна подруга и два, три дружка. Свадебная процессія весело ѣдетъ и, при приближеніи къ дому жениха, посылаетъ гонцовъ, которые отъ родителей получаютъ подарки¹⁾. Когда процессія вошла во дворъ и спѣшилась, ее встрѣчаетъ старшій въ родѣ и проситъ благословенія боговъ на новобрачныхъ, послѣ чего невѣста вводится въ свою «амхарѣ»: здѣсь при входѣ надъ ея головою у дверей скрещиваются пашки, и подъ лязгъ ихъ невѣста переступаетъ порогъ новаго своего жилища, при этомъ раздается залпъ изъ огнестрѣльнаго оружія²⁾. Ей на колѣна сажаютъ мальчика въ «амхарѣ». Ее также осыпаютъ зернами гоми³⁾.

Конечно, женихъ и здѣсь, у себя, устраиваетъ пиръ на весь міръ: свадьбу можетъ посѣщать всякій, кто только пожелаетъ. Подарки для постороннихъ необязательны: только родственники и друзья обязаны оказать помощь. Абхазскія свадьбы вообще многояюдны, но сравнительно женщинъ

1) При свадебной процессіи поется свадебная пѣснь — *ori dada moḡwa* (можетъ отъ г. *о-и да-да мо-гва*, *ori dade moḡwa* — «два подруги пріѣхали съ нею?»).

2) Нѣсколько членовъ Комиссіи отмѣтило, что при входѣ въ «амхарѣ» на палецъ невѣсты надѣвается серебряное кольцо въ залогъ того, что владычицѣ водъ своевременно принесутъ установленную жертву. Большинство же отмѣтило, что обрядъ надѣванія кольца таковъ: послѣ свадьбы невѣстку ведутъ въ бѣломъ платьѣ къ рѣкѣ, причемъ чистая женщина, надѣвая серебряное кольцо на палецъ невѣстки, говоритъ: «Дзидзланъ, владычица воды, твоимъ именемъ даемъ ей это кольцо!» Снимать съ пальца это кольцо нельзя: всю жизнь она должна носить.

3) При входѣ въ «амхарѣ» черезъ нее встарину перебрасывался начиненный сыромъ амганъ (*a-mḡan* — «чурекъ»). Люди ловили его и ѣли.

мало: онѣ навѣщаютъ невѣстку на второй день свадьбы, и опять для нихъ особо нужно устроить угощеніе. Ни женихъ, ни невѣста не показываются на свадьбѣ: она у себя въ «амхарѣ», гдѣ собирается молодежь и въ танцахъ и пѣніи проводить весело время; сама же все время стоитъ у стѣны своего новаго жилища съ закрытымъ лицомъ, молча. Танцы вообще въ Абхазіи заканчиваются въ знакъ радости пальбою. Женихъ же скрывается гдѣ-нибудь у сосѣдей, а въ самомъ лучшемъ случаѣ смотритъ изъ-за куста, какъ на его свадьбѣ веселятся люди. Подается ужинъ (или обѣдъ), при чемъ невѣста, ея подруга и дружки, стоя на колѣняхъ, должны подать утиральникъ почетнымъ гостямъ. Пока примутся за ѣду, одинъ изъ стариковъ встаетъ, беретъ въ руки палочку съ нанизанными на ней сердцемъ и частью печени и стаканъ вина и произноситъ импровизованную молитву, въ коей приглашаетъ благословеніе боговъ и духовъ обоихъ родовъ, обливаетъ виномъ печень и сердце, по кусочку самъ принимаетъ и даетъ другимъ. Теперь столъ благословленъ и пиршество начинается. Веселье сопровождается танцами и пѣніемъ, при чемъ нужно отмѣтить, что у абхазовъ танцуютъ только молодые люди: ни замужнія женщины, ни женатые мужчины не танцуютъ, развѣ только на свадьбѣ своихъ дѣтей. Пирующие должны встрѣтить непременно восходъ солнца¹⁾; теперь хороводный танецъ²⁾ съ пѣніемъ, а затѣмъ приношеніе подарковъ. Каждый, желающій поднести подарокъ, по очереди входитъ въ «амхарѣ», садится и проситъ показать невѣсту. Подруги съ блюдцемъ подходятъ къ нему, и онъ кладетъ на это блюдо свой подарокъ — деньги, вещицы, а если животное, то называетъ, какое именно. Послѣ поднимается покрывало и невѣста показывается. Опять выстрѣлы. Въ такомъ же порядкѣ приносятся и другіе подарки. Подарки—отъ 20 коп. до десятковъ рублей и лошадей, коровъ и т. д. Эти подарки называются аѣагшѣ (ахаршѣ).

Состоятельные лица на свадьбахъ тоже устраиваютъ скачки и стрѣльбу въ цѣль; назначаются и призы.

Во время свадьбы невѣста не имѣетъ права говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своей подруги. Вообще въ первыя 2—3 недѣли она обречена на полное молчаніе: имѣетъ право говорить только съ дѣтьми и съ младшими сестрами и братьями своего мужа. Въ первую ночь женихъ даже на глаза не показывается своей невѣстѣ.

1) Гости должны сбить съ дерева при разсвѣтѣ домашнюю птицу, которая и подается имъ въ видѣ адзъ (а-д [или а-дэ? см. выше, стр. 195]).

2) Аѣагшѣкѣагшѣ, или иначе щѣагадѣнѣ (щѣагадѣнѣ устраиваютъ и всадники).

Часто случается и такъ, что кто-нибудь изъ родственниковъ принимаетъ на себя всѣ расходы по устройству свадьбы, за что женихъ расплачивается съ нимъ, одаривъ его въ тотъ же день подарками.

Мужчины — дружки невесты (г. მდადე-კაბ-ი m-dade-kaḥ-1) уѣзжаютъ домой на второй день; женихъ ихъ тоже долженъ наградить подарками — кого деньгами, кого вещами, кинжаломъ, серебрянымъ поясомъ и т. д. Какъ выше я отмѣтилъ, если изъ дружковъ имѣется кто-либо, который устроилъ невестѣ «амхараттара» (ამჟამადგარა — a-mḥagaḍgarà), то онъ сообразно съ понесенными расходами щедро вознаграждается. Подруга же остается недѣли двѣ-три, потомъ съ большими подарками отъ жениха она уѣзжаетъ домой: обыкновенно ей дарятъ лошадь, лошадь съ сѣдломъ, нынѣ швейную машину, дорогое платье и т. д. Мѣсяца черезъ два она опять навѣщаетъ новобрачныхъ, причемъ приноситъ жениху полное готовое платье: черкеску, архалукъ, чусты, башлыкъ и даже рубашку и кальсоны. За то она вторично награждается женихомъ, при этомъ каждая изъ сторонъ старается, чтобы его подарки были лучше получаемыхъ имъ подарковъ.

Для женщинъ устраивается вторая свадьба на другой день, когда онѣ являются видѣть «атаца» (ა-ააა) со своими подарками; приносятъ обыкновенно деньги, тазы, шкатулки, разную посуду и т. д. Близкія же родственницы являются въ первый же день свадьбы и вмѣстѣ съ мужьями и со всею семьею подносятъ подарки.

Свадьба какъ бы продолжается недѣли двѣ, три: въ продолженіе этого времени окрестная молодежь почти ежедневно собирается въ «амхарà» невесты и въ пѣсняхъ и танцахъ проводить все свободное время: ихъ нужно, конечно, угощать. Еще разъ отмѣчу, что «атаца» за все время присутствія постороннихъ лицъ должна стоять на ногахъ у стѣны своей «амхарà».

Своеобразный табу существуетъ у абхазовъ для невесты: она не имѣетъ права называть по имени ни одного родственника мужа, ни живыхъ, ни мертвыхъ, кромѣ дѣтей. Нечего и говорить, что и мужа не можетъ называть по имени. Она должна всѣмъ дать новыя имена, конечно, только для себя. Старшаго же въ родѣ или своего тестя она величаетъ ḥāḥ (ḥāḥ <ḥ>), т. е. *нашимъ владѣтелемъ*, и, вопреки законамъ абхазскаго языка, не терпящаго множественнаго числа, когда говорятъ объ одномъ лицѣ, про ḥāḥ, тестя и тещу выражается во множественномъ числѣ.

Мужъ тоже не можетъ называть по имени свою жену, тещу и тестя, а иногда старшихъ сестеръ и братьевъ жены.

Невеста не имѣетъ права безъ особаго разрѣшенія говорить со стар-

пагага: ауѣ — «домъ», а-ду — «большой», а-пагага — «приводить», т. е. *введение въ большой домъ*; до этого времени она не имѣетъ права входить въ «большой домъ». Недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы устраивается небольшое пиршество, скорѣе — жертвоприношеніе. Когда все готово, подъ скрещенные шашки (или кинжалы) молодыми людьми вводится въ большой домъ неvěста, при этомъ ее встрѣчаетъ и благословляетъ свекоръ или старшій въ родѣ. У него въ рукахъ нанизанныя на палочку сердце и печень животнаго и стаканъ вина. Онъ съ молитвою обращается къ Аѣаѣага сего дома и проситъ благословенія и милости его на новаго члена семьи, причемъ между прочимъ говорить: «ѣоуга бзуаѣѣ», т. е. «сдѣлай ее плодovитою». Аѣаѣага — это покровитель дома, какъ бы богъ размноженія, плодovитости рода человеческого. По моему, этимология этого слова такова: аѣ — «мясо», «плоть», аѣага отъ (а)еуѣага — «больше», т. е. *увеличение рода (плоти)*. Это «введение въ большой домъ» — ничто иное, какъ умиловительное жертвоприношеніе вообще богамъ и духамъ, а въ частности аѣаѣага новаго члена семьи — неvěсты. Съ этого дня двери большого дома для нея открыты.

Послѣ первыхъ родовъ абхазка должна явиться въ домъ родителей и «помолиться подъ Аѣаѣага» (аѣаѣаѣага *молиться около*): совершается обычное жертвоприношеніе съ «аквакваръ». Молящійся между прочимъ говорить: «Принося жертву по примѣру отцовъ, просимъ милости разрѣшить выходъ ея изъ этой семьи и присоединеніе къ другой семьѣ, благослови ея дѣтороженіе и т. д.». Въ жертву обыкновенно приносится холощенный козель. При усиленной смертности дѣтей съ искупительными жертвоприношеніями обращаются къ тому же «Аѣаѣага» дома матери ихъ. Если она обязана и святыни «аѣира», то тоже должна и передъ ней отомолиться послѣ первыхъ родовъ (см. Шаѣѣ).

Абхазка и послѣ выхода замужъ должна почитать сама лично всѣхъ боговъ и духовъ своихъ родителей, а также праздновать ихъ священный день наравнѣ съ богами и духами мужа своего, и также его священнымъ днемъ (о немъ смотри Шаѣѣ). Обязанности по отношенію къ этимъ богамъ и духамъ переходятъ къ ея дѣтямъ, т. е. по женской линіи, въ случаѣ вымиранія цѣлаго рода, изъ которой происходитъ она. Вотъ почему часто встрѣчаются семьи, которыя празднуютъ въ недѣлѣ три дня: священный день по женской (материнской) линіи, день отцовъ (мужская линія) и христіанскій день; а женщины сплошь и рядомъ по два, три дня празднуютъ.

Обрядовое шествіе неvěсты къ водѣ — аѣѣагага (аѣѣ — «вода», а-ѣѣ — «голова (берегъ)», а-гага — «водить», «приводить»), т. е. *приводить къ водѣ*,

точнѣе, *къ берегу воды*. Для этого семья устраиваетъ «обѣдъ для женщинъ», на которомъ могутъ присутствовать только замужнія женщины. Послѣ обѣда старыя женщины ведутъ въ новомъ нарядѣ невесту къ водѣ. Здѣсь одна изъ старшихъ молится и проситъ *адіѡвъ въ водѣ находящуюся*, *дѣдлан мать воды*, «*дѣлкъа*» *владычицу, царицу воды* «умилостивиться надъ ней, быть ея покровительницею и хранительницею въ родахъ, въ домашнемъ быту, при кормленіи шелковичныхъ червей и т. д., и при этомъ ея какое-либо платье мочать въ водѣ, а нѣкоторыя бросаютъ и яйца въ воду. Послѣ этого обряда ей разрѣшается ходить къ водѣ.

Черезъ годъ или полтора зять съ женою ѣдетъ къ родителямъ жены, причемъ онъ всѣмъ родственникамъ жены раздаетъ подарки, если только до сихъ поръ не роздалъ. Эти подарки называются *аѣапа*: *аѣ* — «ротъ», *а-птага* — «класть», «положить на» что-нибудь.

Такіе же подарки раздаетъ женихъ во время свадьбы и своимъ роднымъ и старшимъ родственникамъ, послѣ чего онъ приобретаетъ нѣкоторыя права: курить табакъ, переходить къ нимъ съ виномъ «аллаверды» и т. д. Эти подарки тоже *аѣапа*.

Зять долженъ наградить подарками, когда его посѣтятъ, свою тещу, шуряновъ, свояковъ, свояченицъ и т. д. По обычаю и онъ получаетъ отъ нихъ подарки. Особенно торжественно награжденіе подарками воспитанника рода жены.

При выдѣленіи новой хозяйственной единицы всѣ сосѣди и родственники считаютъ своею обязанностью помочь ей чѣмъ нибудь: мужчины помогаютъ своимъ трудомъ, а женщины дарятъ, кто домашнихъ птицъ, кто тарелки и т. п. Если у новосельцевъ нѣтъ кукурузы, то сосѣди снабжаютъ ихъ кукурузою до новаго урожая.

По обычаю, трудъ «атаца» тоже даровой: она всѣмъ, кто только къ ней ни обратится, шьетъ даромъ. Вообще въ Абхазіи до сихъ поръ женщины постороннимъ шьютъ даромъ. А «атаца» особенно завалена работою.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о добрыхъ супружескихъ отношеніяхъ абхазовъ. Мужъ не имѣетъ права бить свою жену: за это онъ отвѣчаетъ предъ родомъ ея. Разврата въ Абхазіи нѣтъ пока: родъ строго слѣдитъ за нравственной жизнью «своихъ женъ»; и если, паче чаянія, появится у кого-либо гуляющая жена, то она должна быть удалена изъ рода. Въ данномъ случаѣ поведеніе ея разбираетъ вышеописанный народный судъ. При наличности уликъ жена не имѣетъ права получить что-нибудь отъ мужа; при недостаточности уликъ, мужъ долженъ заплатить «за ея кровь» ея роднымъ.

Въ этихъ случаяхъ родъ не считается съ мнѣніемъ мужа: честь рода выше всего на свѣтѣ для правовѣрнаго абхаза!

Вѣнчаніемъ абхазы не спѣшатъ: часто они своихъ дѣтей крестятъ раньше, чѣмъ обвѣнчаются сами. Вообще во взаимоотношеніяхъ абхазовъ вѣра почти никакой роли не играетъ: свободно выходятъ мусульманки за христіанъ, а христіанки — за мусульманъ.

IV. Обычаи, соблюдаемые при рожденіи и воспитаніи дѣтей¹⁾.

Молодая женщина — будущая мать никому изъ старшихъ лично не сообщаетъ о томъ, что она въ положеніи: стыдно объ этомъ говорить со старшими вообще, а въ частности съ мужчинами, какого бы возраста онъ ни былъ. Объ этомъ изъ устъ ея можетъ узнать только мужъ. Остальнымъ она сообщаетъ черезъ посредство женщинъ, моложе ея по лѣтамъ. Она ведетъ обыкновенную жизнь. Прихоти, вызываемыя положеніемъ ея, она можетъ вполнѣ удовлетворять. Если старшая въ семьѣ женщина захочетъ предостеречь отъ чего либо, наставить, то она говоритъ объ этомъ интимно, какъ-бы про другую говорить; этимъ она щадитъ ея стыдливость²⁾.

Великій актъ появленія новой жизни абхазы встрѣчаютъ благоговѣнно. Чтобы облегчить роды, абхазки напередъ призываютъ милость боговъ и духовъ, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ родамъ. Такъ, какъ только начнутся роды, сейчасъ повитуха даетъ обѣтъ и кладетъ залогомъ — «ашась» (а-шас) слѣдующимъ покровителямъ дома, прося у нихъ счастливаго и милостиваго разрѣшенія родовъ у данной особы. Первый «ашась» кладется духу, внѣ дома находящемуся — аѣѣпѣкѣ. «Ашась» этотъ долженъ быть непременно мѣдный, особенно въ ходу мѣдная сковорода съ длинною ручкою — «адырганъ» (а-дѣрган, г. ᠠᠳᠢᠷᠭᠠᠨ тапа). Повитуха трижды обводитъ ею вокругъ головы больной, почему эти залогомъ

1) Привожу здѣсь же слѣдующую легенду. Одна беременная женщина верхомъ на сужеребой (абх. амака — а-така, г. ᠠᠮᠠᠬᠠ таке) кобылѣ поднималась по высокой горѣ. Она сжалась надъ кобылой, слѣзла и пѣшкомъ поднялась на гору. Тогда сужеребая кобыла попросила Создателя вознаградить женщину за такое человѣчное обращеніе съ нею тѣмъ, чтобы вообще женщины рожали дѣтей на 9 мѣсяцѣ, какъ до того времени было съ сужеребыми кобылами, а нѣтъ, кобыламъ, назначить срокъ родовъ 12-ти мѣсячный, какъ у женщинъ было до тѣхъ поръ. Богъ исполнилъ эту просьбу: вотъ почему теперь у женщинъ 9-ти мѣсячный срокъ, а у кобылъ — 12-ти мѣсячный.

2) См. Моамбэ 1897, XI.

также называются и акѣшадѣ, кладетъ на нее кошель и прячетъ гдѣ-либо въ чистомъ мѣстѣ.

Второй залогъ—«ашашъ» для Аѣаага. Здѣсь употребляется тарелка или бутылка, которая тоже трижды обводится вокругъ головы роженицы и прячется.

Для Adgil-dedopal Царицы земли повитуха беретъ пять яицъ, кладетъ ихъ подъ роженицею на землю, проводитъ (катитъ) по ней, а потомъ по одному яйцу зарываетъ глубоко въ землю у каждаго угла дома, пятое же прячетъ до поры до времени.

Больная должна разрѣшиться непремѣнно на землѣ, на которую кладутъ чалу¹⁾ — афѣ.

Мужчина, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ права посѣщенія роженицы. Мужъ же, особенно если первые роды, долженъ куда нибудь скрыться: стыдно показаться²⁾!

Появленіе новой жизни абхазы встрѣчаютъ выстрѣлами изъ ружей. Рожденіе сына сугубо празднуется, причемъ подъ его голову кладутъ пулю.

Послѣдъ или дѣтское мѣсто крѣпко завязывается въ платокъ и глубоко зарывается въ землю. При этомъ, если мать не хочетъ больше имѣть дѣтей, кончикъ послѣда обжигаютъ, а потомъ предаютъ землѣ.

Ножницы, коими отрѣзали пупъ у новорожденнаго, должны лежать безъ употребленія, пока рана не заживетъ.

Обыкновенно на 14—15 день совершается обрядъ выкупа залоговъ и приношенія умиловительныхъ жертвъ. До этого дня роженица не встаетъ съ постели. Это называется агѣлаѣ³⁾ отъ слова а-гѣлага *оставать, подниматься*. Это настоящій женскій праздникъ. Свекровь роженицы или одна изъ родственницъ за два, три дня обходитъ всѣхъ женщинъ своего околodka и приглашаетъ ихъ на а-гѣлаѣ. Въ назначенный день

1) Чала — грузинское слово, принятое и русскими на Кавказѣ, въ значеніи кукурузной соломѣ.

2) При трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ. Во-первыхъ, слѣва кладутъ ножницы и веретено, а справа — ножикъ и шило, при чемъ повитуха новаго члена семьи привѣтствуетъ такъ: «Если ты мальчикъ, иди (выходи) направо, а если — дѣвочка, — налево. Во-вторыхъ, черезъ тѣло больной должно трижды перешагнуть лицо, которое освободило лягушку изъ пасти змѣи и между ними прошло, причемъ говорить: bōwnaщit отпустилъ тебя (женщину). Въ третьихъ, даютъ ей пить алмазную воду (кладется въ стаканъ воды алмазь, и это вода извѣстна подъ этимъ именемъ). Въ четвертыхъ, если можно достать, то привязываютъ къ поясищѣ больной а-пфлманѣ.

3) Гурійцамъ нѣчто подобное извѣстно подъ названіемъ ლოგინის აგება (loginis aģeba) букв. «поднятіе (> уборка) постели».

рано собираются онѣ, причемъ каждая изъ нихъ доставляетъ что-нибудь, особенно куръ и сыръ. Если семья состоятельная, то рѣжется баранъ или козелъ, а то рѣжутъ однѣхъ куръ. Никто изъ мужчинъ не можетъ посѣтить это пиршество, кромѣ дѣтей. Вотъ теперь-то происходитъ выкупъ залоговъ, т. е. приношеніе жертвъ.

Съ нѣсколькими, начиненными сыромъ «аквакваръ», повитуха обращается къ Аджанага и говоритъ: «Точно исполнивъ все то, что намъ завѣщали наши отцы, смиренно просимъ тебя, великій Ажѣхара, быть милостивымъ къ роженицѣ и ея ребенку; не оставляй ихъ безъ своего теплаго вниманія, какъ не оставляешь безъ своей милости и кровь сей» и т. д. Потомъ жертвоприношеніе «Внѣ дома находящемуся»¹⁾. Въ жертву сего духа варятся каплунъ и одна курица и нѣсколько «аквакваръ», причемъ повитуха и говоритъ: «Вы всѣ, которые внѣ дома находитесь, будьте милостивы къ ней, охраняйте ее и весь домъ ея отъ всякаго нечестиваго» и т. д. Нужно отмѣтить, что этотъ «Внѣ дома находящійся» ставится то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ. Залогъ освобождается.

Слѣдующее жертвоприношеніе въ честь «царицы земли». На томъ мѣстѣ, гдѣ родился ребенокъ, повитухою (непремѣнно должна заколоть женщина) закалываются пѣтухъ и курица, которыхъ могутъ кушать только мужъ и жена, и никто другой²⁾. Ихъ то и 5—6 кусковъ начиненнаго сыромъ чурека (ашѣмгал) приносятъ въ жертву повитуха и молится: «Великая царица земли! Сегодня такая-то, исполняя свой обѣтъ и выкупая свой «ашастъ» (а-шас), смиренно просить тебя быть покровительницею ея и ея ребенка: избавь ихъ отъ головной боли, отъ зубной и другихъ болей» и т. п.

Въ тотъ же день пекутся 4 круглыхъ «аквакваръ», а пятый—на подобіе рога мѣсяца; круглые «аквакваръ» повитухою три раза проводятся черезъ кругъ, образуемый присоединеніемъ большихъ и указательныхъ пальцевъ роженицы, при чемъ она трижды повторяетъ: «развязала!» Послѣ этого она будетъ рожать дѣтей такъ же свободно, какъ свободно проходили «аквакваръ» черезъ этотъ кругъ. Пятый «аквакваръ», въ формѣ рога мѣсяца, повитуха накладываетъ на пупъ а-ѣарапѣ (г. ჯოპო (ip-i), молясь, чтобы съ сего часа у ребенка не болѣлъ пупъ.

Если агѣлаѣ совпалъ съ четвергомъ, въ тотъ же день, а если пѣтъ, то послѣ него въ одинъ изъ четверговъ приносится жертва и духу воды—

1) Порядокъ жертвоприношенія не вездѣ одинаковъ. Въ большинствѣ случаевъ эта жертва приносится послѣ а-гѣлаѣ въ одну изъ субботъ, въ день духовъ.

2) По объясненію нѣкоторыхъ, мясо этой курицы могутъ ѣсть и старыя женщины, у которыхъ дѣторожденіе прекратилось.

Дзыдзланъ (Dədlan). Закалываются и варятся «чисто бѣлые» (qibəuqaila-zaɬam, по грузински ოვობეს ოვობეს iminda ღებტი) пѣтухъ и курица и пекутся «акваквары». Роженица съ ребенкомъ и съ этими дарами идетъ къ рѣкѣ, и здѣсь повитуха, принося жертву, молится: «Великая Dədlan — dāhkaɬa! Такая то сегодня исполнила обычай отцовъ своихъ, принесла тебѣ жертву и милостиво проситъ тебя быть ея покровительницею» и т. д. Послѣ родовъ до совершенія сего жертвоприношенія роженица не имѣетъ права идти къ рѣкѣ. При слѣдующихъ родахъ ограничиваются однимъ бросаніемъ въ воду яицъ.

Когда новаго члена рода вводятъ въ домъ представителя рода (старшаго), въ жертву «Ажахара» (A-ɬaɬaga) привносятъ кто козла, а кто и пѣтуха.

Ащја - фкага отъ а-щја *пята* и а-фкага *рѣзаетъ*. Если ребенокъ не начинаетъ долго ходить, то печется сыромъ начиненный чурекъ на огнѣ; ноги ребенка заплетаются шерстяною (войлочною) лентою, и онъ ставится тою же повитухою на чурекъ; она разрѣзываетъ ножомъ ленту и говоритъ: «Пятки разъединила (*бука. разрѣзала*) и отпустила тебя». При этомъ чурекъ раздають дѣтямъ по кусочку, а они должны съѣсть свои куски, рѣзвясь и бѣгая.

Чапъ (Tar). Если и это средство не помогаетъ, то обращаются къ помощи духа Тар. Онъ духъ очага, по объясненію Комиссіи: ростомъ малъ, не выше самого очага. По совѣту знахарокъ, этому духу молятся такъ. Достаютъ воду и камешки изъ семи различныхъ ручьевъ и рѣкъ, по кусочку чего либо отъ семи дворовъ; приглашаютъ трехъ или семерыхъ старухъ, зажигаютъ семь восковыхъ свѣчей. И вотъ повитуха, стоя съ ребенкомъ передъ очагомъ, покрытымъ чурекомъ, обращается къ Чапу и молится: «Великій Чапъ! Если этого ребенка ты поймалъ въ водѣ, то отпусти его; если на камнѣ поймалъ, тоже отпусти; если у сосѣдей поймалъ, тоже отпусти; если у очага поймалъ, тоже отпусти; гдѣ бы ни поймалъ, отпусти его, развяжи ноги и отпусти! Для того, чтобы угодить тебѣ, мы собрали семь старухъ, съ семи рѣкъ воду соединили, съ семи рѣкъ камешки собрали и смѣшали, а также по кусочку отъ семи дворовъ смѣшали! Просимъ тебя, развяжи ноги ему!»

Если у сосѣдокъ одновременно родились дѣти, то непременно одно изъ нихъ будетъ худощавымъ, хилымъ; чтобы этого не случилось, каждая мать тайкомъ отъ другой должна накормить своею грудью чужого ребенка: послѣ этого оба ребенка будутъ расти нормально. Если почему либо не смогли сдѣлать этого, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Въ трехъ кисе-

тахъ кладутъ по 24 зерна мелкаго орѣха и подъ вечеръ кладутъ ихъ подъ изголовіе хилаго ребенка. Отецъ же ребенка въ продолженіе одной недѣли долженъ бросить эти кисеты туда, гдѣ скрещиваются три дороги виѣстѣ: одинъ кисеть онъ выносить во вторникъ, день Земли (духу земли молятся по вторникамъ); другой — въ четвергъ, день Неба, Бога, а третій — въ субботу, день духовъ предковъ, причемъ боговъ и духовъ просить объ исцѣленіи своего чада. Это извѣстно подъ именемъ акыркъ (а-kəŋq).

Адзтыхра (aďďďqra). Слово значить «черпаніе воды», aďď вода и а-д̌ď-qra *черпать, брать воду*.

Если ребенка часто лихорадитъ, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству.

Берутъ больного ребенка къ рѣкѣ и здѣсь повитуха проситъ царицу воды умиловаться надъ больнымъ ребенкомъ и его отпустить, освободить отъ лихорадки. При этомъ она мѣднымъ рукомошкой (а-gəgəŋ) черпаетъ воду, бросаетъ въ этотъ рукомошникъ три камешка изъ той же рѣчки и, по возвращеніи домой, моетъ (купаетъ) больного ребенка этою водою. Камешки же хранятся до поры до времени. Черезъ нѣсколько дней вторичное шествіе къ водѣ. Здѣсь закалывается молодая курочка, кровь которой льется въ воду, и повитуха, бросая въ воду же тѣ камешки, опять призываетъ милость духа воды на больного ребенка, тутъ же присутствующаго со словами: «Великая владычица воды! отпусти его и избавь его отъ болѣзней!»

Aħaŋa-ďďqra. Существуетъ еще болѣе вѣрное средство отъ лихорадки. Повитуха въ присутствіи больного ребенка ольховымъ листомъ зачерпываетъ воду изъ рѣки, обычную молитву произноситъ и, завязавъ листъ, надъ очагомъ вѣшаетъ воду въ листѣ. Черезъ нѣсколько дней, когда вода испарится, молятся царицѣ водъ такъ, какъ при «черпаніи воды». Иногда дѣтей, страдающихъ лихорадкой, обливаютъ черезъ сито холодною водою: очень, молъ, помогаетъ.

Какъ чисто дѣтское средство, я долженъ отмѣтить еще слѣдующее: при заболѣваніяхъ корью, дѣтей проводятъ подъ корень орѣховаго (грецкаго) дерева: послѣ этого приѣма духъ кори, имени котораго мнѣ не удалось отмѣтить, освобождаетъ дѣтей отъ болѣзни.

Такъ же поступаютъ и съ коклюшемъ (а-уŋħəŋpə).

Тотъ, кто сниметъ первые (утробные) волоса ребенка, родится какъ съ ребенкомъ, такъ и съ его семьею. Первые волоса прячутъ и, когда ребенокъ заговорить, показываютъ ему, при этомъ задается ему вопросъ: «Чьи эти волоса?» На кого ребенокъ укажетъ, его счастьемъ будто бы на-

граждается и ребенокъ; напр., если скажетъ, «коровьи» — то онъ будетъ счастливымъ пастухомъ и т. д.

Первые ногти дѣвочки отрѣзываются и кладутся въ «ачангурѣ» (a-ṣangur, г. «чонгур-и»), а мальчика — въ апхярца: хорошіе-де музыканты будутъ.

Н. Дманашія.

Описание пяти эмалевыхъ медальоновъ съ грузинскими надписями на иконѣ Спаса, хранящейся въ ризницѣ Гелатскаго монастыря.

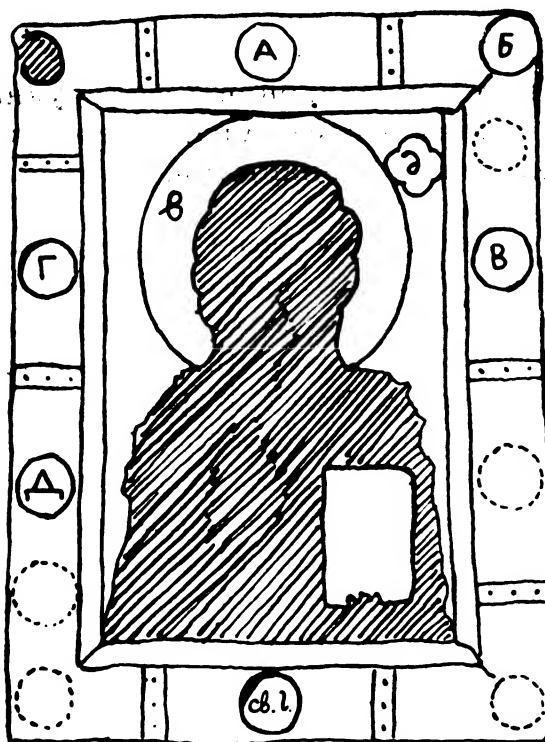
Въ ризницѣ Гелатскаго монастыря хранится образъ Спаса, украшенный шестью перегородчатыми эмалями: одна изъ нихъ, изображающая св. Георгія, — греческой работы и снабжена греческой надписью, остальные пять — грузинскія. Общій видъ образа былъ опубликованъ Н. П. Кондаковымъ¹⁾ цинкографіею по снимку Д. Ермакова (въ Тифлисѣ) № 5656; воспроизведение уменьшено противъ фотографіи, довольно крупной (18 × 24 см.), но недостаточно четкой въ деталяхъ. Описание (Опись, стр. 25) эмалей гласитъ: «Кайма рамы покрыта тончайшими разводами чернью на тонкихъ листахъ, и на нихъ сохранились 11 медальоновъ, 0,03 въ поперечникѣ, на золотыхъ листахъ²⁾; изъ нихъ пять сдѣланы барельефомъ, съ греческими надписями и навожены зеленою и синею финифтью въ XV—XVI вѣкахъ, или въ позднѣйшее время. Шесть медальоновъ древней византійской эмали чудной работы, съ грузинскими надписями³⁾, того-же достоинства по краскамъ и тѣхъ-же недостатковъ по рисунку, какъ и медальоны образа въ монастырѣ Джумат-и. Самыя чистыя краски, удивительная тѣлесность, красота сочетанія тоновъ и грубый, мѣстами уродливый рисунокъ. Средній медальонъ вверху изображаетъ Гетимасію: въ грузинской надписи она именуется Сахдар-и [Sakdar-i] — «престолъ», «сѣдалище», «храмъ»; на престолѣ крестъ съ

1) Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, составленная по Высочайшему повелѣнію профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Н. Кондаковымъ. Грузинскія надписи прочтены и истолкованы Димитріемъ Бакрадзе. СПб. 1890, стр. 24, рис. 10.

2) Промѣры даны суммарно. Размѣры медальоновъ не всюду тождественны, какъ то видно на указанномъ снимкѣ.

3) Изъ шести перегородчатыхъ эмалей, сохранившихся укрѣпленными на этой иконѣ, только пять имѣютъ грузинскія надписи, тогда какъ шестая, какъ указывалось, имѣетъ греческую надпись Θ ΓΕΟΡΓΗΟ/; см. ук. фот. Ермакова № 5656.

вѣнцомъ, губка и коньце. По сторонамъ одинъ медальонъ съ Архангеломъ по грудь преклоненнымъ: при изумрудномъ нимбѣ гранатовыя перья крыльевъ даютъ чудный тонъ; это тотъ-же блескъ яхонтовъ и изумрудовъ. Слѣдуютъ: Петръ (отъ Христа *по лѣвую*) и Павелъ по правую. У Петра гиматій двухцвѣтный: синій и красный. Ниже—Лука съ Евангелиемъ. Грубость рисунка ясно свидѣтельствуесть о грузинской работѣ. Внизу, въ срединѣ сохранился

Гелатская икона Спаса (схема).

Въ наличности сохранились слѣдующія грузинскія пластинки (табл. XLVI, А—Д): А) Престоль Уготованный, Б) ангелъ, В) ап. Петръ, Г) ап. Павелъ и Д) ев. Лука.

Въ настоящее время и икона, и риза, и окладъ полей по краямъ ковчежца сильно пострадали. Однако декоративная схема обивки полей, на ко-

медальонъ византийской работы, и въ оригиналѣ легко видѣть громадную разницу того и другого типа. Послѣ блестящихъ, нестрыхъ красокъ, здѣсь полутоны.... Но главное отличие въ тонкомъ артистическомъ рисункѣ головы и фигуръ¹⁾.

Изучая икону на мѣстѣ нынѣшняго ея храненія, я имѣлъ возможность составить не регистраціонное, но болѣе полное описаніе этого рѣдкаго и замѣчательнаго набора грузинскихъ перегородчатыхъ эмалей, а также заказать фотографу Б. Н. Рудневу детальныя фотографическія снимки, прилагаемые къ настоящей замѣткѣ.

1) Приведенный текстъ составляетъ часть общаго описанія иконы Спаса, помѣщеннаго въ цит. соч. Кондакова-Бакрадзе подъ № 2 на стр. 23—26. Почти тождественное (незначительныя варианты и сокращенія) описаніе, но безъ иллюстраціи у графа Н. Толстого и Н. Кондакова, Русскія древности въ памятникахъ искусства, IV. СПб. 1891, стр. 86—87, и у Н. Кондакова, Исторія и памятники византийской эмали, Византийскія эмали, собраніе А. В. Звенигородскаго. СПб. 1892, стр. 146—148.

торыхъ помѣщаются дошедшіе медальоны, вполне ясна. Первоначально симметрично чередовались — гнѣзда съ драгоценными камнями, помѣщавшіяся по три въ рядъ поперекъ поля, и круглыя луночки, нарочито разсчитанныя по размѣру эмаливыхъ пластинокъ. Луночки расположены: четыре по угламъ, по одной въ срединѣ поперечныхъ полей и по двѣ на продольныхъ. Пять изъ нихъ заняты грузинскими эмалями, какъ то указано на схемѣ¹⁾. Что же касается остальныхъ луночекъ, то одна изъ нихъ пуста (лѣвый верхній уголъ), другая (нижнее поперечное поле, средняя луночка) занята упоминавшейся эмаливой пластинкой съ изображеніемъ св. Георгія съ греческой надписью, а къ остальнымъ прибиты рельефные медальоны съ финифтью. Два такого же типа медальона прибиты и на мѣстахъ гнѣздъ для драгоценныхъ камней.

Характеръ теперешняго размѣщенія эмалей и финифтей указываетъ на неоднократныя ограбленія или, во всякомъ случаѣ, порчи образа, какъ-выхъ было не менѣе двухъ: въ первый разъ былъ фрагментированъ наборъ грузинскихъ эмалей, послѣ чего на мѣста утраченныхъ бляшекъ въ нижней долѣ доски набиты были на ихъ луночки и кое-гдѣ по мѣстамъ гнѣздъ для драгоценныхъ камней финифти (и, возможно, эмаль съ изображеніемъ св. Георгія); во второй разъ пропалъ медальонъ изъ луночки лѣваго (отъ зрителя) верхняго угла, такъ какъ не приходится допустить, чтобы въ моментъ поновленія иконнаго оклада финифтями оставили луночку пустою, а свободные, остающіеся еще медальоны набили на поле безъ луночекъ. И если первая порча образа и исчезновеніе части эмаливаго набора произошли, вѣроятно, еще въ древности, то исчезновеніе углового медальона должно (на основаніи поздняго происхожденія финифтей) отнести къ новому времени.

А) Престолъ, подушка, стороны подножія и окладъ Евангелія съ застѣжками — кирпично-краснаго, коричневатаго цвѣта, не сплошь одного тона, но съ пятнышками и прожилками болѣе темнаго коричнево-красноватаго цвѣта. Концы подушки, украшеніе ножекъ престола, верхняя доска подножія и украшенія оклада Евангелія — тепло-желтаго, мало прозрачнаго тона, мѣстами переходящаго въ лимонно-желтый прозрачный. Матерія — синие-ультрамариновая; тонъ сильный, цвѣтистый, но почти вовсе не прозрачный. Обрѣзъ книги чисто-бѣлый. Копіе голубоватое, съ бѣлыми крапинками въ массѣ эмали. Крестъ и губка наведены глубокой прозрачной

1) Пунктиромъ обозначены финифти, буквою в — вѣнчикъ, д — дробинка.

эмалью желтоватаго оттѣнка, въ массу котораго входятъ какъ бы капли, застывшія въ моментъ растворенія въ общей массѣ и имѣющія оттѣнокъ темнаго бѣлаго вина. Стволы креста и губки — какъ копѣе.

Б) Ликъ и руки — тѣлеснаго тона, винно-розоваго оттѣнка, мѣстами, но не всюду, глубоко прозрачнаго. Въ серединѣ луночекъ, подальше отъ золотыхъ перегородокъ и мѣстами подъ слоемъ прозрачной смальты видны массы менѣе прозрачныя, нѣсколько бѣлесоватыя съ бѣловатыми крапинками и какъ бы кристаллами. Волосы, брови и зрачки черныя, но тоже не сплошь одного тона, а кое-гдѣ коричневатозолотистые. Бѣлки глазъ и слухи бѣлые, непрозрачныя. Нимбъ изумрудно-зеленый, темнаго, сильнаго, глубоко-прозрачнаго тона эмали. Вѣнчикъ кирпично-красный. На ангелѣ сине-ультрамариновый саккосъ съ лоромъ, оплечьемъ и нашивками на рукавахъ тепло-желтаго цвѣта, окаймленными полосами кирпично-краснаго, какъ и поручи, тона. Такой же смальтой выполнены: уста, посохъ-мѣряло, крестъ въ сферѣ, ооконтуровка и часть оперенія крыльевъ. По желтому на воротѣ, поручѣ, а кромѣ того и въ сферѣ по сторонамъ креста безъ достаточнаго порядка разсѣяны кружочки, заполненные бѣлой эмалью. Два ромба и квадратъ на лорѣ — изумрудно-зеленыя. Сфера заполнена не однородной, крапчатой, бѣловатой и сине-сѣрой, мало прозрачной смальтой. Опереніе крыльевъ пестрое съ окраской луночекъ, расположенной безъ опредѣленнаго порядка. Эмальеръ лишь избѣгалъ заполнения смежныхъ луночекъ смальтой одного и того же цвѣта. Въ опереніи имѣются слѣдующіе тона: кирпично-красный, изумрудно-зеленый, малопрозрачный желто-зеленый, бирюзовый, сине-ультрамариновый, тепло-желтый, бѣлый, крапчатый-бѣловатый и сине-сѣрый, а также и черный.

В) Главнымъ отличіемъ даннаго медальона отъ другихъ фигурныхъ пластинокъ этой группы эмалей является окраска нимба — сильнаго, хотя и почти не прозрачнаго бирюзоваго тона (на другихъ — зеленые-изумрудные). Вѣнчикъ, какъ и на другихъ, кирпично-красный. Этимъ же тономъ исполнены: уста, часть прошивки на правомъ рукавѣ хитона, полосы на иматіи¹⁾ и наружная ооконтуровка правой руки, имѣющаяся около двухъ поднятыхъ и около большого пальцевъ. Тѣло исполнено той же эмалью, что и тѣло ангела. Волосы, какъ и ангельская сфера, крапчатые наведены бѣловатой

1) На снимкѣ онѣ болѣе темныя — широкая, проходящая подъ кистью, потомъ выше черезъ одну начинающаяся отъ пальцевъ руки и еще выше черезъ одну — вторая сверху отъ края иматія, охватывающаго благословляющую десницу, и начинающаяся съ переломомъ надъ складочками на лѣвомъ плечѣ.

и сине-сѣрой смальтой; брови — черной и крапчатой, внущенными въ одну общую луночку. Глаза — черные. Бѣлки и свитокъ бѣлые. Хитонъ желто-зеленый, малопрозрачный, съ нашивкой (плохо отличимой на снимкѣ) на правомъ рукавѣ, состоящей изъ трехъ полосокъ: наружныя — кирпично-красныя, а средняя — тепло-желтая. Иматій имѣетъ полосы кирпично-краснаго цвѣта по основному сине-ультрамариновому полю.

Г) На этой пластинкѣ нембъ съ вѣщникомъ, цвѣтъ тѣла, волосъ, устъ и глазъ — какъ у ангела. Книга какъ на Престолѣ Уготованномъ. Хитонъ сине-ультрамариновый, съ нашивкой на правомъ рукавѣ, состоящей изъ трехъ полосокъ, изъ которыхъ наружныя — кирпично-красныя, а средняя — тепло-желтая съ бѣлыми неправильной формы кружочками. Иматій желто-зеленый, малопрозрачный.

Д) Отличія расцвѣтки фигуры этого медальона отъ предшествовавшего слѣдующія: иматій — полосатый; луночки съ кирпично-красной смальтой здѣсь сопоставлены съ доминирующимъ тепло-желтымъ (на снимкѣ темныя полосы — красныя), а на прошивкѣ рукава верхъ средней полосы залитъ бѣлымъ; круглая луночка заполнена кирпично-краснымъ¹⁾.

Буквы надписей на всѣхъ 5 пластинкахъ кирпично-красныя.

Принимая во вниманіе декоративную схему оклада должно допустить, что изъ десяти пластинокъ, нѣкогда заполнявшихъ луночки оклада полей, сохранилась лишь половина полного набора. На утраченныхъ пластинкахъ, полагаю, были изображены: 3 евангелиста (ими заполнялись обѣ нижнія угловыя луночки и нижняя праваго продольнаго поля, находящагося подъ луночкой съ пластинкой и расположенная симметрично къ мѣсту занимаемому образкомъ ев. Луки), ангелъ (въ лѣвомъ верхнемъ углу симметрично пластинкѣ Б, такъ что получалась группа — два ангела по сторонамъ Уготованнаго Престола) и, вѣроятно, какой-либо святой или святая²⁾. Последняя гадательная пластинка находилась въ средней луночкѣ нижняго поперечнаго

1) Издана гравюрой у Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 113 на стр. 359.

2) Аналогичный иконографически (и, какъ и гелатскій, также въ настоящее время неполный) греческій наборъ перегородчатыхъ эмалей сохранился укрѣпленнымъ на такъ называемомъ Намюрскомъ крестѣ западнаго дѣла. Наборъ снятъ, по всему вѣроятію, съ византийскаго оклада и взаимно, въ цѣляхъ реконструкціи, дополняетъ гелатскій. На крестѣ укрѣплено восемь бляшекъ: 1) Престолъ Уготованный, 2) арханг. Гавріилъ, 3) ап. Петръ, 4) ап. Павелъ, 5) ев. Матей, 6) ев. Маркъ, 7) ев. Іоаннъ и 8) мч. Пантелеймонъ (сл. недостаетъ ев. Луки и арханг. Михаила). См. F. Bock, Die Byzantinischen Zellschmelze der Sammlung D-r Alex. von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk. Als Manuscript gedruckt. Aachen, 1896, Tafel XX, и цит. соч. Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 160, рис. 46.

поля, тамъ, гдѣ въ настоящее время прибита упоминавшаяся пластинка, изображающая св. Георгія и имѣющая греческую надпись. На то, что первоначально здѣсь была другая пластинка, впоследствии исчезнувшая и замѣненная нынѣ существующей, указываютъ слѣдующія данныя: эмаль съ изображеніемъ св. Георгія въ діаметрѣ шире луночки и прибита къ доскѣ поверхъ ея 3 гвоздями, въ то время какъ остальные эмали, сохранившіеся на поляхъ, укрѣплены безъ гвоздей исподнизу въ подогнанныхъ луночкахъ, посредствомъ ихъ загнутыхъ краевъ.

Рисунокъ описанныхъ эмалей изъ золотыхъ ленточекъ-перегородокъ мѣстами сбитъ, нетвердъ и незавершенъ, однако свобода выполнения, наряду съ яркой портретной характеристикой типовъ изображенныхъ лицъ, имѣющихъ каждое свой обособленно-индивидуальный обликъ, говорятъ за высоту художественнаго уровня. Мастерство же, техническая умѣлость выполнения — значительно ниже собственно византійскихъ эмалей. Такъ масса смальты при обжигѣ даетъ отъ накипи глубокія выемочки и углубленія, разсѣянные мѣстами по всемъ пластинкамъ¹⁾ и вслѣдствіе своей глубины не устранимая послѣдующей шлифовкой. Мастеръ, исполнявшій эти пластинки, былъ чуждъ той строгой и суховатой систематичности, которая обычно наблюдается въ техникѣ собственно византійскихъ эмалей XI—XII вв. при наложеніи различныхъ красокъ въ строго отграниченныя другъ отъ друга луночки²⁾. Мѣстами (просѣды бровей ап. Петра, кое-гдѣ въ опереніи ангельскихъ крыльевъ) мастеръ нарочито впускаетъ въ общую луночку два тона, предоставляя имъ случайно смѣшиваться при обжигѣ. Красочная гамма набрана изъ цѣлостныхъ яркихъ красокъ, среди которыхъ, однако, встрѣчается крапчатая.

Вышеописанная группа грузинскихъ эмалей датирована надписью, исполненной чернью, какъ и орнаментальная раздѣлка листовъ оклада, въ луночкахъ котораго задѣланы эти пластинки. Въ надписи упоминается «украшившій» образъ Спаса «грѣшный Свимонтъ Чкондидел-и», жившій въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII вв.³⁾, что придаетъ гелатскимъ эмалямъ особое значеніе въ вопросѣ датировки родственныхъ имъ грузинскихъ

1) Вполнѣ различимы на снимкахъ, напр., на хитонѣ и иматіи ап. Петра или на подножій Престола Уготованнаго — въ видѣ различной величины кружочковъ и точекъ.

2) Также легко различимо на снимкахъ — напр., правая рука ев. Луки не отдѣлена отъ иматія перегородочкой въ мѣстѣ соприкосновенія у запястья; на правой же рукѣ ап. Петра, вслѣдствіе промежутка между перегородками, синяя эмаль затекла на ладонь руки. Менѣе замѣтно это и во многихъ другихъ мѣстахъ.

3) Кондаковъ - Бакрадзе, стр. 25—26.

же эмалированныхъ медальоновъ, какъ происходящихъ изъ монастыря Джумат-и¹⁾, такъ равно и сохраняющихся въ монастырѣ Хоп-и²⁾.

Сопоставляя же данную группу грузинскихъ эмалей съ эмальями собственно византійскими, слѣдуетъ отмѣтить, что линейный характеръ рисунка перегородокъ, по отсутствію прямыхъ линий и мелочной шрафировки, а равно и наличность незамкнутыхъ вплотную перегородочками луночекъ деталей и проистекающее отъ этого непосредственное соприкосновение смальтъ разныхъ тоновъ, приближается къ группѣ «древнѣйшихъ эмалей³⁾», исполненныхъ на зеленомъ смальтовомъ фонѣ невыглаженными передъ припайкой, мѣстами случайно гнутыми, ленточками-перегородочками. Датированныя же и датируемыя приемлемо византійскія эмали XI—XII вв., т. е. одновременно съ данными исполненныя, настолько отличны по типу мастерства и красочному набору отъ группы грузинскихъ эмалей на образѣ Спаса въ Гелатѣ, что сравненіе заставляетъ утверждать существованіе нѣкогда самостоятельной грузинской провинціальной (по отношенію къ Византіи) школы эмальеровъ. Наличность же стилистическихъ чертъ, сближающихъ мастерство эмалей этихъ (и другихъ, указанныхъ эмалей изъ Джумат-и и Хоп-и) съ византійскими эмальями болѣе древними, позволяетъ допустить предположеніе, что въ этихъ чертахъ обнаруживается давняя мѣстная художественная традиція эмалевой техники.

1) Обѣ группы сопоставлены Н. П. Кондаковымъ въ цитованномъ въ началѣ отрывкѣ. Теперь, послѣ исчезновенія иконы, на коей медальоны были укрѣплены искони, сохранившаяся въ Закавказьѣ часть набора находится въ монастырѣ Шемокмед-и (Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 102—104), другія же бляшки перешли въ частныя коллекціи (Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 357—359).

2) Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 82—84.

3) Напр.: эмаль съ изображеніемъ распятія на лѣвомъ (отъ зрителя) крылѣ Хахульскаго склада Гелатскаго м-ря (см. фот. Д. Ермакова № 5108, изданную гравюрой у Н. Кондакова, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 35 на стр. 135; по регистраціонной описи эмалей склада № 68, Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 16 и 20, и Толстой-Кондаковъ, стр. 97—98); отчасти два круглыхъ медальона на среднемъ таблѣ того же склада съ изображеніями: 1) Богородицы и 2) св. Теодора (см. фот. Ермакова № 5078—№ 1; Ист. и пам. виз. эмали, стр. 138, рис. 39, и въ трудѣ Н. Кондакова, Иконографія Богоматери, т. II. Петроградъ 1915, рис. 171 на стр. 307; по описи — № 11 на таблицѣ и № 14 въ текстѣ; для № 2 — фот. Ермакова № 5077; Ист. и пам. виз. эмали, стр. 138, рис. 40; по описи—№ 14 на таблицѣ и № 11 въ текстѣ); икона Денсуса въ Мартвил-и (прорисъ въ Ист. и пам. виз. эмали, стр. 119, рис. 23, опис. стр. 119—120), также линейно ср. съ крестомъ изъ собр. Бересфорда Гола въ Лондонскомъ Кенсингтонскомъ музеѣ (O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology. Оксфордъ 1911, рис. 302—303 на стр. 506—507). По системѣ незамкнутыхъ лоточковъ описываемыя эмали при-
мыкають къ эмальямъ апостольской серіи на Хахульскомъ складѣ, относящейся, по аналогіи съ Лимбургскимъ ковчежцемъ-ксилотекой, съ наибольшей долей вѣроятія къ X вѣку (о ксилотекахъ — см. Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, рис. 59 на стр. 198; эмали Хахульской апостольской серіи — №№ «Описи» 23—25, 27, 27а и 28, см. фот. Ермакова №№ 5092, 5119, 5106, 5115, 5124 и 5102).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что наборъ эмалевыхъ украшеній иконы Спаса въ Гелатѣ не ограничивается фигурными медальонами. Кромѣ нихъ сохранились двѣ декоративно-орнаментальныхъ эмали: вѣнчикъ-нимбъ и дробница съ надписью ХС (парная этой послѣдней — утрачена)¹⁾.

Дмитрій Гордѣевъ.

1) Описанія и этихъ эмалей даны въ тѣхъ-же цитованныхъ трудахъ, гдѣ описаны грузинскія эмали: Кондаковъ-Бакрадзе, стр. 24—25; Толстой-Кондаковъ, стр. 86—87; Н. Кондаковъ, Ист. и пам. виз. эмали, стр. 146. Изображеніе нимба дано гравюрой на стр. 147, рис. 42.

Церковь близъ селенія Болнис-Капанакчи.

Во время поѣздки моей для обследованія Болнисскаго Сіона¹⁾, проѣзжая изъ нѣмецкой колоніи Екатериненфельдъ (нынѣ Екатериновки) мимо сел. Болнис-Капанакчи, я замѣтилъ на сѣверъ отъ него въ небольшомъ разстояніи (менѣе 1 версты), на склонѣ горъ, зданіе, которое издали съ востока можно было принять за развалины крѣпости²⁾. Церковь эта расположена у самой дороги; поровнявшись, мы свернули къ ней лошадей, такъ какъ она показалась на первый же взглядъ интересной. Почва вокругъ нея сильно поднялась, перемычные камни входовъ были едва видны съ дороги. Древность церкви, дѣйствительно, внѣ сомнѣнія очень значительна; такіе элементы, какъ срѣзы швовъ въ камняхъ кладки, какъ подковообразная форма оконъ, какъ сюжетъ рельефовъ надъ дверьми и др., ставятъ ее въ одинъ рядъ съ древнѣйшими церквами Закавказья.

Планъ этой церкви (табл. XLVII) не представляетъ ничего исключительнаго, онъ встрѣчается нерѣдко на Кавказѣ: общій наружный видъ (табл. XLVIII рис. 1) заставляетъ предполагать въ церкви настоящую трехнефную базилику, между тѣмъ на провѣрку мы имѣемъ церковь съ двумя симметричными притворами — съ юга и сѣвера, построенными одновременно съ самой церковью. Алтарь выступаетъ полукругомъ за линію восточнаго фасада (общаго для церкви и притворовъ). Притворы имѣютъ также полукруглыя внутри апсиды. Изъ притворовъ въ церковь ведутъ входы; въ нашемъ случаѣ два изъ южнаго и одинъ въ сѣверный притворъ. Притворы, нынѣ почти совсѣмъ разрушенныя, были половиной высоты церкви³⁾. Внѣшнія стѣны

1) Исслѣдованіе о Болнисскомъ Сіонѣ будетъ опубликовано въ ближайшее время.

2) Къ сожалѣнію, я не занялся разспросами касательно названій окрестныхъ мѣстъ ради точнаго опредѣленія положенія церквей; вотъ почему приводимыя указанія лишь очень суммарно намѣчаютъ его.

3) Такого-же типа и то-же глубокой древности церкви мы имѣемъ, наур., въ сванскихъ селеніяхъ Енашъ и Пхытреръ.

обоихъ притворовъ разрушены настолько, что сказать, какъ онѣ выглядѣли, были ли въ нихъ окна или нѣтъ, гдѣ были входы и т. д. — нельзя. По остаткамъ стѣнъ создалось впечатлѣніе, что въ сѣверномъ притворѣ не было самостоятельнаго входа, а только изъ церкви. Въ обоихъ притворахъ, около алтаря, въ стѣнахъ самой церкви имѣется по нишѣ.

Сложена вся церковь съ притворами изъ зеленого камня, мѣстами изъ очень большихъ, хорошо тесаныхъ плитъ (такъ особенно — весь восточный фасадъ и затѣмъ входы). Швы плитъ скошены внутрь, какъ на церкви св. Креста противъ Мцхета, и др. Своды церкви и притворовъ позднѣе были сложены изъ большихъ черепицъ (длинной сантиметровъ 45), какъ видно по остаткамъ. Вѣроятно, это древнія черепицы покрытія церкви¹⁾. Что сама церковь имѣла каменный сводъ, видно изъ того, что мѣстами сохранилось начало его изъ двухъ рядовъ тѣхъ же зеленыхъ камней. Сводъ былъ безъ подпружныхъ арокъ, только предъ алтаремъ триумфальная арка опирается на гладкія, но едва расширяющіяся кверху капители. Форма ихъ²⁾ указываетъ тоже на большую древность. Также были устроены и алтарныя части притворовъ, по крайней мѣрѣ сохранившагося южнаго.

Въ церкви было одно алтарное окно, одно на западъ и два на югъ. Окна подковообразной формы, большихъ размѣровъ, и почти не расширяются внутрь церкви, особенно длинно алтарное окно (табл. XLVIII рис. 2), у котораго наружу не угловатые края, а закругленные (ср. планъ и табл. XLVIII рис. 1). Западное окно снабжено снаружи навѣсомъ-выступомъ, по нижнему краю котораго расположена какъ-бы цѣпь ововъ въ длину.

Оба южныхъ входа въ церковь были украшены рельефами на громадныхъ плитахъ. Надъ этими плитами кладка образуетъ щель, какъ облегченіе давленія на рельефный камень, — обычай наблюдаемый только въ древнихъ постройкахъ. Надъ болѣе восточной дверью южной стѣны слѣдующее изображеніе на зеленомъ камнѣ (табл. XLVIII рис. 3): въ кругѣ сидятъ въ крещатомъ нимбѣ Христосъ на тронѣ, правая рука его благословляюще поднята (безымянный палецъ сложенъ съ большимъ), по сторонамъ Христа, на концахъ трона, сидятъ въ профиль смотрящія въ стороны птицы (какъ нерѣдко изображаютъ ручки трона); по сторонамъ головы Христа кружки (солнце и луна?). Медальонъ съ изображеніемъ несутъ летящіе ангелы съ птичьими крыльями и хвостомъ вмѣсто нижней части корпуса. Подъ трономъ

1) Въ сѣверномъ притворѣ валялся также обломокъ и полукруглой черепицы.

2) Къ сожалѣнію на рис. 2 табл. XLVIII воспроизведено одно только окно безъ капителей и самой арки.

изгибъ линіей (какая-то часть трона?), а подъ ней слѣва двѣ сбитыя фигуры, справа большой кусокъ камня отбитъ.

Надъ болѣе западной дверью того-же сюжета изображеніе по красному камню, но меньшаго размѣра. Центральная фигура не въ медальонѣ и настолько сбита, что нельзя сказать, кто былъ изображенъ. Вѣроятно, не Христосъ, а Богоматерь.

Подобныя композиціи очень ходки въ древнее время, но отъ обычнаго шаблона, если сравнивать хотя-бы съ изображеніями на южномъ фасадѣ церкви св. Креста противъ Мцхета, тутъ много отступленій. Не считая нужнымъ останавливаться на сличеніи матеріала въ полномъ его объемѣ, я не могу однако не указать на двѣ ближайшія аналогіи именно въ отношеніи стилистическаго упадка, атрофіи пластическаго чутья у мастера. Такая же, и по многимъ второстепеннымъ деталямъ, композиція — изображена Богоматерь съ младенцемъ — имѣется на камнѣ изъ восточной церкви въ Зебедѣ въ Сиріи, датируемая Бутлеромъ VI вѣкомъ¹⁾. Другую аналогію даетъ изображеніе на столбу въ такъ называемомъ памятникѣ царя Сымбата въ Узунларѣ, гдѣ на лицевой сторонѣ изображенъ въ медальонѣ сидящій Христосъ, а на боковыхъ сторонахъ видны крылья и хвостъ, повидимому, держащаго медальонъ ангела. Столбъ этотъ относится къ разряду древнѣйшихъ памятниковъ армянскаго искусства²⁾.

Сѣверная дверь безъ какихъ-либо украшеній. Есть еще рѣзные камни, но они не на своихъ мѣстахъ. Въ кладку западной стѣны снаружи попали два рѣзныхъ камня (табл. XLVIII рис. 4), одинъ (31 × 26 см.) — съ изображеніемъ розетки; другой (25 × 25 см.) съ двухъ видныхъ сторонъ имѣлъ по мальтійскому кресту въ круглой рамѣ изъ треугольничковъ. Такіе кресты встрѣчаются въ Болнисскомъ Сіонѣ, откуда, быть можетъ, и попали сюда, какъ подражаніе. Какія собственно части храма мы имѣемъ въ этихъ двухъ маленькихъ камняхъ, сказать не могу. Въ кладкѣ западной же стѣны, только внутри церкви, находится на продолговатомъ, красномъ камнѣ изображеніе мальтійскихъ крестовъ въ кругахъ, отъ которыхъ въ сторону идетъ полоса и нѣчто сбитое (очевидно, человекъ), и далѣе такая фигура

Вокругъ церкви видны отдѣльныя христіанскія могилы. Въ пролетѣ болѣе западной изъ южныхъ дверей стоитъ обломокъ надгробнаго (?) камня

1) Труды сирійской экспедиціи, ч. II: Architecture a. other arts, H. C. Butler, 1903, рис. и фот. на с. 308—309 (ср. еще тамъ же с. 307—308).

2) Фот. Анійскаго Музея Древностей 1914 г. № 99 и 97.

съ изображеніями — съ одной стороны чловѣка съ маленькимъ сосудомъ въ лѣвой рукѣ и двумя большими съ его правой стороны, изъ которыхъ за одинъ онъ держится рукой. На другой сторонѣ изображенъ стоящій чловѣкъ, который держитъ за узду лошадь лѣвой рукой, повидимому, то же и правой держалъ (есть остатокъ лошадиной ноги?) — остальное отбито.

Такимъ образомъ эта небольшая церковь, относящаяся по всѣмъ даннымъ къ древнѣйшей эпохѣ христіано-кавказскаго зодчества, обслуживала бывшее здѣсь, какъ на то указываютъ могилы, до недавняго времени христіанское населеніе.

Г. Чубиновъ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Окладъ Христіанскаго Востока въ древне-русское искусство.* Для читателей ХВ живой интересъ представляетъ статья проф. Ѳ. И. Шмита, помѣщенная въ ВВр (т. XXII, 1915). Черезчуръ общимъ заглавіемъ «Замѣтки о поздненизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ» она прикрываетъ спеціальныи интересъ автора къ вопросу о значеніи кавказскаго искусства, въ частности грузинской церковной стѣнописи для вопроса о генезисѣ русскихъ росписей и грузинскаго церковнаго зодчества для вопроса о происхожденіи архитектуры Киевской Руси. Послѣдняя сторона съ сопоставленіемъ Моск.-и и Киевской св. Софійи выдвигалась въ числѣ прочихъ проф. Стржиговскимъ въ линіяхъ общихъ сужденій и таковыхъ же сопоставленій. Настоящая работа возведена также на широкихъ обобщеніяхъ и сопоставленіяхъ, дающихъ въ подробностяхъ проскользнуть въ сужденія элементамъ, требующимъ оговорки. Это естественно, особенно при отсутствіи спеціальныхъ монографическихъ работъ по кавказскимъ памятникамъ, на что такъ основательно жалуется авторъ (ц. с., стр. 22), много кладущій усилій на то, чтобы создать кадръ работниковъ по христіанскому искусству Кавказа въ Харьковскомъ университетѣ и вообще приохотить къ нему специалистовъ своего круга. Въ чрезвычайно своеобразной постановкѣ вопроса о Деисусѣ самъ авторъ предупреждаетъ (стр. 64), что перечень памятниковъ, иллюстрирующихъ его мысль, «составленъ на основаніи совершенно случайныхъ и завѣдомо неполныхъ данныхъ». Здѣсь же впрочемъ при указаніи на участіе армянской среды въ распространеніи Деисуса въ росписяхъ мнѣ вспоминалась любовь армянъ-халкедонитовъ къ Деисусу и въ скульптурѣ, такъ его появленіе въ тимпанѣ двери церкви XIII-го вѣка (Н. Марръ, Краткій каталогъ Анійскаго Музея, 1906, табл. III). Если бы мысль Ѳ. И. Шмита оправдалась, то особая роль вообще армянъ въ этомъ дѣлѣ могла бы получить освѣщеніе въ связи съ исключительнымъ значеніемъ св. Карапета (Предтечи) не только въ армянской церкви, но и въ армянскихъ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ. Специалисты по исторіи искусства, хотимъ надѣяться, отзовутся на возбуждающія мысли харьковскаго ученаго. Сейчасъ мы остановимся на двухъ, трехъ приходящихся обстоятельствахъ. Къ неточнымъ мелочамъ, къ тому же не имѣющимъ прямого отношенія къ положеніямъ автора, относится, когда по контексту его изложенія (стр. 35) Григорій Пакуріанъ, извѣстный византійскій дѣятель, въ религіозной жизни однако поборникъ грузинской православной церкви, оказывается однимъ изъ «чистокровныхъ» грузинъ (ср. Н. Марръ, Аркауи, монгольское названіе христіанъ въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ (ВВр, т. XII, отд. отд., стр. 21 сл.). Быть можетъ, болѣе интимное вхожденіе историка искусства въ культурныя условія средневѣковаго христіан-

скаго Кавказа повліяло бы не только на болѣе реальное размежеваніе армянскаго и грузинскаго теченій въ искусствѣ, но и менѣе тѣсное сближеніе Кавказа вообще съ Малой Азіею въ опредѣленные эпохи. Попутно или вѣрнѣе вскользь затрагивается такой спеціальнѣйшій этнологическій вопросъ, какъ сродство названій «касоги», «касаги» и «казаки» (стр. 38), давно выявленное яфетидологіею въ исторіи развитія лежащаго въ ихъ основѣ этническаго термина kas- || kos- и распространенія его въ той или иной формѣ мн. числа (-p, -d) — kas-p, kas-q || kas-ġ и т. п. съ юга Кавказа, т. е. съ Закавказья, на сѣверъ, а не только съ Предкавказья.

Работа даетъ случай высказаться объ одной подробности въ передачѣ на русскій кавказскихъ собственныхъ именъ. Такъ какъ грузинскія названія, въ числѣ ихъ географическія, все болѣе и болѣе начинаютъ появляться въ научныхъ работахъ на русскомъ языкѣ, слѣдовало бы сговориться не давать читателямъ повода принимать грузинское окончаніе Им. падежа «-и» за часть основы и, слѣдовательно, или отдѣлять его черточкой, если кто считаетъ нужнымъ почему либо приводить названія съ бѣглымъ грузинскимъ окончаніемъ Им. падежа, или, воспринявъ ихъ осознанно въ русскую рѣчь, имѣющую свой суффиксъ того же падежа, отбрасывать исходный гласный суффиксъ «-и». Въ послѣднемъ случаѣ получимъ, напр., Атенъ, Гремъ, Эркетъ, Жибіанъ, Кинцвисъ и т. п., а не «Атени», «Греми», «Еркети», «Жибіани», «Кинцвиси» и т. д., что такъ же основательно, какъ если бы по-русски говорили «Тифлиси», «Кутайси», «Батуми» и т. п. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ «-и» сталъ неустрашимъ, напр., въ названіи города «Поти», или, что еще болѣе несуразно, онъ воспринимается за русское окончаніе мн. числа «-ы», напр., когда пишемъ, приспособиваясь къ принятымъ въ нашихъ официальныхъ учрежденіяхъ неграмотнымъ формамъ «Озургеты», «Цагеры».

Н. М.

— *О Пицундѣ и постройкѣ Юстиніана въ Абхазіи.* Въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества (Тифлисъ 1916, кн. XXIX, вып. 4) появилась (стр. 59—73) статья Л. М. Меликсетъ-Бекова «Древнѣйшая Пицунда у Понта Евксинскаго». Статья представляетъ опытъ пересмотра вопроса о постройкѣ Юстиніаномъ храма Богоматери у абхазовъ, какъ нѣкоторые предполагали, именно въ Пицундѣ. Рѣшеніе дается отрицательное. Литература приведена по вопросу о Пицундѣ съ большою полнотой.

Н. М.

— За 1916 по сей день (1917, май) въ редакцію ХВ поступили слѣдующія періодическія изданія:

Rivista degli Studi Orientali pubblicata a cura dei professori de la Scuola Orientale nella R. Università di Roma. Anno VI.—Volume VI. Fasc. Quarto, 1915; vol. VII. Fasc. Primo 1916. Fasc. Secondo. 1916.

Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества 1915, т. XXVI, вып. III—IV (Іюль—Декабрь).

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи. Историческія права Оренбурга какъ центра цѣлаго края на высшее учебное заведеніе. Л. А. Словохотовъ, Оренбургъ 1917.

А.

Б.

Г.

В.

Д.

Перегородчатые эмалевые медальоны съ грузинскими надписями на иконѣ Спаса, хранящейся въ ризницѣ Гелатскаго монастыря.

70 1940
1940-1940

to 1940
1940-1941

Рис. 1. Общий видъ съ юго-восточной стороны.

Рис. 2. Алтарное окно.

Рис. 3. Рельефъ надъ южной дверью.

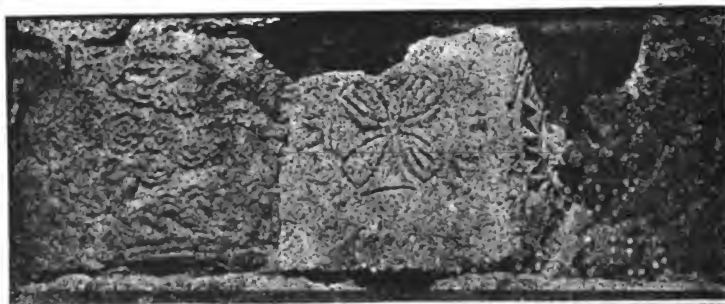

Рис. 4. Рѣзные камни въ кладки западной стѣны.